ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

КОММЕНТАРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVII ВЕКОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

КОММЕНТАРИИ

Авторы комментариев
Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ, А. И. КОПАНЕВ, Р. Б. МЮЛЛЕР,
Н. Е. НОСОВ, В. М. ПАНЕЯХ, К. Н. СЕРБИНА

Под редакцией Н. Е. НОСОВА и В. М. ПАНЕЯХА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Книга является второй частью издания законодательных актов Русского централизованного государства (между Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г.). В первой части (Л., 1986) изданы тексты актов; вторая часть включает исследовательские комментарии к ним. Памятники права рассматриваются как источники для изучения социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судоустройства и судопроизводства феодальной России.

Книга рассчитана на специалистов-историков, историков государства и права, философов, экономистов и может быть использована для работы в высших учебных заведениях.

Редколлегия:

В. И. БУГАНОВ, А. И. КОПАНЕВ, Н. Е. НОСОВ (отв. редактор), В. М. ПАНЕЯХ (отв. редактор)

Рецензенты: А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

З $\frac{0505010000-790}{042\ (02)-87}$ 21—87—*IV*

© Издательство «Наука», 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание Академией наук СССР памятников русского законодательства периода феодализма с развернутыми комментариями было начато по инициативе и под руководством акад. Б. Д. Грекова еще в 1940 г. публикацией текстов Правды Русской. [1] Через семь лет вышел в свет второй том, содержащий постатейные историографические комментарии к этому кодексу феодального права раннефеодального государства. [2]

Тогда же Б. Д. Греков задумал серию «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII веков», являющуюся непосредственным продолжением издания Русской Правды. В нее намечалось включить Судебники 1497, 1550 и 1589 гг., законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. и Соборное уложение 1649 г. Осуществление этого грандиозного замысла было начато публикацией Судебников. [3] Комментарии к ним имели принципиально иной характер по сравнению с комментариями к Правде Русской. Степень изученности издаваемых памятников побудила археографов отказаться от историографических комментариев в пользу исследовательских. Также с исследовательскими комментариями вышло в свет Соборное уложение 1649 г. [4]

Законодательные акты, относящиеся к периоду между Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г., издаются двумя частями. Первая, включающая тексты законов, уже опубликована.[5] Теперь выпускается вторая часть, состоящая целиком из комментариев к ним. Тем самым завершается издание основанной Б. Д. Грековым серии.

Что касается типа комментариев, то их авторы придерживаются точки зрения, согласно которой он должен быть единым для всей серии законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв.

Исследовательский комментарий к памятникам феодального права предусматривает подход к ним как к источнику «для изучения социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судоустройства и судопроизводства России того времени»,[6] при этом преимущественное внимание уделяется не юридической норме как таковой, а явлениям экономики, общественных отношений, политической истории, которые отражают те или иные правовые нормы. Авторы учитывают и особенность феодального законодательства: оно часто оказывалось нереализованным или реализованным в формах, неадекватных самим нормам. Этим объясняется стремление в необходимых случаях проследить за тем, как они применялись на практике.

Комментаторы не ставили перед собой цели отразить все существующие в литературе мнения по тем или иным проблемам, возникающим при анализе законодательных актов. Аргументированные же точки зрения приводятся с максимально возможной полнотой; при этом авторы комментариев либо присоединяются к одной из них, либо высказывают несогласие с предшественниками и стремятся обосновать свой собственный взгляд на проблему. Ряд актов прежде не рассматривался в исторической и историко-правовой литературе вовсе, в таких случаях комментаторы вынуждены ограничиться изложением только своего мнения.

---

[1] Правда Русская: Тексты / Подг. к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин; Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1. 506 с.

[2] Правда Русская: Комментарии / Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов; Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. 2. 862 с.

[3] Судебники XV—XVI веков / Подг. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. 618 с.

[4] Соборное уложение 1649 г. / Подг. текста Л. И. Ивиной; Комментарии Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха; Руководитель авторского коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. 448 с.

[5] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.: Тексты / Подг. текстов Р. Б. Мюллер; Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. 264 с.

[6] *Греков Б. Д.* Предисловие // Судебники XV—XVI веков. С. 6.

Нетрудно заметить, что объемы комментариев, вошедших в настоящий том, различны. Безусловно, отчасти это объясняется степенью изученности той или иной проблемы. Однако следует учитывать и то, что авторы считали важной задачей особо выделить такие явления социально-экономической и политической истории Русского государства, какими были реформы 50-х гг. XVI в., «Смута» начала XVII в., классовые бои 40-х гг. XVII в., правительственная политика в отношении крестьян, холопов, посадских людей, в сфере землевладения.

Комментарий к каждому законодательному акту дается под порядковым номером (без заголовков, которые приводятся в хронологическом перечне комментариев к законодательным актам), соответствующим порядковому номеру акта, опубликованного в первой части. Ссылки в тексте комментариев на номера актов означают, что читателю рекомендуется обращаться как к самим текстам уже изданных актов (в первой части), так и к комментариям к ним в настоящем издании. Пояснения авторов комментариев, включенные в цитируемые фрагменты из актов или трудов историков, даются в круглых скобках с пометкой курсивом: *Авт.*

Предлагаемые комментарии к законодательным актам подготовлены авторским коллективом Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Ю. Г. Алексеев комментировал акты № 88, 96, 98, 107, 112, 135, 141, 189, 226, 257, 261, 266, 287 (ст. 4), 291, 315, 318, 319, 322, 337.

А. И. Копанев комментировал акты № 1, 4, 5, 8, 12—14, 22, 27, 29, 36—41, 43—45, 53, 64, 65, 68—71, 73—76, 78, 79, 82—86, 90—95, 100—102, 108—111, 113, 114, 117, 120—127, 131, 132, 139, 144—147, 149, 151, 153, 156, 159, 161, 162, 165, 167, 172—178, 180, 186, 190, 191, 194, 196—198, 202, 205—209, 211, 213, 215, 217—220, 222, 224, 225, 230, 233, 234, 239—241, 245, 251, 253, 254, 264, 271, 283, 288, 292, 297—299, 301, 305, 308, 316, 320, 331—333, 340.

Р. Б. Мюллер комментировала акты № 77, 256, 262, 307, а также при участии Ю. Г. Алексеева: № 46, 48, 50, 51, 55, 57, 72, 185, 237, 238, 287 (ст. 1—3), 311, 321, 327, 344.

Н. Е. Носов комментировал акты № 2, 6, 7, 10, 11, 16, 21, 26, 30, 34, 35, 42, 61, 80, 87, 99, 118, 128, 138, 140, 142, 168, 169, 181, 182, 188, 192, 203, 204, 223, 229, 232, 243, 244, 246, 248, 259, 260, 263, 265, 268, 276, 282, 284, 289, 300, 302, 312, 323, 324—326, 328—330, 336.

В. М. Панеях комментировал акты № 9, 15, 17—19, 23—25, 28, 31, 47, 52, 54, 56, 58—60, 62, 63, 66, 67, 119, 129, 130, 166, 199, 200, 216, 221, 228, 252, 258, 274, 277, 279, 286, 287 (ст. 5), 334.

К. Н. Сербина комментировала акты № 3, 20, 32, 33, 49, 81, 89, 97, 103—106, 115, 116, 133, 134, 136, 137, 143, 148, 150, 152, 154, 155, 157, 158, 160, 163, 164, 170, 171, 179, 183, 184, 187, 193, 195, 201, 210, 212, 214, 227, 231, 235, 236, 242, 247, 249, 250, 255, 267, 269, 270, 272, 273, 275, 278, 280, 281, 285, 290, 293—296, 303, 304, 306, 309, 310, 313, 314, 317, 334, 338, 339, 341—343, 345.

Указатели составлены З. В. Дмитриевой и В. А. Симиной.

Н. Е. Носов руководил авторским коллективом во время работы над комментариями. В. М. Панеях провел общее редактирование издания.

Редакционная коллегия выражает благодарность В. Г. Вовиной, И. З. Либерзон, А. П. Павлову и И. С. Шарковой, оказавшим содействие авторскому коллективу при научно-технической подготовке рукописи.

В. М. Панеях.

КОММЕНТАРИИ

№ 1

Указ не ранее июня 1550 г. разрешает бездетным вотчинникам всех категорий отчуждать свои купленные земли полностью, а вотчинные — до половины.

Относительно купель нормы, устанавливаемые указом, не противоречат нормам ст. 85 Судебника 1550 г., по которой на купли не распространялось право родового выкупа. Разрешение бездетным вотчинникам отчуждать «мимо отчичь» лишь половину вотчинных земель — новая норма по сравнению с Судебником 1550 г. Согласно указу, представители рода — «отчичи» (вероятно, те, которые имели право родового выкупа согласно ст. 85 Судебника 1550 г.) — могли требовать отчуждения половины вотчинных земель бездетного родственника в свою пользу. В случае, если бездетный вотчинник отчуждал на сторону более положенной половины вотчины, то по челобитью «отчичей» излишняя против нормы земля возвращалась им, а приобретший нес соответствующий ущерб.

Указ был направлен против монастырей, так как, помимо получения вкладов «по душе», именно монастыри чаще всего, используя богатую казну, покупали вотчинные земли и брали их в залог.

№ 2

Указ от июля 1550 г. В. Н. Татищев включил в своем издании царского Судебника в число дополнительных статей к нему, взяв текст приговора, по всей видимости, из Никоновской летописи, где он помещен (вторая редакция) под 1550 г. Этим же годом указ датируется и в разрядных книгах, где записан после разряда казанского похода 1549—1550 гг., а в ряде из них, например в официальной Разрядной книге — «Государевом разряде» 1556 г., — помечен июлем 1550 г. (первая редакция), т. е. сразу после утверждения боярской думой в июне 1550 г. нового Судебника. В то же время в одной из частных разрядных книг, принадлежавшей роду Годуновых—Сабуровых и изданной в отрывках П. П. Свиньиным, сохранился список с царского указа о местничестве почти такого же содержания, но с иной датой — декабрь 1549 г. Список очень похож на копию с оригинала, поскольку в нем не только говорится, что царь его текст «в наряд в служебной велел написати дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи» (ни в одном из других разрядных списков приговора фамилии дьяков не значатся), но и сами скрепы дьяков вписаны в текст.[1]

Многие исследователи, специально занимавшиеся изучением указа о местничестве, считали текст «приговора», изданный П. П. Свиньиным, неточным.[2] Иную позицию занимал Н. П. Лихачев. Он считал, что «список указа», опубликованный П. П. Свиньиным и датируемый декабрем 1549 г., «представляет точную копию с оригинала».[3]

В 1904 г. И. Н. Жданов опубликовал так называемые дополнительные «царские вопросы» Стоглавому собору 1551 г., которые, как в них указывается, должны были быть оглашены дьяком «перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми боляры» (по мнению А. А. Зимина и С. О. Шмидта, эти вопросы составлялись в феврале 1550 г. и предназначались для иного земского собрания).[4] В вопросах указывается, что приговор о местничестве был принят Иваном IV перед казанским походом: «Нарежался есми х Казани ... и положил ... не местничатися ... и всем бояром тот приговор был люб». Царь выступил с войсками из Москвы, по свидетельству летописи, 24 ноября 1549 г. Видимо, к этому времени приговор был уже принят (декабрь — лишь дата его включения в разряд), поскольку, согласно тем же «царским вопросам», во Владимире (где царь был с 3 декабря 1549 г. по 7 января 1550 г.) и в Нижнем Новгороде (был около недели и уехал 23 января) он дважды подтверждался.[5]

Началом казанского похода (не позднее 24 ноября) и датирует приговор И. И. Смирнов. Анализируя его текст, он отмечает, что «постатейное сопоставление приговоров о местничестве в официальной Разрядной книге и в разрядной книге, опубликованной Свиньиным, не оставляет сомнений в том, что перед нами два списка одного и того же приговора (по Смирнову, 1549 г. — *Авт.*), но списки, один из которых — список Свиньина — дефектный, имеющий пропуски и

перефразировки». «Очевидно, при внесении текста приговора о местничестве в официальную Разрядную книгу, — полагает И. И. Смирнов, — скрепы дьяков были опущены, в соответствии с чем и из текста приговора было исключено место о рукоприкладстве дьяков».[6]

И. И. Смирнов дает развернутую характеристику содержания и политической направленности приговора о местничестве, который он рассматривает как одно из важнейших постановлений правительства Ивана IV, ограничивающих политические привилегии феодальной знати — князей и бояр. И. И. Смирнов указывает на крайне реакционную роль системы местничества в армии, где даже в военное время имели место местнические счеты между воеводами и иными служилыми людьми знатного происхождения. При подготовке казанского похода 1549—1550 гг. для предотвращения подобных конфликтов между боярами и детьми боярскими, чтобы, как указывается в «царских вопросах», «розни бы и мест меж их однолично никоторые не было», и был принят в ноябре 1549 г., по его мнению, особый указ о местничестве.[7] Указ не только запрещал местнические счеты во время похода, но и вообще ограничивал, полагает И. И. Смирнов, систему военных назначений «по отечеству». Иначе говоря, «существо приговора 1549 г. о местничестве заключалось не в простой регламентации местнических счетов в полках, а в борьбе против местничества». [8]

Наиболее «существенными» И. И. Смирнов считает постановления приговора, посвященные полковым воеводам. Их «общий смысл» «заключается прежде всего в стремлении поднять роль и значение воевод Большого полка путем изъятия из местнических счетов обоих — и первого, и второго — воевод Большого полка», т. е. к «повышению роли и значения главного командования, функции которого выполняли воеводы Большого полка». По мнению И. И. Смирнова, «менее ясно содержание статьи приговора, посвященной воеводам остальных четырех полков» (Правой и Левой руки, Передового и Сторожевого). В данной статье, «если исходить из точного смысла... текста», «устанавливается (посредством формулы «не меньше») равенство воевод» всех названных полков, и в то же время «статья формулирует прямо противоположную норму: старшинства воевод Правой руки по отношению к воеводам Левой руки». И. И. Смирнов полагает, что подобное «противоречие» можно устранить, если «поставить ... издание приговора о местничестве в связь с процессом создания единого общегосударственного войска путем сведения в одно целое двух систем трехполковой организации войск», а именно: «Приговор исключает возможность местничества между двумя основными группами полков, Правой и Левой руки, с одной стороны, Передового и Сторожевого полков — с другой, сохраняя принцип местнического старшинства лишь для Правой и Левой руки в их отношениях друг к другу». В результате «сфера для местнических счетов оказывается резко суженной». [9]

С этих же позиций истолковывает И. И. Смирнов и последующую статью приговора, обращенную к находящимся на службе князьям, большим дворянам и детям боярским (не занимающим воеводских постов) и запрещающую им местничаться с воеводами своих полков — «для делу (им) быти без мест» «и в том их отечеству порухи никоторые нет». В то же время указание приговора (итоговое разъяснение), что в дальнейшем всем большим дворянам будет даваться счет с воеводами — «быти им тогды в воеводах по своему отечеству» (а в прежней службе им по приговору «порухи нет»), — И. И. Смирнов оценивает лишь как декларацию «о гарантиях неприкосновенности местнического „отечества“», что «носило чисто тактический характер и имело целью замаскировать антиместнический характер приговора с тем, чтобы ослабить сопротивление мероприятиям правительства со стороны феодальной знати и облегчить введение в действие приговора о местничестве».[10]

Иной точки зрения придерживается А. А. Зимин. Во-первых, он полагает, что был не один, а два приговора о местничестве — от декабря 1549 г. (текст в списке разрядной книги П. П. Свиньина) и от июля 1550 г. (текст в списках официальной Разрядной книги); во-вторых, отмечает, что хотя указы 1549 и 1550 гг. и «близки по содержанию», но между ними имеются «существенные различия»: «В приговоре 1550 г. в отличие от приговора 1549 г. более тщательно регламентируются местнические отношения воевод. Если в первом устанавливается, что второй воевода большого полка должен быть „без мест“ по отношению ко всем другим воеводам, то во втором устанавливалось, что он должен быть „без мест“ лишь по отношению к большому воеводе правой руки. В приговоре 1550 г. специально оговаривалось, что все воеводы всех полков считались меньше большого воеводы большого полка, так как ранее в этом полку просто вводилось звание большого воеводы. Воеводы левой руки отныне считались „не меньши“ первых воевод передового и сторожевого полков». Общий вывод А. А. Зимина следующий: «Приговор» о местничестве от июля 1550 г. «повышал роль и самостоятельное значение воевод отдельных полков на время военных операций. Вместе с тем принятое решение было явной уступкой княжеско-боярской знати, которая по преимуществу и назначалась на командные должности. Приговор в этой части был сформирован так, что устанавливалось соподчинение воевод, но не устранялись возмож-

ности для их местнических счетов». А отсюда и заключение: «Компромиссный характер приговора объясняет его жизненность (он действовал около 100 лет)».[11]

Мнение А. А. Зимина разделяет В. И. Буганов, хотя о существовании «двух приговоров» он пишет более осторожно.[12]

О существовании «двух приговоров» о местничестве пишет Н. Е. Носов, причем им приводится ряд новых аргументов в пользу указанной точки зрения. Н. Е. Носов отмечает, что приговоры 1549 и 1550 гг. состоят из двух частей, как бы из двух самостоятельных царских указов, принятых на основании соответствующих решений боярской думы и записанных в разряд. Первый регламентировал местнические отношения между воеводами различных полков, второй — между воеводами и служащими под их начальством князьями, большими дворянами и детьми боярскими. Применительно к этим указам (подчеркивая тем самым их известную самостоятельность) в тексте обоих приговоров дважды значится, что каждый из них в отдельности царь «в наряд служебный велел написати».

Характеризуя приговор 1549 г., Н. Е. Носов указывает на то, что местнические счеты между воеводами различных полков (соотношение которых определяет приговор) запрещаются по нему лишь временно — «быти им (воеводам) в тех полкех без мест для царя и великого князя дела», т. е. на время предстоящего похода на Казань. Отсюда, по его мнению, и возникла необходимость переутверждения приговора в июле 1550 г. и превращение его уже в постоянно действующий закон. Но переутверждение приговора в 1550 г. не было простым его переизданием, а сопровождалось внесением в него ряда новых моментов, вызванных недовольством приговором со стороны знати. Так, констатируемое приговором 1549 г. положение о старшинстве большого (первого) воеводы Большого полка получило в приговоре 1550 г. свое раскрытие путем прямого указания, что первые воеводы Передового, Правой и Левой рук и Сторожевого полков меньше первого воеводы Большого полка. В то же время постановление о внеместническом положении второго воеводы Большого полка в отношении всех воевод других полков получило ограничение. Отмечается лишь, что первый воевода Правой руки равен («без мест») второму воеводе Большого полка. Ограничивается и положение приговора 1549 г. о равенстве воевод Передового и Сторожевого полков и полка Правой руки. По приговору 1550 г. оно распространяется лишь на первых воевод Передового и Сторожевого полков, которым «быти Правой руки не меньше». Наконец, конкретно регламентируется и положение воевод полка Левой руки: они должны быть «не меньше» первых воевод Передового и Сторожевого полков, но второй («другой») воевода Левой руки должен быть меньше второго воеводы Правой руки. «Вряд ли можно допустить, что такая строго продуманная (и логически связанная) система редактирования и дополнения приговора 1549 г., осуществленная при его переутверждении в 1550 г.», полагает Н. Е. Носов, «является „результатом“ „дефектности“ списка Свиньина».[13]

Не менее наглядные результаты, по мнению Н. Е. Носова, дает сличение второй части приговоров 1549 и 1550 гг., определяющее отношение бояр и воевод с находящимися под их командованием княжатами, большими дворянами и детьми боярскими. По приговору 1549 г. всем указанным лицам предписывалось «быти без мест». Во исполнение этого царь и «велел писати» в 1549 г. «в наряд служебный» два постановления: во-первых, если кто из служилых людей будет с воеводами «не по их отечеству», — «в том их отечеству порухи никоторые нету»; во-вторых, если кто из этих служилых людей в дальнейшем будет воеводами, то с теми воеводами, с которыми они до этого служили «не по отечеству», им будет дан счет.

В приговоре 1550 г. первое постановление осталось без изменений, второе — переработано. Смысл переработки заключался в разъяснении, как поступать «ныне» (т. е. в июле 1550 г.) при подобных казусах. Уже само введение в текст приговора 1550 г. слова «ныне» исключает возможность истолкования его как просто запоздалую запись ранее принятого приговора. Именно то, что приговор 1549 г. о местничестве породил столько кривотолков и раздоров (о чем свидетельствуют и летопись, и «царские вопросы»), и вызвало необходимость его снова, «ныне» подтвердить, но подтвердить в новой, более развернутой и уточненной редакции. Уточнялось, во-первых, что постановление касалось взаимоотношения больших дворян с «меньшими воеводами» (по приговору 1549 г. речь шла о всех воеводах, следовательно, и о «больших», т. е. командующих полками); во-вторых, разъяснялось, что постановление распространяется не только на службу в полках, но и иные ратные «посылки»; в-третьих, гарантировалось на будущее не только право больших дворян получать с воеводами «щет по их отечеству» (это было и в приговоре 1549 г.), но и «быти» в «воеводах по своему отечеству». Что касается прежней службы — «наперед того» (т. е. по приговору 1549 г.), когда «бивали (большие дворяне) с которыми воеводами меньшими на службе» не по отечеству — «и тем дворянам с теми воеводами в счете в своем отечестве порухи нет по государеву цареву и великого князя приговору». Нельзя оценить эти разъяснения иначе, как попытку правительства успокоить и бояр, и княжат, и большое дворянство (видимо, сомневавшихся в на-

дежности принятых «наперед того» постановлений), заверив их, что положения приговора 1549 г. будут соблюдаться и «ныне», но с учетом сделанных поправок, «более строго регламентирующих его действие и более надежно защищающих отнюдь неколебимые им права московской аристократии».[14]

Таким образом, если приговор 1549 г., по мнению Н. Е. Носова, был «чрезвычайной мерой», принятой на период казанского похода, то приговор от июля 1550 г., подтверждающий и уточняющий постановления 1549 г., рассматривался правительством уже как «постоянно действующий закон», принятый боярской думой сразу же за новым Судебником. Этим объясняется, что именно приговор был внесен в «Государев разряд» 1556 г., а также в официальную летопись. В разрядных же книгах частного происхождения могли использоваться и первоначальные разрядные записи, тем более что оба приговора — и конца 1549 г., и июля 1550 г. — датированы одним — 7058-м — годом.[15] Эту точку зрения разделяет и С. О. Шмидт.[16]

Следует все же признать, что вопрос о происхождении и датировке постановлений о местничестве остается дискуссионным.

[1] Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. 28. С. 427—428.

[2] *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве XV—XVII вв. Одесса, 1888. С. 50; *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 143.

[3] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 235.

[4] О имеющихся в литературе точках зрения на происхождение и датировку «царских вопросов», опубликованных И. Н. Ждановым, см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 23—43.

[5] *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 176. О казанском походе 1549—1550 гг. см.: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, половина 1. С. 159 и сл.

[6] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 493.

[7] М. Н. Тихомиров высказывает предположение, что приговор о местничестве был принят на специальном Земском соборе, состоявшемся в декабре 1549 г. во Владимире и обсуждавшем вопросы, связанные с казанским походом (*Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в.//Вопр. истории. 1958. № 5. С. 8—9).

[8] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 399—406, 489—495.

[9] Там же. С. 405.

[10] Там же. С. 405—406.

[11] *Зимин А. А.* Реформы. С. 342—345.

[12] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 166.

[13] *Носов Н. Е.* Становление... . С. 40.

[14] Там же. С. 41—42. Но даже новые гарантии, видимо, не вполне успокоили правящие верхи московского боярства, поскольку и после приговора 1550 г. имели место местнические счеты, основанные на старом обычае — в обход норм царских указов, причем эти дела принимались царем к рассмотрению и записывались в разряды (*Маркевич А. И.* История местничества... . С. 274—279).

[15] *Носов Н. Е.* Становление... . С. 43.

[16] *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 166.

№ 3

В законодательстве Русского государства XV в., в том числе в Судебнике 1497 г., упоминаний о городе и городском населении нет. Они появляются в Судебнике 1550 г.(в статьях 26 и 91). Ст. 26 по сравнению с соответствующей статьей Судебника 1497 г. — новая, а ст. 91 является значительным дополнением и расширением ст. 59 Судебника 1497 г. Причем, по мнению Б. А. Романова, «дополнение, сделанное к ст. 59 Судебника 1497 г. составителем Судебника 1550 г., придало статье 91 остро политический характер».[1] Это дополнение гласит: «А торговым людям городцким (в другом списке «посадцким». — *Авт.*) в монастырех в городцких дворех не жити, а которые торговые люди учнут жыти на монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити».[2] Это дополнение было расценено М. Ф. Владимирским-Будановым как первое известие о прикреплении посадских людей к посаду (к тяглу).[3] Он же отметил, что, согласно этой статье, было запрещено «задаваться на частных лиц во избежание тягла»,[4] а люди монастырские не имели права заниматься торговлей, не неся тягла.[5]

Ст. 91 Судебника 1550 г. и сентябрьские переговоры того же года царя Ивана с митрополитом Макарием о белых слободах неоднократно были предметом специального исследования советских историков, занимающихся XVI в.

И. И. Смирнов считал, что ст. 91 Судебника 1550 г. «является конкретным» выражением политики правительства Ивана IV в посадском вопросе.[6] И. И. Смирнов полагал, что вторым по важности вопросом после вопроса о землевладении в Судебнике 1550 г. была борьба за ликвидацию социально-экономических институтов времен феодальной раздробленности, к которым он относил монастырские, княжеские и боярские слободы. В этом вопросе царь занимал резко отри-

цательную позицию, которая, по мнению И. И. Смирнова, объясняется тем, что частновладельческие слободы находились в сфере действия боярского и монастырского иммунитета и поэтому в судебном и финансовом отношениях были вне круга действия органов центрального государственного аппарата, а также освобождались и от несения посадского тягла, что отрицательно сказывалось на положении посадов. Существование монастырских белых слобод являлось тормозом в процессе экономического и политического развития Русского централизованного государства.[7]

П. П. Смирнов, в отличие от И. И. Смирнова, считал, что запрещение городским торговым людям жить в монастырях, т. е. в подмонастырских слободах и около церквей, не является новостью, так как оно «воспроизводит соответствующие положения законодательства Ивана III, писцы которого отбирали у монастырей все дворы, за исключением одного, и все слободки в городах».[8]

Ст. 26 Судебника 1550 г. говорит о штрафах за бесчестье. П. П. Смирнов обращает внимание на очень высокий штраф за бесчестье посадских людей: гость в 50, а средний посадский человек в 5 раз «честнее» лучшего крестьянина. В этом П. П. Смирнов видел стремление закона подчеркнуть «происшедшее фактическое отделение города от уезда», выделить «горожан в особый „честный чин"» и ставил «его наряду и даже выше дворян и детей боярских городовых».[9]

Данные о высоком штрафе за бесчестье горожан, приводимые в ст. 26 Судебника 1550 г., рассматривал и С. В. Бахрушин, который считал, что высокий штраф за бесчестье горожан свидетельствует о том, что в XVI в. усилилась социальная дифференциация внутри города.[10]

Сопоставив ст. 26 со статьями 43 и 91 Судебника 1550 г., П. П. Смирнов сделал вывод, что «„избранная рада" вернулась к политике выделения горожан в особый чин и освобождения их от удельного многовластья».[11] Таким образом, в ст. 91 Судебника 1550 г. сформулировано очень важное положение о городе и горожанах. Оно укрепляло позиции посада и в первую очередь финансовое и политическое положение посадов. Приговор Стоглавого собора о слободах не являлся, как думал М. А. Дьяконов, комментарием к ст. 91 Судебника 1550 г. П. П. Смирнов убедительно доказал, что это не комментарий, а новый этап в законодательстве о слободах, причем он не был шагом вперед, так как содержал компромиссное решение: ликвидировать слободы не удалось, удалось лишь запретить устройство новых слобод и новых дворов в старых слободах, кроме того, было приказано вывозить обратно в посады тех посадских людей, которые поселятся в новых слободах после 1550 г.

А. А. Зимин писал, что, несмотря на выступление главы русской церкви при обсуждении вопроса о церковно-монастырских слободах, церковникам пришлось поступиться рядом своих земельных привилегий, а соборный приговор 15 сентября 1550 г. о новых слободах имел компромиссный характер, ибо сохранял за духовными феодалами старые слободы и предоставлял им даже некоторые возможности для пополнения их населения со стороны.[12]

Н. Е. Носов считал, что сентябрьские переговоры между царем и митрополитом «отчетливо отражают ту политическую остроту, которую имел вопрос о белых слободах именно в канун Стоглавого собора. И, хотя, согласно тексту Стоглава, диспут идет только между царем и митрополитом, нетрудно увидеть за их спиной черный посадский мир, который все более активно выступает с требованием ликвидации владельческих белых слобод и раскрепощения посадов. Как раз позиция посажан побудила правительство идти на ограничение церковных городских имуществ и хотя бы частичное уравнение в правах черных и белых посажан».[13]

Таким образом, одни исследователи рассматривали ст. 91 Судебника 1550 г. и постановление Стоглавого собора от 15 сентября того же 1550 г. в основном в плане борьбы правительства Ивана IV с церковью, а другие видели в них еще и отражение все возраставшего влияния посадов.

Соборный приговор 15 сентября 1550 г., запрещавший заведение новых слобод и новых дворов в старых слободах и постановивший возвращать из слобод в посады вышедших оттуда посадских людей, разрешал в опустевшие дворы старых слобод «звати сельских людей пашенных и непашенных по старине ... на срок о Юрьеве дни осеннем ... а с посаду впредь градских людей» в слободы принимать запретил, кроме нетяглых людей — казаков. Одновременно было вынесено решение о свободном выходе из слобод митрополичьих, архиепископских и епископских крестьян на посады «на тот же срок» — «о Юрьеве дни осеннем». Заключавшаяся в ст. 91 Судебника 1550 г. мысль о запрещении торговым людям жить за монастырями и запрещении тяглым посадским людям закладываться за духовных и светских феодалов проходит красной нитью через все законодательство второй половины XVI и первой половины XVII в., но получает свое завершение и юридическое оформление лишь в главе XIX Уложения 1649 г.

[1] Судебники XV—XVI вв. С. 326.
[2] Там же. С. 174.
[3] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1873. Вып. 2. С. 23.
[4] Там же.

Там же; см. также: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 467—468; *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901. С. 3.

[6] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 367.

[7] Там же. С. 305—306.

[8] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 114, 142—155.

[9] Там же. С. 109—110.

[10] *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 49.

[11] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 110.

[12] *Зимин А. А.* Реформы. С. 376—377.

[13] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 108.

№ 4

По указу от октября 1550 г. в Московском уезде и в смежных с ним уездах — в Дмитровском, Рузском и Звенигородском, примерно в 60—70 верстах от столицы, испомещалась 1000 «лутчих слуг» — помещиков. Размеры подмосковных поместий детям боярским устанавливались в 200, 150, 100 четвертей. Указ предусматривал также раздачу поместий вблизи столицы (размером в 200 четвертей) тем боярам и окольничим, которые не имели земельных владений (ни поместий, ни вотчин) в Подмосковье. Впрочем, эта норма распространялась и на детей боярских. Учреждая «тысячу» как постоянный отряд служилых людей, указ устанавливает порядок пополнения ее в случае смерти кого-либо из входивших в «тысячу» лиц: или взять сына умершего, или «прибрать» другого, если сын не «пригодитца».

При осуществлении указа поместные нормы претерпели изменение. Дети боярские «городов Новгородского разряда» (новгородские, псковские, торопецкие, ржевские и луцкие) были разделены не на три статьи, а на две и верстаны окладами в 150 и 100 четей. Н. В. Мятлев объясняет это тем, что служба по Новгородскому разряду считалась менее почетной, так как среди новгородских боярских детей были те «боярские послужильцы», которые записаны в «поганой книге».[1] Указав на небольшие размеры окладов тысячников по сравнению с обычными поместными окладами, С. Б. Веселовский заключает, что подмосковное поместье тысячника было добавкой к тем поместьям и вотчинам, которыми он владел в других уездах до зачисления в «тысячу».[2] И действительно, по псковским писцовым книгам устанавливается, что из псковских помещиков, занесенных в Тысячную книгу (61 человек), 26 человек продолжали владеть землями в Пскове до 70-х гг. XVI в.[3] Однако иногда испомещение тысячника под Москвой сопровождалось отписанием у него старого поместья. Так, в записной книге новгородского дьяка 50-х гг. XVI в. отмечено, что поместья двух новгородских помещиков, записанных в Тысячную книгу (С. А. Аксакова и Ф. Ю. Оболенского), предназначались в раздачу, так как они получили поместья в «Московских городах», т. е. в осуществление указа октября 1550 г.[4]

Испомещение «тысячи» означало крупные изменения в области земельных отношений. В указе предписывалось раздать тысячникам земли дворцовые и оброчные. С. Б. Веселовский отметил, что в окрестностях Москвы находилось «много земель бывшего княжеского хозяйства, утративших свое былое значение».[5] Например, утратили значение в середине XVI в. земли бортников (в связи с исчезновением бортных лесов), земли тетереветников и перевесников (охотников на птицу), бобровников, псарей и т. д. (в связи с уменьшением дичи в Подмосковье), земли ордынцев, числяков и делюев, обслуживавших некогда сообщения с Ордой (в связи с ликвидацией татарского ига). Все эти земли, числившиеся, вероятно, в составе дворцовых и оброчных земель, вместе с черными землями шли теперь в раздачу помещикам. Именно с испомещением «тысячи» С. Б. Веселовский связывает «ликвидацию в Московском и соседних уездах большого количества черных и оброчных земель крестьян разных категорий».[6] По вполне вероятным подсчетам И. И. Смирнова, тогда «во владение помещиков перешло не менее десяти тысяч крестьянских хозяйств, т. е. несколько тысяч сел и деревень».[7] Количество розданных земель устанавливается по Тысячной книге — документу, составленному в ходе осуществления октябрьского указа 1550 г. Тысячная книга представляет собой своего рода раздаточную ведомость, в которую внесены все тысячники с указанием их окладов. Всего помещики получили 118 тыс. четвертей пашни в одном поле, а при расчете на три поля — 354 тыс. четвертей. Считая, что угодья составляют 10 % от общего количества пашни, С. Б. Веселовский приходит к выводу, что в руки помещиков перешло в результате реформы 1550 г. около 220—250 тыс. гектаров.[8] Реформа означала не только усиление экономических позиций дворян-тысячников, но и сопровождалась превращением свободного черного крестьянства (и близкого ему по положению дворцового) в крепостных помещичьих крестьян. Что тысячники получали земли, населенные крестьянами, свидетельствует хотя бы процедура наделения помещиков и их крестьян угодьями, предусмотренная приговором.

Политическая направленность указа устанавливается на основе анализа Тысячной книги. В самом указе испомещение детей боярских под Москвой мотивируется тем, что правительству необходимо было иметь под рукой служилых людей «для посылок». Комментируя это место, С. Б. Веселовский отмечает, что «отсутствие у дворянина подмосковного хозяйства понижало его мобилизационную подвижность и служебную готовность», и считает основной целью реформы устранение этого «неудобства».[9] В такой трактовке С. Б. Веселовским целей реформы проявляется недооценка ее политического значения. Состав тысячников показывает, что правительство при подборе детей боярских в «тысячу» руководствовалось прежде всего политическими соображениями. Исследователи (В. О. Ключевский,[10] Н. В. Мятлев[11] и др.) обратили внимание на наличие двух социально различных групп в составе тысячников. Одна группа (количественно небольшая) состояла из представителей высших слоев феодального класса — княжат и бояр, другая, составлявшая ядро избранной «тысячи», — из рядового провинциального дворянства. По подсчетам И. И. Смирнова, к первой группе относилось 147 человек, ко второй — 931.

По мнению И. И. Смирнова, испомещение княжат и бояр под Москвой преследовало цель консолидации «вокруг Москвы представителей бывших самостоятельных феодальных землевладельцев».[12] Отрывая феодальную аристократию от ее родовых вотчин, правительство стремилось привязать «немосковскую» знать к Московскому двору и тем самым ослабить лагерь врагов централизованного государства. Испомещение же под Москвой многочисленного отряда провинциальных помещиков создавало для правительства надежную силу, на которую оно могло опереться в борьбе с боярством. Провинциальные дети боярские, зачисленные в III статью избранной «тысячи» благодаря лишь личной выслуге и служебной годности, были заинтересованы прежде всего в укреплении централизованного государства и служили ему верой и правдой. Политическая деятельность тысячников в 50—60-е гг. является тому подтверждением. Н. В. Мятлев на основе разрядных книг, посольских, приказных и писцовых дел установил, что тысячники несли по преимуществу ратную службу, а в мирное время их рассылали в качестве «городовых воевод» или «осадных голов» в пограничные города, из тысячников назначались командиры полков и других военных подразделений, головы у посохи, приставы у татарских царевичей, они составляли основную часть окружения царя в походах. Тысячники назначались на важные государственные посты: возглавляли приказы, были наместниками, волостелями, писцами, послами в иностранных государствах и т. д. Политическое значение тысячников выразилось также в той роли, которую тысячники играли в Земском соборе 1566 г. Они были представителями тех уездов, откуда были взяты в «тысячу». «Тысяча» становилась своего рода корпорацией, члены которой являлись политическими представителями дворянства.[13] По подсчетам Н. Е. Носова, из 180 лиц, записанных в отрывке сохранившейся боярской книги 1556 г., 72 человека — тысячники (40 %), что свидетельствует об их важной роли в правительственной практике 50-х гг. XVI в.[14]

Реформа 1550 г., провозглашенная октябрьским указом, укрепила, по мнению И. И. Смирнова, экономические позиции дворянства, дав в его руки землю и крестьян, и способствовала объединению сил дворянства «вокруг правительства».[15]

А. А. Зимин, издавший Тысячную книгу и Дворовую тетрадь,[16] позволяющие охарактеризовать испомещение «тысячи» как важную реформу, в 1955 г. высказал мысль, что указ октября 1550 г. не был проведен в жизнь, а остался лишь проектом реформы. За это, по мнению А. А. Зимина, говорят: 1) отсутствие упоминаний о реформе в каких-либо источниках, кроме самой Тысячной книги и восходящих к ней материалов; 2) отсутствие основной массы тысячников в писцовых книгах 70—80-х гг. XVI в. и 3) наличие в боярской книге 1556 г. 11 новгородцев и 14 псковичей-тысячников, у которых поместья исчислены в «вытях» и «обжах», а не в четвертях (которыми измерялись поместья по Тысячной книге).[17] К точке зрения А. А. Зимина присоединились Р. Г. Скрынников[18] и А. Я. Дегтярев.[19]

Доводы А. А. Зимина, высказанные им в 50-х гг., возможно оспорить. Разве октябрьский указ и Тысячная книга не являются документальным подтверждением реформы 1550 г.? Потомки тысячников ссылались именно на Тысячную книгу как на документ, подтверждающий факт пожалования землей под Москвой. Так, во-первых, в родословной росписи Шушериных говорится, что царь Иван Грозный «пожаловал» Льва Шушерина (записан в Тысячной книге в III статье по г. Владимиру): «7059 году из Володимера в выбор в Тысячную книгу велел написать и дано под Москвой поместья, о том свидетельствует Разряду Тысячная книга».[20] Во-вторых, сохранились документы об испомещении двух названных выше новгородских тысячников в «Московских городах», т. е. по октябрьскому указу.[21] В-третьих, в писцовых книгах Московского уезда 70—80-х гг. содержатся данные о поместьях 72 тысячников. И. И. Смирнов обратил внимание на то, что сохранившиеся писцовые книги Московского уезда охватывают незначительную часть его территории — примерно $^1/_4$.[22] Следовательно, применяя простой расчет, мы можем предполагать, что в писцовых книгах, охватывающих весь Московский уезд, мы могли бы найти по крайней мере

300 тысячников, а это уже вполне достаточно, чтобы признать испомещение «тысячи» под Москвой несомненным. К тому же тысячники испомещались в трех соседних с Московским уездах. Характерно, что поместья большей части тысячников, описанные в писцовых книгах, по своим размерам равняются 100 четвертям, т. е. поместьям III статьи Тысячной книги. И, в-четвертых, указание в Боярской книге 1556 г. псковских и новгородских помещиков с поместьями, рассчитанными на обжи и выти, совсем не свидетельствует, что эти тысячники не были испомещены под Москвой; им были сохранены их прежние поместья. И. И. Смирнов назвал два случая, когда поместья псковских тысячников (Ф. Л. Соловцова и А. Ш. Плещеева), определенные в Боярской книге сначала в вытях, по серпуховскому смотру 1556 г. определялись в четвертях,[23] а это позволяет предполагать о возможности получения псковичами-тысячниками земли под Москвой, исчисленной в четвертях.[24]

В 1976 г. А. А. Зимин привел новый материал в подтверждение своей точки зрения. Сопоставив список Тысячной книги и Дворовой тетради, А. А. Зимин обнаружил, что тысячники в основной массе были включены в состав Дворовой тетради. Испомещение их под Москвой проводилось не по октябрьскому указу 1550 г. «Основанием для этого была Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», — пишет А. А. Зимин. Приведенные выше данные о тысячниках, обнаруженных в писцовых книгах, А. А. Зимин парирует утверждением: «Ни одного тысячника, который владел бы под Москвой поместьем и не был бы записан в Дворовую тетрадь, обнаружить не удалось».[25] Но ведь они могли быть испомещены сначала как тысячники, а затем внесены в Дворовую тетрадь, поскольку в нее записана «основная масса» тысячников. Решающего значения и эти доводы А. А. Зимина не имеют. Впрочем, наблюдения А. А. Зимина представляют большую ценность: они характеризуют политику правительства в земельном вопросе и тогда, когда формировалась «тысяча» (реформа могла быть в 1550 г. и частичной), и тогда, когда формировался «государев двор». Следовательно, октябрьский указ 1550 г. не был только проектом, он начал осуществляться. Разумеется, такое мероприятие, как наделение землей большого числа служилых людей, не было одноразовым актом, оно продолжалось и далее, когда формировался «государев двор».

См. также № 44.

1 *Мятлев Н. В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 6.
2 *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 316.
3 *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 122—123.
4 *Смирнов И. И.* Очерки. С. 409.
5 *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение... . С. 316.
6 Там же. С. 320.
7 *Смирнов И. И.* Очерки. С. 416.
8 *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение... . С. 317. С. В. Рождественский считает, что «правительственная мера, предписанная указом 1550 г. об избранной тысяче, была одновременно верстанием и испомещением», так как тысячникам назначался оклад и одновременно была роздана земля соответственно окладу (*Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 287—288).
9 *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение... . С. 316.
10 *Ключевский В. О.* Состав представительства на земских соборах Древней Руси//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 28—30, 40.
11 *Мятлев Н. В.* Тысячники... . С. 8, 11, 13.
12 *Смирнов И. И.* Очерки. С. 417.
13 *Мятлев Н. В.* Тысячники... . С. 21—31.
14 *Носов Н. Е.* Боярская книга 1556 г.: (Из истории происхождения четвертчиков)//Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве в XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 205.
15 *Смирнов И. И.* Очерки. С. 422.
16 Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.
17 Очерки истории СССР: Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 295; ПРП. Вып. 4. С. 596—597; *Зимин А. А.* Реформы. С. 366—375.
18 *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 85—86.
19 *Дегтярев А. Я.* Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель в XVI в./Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970. С. 8.
20 *Мятлев Н. В.* Тысячники... . С. 66—67.
21 *Смирнов И. И.* Очерки. С. 409.
22 Там же. С. 410—412.
23 Там же. С. 414.
24 Там же. С. 413—414.
25 *Зимин А. А.* К изучению реформ «Избранной рады»//История СССР. 1976. № 4. С. 154—159.

№ 5

Текст соборного приговора 1 мая 1551 г., дошедший в большом числе списков (в составе Стоглава и в виде дополнительной статьи к Судебнику 1550 г.), неисправен. Эта неисправность заключается в том, что статья общего характера (статья, вводящая «доклад» для вкладов вотчин «по душе») помещена в приговоре в том разделе, где излагается старый указ по частному вопросу — о княжеских вотчинах и вотчинах в отдельных городах. В результате, как отметил еще А. С. Павлов, «трудно отличить общий закон Ивана IV от указов его деда, обязательных только для служебных князей и жителей вновь присоединенных к Москве областей и городов».[1] Для правильного понимания приговора следует, на наш взгляд, две его заключительные фразы (со слов «А хто без государева ведома ...») рассматривать как прямое продолжение первой начальной фразы, запрещающей покупку земли без доклада. После таких перестановок текста содержание приговора может быть изложено следующим образом: монастырям запрещается покупать землю и брать земельные вклады без разрешения верховной власти; за монастырями закрепляются те вклады, которые получены до сего приговора; выкуп полученных монастырями земель возможен лишь в определенных случаях; наконец, монастыри должны поступиться незаконно захваченными землями и привилегиями. В заключение в приговоре формулируются постановления о вотчинном землевладении в ряде городов и о княжеских вотчинах.

В исторической литературе неоднократно высказывались мнения, отрицающие политический характер законодательства о княжеских вотчинах. Например, В. Н. Сторожев в постановлениях приговора 1551 г. и других законов XVI в., ограничивавших права князей и вотчинников отдельных областей в распоряжении их вотчинами, увидел лишь стремление правительства сохранить боевую годность служилых людей.[2] С. В. Рождественский, оспорив «узко стратегическую» концепцию В. Н. Сторожева, тем не менее полагал, что цель указанных законов состоит в стремлении «охранить военную организацию государства от опасностей, какой подвергала ее чрезмерная мобилизация землевладения».[3] С. В. Рождественский отрицает политические цели земельного законодательства XVI в.: «... политическая борьба с потомством удельных князей не была основанием поземельного законодательства XVI в.», — считая, что регламентация права распоряжения княжескими вотчинами производилась «под давлением потребностей военной организации государства».[4]

Вопрос о политической направленности приговора стал в советской историографии предметом дискуссии. По мнению И. И. Смирнова, майский приговор 1551 г. определяет основные принципы политики правительства 50-х гг. в отношении тесно связанных в своем историческом развитии двух форм феодального землевладения: монастырского и княжеского. Политическая направленность приговора выступает в тех его постановлениях, которыми в области феодального землевладения восстанавливалась «старина», т. е. порядки и законы времен Ивана III и Василия III, и ликвидировались в интересах дворянства результаты земельной политики периода боярского правления. Так, наряду с запретом монастырям приобретать новые земли «без доклада» правительству приговор предписывал: 1) отобрать у монастырей и владык те земли, которые они захватили «насилством» (взяли у задолжавших им детей боярских и крестьян; завладели через подкупленных ими писцов; завладели путем выставления своих деревень на чужих землях), и возвратить тем, «чьи земли были изстари», т. е. вернуть поместные земли в поместный фонд, а черные — в состав черносошных земель, откуда они переходили бы в руки дворян-помещиков; 2) вернуть в прежнее состояние («как было при великом князе Василье») те села, волости, деревни и угодья, которые «подавали» бояре монастырям и другим духовным феодалам; 3) отнять у монастырей те «новоприданные» руги и милостыни, которые были получены монастырями в годы боярского правления, и оставить им лишь то, что они получали при Иване III и Василии III.[5] Стремление правительства Ивана IV поставить под контроль дальнейшее развитие монастырского землевладения и изъять у монастырей те земли и привилегии, которые они получили в годы боярского правления, соответствовало, согласно мнению И. И. Смирнова и Р. Г. Скрынникова, в полной мере интересам дворян-помещиков.[6]

По И. И. Смирнову, в интересах помещиков в приговор 1551 г. были включены и статьи, касающиеся княжеского землевладения. Эти статьи по сути дела были опять-таки лишь подтверждением законов Ивана III и Василия III. В соответствии со старинными уложениями Ивана Васильевича и Василия Ивановича приговор 1551 г. запрещал вотчинникам Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Белоозера, а также суздальским, ярославским и стародубским князьям свободное распоряжение своими вотчинами «без царева ... ведома». Запрет свободно продавать вотчины для вотчинников Твери и других городов устанавливался только в сделках и с иногородцами. Для ярославских, суздальских и стародубских князей запрет был абсолютным — «никому ... не продати

и по душе не дати». В случае нарушения этого закона со стороны перечисленных в нем княжеских фамилий отчужденные ими вотчины отбирались на государя. Более того, в отношении лишь этого разряда земель закон имел обратную силу: он предписывал отбирать на государя и раздавать помещикам те вотчины, которые были отданы владельцами в монастыри «по душе» «до сего государева приговору». «Приговор ..., — пишет И. И. Смирнов, — знаменующий собой начало политики борьбы правительства Ивана IV за ликвидацию экономической основы мощи княжат, — их вотчин, — наносил первый удар по наиболее мощной группе бывших независимых феодалов — княжат».[7] Политическое значение приговора, каким оно представляется И. И. Смирнову, совсем не умалялось тем, что в нем запрещение распоряжения вотчинами касалось исключительно трех княжеских родов. С. В. Рождественский отмечает, что ярославские, стародубские и суздальские князья «были особенно густо разросшимися ветвями генеалогического дерева северо-восточных Всеволодовичей», поэтому постановления приговора 1551 г. касались большей части «вотчин северо-востока».[8] То же политическое значение имели постановления приговора 1551 г., ограничивавшие права вотчинников Твери и других городов. По мнению И. И. Смирнова, для этих недавно присоединенных к Москве областей постановления приговора 1551 г. выражали собой «политику борьбы за подчинение бывших феодальных землевладельцев удельных княжеств правительству Русского централизованного государства».[9]

Подробный разбор приговора 1551 г. был дан и Б. А. Романовым в связи с комментированием ст. 85 Судебника 1550 г. Он отрицает антикняжеский характер постановлений приговора и считает, что в них «п о к а не было ничего направленного „против княжат и бояр", т.е. к подрыву их вотчинного землевладения». Наоборот, в отношении княжат «можно отметить, — пишет Б. А. Романов, — стремление законсервировать их вотчины в их тесном родовом круге». Цель приговора, по Б. А. Романову, состояла в обуздании напора со стороны духовных феодалов «на земли всего светского сектора вотчинного землевладения». Б. А. Романов считает возможным говорить о едином фронте «вотчинников всех видов и масштабов в мае 1551 г.».[10]

Мнение Б. А. Романова о земельной политике Ивана IV 50-х гг. поддерживал А. А. Зимин.[11] Однако он подчеркивал «дворянскую направленность» и ст. 85 Судебника 1550 г., и приговора 1551 г.[12] Н. Е. Носов, считая основным содержанием приговора 1551 г. «ограничение церковного землевладения (владычного и монастырского) в защиту землевладения светского: вотчинного (включая земли крупнейшей знати, поместного, дворцового и даже черносошного)», указывает на то, что «после блестящего анализа земельной политики „избранной рады", произведенного ... Б. А. Романовым», точка зрения И. И. Смирнова представляется «необоснованной» и он полностью присоединяется к мнению Б. А. Романова.[13]

Оценка В. Б. Кобриным приговора 1551 г. обусловливается его общим взглядом на политику Избранной рады. Это не правительство дворянское и антибоярское (И. И. Смирнов) и не компромисс между боярством и дворянством (С. В. Бахрушин и А. А. Зимин), а правительство «консолидации господствующего класса». Основанием для этого вывода послужил отчасти приговор 1551 г., «торжественно» подтвердивший «привилегии местных военно-землевладельческих корпораций». Постановления приговора 1551 г. о княжеских вотчинах основывались на «уложениях» Ивана III и Василия III, которые, по мнению В. Б. Кобрина, фиксировали привилегии вотчинников ряда уездов и князей, данных им великими князьями в момент присоединения уделов к Москве. В. Б. Кобрин привел данные о «стабильном» составе землевладельцев уездов, охваченных законом. А это позволило автору сделать вывод, что приговор 1551 г. «носил консервативный характер», оберегал княжеские вотчины от расхищения, сохранял целостность княжеских корпораций, вследствие чего «само правительство вряд ли было заинтересовано последовательно проводить в жизнь» все его нормы. В целом же, пишет В. Б. Кобрин, привилегии, закрепляемые приговором 1551 г., имели двойственный характер: «Разумеется, они были пережитками удельной старины, они консервировали традиционные отношения и обособленность прежде независимых земель. Но они же привлекали на сторону объединительной политики правительства широкие слои класса феодалов, а потому и способствовали (особенно на первых порах) централизации».[14]

Приговор 1551 г., безусловно, применялся на практике. «О действенности приговора 1551 г., — по словам А. А. Зимина, — говорит тот факт, что в 50-х годах прекратилась покупка земель крупными монастырями»[15] (Волоколамским, Спасо-Евфимьевым, Троице-Сергиевым и др.). Кирилло-Белозерский монастырь, несомненно, по приговору 1551 г. испросил в 1556 г. царскую грамоту, разрешавшую ему купить вотчинных земель на 2000 р. («где они вотчинных земель напытают купити»). В грамоте приговор не цитируется, но явно излагается: «Ослободил есми им купити земли к монастырю, где им кто продаст, на две тысячи рублев, оприч Ноугородские, и Псковские, и Рязанские, и Тферские и Смоленские земли и оприч князей вотчинных, которым вотчинным князем вотчин своих без нашего ведома продати не велено». В грамоте предписывается

«являти» «продавцов» дьякам, «у которых поместные ... дела в приказе»,[16] что свидетельствует о рождении практики регистрации сделок государством, которая, по мнению С. Б. Веселовского, была введена в связи с приговором 1551 г.[17]

Действенность приговора 1551 г. можно усмотреть и в фактах конфискации земли у монастырей и раздачи их помещикам во время описания 50-х гг.[18]

Порядок выкупа вотчинных земель из монастыря (данных вкладом), определенный приговором 1551 г. (выкупают те родичи, которые названы в духовной грамоте или другом документе, и по цене, указанной в них), сохранился в последующей практике. Имеется ряд грамот второй половины XVI в., в которых вкладчик назначает цену на случай выкупа земель из монастыря.[19] Но и отсутствие указаний вкладчиков о возможности последующего выкупа, и их утверждение, что земля отдается «впрок без выкупа» и что «роду и племени» до земель «дела нет», не противоречили приговору 1551 г.[20] В приговоре как раз сформулирован общий запрет выкупать у монастырей вотчины, данные «на помин души». Это постановление приговора 1551 г. А. А. Зимин рассматривает как успех «осифлянского духовенства».[21] Сила «осифлянского» руководства церковью сказалась, вероятно, и в том, что одно из главных постановлений приговора 1551 г. об обязательном докладе монастырями верховной власти об их новых приобретениях земель не выполнялось. С. Б. Веселовский по этому поводу пишет: «В источниках есть указания, что в первые годы после указа 1551 г. сделки на землю как будто действительно совершались с доклада, то есть с разрешения царя, но позже в многочисленных сохранившихся актах указаний на доклад их царю мы не встречаем».[22] Может быть, умолчание о докладе царю актов, фиксировавших поземельные сделки светских лиц с монастырями, следует объяснить упрочившейся практикой регистрации сделок в Поместном приказе.

См. также № 22, 36, 37.

[1] *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1. С. 122.
[2] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 12.
[3] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 122.
[4] Там же. С. 134.
[5] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 442—443.
[6] Там же. С. 443; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 40.
[7] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 444.
[8] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение... . С. 121.
[9] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 444. Взгляды Р. Г. Скрынникова близки к изложенной точке зрения И. И. Смирнова. Р. Г. Скрынников считает, что в постановлениях приговора 1551 г. о княжеских землях «легко обнаружить тенденцию к ограничению привилегий Суздальской и прочей титулованной знати» (*Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 89).
[10] *Романов Б. А.* К вопросу о земельной политике Избранной рады: (Ст. 85 Судебника 1550 г.)//ИЗ. 1951. Т. 38. С. 264—265.
[11] Очерки истории СССР: Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 340.
[12] *Зимин А. А.* Реформы. С. 351.
[13] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 108—114.
[14] *Кобрин В. Б.* 1) Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI веках: (Законы 1551, 1562 и 1572 гг.)//История СССР. 1984. № 1. С. 175—181; 2) Власть и собственность в средневековой России: (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 81, 89.
[15] *Зимин А. А.* Реформы. С. 390.
[16] ААЭ. Т. 1. № 246.
[17] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 93.
[18] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 437—439.
[19] *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 46 (выкупная цена 150 р.); С. 47 (цена 150 р.); С. 50 (цена 30 р.); С. 52 (цена 500 р.) и т. д.
[20] Формулы «в прок без выкупа и в наследие вечных благ», «впрок без выкупа и без отмены» являются характерными для подавляющего большинства духовных и данных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря второй половины XVI в. (АФЗХ. Ч. 1. № 245, 253, 258, 269—271, 275, 278, 281, 284, 286—288, 291—293, 297, 298, 303, 305, 310, 311, 313, 316, 318, 320, 321, 323—330, 333—337, 340, 341, 343—346, 348—351, 354, 355, 357, 358, 362, 364, 368, 374, 381, 382, 386, 393, 420). То же наблюдается по другим монастырям. Например, из 20 вкладов Ипатьевского монастыря лишь в двух указана цена (*Шумаков С.* Обзор грамот... . Вып. 4. С. 44—49).
[21] *Зимин А. А.* Реформы. С. 390.
[22] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение... . С. 93.

№ 6

Приговор 18 января 1555 г. представляет собой специальное царское «уложение» по разбойным делам, легшее в основу губной реформы 1555—1556 гг., а тем самым и нового уголовного законодательства, изменившего и дополнившего соответствующие постановления Судебника 1550 г. и губных грамот.

Согласно учредительным губным грамотам конца 30—40-х гг. XVI в. (первые известные нам губные грамоты относятся к 1539 г.[1]), правительство, идя навстречу челобитьям населения о «великих розбоях», создает на местах — по волостям и городам — особые карательные органы в лице губных старост и целовальников, избираемых из уездных детей боярских (губные старосты) и тяглых людей (целовальники), которым поручается сыскивать и чинить расправу над разбойниками. Из ведения наместников и волостелей, а равно и иных кормленщиков разбойные дела, совершаемые «лихими людьми», изымались. Общий надзор за деятельностью губных учреждений осуществлял созданный в Москве Разбойный приказ (Разбойная изба), который являлся и высшей судебной инстанцией в разбойных делах. В дальнейшем губным старостам передаются также дела о «ведомых татех» (ворах). Судебник 1550 г. (ст. 60) окончательно превращает губные органы в повсеместные и закрепляет их судебно-административную компетенцию: ведание разбойными и татинными делами, совершаемыми «ведомыми лихими людьми» («ведомыми» разбойниками и татями обычно называли лиц, уже имевших «доводы», т. е. профессиональных преступников).

Что касается роста в России XVI—XVII вв. числа «лихих людей» и как следствие массовой уголовной преступности, то есть все основания полагать, что они были порождены в конечном счете общим обострением социальных противоречий и классовой борьбы в феодальном обществе. В этих условиях господствующий класс, особенно его средние слои — дворянство и зажиточные горожане (боярство имело больше возможностей само постоять за себя), — стремился оградить свои интересы путем создания новых местных судебных и полицейских органов, построенных на сословно-представительных началах, по охране частной собственности и правопорядка. Такими органами дворянского самоуправления на местах и были губные старосты.

Приговор 18 января 1555 г. может быть разделен на 13 статей (в самой рукописи постатейного деления нет). Он, по всей видимости, представляет собой ответы на специальные запросы Разбойного приказа. Иначе говоря, перед нами не новый губной устав, а ряд постановлений по разбойным делам, объединенных определенным тематическим единством и дополняющих или изменяющих отдельные положения губных наказов.

В статьях 1—2 рассматривается вопрос о вершении дел о лицах, оговоренных разбойниками, как их соучастниках. Имеются в виду два казуса. Первый казус (ст. 1), когда пойманный разбойник «на себя и на своих товарыщев учнет говорити», сообщит, «что кому розбойного досталося», и это будет подтверждено изъятием у оговоренного человека поличного (награбленного и схороненного им имущества), но сам он даже под пыткой не признает своей вины. Решал обыск. Если в обыске оговоренного человека называли «лихим», то вина его считалась доказанной и его следовало «по обыску, и по розбойничьим речем, и по поличному казнить», т. е. предать смертной казни. В XVI в. разбойников вешали. Второй казус (ст. 2) предусматривал более сложный случай: не только отрицание вины оговоренным человеком на пытке, но и отсутствие прямых улик — поличного (пойманный разбойник даже не укажет, «кому розбойного досталося»). И тут решающим доказательством были данные обыска. Человек, объявленный на обыске «лихим», предавался смертной казни. Но последнее предписание — это уже отступление от норм Судебника 1550 г., по которому невозможно вынести смертный приговор даже «лихому человеку», задержанному с поличным или совершившему две кражи (статьи 52, 56), если он не признает своей вины на пытке. Эти отступления от действующего уголовного законодательства авторы приговора 18 января 1555 г. объясняют тем, что оговоренные «лихие люди» на пытках «оттерпливаютца», а если их посадить в тюрьму до смерти, то они из нее убегают или освобождаются разбойниками и снова принимаются за разбой. Данное разъяснение выдержано в духе губных наказов XVI в., мотивирующих введение предельно жестоких карательных мер против разбойников — физическое уничтожение любого «ведомого лихого человека» — заботой о населении.

Ст. 3 посвящена ведению следствия по частным искам — «на которых людех исцы ищут розбоев». Речь идет о ситуации, когда обвиняемые отрицают свою вину и на них не говорят на пытках другие разбойники, но в обыске их назовут «лихими людьми», хотя и не приведут «доводов» (конкретных улик). Таких лиц предписывалось пытать, и если они и под пыткой будут отрицать свою вину, то «тем людем сидети в тюрме до смерти по обыском». Другое дело лица, на которых в обыске скажут, что они «лихие люди», и «в лихе на них доведут», хотя на пытке они «на себя не скажут», этих полностью уличенных разбойников следовало казнить.

Таким образом, по сравнению с уголовными нормами Судебника 1550 г., в основе которых лежало, как правило, судебное обвинение, а одними из основных форм доказательства были судебный поединок («поле») и крестное целование, новое губное право как право, применяемое к «лихим людям», полностью базировалось на сыскном процессе, выдвигая главными свидетельствами виновности задержанного разбойника личное признание на пытке и «облихование» на обыске. Естественно поэтому, что организация обысков о «лихих людех», а главное — установление ответственности опрашиваемых лиц за свои показания нуждались в тщательной регламен-

тации. Общие предписания губных наказов конца 40-х — начала 50-х гг., что губные старосты должны «обыскивать про лихих людей, про розбойников и татей», оказались недостаточными. Во всяком случае требовались конкретные меры по пресечению лжесвидетельства, а также специальные разъяснения, как проводить обыск (а тем более оценивать его результаты), если показания опрашиваемых лиц будут неодинаковы. Ответы на эти вопросы и содержатся в статьях 4 и 5 приговора.

Ст. 4 (ср. статьи 6 и 7 Медынского губного наказа от 25 августа 1555 г.)[2] рассматривает случай, когда какой-либо человек будет обвинен в «лихом деле», разбое или татьбе двумя или тремя «языками», т. е. подвергнутыми пытке «лихими людьми», но при обыске голоса распадутся: одна половина обыскных людей назовет его «добрым человеком», а другая — «лихим». Такой подозреваемый преступник подлежал пытке. В случае признания он предавался смертной казни (признание на пытке в следственном процессе — решающее доказательство виновности, видимо, поэтому о данном исходе составители приговора не упоминают: он бесспорен). Но если обвиняемый не признавался на пытке, оставался жив (по Медынскому губному наказу будет посажен в тюрьму до смерти), а после того прибывало на него «иное лихое дело в разбое или в татбе», то он немедленно подлежал смертной казни (никакого нового расследования уже не требовалось). Имущество казненных преступников, согласно Медынскому губному наказу, следовало отдавать в уплату половины истцовых исков. Подвергались наказанию и одобрявшие разбойников обыскные люди — с них взыскивалась «выть» (штраф, распределяемый по долям среди виновных). Сверх того, по тому же Медынскому наказу двое или трое «лучших людей» из их числа подвергались телесному наказанию — битью кнутом, как это и предусмотрено в ст. 5 приговора.

Действительно, ст. 5 рассматривает разновидность этого же случая, с той только разницей, что речь в ней идет об оговоре предполагаемого преступника только одним, а не двумя или тремя, как в ст. 4, «языками». Согласно ст. 5, оговоренного одним «языком» человека после проведения обыска, во время которого одна половина людей назвала его «добрым», а другая — «лихим», надлежало пытать. Если он на пытке не признавался, то его отдавали «на поруку за обыскных людей», которые его одобрили, а с него взыскивалась «выть». Предусматривалось и иное решение, когда обыскных людей, назвавших его «лихим», больше, чем его одобрявших, но не менее 15—20 человек (квалификационный минимум). Тогда оговоренного, но не признавшегося на пытках человека сажали в тюрьму до смерти, а его имущество следовало отдать истцам в «выти» на покрытие, видимо, половины их исков. Что касается самого термина «выть», то и здесь он употреблен в качестве компенсации истцов по их долям в понесенном ущербе. При прибытии «после того» на этого «облихованного» человека «иного лиха» в разбойном деле его казнили. Наказывались и лица, одобрявшие его: с них взималась «выть», а двоих или троих «лучших» людей били кнутом.

Ст. 6. Речь идет о поимке приезжего разбойника «с поличным» у кого-либо во дворе в Москве или в ином городе, «в которой сотне». Под сотней здесь понимается административно-полицейский округ, подведомственный сотским (условно 100 дворов), в обязанность которых, согласно еще учредительным губным грамотам конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в., входили надзор вместе с пятидесятскими и десятскими за всеми приезжими в города или в торговые села людьми и задержание разбойников.[3]

В приговоре определяется характер следствия и расправы над посадским человеком, в доме которого будет задержан разбойник и изъято поличное. В первую очередь следовало пытать пойманного разбойника и узнать у него, как давно он приезжает к хозяину двора и привозит «розбойную рухледь», а главное — знает ли последний, что эти вещи с разбоя. Если это было известно хозяину двора, то пытали уже его самого как соучастника разбоя (укрывателя и содержателя притона), а с его сотни взималась «выть» (на этот раз штраф в долевой раскладке между членами сотни). Если же на пытке, которой подвергался задержанный разбойник, устанавливалось, что хозяин двора не знал, что его постоялец — разбойник и привозит к нему вещи с разбоя, то тогда в сотне надлежало провести обыск. Назовут хозяина двора «добрым» человеком — передается «на поруку за обыскных людей» и с сотни «выть» не взимается; назовут «лихим» — пытают. Иначе говоря, хозяин двора сам признавался преступником и на него распространялся следственный процесс, применяемый к «ведомым лихим людям», итогом которого могли быть только смертная казнь или — крайний случай — пожизненное заключение.

Статьи 7 и 8 определяют наказание за невыполнение губными старостами своих обязанностей. Тех губных старост, которые избраны к разбойному делу в городах и волостях, но не принимают присягу, не исполняют дела и не выполняют губных наказов, предписывалось привозить в Москву и сажать в тюрьму. После отбывания наказания и взыскания с них «прогонов» (стоимости доставки в Москву) их отсылали снова в их губы, где они обязаны были «ведать» разбойными делами «по наказному списку». Если подобные меры не помогали, то предусматривались более строгие меры воздействия. Губных старост, которые по-прежнему не принимали присяги (креста

не целуют), а из Москвы не уезжали («живут за своими делы»), предписывалось насильно «за поруками» высылать из Москвы. Когда и это не помогало, их снова сажали в тюрьму «на время» (срока тюремного заключения и на этот раз приговор не определяет).

Приведению губных старост к крестному целованию придавалось особое значение. По понятиям того времени, именно оно должно было обеспечивать строжайшее выполнение ими возлагаемых на них обязанностей. Нарушение крестного целования в XVI в. являлось тягчайшим преступлением. Сохранился официальный образец крестоцеловальной записи губных старост 50-х гг. XVI в.[4]

Ст. 9. Приговор отмечает, что местные жители — многие дети боярские, их приказчики и крестьяне — уклоняются от обысков или приезжают к губным старостам в малом числе, по 5—6 человек. Так же поступают они, когда к ним приезжают из Москвы царские «посланники» для проведения обысков. Уклоняются местные жители и от обязанностей ставить тюрьмы и выделять к ним сторожей и палачей. Уложение устанавливает наказания за подобные нарушения: 1) за неявку на обыски взыскивать со всех уклонившихся лиц «ослушное» в размере одного рубля с сохи; 2) если же разбойники сбегут из тюрьмы, то с «ослушников» и со всех лиц, которые не помогали в строительстве тюрем и их охране, предписывалось взимать иски людей, пострадавших от разбоев. Устанавливалась и строгая отчетность губных старост перед Разбойным приказом за взятие «ослушных денег».

Согласно губным наказам конца XVI в., местные жители были обязаны в селах и деревнях «на разбойников и на татей тюрмы поделывати и сторожей к тюрмам выбирати» (см. губной наказ от 1586 г. селам Троице-Сергиева монастыря во всех уездах).[5] Правда, как конкретно распределялись эти повинности между населением в XVI в., неизвестно. Но можно полагать, что уже тогда они носили всеобщий характер (об этом и говорит приговор 18 января 1555 г.) и строго регламентировались.[6]

Ст. 10. В губных наказах 1555—1556 гг. устанавливается порядок переписки между собой губных старост соседних губных округов (в это время уже не волостей, а уездов) по поводу задержания лиц, оговоренных разбойниками на пытках, и присылки их для очной ставки и обыска (ср. ст. 10 Медынского губного наказа).[7] Приговор имеет в виду случай, когда эти предписания не исполняются: хотя губные старосты одних уездов и посылают свои грамоты по разбойным делам в иные губы, но губные старосты других уездов «их не слушают» и разбойников к ним не посылают. Приговор предписывает посылать подобные грамоты только с губными целовальниками, которые обязаны их передавать губным старостам в присутствии понятых — трех или четырех «добрых» «сторонних людей». Если и в этом случае губные старосты иных губ не проводили обыска и не задерживали преступников, то вмешивался уже Разбойный приказ. Предписывалось посылать из Москвы за этими нерадивыми губными старостами приставов и ставить их перед боярами вместе с посылавшимися к ним целовальниками и присутствовавшими при передаче грамот «сторонными людьми». Когда понятые подтверждали факт передачи грамоты, то, как указывается в приговоре, «с теми людми суда не дати». Не вполне ясно, кто с кем должен судиться. Видимо, при подтверждении понятыми факта передачи грамоты, привезенной из иных губ, вина нерадивых губных старост устанавливается бессудно и они должны нести наказание. Несут наказание и губные старосты, своевременно не пославшие сыскных грамот о поимке разбойников в иные губы. Размер наказания для тех и других губных старост, уличенных в бездеятельности, одинаков: «. . . которые губные старосты тех людей не пришлют, а в те поры розбойники утекут, ино половина вытей имати на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали».

Ст. 11 рассматривает случай, когда на губных старост к боярам поступали жалобы истцов (ср. ст. 7 Судебника 1550 г.) о предвзятых («не по дружбе») суде и обыске, проведенных на местах губными властями. В данном случае следовало поручать расследование этих спорных дел специальной губной коллегии, формируемой из губных старост соседних губ: бояре «примешивают» к губным старостам, на которых поступали жалобы, губных старост из иных губ, чтобы они «съезжались и обыскивали вместе». За уклоняющимися губными старостами (кто «не съезжаютца») должны посылаться приставы «из езду», т. е. за их счет. Если они не прибудут и во второй раз, то с них взимались иски истцов. Правда, здесь сделана оговорка, вызванная, видимо, житейской практикой, что если у вызываемых из иных губ губных старост много дел на местах, то один должен ехать, а другой оставаться в своей губе.

Ст. 12 содержит предписания о порядке восстановления утраченных судных дел о старых тюремных сидельцах. Дело в том, что в июне 1547 г. во время великого московского пожара сгорела почти половина города, в том числе и многие приказы. Горела Москва и в начале 50-х гг. Приговор предписывает для восстановления сведений о всех заключенных, дела которых сгорели во время пожара, провести их опрос и специальный обыск в целях выяснения их виновности.

Ст. 13 приговора отмечает злоупотребления, которые совершают над тюремными сидельцами

«тиуновы люди», живущие в качестве приставов при московских тюрьмах: требуют с заключенных взятки («поминки») или даже снимают с них платье. Поскольку применяемые к подобным приставам наказания, вплоть до битья кнутом, не помогают, приговор предписывает провести своеобразную тюремную реформу: заменить институт приставов, набираемый из числа «тиуновых людей», выборными земскими людьми. Для этих целей следовало выбирать «с земли», видимо из числа земских тяглых людей, 16 «людей добрых» и расписывать их по месяцам на год. Они и должны были выполнять обязанности тюремных надзирателей. Перевыборы земских людей должны были проводиться ежегодно.

Анализ участников заседания 18 января 1555 г. дал И. И. Смирнову основания сделать вывод, «что именно „ближняя дума" (а не «все бояре») участвовала в принятии такого важнейшего закона, как уложение (приговор. — *Авт.*) „О разбойном деле"».[8] Мнение И. И. Смирнова по существу не отрицает и А. А. Зимин, хотя и солидаризируется в то же время с С. В. Бахрушиным, считавшим «избранную раду» Андрея Курбского и «ближнюю думу» одним и тем же учреждением, обозначенным лишь разными терминами [9] (И. И. Смирнов подобное отождествление решительно отклоняет).

Что касается мнения А. А. Зимина о наличии в губных наказах середины XVI в. различных терминов для обозначения центрального ведомства по разбойным делам: «бояре, которым розбойные дела приказаны» (1539—1556 гг.), «Губная изба» = «Разбойная изба» (1552—1556 гг.), «Разбойный приказ» (1555—1556 гг.), — то это не говорит о том, что сам приказ как учреждение образовался лишь в 1555—1556 гг. Указанные термины применяются в одном и том же значении даже в одних и тех же официальных документах.[10]

[1] ПРП. Вып. 4. С. 176—179; ДАИ. Т. 1. № 31. С. 32—33.
[2] ПРП. Вып. 4. С. 182—183.
[3] См. губную грамоту Соли-Галицкой 1540 г. (ААЭ. Т. 1. № 192) и губную грамоту Троице-Сергиеву монастырю от 23 ноября 1541 г. (Там же. № 194).
[4] См.: ПРП. Вып. 4. С. 186—188; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 343—346.
[5] ААЭ. Т. 1. № 330.
[6] О порядке выполнения населением «губной повинности» см.: *Носов Н. Е.* Белозерская губная изба в начале XVII в.//Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 50—53.
[7] ПРП. Вып. 4. С. 184.
[8] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 153—154 и след.
[9] *Зимин А. А.* Реформы. С. 318—319; ср.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 336.
[10] Об образовании Разбойного приказа см.: *Носов Н. Е.* Очерки... . С. 315—327; *Зимин А. А.* 1) О сложении приказной системы на Руси//Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1954. Вып. 3. С. 168; 2) ПРП. Вып. 4. С. 353—354; 3) Реформы. С. 421—422; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 152—169.

№ 7

Согласно указу 5 мая 1555 г., лица, «в которых делех обвинены», должны стоять «на правежу в ысцовых искех» из расчета один месяц за 100 р. Если в течение месяца обвиняемый не погасил иска, то он отдавался «исцом головой до искупа», т. е. передавался истцу в службу до отработки долга. Стоять на правеже больше месяца запрещалось. Продление срока выплаты долга разрешалось только по особым челобитьям и не более, чем на месяц.

Хотя в указе 1555 г. прямо и не упоминается о взыскании исков с татей, последние, вероятно, имеются в виду в числе лиц, обвиненных по суду и стоящих на правеже (ср. № 16, ст. 19). Б. А. Романов прав, считая, что указ является дополнением к ст. 55 Судебника 1550 г.,[1] регламентирующей порядок изыскания истцовых исков с татей, обвиненных в первой татьбе, которых после предания торговой казни (битью кнутом) передавали истцам, чтобы те «доправили» на них свои иски. Когда же из-за недостаточности имущества татей (их «статков») это не удавалось сделать, их отдавали истцам «головой на правеж до искупа». Иначе говоря, применялись те же меры для погашения иска, что и в указе 5 мая 1555 г., хотя в нем, надо полагать, речь идет о более широком круге ответчиков, включая и татей, и должников, и, возможно, иных лиц, обязанных по суду возместить истцовые иски (не случайно его составители пользуются столь объемной формулировкой: которые люди «в которых делех обвинены»). Должники — лица, не уплатившие задолжности по заемным кабалам или иным кредитным сделкам, на которых распространялось действие царского указа от 8 марта 1556 г., адресованного важским земским старостам (становым и волостным судьям).[2] Но трудно согласиться с мнением А. А. Зимина, что указ 5 мая 1555 г. вообще не имеет в виду татей, следовательно, и не связан со ст. 55 Судебника 1550 г., а касается

лишь неисправных кредиторов, стоящих на правеже после истечения срока выплаты займа. Конкретной аргументации в пользу такого ограничительного толкования приговора А. А. Зимин не приводит, а просто указывает, что «если должник не выплачивал во время правежа долга, то он выдавался „головою“ кредитору (то есть становился его холопом до погашения долга). Приговор (указ. — *Авт.*) свидетельствует о росте задолженности как среди непосредственных производителей, так и среди известной части рядовых феодалов. Эти явления были вызваны и ростом феодальной эксплуатации и условиями развития товарно-денежных отношений. В приговоре (указе. — *Авт.*) 5 мая 1555 г. содержится материал для изучения развития договора найма в середине XVI в.».[3] Подобные общие заключения априорны, поскольку в самом приговоре нет данных ни о росте задолжности среди непосредственных производителей и части феодалов (в социально-правовом отношении приговор безличен), ни тем более о развитии договора найма.

Об отличии отданного «головой до искупа» от холопа см. комментарий к № 25.

См. также № 168, 169 (статьи 7, 8).

[1] Судебники XV—XVI вв. С. 244—245.
[2] ААЭ. Т. 1. № 234; *Носов Н. Е.* Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг.//ВИД. 1983. 14. С. 32.
[3] ПРП. Вып. 4. С. 542—543.

№ 8

Уложение ранее 29 июля 1555 г. процитировано в ряде царских грамот, присланных в Новгород в ответ на челобитья новгородцев, что заимодавцы уклоняются брать деньги с должников, выжидая истечения срока, чтобы взять проценты. Предписание брать только сумму долга без процентов было временным и территориально распространялось лишь на новгородские земли. Правительство, как показывают царские грамоты, шло навстречу челобитчикам и предписывало властям пресекать ухищрения заимодавцев.

См. также № 13.

№ 9

В указе не позднее 11 октября 1555 г. объектом законодательной регламентации впервые стала добровольная служба. Также впервые в законодательстве употреблены и терминологические сочетания «служити доброволно без крепости», «служил доброволно», «доброволный человек», «доброволные люди». Эти два обстоятельства в совокупности свидетельствуют о том, что добровольная служба начинает обосабливаться как сословная группа от других, в прошлом близких ей сословных групп.

Генетически добровольная служба восходит к холопству периода доактового оформления неволи, когда в ряде случаев служба какого-либо лица во дворе господина вела к утрате свободы и превращению его в холопа. Однако с появлением полной грамоты [1] отношения, не оформленные ею, все чаще начинают квалифицироваться в качестве добровольной бескрепостной службы, хотя и сохраняющей некоторые холопьи черты, но приобретающей в то же время существенные черты, отличающие ее от холопьей зависимости, и являющейся поэтому одной из альтернатив холопству. Именно отсутствие до данного указа законодательной регламентации отношений между господином и добровольным человеком делало правовой статус добровольной службы неопределенным и аморфным, а потому противоречивым. Указ 1555 г. застает добровольную службу в тот момент ее истории, когда борьба двух тенденций — к относительной свободе добровольных людей и к сохранению в добровольной службе прежних черт зависимости холопьего типа — проявлялась весьма ощутимо.[2]

Противоречивость института добровольной службы и столкновение интересов внутри господствующего класса привели к тому, что и первое узаконение по данному вопросу несет на себе печать непоследовательности, компромисса.

Указ 1555 г. запрещал задерживать людей, которые служили у кого-либо «доброволно без крепости», и тем самым провозглашал норму, согласно которой добровольные люди могли покидать своих господ не только «с отказом», но и без «отказу». Препятствием к реализации этого права отныне не могли служить даже и иски о краже господского имущества, которые должны были оставаться теперь без внимания во всех случаях и вне зависимости от обоснованности таких обвинений. Составитель указа имел, вероятно, основания подозревать господ в возможности

предъявления покинувшим их людям, служившим без крепости, ложных исков о краже имущества с одной только целью — вернуть и закрепить их за собой раз и навсегда.

У холоповладельцев, очевидно, и до 1555 г. не было законных оснований задерживать у себя добровольных людей, пожелавших их покинуть, иначе они не прибегали бы в целях закрепления за собой добровольных людей к ложным искам о краже имущества — приему, описанному в указе 1555 г.

О том, что прикрепление добровольного человека к личности господина, получившее распространение в первой половине XVI в., не было санкционировано законодательно, в некоторой степени свидетельствует и судебное решение 1543 г. по делу между Микитой Секириным и Ивашкой Есиповым сыном. Сопоставление этой правой грамоты 1543 г.[3] с указом 1555 г. дает основание говорить о новаторском характере последнего. И действительно, в правой грамоте добровольный человек, обвиненный в краже его господином, был выдан «в сносе ... до искупа головою», тогда как указ 1555 г. вовсе запрещал впредь принимать к производству дела, возбуждаемые холоповладельцами, о краже имущества добровольными людьми.

Оценка указа 11 октября 1555 г. вызвала разногласия в исторической литературе. Ряд исследователей придерживались мнения о том, что его предписания свидетельствуют об отрицательном отношении властей к добровольной службе.[4]

В. О. Ключевский, а вслед за ним Б. Д. Греков придерживались другой точки зрения. В. О. Ключевский, в частности, видел смысл указа в предоставлении возможности добровольному слуге уйти, когда он хотел, и отрицании права у хозяина искать на нем сноса.[5] Б. Д. Греков также считал, что «закон 1555 г. . . . отвечает только на один, но, по-видимому, наиболее часто встречающийся в практике случай, когда хозяин хотел удержать у себя вольного человека, имеющего право уйти от хозяина».[6] Б. Д. Греков при этом не склонен был «согласиться с мнением некоторых ученых, которые видят в законе 1555 г. свидетельство отрицательного отношения к добровольной службе».[7]

Однако ни В. О. Ключевский, ни Б. Д. Греков не дали объяснения тому, почему в указе не делается различия между ложными исками о краже имущества и исками, имеющими реальные основания, и почему с этими последними предписывается поступать так же, как с ложными, т. е. не принимать их к рассмотрению вовсе.

Столь исключительная мера и является ключом для понимания смысла указа 1555 г. Его составитель был озабочен не столько тем, чтобы обеспечить свободу добровольному человеку, сколько тем, чтобы отказом в правовой защите стимулировать господ к взятию каких-либо крепостей на поступающих к ним в службу людей. Тем самым выявляется отрицательное отношение центральных властей к добровольной службе.

Конечно, после того как добровольная служба впервые стала объектом законодательной регламентации в указе 1555 г., провозгласившем право добровольного человека покинуть господина не только «с отказом», но и «без отказу», местные власти, да и сами добровольные люди получили возможность опереться на него. Так оно и было на практике.[8] Опираясь на указ 1555 г., добровольные люди могли теперь на законных основаниях покидать своих господ, не рискуя быть разыскиваемыми ими. Многие так и поступали. Микита Ильин сын Иванов, например, «служивал . . . у помещика у князя Глеба Оболенского по кабале и от князя Глеба збежал и жил на Себеже у козака у Микулы у Собакина добровольно лет с пять, а от Микулы сшол, жил в наймех на Волдае».[9] Показательно, что в отношении одного и того же лица, покидающего своих господ, но выступающего при этом вначале в качества кабального холопа, а затем добровольного человека, употреблены принципиально противоположные термины: если кабальный холоп «збежал», то добровольный человек «сшол».[10]

Широкое распространение добровольной службы во второй половине XVI в. свидетельствует о том, что попытка властей посредством указа 1555 г. стимулировать холоповладельцев к замене этой формы зависимости каким-либо документально оформленным холопством в целом не увенчалась успехом.

[1] Первое упоминание о полной грамоте относится к 1401/02 г. (ДДГ. № 17. С. 46).

[2] Подробнее о двух тенденциях в развитии добровольной службы см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 27—48.

[3] Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Дмитрию Алябьеву//РИБ. 1898. Т. 17. Стб. 184, № 502; *Панеях В. М.* Холопство. С. 37.

[4] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 372; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 4-е изд. Киев, 1905. С. 672—673; *Панеях В. М.* Холопство. С. 36—39.

[5] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России//Ключевский В. О. Сочинения. 1959. Т. 7. С. 261.

[6] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 580—581.

[7] Там же. С. 863.

[8] См., например: Сборник актов, относящихся до рода дворян Люткиных/Акты собраны и изданы проф. Д. А. Корсаковым. СПб., 1899. № 9; РИБ. Т. 17. № 442. Стб. 155—157.
[9] ЦГАДА, ф. 1144, кн. 8, л. 70.
[10] О практической реализации указа 11 октября 1555 г. см. подробнее: *Панеях В. М.* Холопство. С. 37—41.

№ 10

Указ 28 ноября 1555 г. принят по докладу царю о необходимости чрезвычайных мер по борьбе с разбоями и татьбой, совершаемыми «лихими людьми». Видимо, действия «лихих людей» в ряде случаев были не просто уголовными преступлениями, а носили антифеодальный характер, чем и вызывали сочувствие со стороны определенных слоев городского и волостного населения. Указ можно разделить на четыре статьи.

Ст. 1. Повторяется предписание губных грамот, даваемых губным старостам, о необходимости проведения самого тщательного расследования (обысков) всех случаев татьбы — дворовой, лошадей с поля или «всякой животины». Над всеми пойманными татями губным старостам следовало «управа чинити с ысцы по наказному списку», т. е. по имеющимся у них губным грамотам. Нормы расправы над татями определены в губных наказах 1555—1556 гг. совершенно четко: «А приведут к старостам татя, а доведут на него одну татбу, — и старостам того татя велети бити кнутьем, а бив кнутьем, дать его на поруку; а не будет поруки, — ино его вкинуть в тюрму до тех мест, как по нем порука будет. А приведут татя, а доведут на него две татбы, — ино того татя бити кнутьем да отсечь рука да покинуть. А приведут татя, а доведут на него татбы три или четыре или свыше, — и того татя казнити смертною казнью» (Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г.).[1] Указанная процедура расправы с татями, как отмечал И. И. Смирнов, ссылаясь на губной наказ Кирилло-Белозерскому монастырю от 27 сентября 1549 г., и предусмотрена ст. 60 Судебника 1550 г.,[2] которая гласит, что губные старосты должны «судити» татей «по царя и великого князя по губным грамотам, как в них написано». Но по губным грамотам 1549—1550 г. суд и расправа над татями осуществлялись губными старостами совместно с наместниками и волостелями или их тиунами, причем после взыскания с татей (из их имущества) истцовых исков они передавались кормленщикам «в продаже», т. е. для взыскания с них уголовного штрафа, и только после этого губные власти приводили приговор в исполнение: или били татей кнутом, или отрубали им руку, или вешали их. В указе 28 ноября 1555 г. наместники и волостели уже не упоминаются, надо полагать в связи с отменой кормлений (см. № 11), и весь сыск, и расправа над татями — теперь дело рук одних губных старост. Что касается порядка удовлетворения исков истцов, то, поскольку в новом постановлении о нем ничего не говорится, следовательно, он оставался прежним — из имущества татей, согласно ст. 55 Судебника 1550 г. и приговору 5 мая 1555 г. о правеже исков (см. № 7). Это подтверждается и статьями 37—40 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (см. № 80), хотя судебная практика начала XVII в. и вносит в указ известные коррективы.

Новым в указе 28 ноября 1555 г. было также установление более строгой личной и имущественной ответственности населения за совершенную в их губе татьбу. Во-первых, губным старостам вменялось в обязанность во всех случаях, когда в обыске не удавалось установить имя татя (а тем более его задержать), проводить специальное расследование и выяснять, у кого и сколько имущества было украдено. Во-вторых, когда размер украденного имущества был установлен, то в пользу пострадавшего (истца) взималась половина его иска с той губы, в которой не назовут имя татя. Если же в дальнейшем тать будет задержан, то взятые с губы штрафные иски «за прошлые татбы» возмещались теми лицами, «за кем тати жили», или той волостью, в которой тать жил. Это уже прерогатива самой волости — определить, кто будет возмещать убытки. Для правительства было важно установить, что местное население — губа (теперь уже уездный полицейский округ) или волость (как одна из ее частей) — несет коллективную ответственность за совершенное на их территории преступление, в данном случае татьбу. Подобная коллективная ответственность земских миров характерна для древнерусского уголовного права и идет еще от Русской Правды. Для XV—XVI вв. она зафиксирована как в Судебниках 1497 и 1550 гг., так и в уставных и жалованных иммунитетных грамотах. Указ 28 ноября 1555 г. лишь придал этой ответственности более жесткие формы, а главное — превратил ее в одну из наиболее действенных форм губного сыска как сыска обязательного, независимо от частных исков.

Ст. 2. По Судебнику 1550 г. (статьи 95, 96) пятнание лошадей и надзор за их продажей возлагались на наместников и волостелей. Они вели регистрацию пятнания лошадей, а также собирали в свою пользу пошлины за пятно. Теперь, согласно указу, эти функции передаются губным старостам, а сама регистрация и пятнание, в отличие от Судебника, производятся бесплатно. За

уклонение от пятнания и регистрации лошадей при их продаже, купле или обмене со всех нарушителей губными старостами взимаются «заповеди» («пропятенье») в размере 2 р., но идут они уже не в пользу кормленщиков, как по Судебнику, а на государя — в казну. Кроме этого, всех нарушителей, «в пене царя и великого князя», дают на поруки. В случае возникновения конфликтных ситуаций, например кражи лошадей, именно с этих лиц взимаются выти в половину истцовых исков. При возбуждении истцами судебного дела «про тех людей, у которого за лошедь поимаютця», губные старосты должны были проводить обыски, выясняя, что собой представляют обвиняемые, и по обыску «тем людем управа учинити». Надо полагать, что и в данном случае правительство в первую очередь интересовал вопрос: не являются ли конокрады «лихими людьми»?

Ст. 3 подтверждает необходимость обязательной регистрации губными старостами всех пришлых в губы новых людей. А. А. Зимин и А. Г. Поляк не правы, считая это нововведением, а именно, что «указ впервые в истории русского законодательства вводит регистрацию населения в случае его передвижения».[3] Подобный полицейский надзор предусматривался еще в первых губных грамотах начала 40-х г. XVI в., но касался он первоначально только городов и торговых сел. Это видно из губных грамот, выданных в 1541 г. посадским людям Соли-Галицкой и торговым селам Троице-Сергиева монастыря в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах.[4] Новым в указе 28 ноября 1555 г. было постановление о сыске «лихих людей», бежавших из одной губы в другую и скрывающихся у местных жителей (вопрос о «явках» пришлых людей — лишь составная часть этого общего предписания). О всех подозреваемых пришлых «лихих людях» губные старосты должны были проводить обыски, дознаваясь вместе с губными целовальниками, «где кто жил» и «от чего пошли ис тое губы в ыную губу жити». Лица же, у которых без «явки» губным старостам проживали и были пойманы «ведомые лихие люди», подвергались наказанию (речь, видимо, идет только о лицах, которые не знали, что приезжие — «лихие люди», иначе на них распространялось бы действие приговора 18 января 1555 г. о разбойных делах; см. № 6, ст. 6). При предъявлении к обнаруженным у них «лихим людям» исков пострадавших от разбоев или татьбы с них взималась половина этих исков. Несоблюдение этих правил губными старостами влекло взыскание истцовых исков с них самих, а сверх того, наложение на них царской опалы.

Ст. 4. Указ определяет ответственность губных целовальников за недобросовестное отношение к своим обязанностям и должностные преступления. В случае бегства по вине целовальника разбойников и татей и кражи им их «животов» имущество его самого шло в уплату половины истцовых исков в выти (по долям). Если имущества целовальника не хватало, то остаток взимался с людей, его избравших. Кроме того, выборщики давались на поруки и обязывались доставить губным старостам бежавшего целовальника. Он подвергался телесному наказанию, и его «выкидывали вон» из губных целовальников. Правда, перед этим он должен был (видимо, под угрозой более сурового наказания) сам изловить и привести к губным старостам упущенных разбойников и татей.

Совокупность всех этих постановлений достаточно ясно говорит о стремлении правительства связать все население губы, а тем более губной аппарат круговой ответственностью перед правительством за поимку и расправу над «лихими людьми», разбойниками и татями, как наиболее опасными, с точки зрения господствующего класса, нарушителями феодального правопорядка. Классовый характер этих мер не вызывает сомнений. Основная тяжесть новой губной системы ложилась на плечи тяглых людей — крестьянства и горожан, главного объекта полицейского надзора со стороны губных старост, «излюбленных» представителей уездного дворянства.

[1] ПРП. Вып. 4. С. 184. Точно такая же норма повторена во всех других губных наказах 50-х гг. XVI в.

[2] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 331—332. Мнение И. И. Смирнова полностью разделяют Б. А. Романов (Судебники XV—XVI вв. С. 248—251) и Н. Е. Носов (*Носов Н. Е.* Губные наказы селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг.//Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 403).

[3] ПРП. Вып. 4. С. 391.

[4] ААЭ. Т. 1. № 192, 194. Анализ указанных грамот см.: *Носов Н. Е.* Соли-Галицкая губная грамота//Проблемы источниковедения. М., 1958. Кн. 6. С. 220—234.

№ 11

«Царский приговор о кормлениях и службе 7064 г.» — так поименованы правительственные постановления 1555/56 г. в летописи — принадлежит к важнейшим законодательным актам XVI в., связанным с реорганизацией системы управления Русского государства на сословно-представительных началах (земская реформа) и установлением соответствия ратной службы размерам вотчинного и поместного землевладения (уложение о службе).

Изучение указов крайне затруднено, поскольку подлинный их текст не сохранился и даже неизвестно, о каких конкретно правительственных постановлениях идет речь в летописи. Запись царского приговора «О кормлениях и службе» носит характер вставки, включенной вместе с приговором о местничестве 7058 г. (см. № 2) в Никоновскую (в список Оболенского) и Львовскую летописи и помещенной сразу же за текстом, описывающим события конца марта 1556 г., которым оканчивается Патриарший список Никоновской летописи (в последнем оба приговора отсутствуют). Именно с этих вставок — приговоров о местничестве 7058 г. и «о кормлениях и службе» 7064 г. — начинается «Летописец новых лет».[1]

Анализ летописного известия о приговоре 1555/56 г. дается в работах А. А. Зимина, С. О. Шмидта и Н. Е. Носова.

По мнению А. А. Зимина, в летописи приводится не царский приговор об отмене кормлений, а лишь «рассказ» о «каких-то мероприятиях законодательного характера», причем рассказ литературно обработанный и сводный. Так, отмечает А. А. Зимин, «не ясно, имеет ли в виду автор „Приговора“ губную или земскую реформу (упоминаемые им «старосты» могли быть губными и земскими), не ясно, выборные или невыборные были органы управления (царь просто «учинил» эти органы) и т. д.». Суммируя свои наблюдения о ходе проведения земской реформы, А. А. Зимин приходит к заключению: «„Приговор“ Никоновской летописи являлся не законом об отмене кормлений, а публицистическим обобщением многочисленных практических мероприятий в этой области». Эти «мероприятия» «проводились не единовременно, а растягивались на многие годы (1551—1556 гг. — *Авт.*) и проводились поуездно».[2]

Иная позиция С. О. Шмидта. Летописная вставка, излагающая содержание царского приговора 1555/56 г. «о кормлениях и службе», пишет С. О. Шмидт, состоит из трех частей: 1) изложение причин, побудивших царя провести реформу; 2) изложение самой земской реформы (эта часть обозначена особым подзаголовком — «О повелении царском»); 3) уложение о службе (тоже под особым подзаголовком — «О рассмотрении государьском»). Но «откровенно публицистический характер» имеет, по мнению С. О. Шмидта, лишь первая часть, «в которой излагаются причины, побудившие правительство принять законодательные меры, и — в духе компромиссной политики ,,избранной рады“ — формулируются намерения государя и его обязанности». Во второй части «излагается законодательство о местном управлении, правда, в столь нечеткой форме, что можно предполагать, что здесь речь идет не только об отмене кормлений (т. е. земской реформе), но и о губной реформе». В третьей части «пересказывается „Уложение о службе“». В целом указанная вставка, по мнению С. О. Шмидта, — это «самостоятельно составленное сочинение, в основу которого положены материалы Царского архива». «Включили его в состав официальной летописи, — считает С. О. Шмидт, — . . . при редактировании „Летописца лет новых“». Само же правительственное уложение «о кормлениях и службе», легшее в основу царского приговора 1555/56 г., по предположению С. О. Шмидта, было принято на Земском соборе, специально созванном по этому вопросу в 1555/56 г., и именно его заседания стали сюжетом трех миниатюр Никоновской лицевой летописи (Синодальный список).[3] «Собор 7064 г., — пишет С. О. Шмидт, — очевидно, происходил прежде июля 1556 г., так как в этом месяце царь со многими боярами находился уже в Серпухове». «Созыв собора 7064 г. . . . был вызван прежде всего обострением междуклассовой и классовой борьбы», о чем свидетельствуют как сам «приговор», так и указания губных и земских грамот середины 1550-х гг. о неповиновении властям, разбоях, бегстве крестьян и иных «нестроениях» на местах.[4]

Н. Е. Носов в целом разделяет мнение С. О. Шмидта, что «в основе летописной вставки» о приговоре 1555/56 г. «лежат подлинные законодательные материалы и материалы, датируемые не „многими годами“, как полагает А. А. Зимин, а только по крайней мере двумя — 1555—1556 гг.».[5] Хотя изложение приговора о кормлениях и сопровождается в летописи морализирующими сентенциями самого летописца, «законодательный трафарет. . ., — по мнению Н. Е. Носова, — проглядывает довольно ясно из текста». Это подтверждает и прямое указание летописца (автора вставки), которым он завершает изложение приговора, что «подлинные тому розряды у царских чиноначальников, у приказных людей».[6]

Указанные особенности летописного известия о приговоре о кормлениях 1555/56 г. наглядно выступают при анализе его первой части (изложения причин земской реформы), которая носит наиболее публицистический характер. Соединение изложения законодательного материала с публицистическими объяснениями морализирующего характера, приводимыми летописцем, выглядит предположительно так (наиболее явные места подобных вставок обозначены курсивом): «А по се время бояре, и князи, и дети боярскые сидели по кормлением по городам и по волостем для росправы людем и всякого устроения землям и *собе от служеб для покою и прокормления; на которых городех и волостех . . . розсправу и устрой делали и от всякого их лиха обращали на благое, а сами были довольны оброкы своими и пошлинами указными, что им государь уложил.*

И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместникы и волостели *изо многых лет презрев страх божий и государьские уставы, и много злоказненых дел на них учиниша; не быша им пастыри и учители, но сътворишася им гонители и разорители.* Такоже тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем; и как едут с кормлений, и мужики многими искы отъискывают; *и много в том кровопролития и осквернениа душам содеяша, их же не подобает в християнском законе ни слышати;* и многие наместникы и волостели старого своего стяжаниа избиша, животов и вотчин. *Царю же благочестивому обычай бяша таков . . .*». Далее в летописи идет пространное поучение о защите царем всеобщего блага и прерогативах царской власти.[7]

Если сличить этот летописный текст с преамбулой уставных земских грамот 1555—1556 гг., то будет видно, что летописец в вольной литературной манере, но строго придерживаясь существа нового узаконения, пересказал не дошедшее до нас общее постановление об отмене кормлений, содержащее подобное летописному объяснение ее причин.[8]

Более трудна для понимания вторая часть летописной вставки о приговоре 1555/56 г., обозначенная в летописи особым заголовком — «О повелении царском». Она состоит из пересказа царских постановлений 1555—1556 гг. о повсеместном введении губного и земского самоуправления, долженствующего заменить систему кормлений. Но изложение этих постановлений дано настолько нечетко, что трудно определить, в каком случае речь идет о губном, а в каком — о земском учреждении.

Сперва летописец сообщает, что царь «повеле» во всех городах и волостях учредить старост, сотских, пятидесятских и десятских и возложил на них ведение разбойных, татебных и иных «всяких дел». Всех пойманных «лихих людей» им предписывалось казнить. Специально оговаривалось при этом, что названные выборные лица должны пресекать всякую вражду, взятки и «лживое послушество» (ложные свидетельские обвинения). Указанные постановления, казалось бы, согласуются с предписаниями уставных губных грамот 1540—1550 гг. и с царским приговором о разбойных делах от 18 января 1555 г. (см. № 6). Но идущий далее текст имеет в виду уже явно земскую реформу. Летописец сообщает, что на все города и волости, где, надо полагать, учреждены названные выше старосты и сотские, царь «положи оброки по их промыслам и по землям», которые приказал собирать в казну своим дьякам. Речь идет о «кормленом окупе», т. е. о специальном оброке, собираемом с посадских и волостных людей вместо посошного корма и иных сборов и судебных пошлин, шедших ранее в пользу наместников и волостелей. Что касается самих бывших кормленщиков — «бояр же, и вельмож, и всех воинов», — то их, как сообщает летописец, царь «устроил кормлением, праведными уроки». Им должно теперь взамен их прежних доходов выдаваться денежное жалованье, кому что «достоит по отечеству и по дородству»: городовым детям боярским раз в четыре года, а «иным» (дворовым) — раз в три года. Более высокая денежная котировка дворовых детей боярских обусловлена тем, что в состав царского двора (а именно из него комплектовался высший слой военных и гражданских чинов) входили бояре, дьяки и представители наиболее знатных дворянских родов. Служба по «дворовому списку», как и служба «по выбору» из городов, была в XVI в. привилегией наиболее именитого крупного дворянства.

Приведенные данные о царских постановлениях об отмене кормлений подтверждаются, как уже отмечалось, сообщениями уставных земских грамот 1555—1556 гг., воспроизводящими именно этот царский приговор. Текст подобных же грамот 1552 г. имеет существенные отличия. Особенно ясно это видно, если сличить между собой учредительные части земских уставных грамот 1552 и 1555—1556 гг., излагающие причины отмены кормлений и организации на местах земского самоуправления.

От 1552 г. до нас дошли две земские грамоты, выданные двинским волостям — Пинежке Малой, Вые и Суре Поганой (25 февраля) и Важской земле — посадским, становым и волостным людям (21 марта).[9]

В грамотах указывается, что царю били челом представители земель и жаловались, что их посады, станы и волости «запустели от прежних наших наместников, и от их тиунов, и от довотчиков, и от обыскных, и от лихих людей, от татей и от разбойников, а ... волостелей и его пошлинных людей впред прокормити немочно, и от того де у них в станех и в волостях многие деревни запустели и крестьяне де у них от того насильства и продаж разошлись по иным городам, а из станов и из волостей хрестьяне розошлись в монастыри безсрочно и без отказу, а иные де посадские люди и становые и волостные койкуда безвестно розбрелись нарознь, и на тех де на достальных на посадских людей и на становых и на волостных хрестьянех наши... наместники и их тиуны корм свой, а праведчики и доводчики побор свой, емлют на них сполна, а тем де посадским людем и становым и волостным достальным хрестяном вперед от наших наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна немочно» (Важская земская

грамота). Челобитчики просят «учинить» у себя, на посадах и в волостях, «выборных лучших людей» — земских старост (земских судей), которые должны судить посадских и волостных людей «во всех их делех» и управлять ими.

Земские грамоты 1552 г. и предоставляют такое право посадским и волостным людям указанных округов (бывших кормлений). Им разрешается избрать у себя «излюбленных голов» — посадских и волостных земских старост (судей) — из числа «лучших людей» (крестьян и посажан), по 10 человек в каждом округе (в иных округах число «излюбленных голов» могло быть, видимо, иным), которые должны их «судить» и «о всяких делех земских управу чинить по Судебнику». «На суде, и в обыске, и во всяких делах» у «излюбленных голов» должны присутствовать посадские и волостные «добрые люди», «колким будет пригоже». Им поручено следить, чтобы от новых земских голов (старост, судей) «никому ни в чем силы и обиды и продажи беспипичной не было». Иначе говоря, земскими грамотами провозглашаются коллегиальность и гласность местного суда и управления. Что касается самих земских старост, то их персональный состав подлежал обязательному утверждению в московских приказах.

Но земское самоуправление предоставлялось правительством посадским и волостным мирам отнюдь не бескорыстно. Оно в буквальном смысле слова «покупалось» земскими мирами у царской казны. Земские грамоты 1552 г. устанавливали и размер денежной компенсации, которую местное население платило за право на свой земский суд. Так, за посошные кормленые сборы и судебные пошлины, шедшие ранее в пользу наместников, волостелей и их тиунов (кормы, присуд, пятно, праведчиковы и доводчиковы поборы, гостиную явку, питейные деньги и др.), земские люди должны были вносить в казну специальный оброк — «кормленый окуп», устанавливаемый правительством в отдельности для каждого из ликвидируемых наместничеств и волостельств или их частей, становившимися теперь земскими самоуправляющимися округами, в зависимости от денежной оценки доходности бывших кормлений. Сбор посошного кормленого окупа возлагался на тех же земских выборных старост, они же должны были ведать его раскладкой по земским тяглым единицам — посадам, станам и волостям. Грамоты 1552 г. устанавливали и принцип раскладки: «...двор посадской противу обжи, а обжа противу посадского двора, розметом в наместничь оброк ровна». Кормленый окуп отвозился земскими старостами в Москву и сдавался дьякам, ведавшим кормлениями. Эти дьяки состояли обычно при казне и именовались «кормлеными дьяками».[10]

Судебно-административная компетенция новых земских властей, согласно законодательству, соответствует подобной же компетенции наместников. В грамотах 1552 г. прямо указывается, что новые «излюбленные головы» «ведают и судят» посажан и волощан во всех делах и «во всем управу чинят по Судебнику», кроме, правда, «выдачи» лиц, обвиненных по суду в неуплате долга, «истцем головою» (в долговое рабство). Это разрешалось только с царского доклада. Указанная оговорка имеется в земской грамоте, выданной Малой Пинежке и другим двинским волостям. В Важской грамоте говорится лишь о рассмотрении земскими старостами дел о «заемных кабалах» без определения их прав при вынесении тех или иных взысканий за неуплату долга.[11]

В руках земских властей находилось теперь ведение всех уголовных дел, включая дела об убийстве («головщины») и кончая сыском и судом над разбойниками, татями, костарями (игроками в кости), ябедниками, подписчиками (подделывателями документов) и иными «лихими» людьми. Термин «ведомые» разбойники и тати, сыск и расправа над которыми, согласно Судебнику 1550 г. (ст. 60),[12] находились в компетенции губных старост, в земских грамотах 1552 г. не употребляется. Но вряд ли из этого следует, что на важских и двинских землях, где институт губных старост так и не утвердился на протяжении всего XVI в. (как и во всем Поморье),[13] земские власти были отстранены от борьбы с «ведомыми лихими людьми». Термин «лихие люди» в земских грамотах 1552 г. (как и в уставных наместничьих грамотах) применяется, надо полагать, в широком смысле для обозначения всех профессиональных уголовных элементов, а иногда и просто бродяг. Именно о концентрации в руках земских старост наместничьего суда в полном объеме говорят земские уставные грамоты 1552 г. В них зафиксированы те же нормы, что в Судебнике 1550 г. и иных царских распоряжениях в отношении наместничьего суда над «лихими людьми», но ничего не говорится о новом сыскном процессе, применяемом губными старостами (и узаконенном в губных наказах конца 30-х—начала 50-х гг.), обязательным элементом которого являлись повальный обыск и пытка. Эту особенность земских уставных грамот 1552 г., выданных важским и двинским землям, следует подчеркнуть.

Но круг обязанностей новых земских властей, согласно земским грамотам 1552 г., не исчерпывался только названными судебными делами. Исполняли земские старосты и чисто полицейские функции на местах. Им поручался надзор за куплей, продажей и обменом лошадей. Вели они и учет (гражданскую регистрацию) браков, совершаемых жителями их земского округа между собой или с иногородцами. Земские старосты обязаны были пресекать и все случаи изготов-

ления населением спиртных напитков на продажу и содержание корчм; их изготовление разрешалось только по праздникам и только с доклада земским властям.

Особо выделяют грамоты 1552 г. обязанность земских властей по надзору за перемещением тяглых людей — крестьян и посажан — в целях предотвращения запустения деревень и посадов. Вообще запись «явок» и учет пришлого населения — их прямая обязанность. Именно им поручалось зазывать в пустые деревни и дворы «старых своих тяглецов из иных волостей», а крестьян, перешедших на монастырские земли, «из-за монастырей вывозити назад по старым их деревням безсрочно и безпошлинно, где хто в которой деревне жил преже сего».

Столь широкие полномочия, предоставленные новым земским властям, а главное — представительство ими интересов не местных феодалов (вотчинников и помещиков), а посадских и крестьянских миров, их социальная принадлежность «лучшим» посадским и волостным людям побуждали правительство к введению строжайшего контроля за земским самоуправлением. Для этого была разработана целая система специальных мер. Выборные списки на земских старост утверждались в Москве, тут же в приказах земские власти приводились к крестному целованию.[14] За любые нарушения при исполнении своих обязанностей земским старостам угрожали самые суровые наказания, вплоть до смертной казни. Предусматривали земские грамоты и непосредственную подотчетность земских властей московским приказам, за которыми сохранялось право решения с царского доклада всех спорных дел, а также всех дел местного населения с «опричными» («сторонними») людьми, имеются в виду истцы и ответчики из других земских округов.

Насколько широко охватила земская реформа территорию страны в 1552 г., сказать трудно. Видимо, она коснулась первоначально лишь тех посадов и черносошных волостей, население которых, как это имело место на Ваге и в Двинской земле, особенно активно добивалось права на земское самоуправление. Во всяком случае дошедшие до нас земские уставные грамоты 1555—1556 гг. рисуют уже иную картину. Согласно их данным, введение земского самоуправления проводится теперь повсеместно во исполнение уже общего правительственного распоряжения — нового царского приговора об отмене кормлений «по всем городам и волостям» — и в обязательном порядке, а отнюдь не по челобитьям представителей тех или иных местных тяглых миров, как это было в 1552 г.

Первое известие об этом приговоре сохранили царская указная грамота от 23 мая 1555 г., адресованная устьянским волостям Устюжского уезда и предписывавшая населению указанных волостей — черным, оброчным, владычным и монастырским крестьянам — провести у себя выборы земских старост (3—4 человек) и к Покрову (1 октября) направить их для приведения к присяге в Москву, где им будут даны «наказы», а также «уставная и оброчная грамота», как им «чинить суд и управу» вместо волостелей и какой оброк «за волостелины кормы и доходы» собирать с населения и сдавать в казну в Москве.[15]

Никаких упоминаний о том, что грамота 23 мая 1555 г. была выдана устьянским волостям по их ходатайству, как отмечалось в земских грамотах 1552 г., на этот раз нет. Наоборот, грамота прямо начинается с изложения общего царского предписания о повсеместной отмене кормлений.

Если сравнить грамоту от 23 мая 1555 г. устьянским волостям с преамбулой земских грамот 1552 г., то обращает на себя внимание ряд существенных различий. Во-первых, в устьянской грамоте 23 мая 1555 г. прямо указывается, что по царскому жалованию кормления «впредь» отменены «по всем городам и волостям» и вместо них «во всех городах и волостях» учреждаются земские старосты. Во-вторых, среди причин, вызвавших отмену кормлений, в устьянской грамоте 1555 г. не упоминаются разорения, чинимые местным жителям «лихими людьми» — разбойниками и татями, хотя в 1552 г. именно на них делался акцент. В то же время в устьянской грамоте 1555 г. в качестве причин земской реформы впервые называются встречные челобитья самих кормленщиков о неповиновении им местных жителей (в грамотах же 1552 г. этот мотив, наоборот, отсутствует, поскольку сами мирские ходоки не могли возводить на себя подобные обвинения). Весьма показательно, наконец, что ничего не говорится в устьянской грамоте от 23 мая 1555 г. и о жалобах населения, фигурирующих в земских грамотах 1552 г., на уход посадских людей и крестьян в другие посады и волости и за монастыри «безсрочно и безотказу», отчего дворы и деревни пустеют и тяглым людям приходится с пустых мест платить налоги и пошлины. Вряд ли положение существенно изменилось в 1555 г. И не вполне ясно, почему в царской грамоте 23 мая 1555 г., как и в других земских уставных грамотах 1555—1556 гг., ничего не говорится о бегстве крестьян на монастырские земли. Не связано ли это с изменением отношения правительства к церковному землевладению? Возможно, прежние ограничения «незаконных» переходов тяглых людей вообще теряли силу? Нужны были более действенные и в то же время более гибкие меры — расширение местной инициативы. Во всяком случае, вводя земское самоуправление, правительство шло на значительно большие уступки крестьянским и по-

садским мирам в их требованиях предоставить им право самим решать свои земские дела.

До нас дошла и сама земская уставная грамота, выданная устьянским волостям 15 октября 1555 г., после того как волощане выбрали у себя новые земские власти и последние были приведены к присяге в Москве. Грамота еще раз подтверждала, что устьянские волости переведены на откуп с 1 октября. Текст новой земской уставной грамоты 1555 г. по сравнению с подобным же текстом 1552 г. более сжатый и менее напоминает наместничьи уставные грамоты. Сперва излагаются причины отмены кормлений — почти дословное повторение их изложения в устьянской грамоте 23 мая 1555 г. (новшество — лишь указание, что наместникам и волостелям посадские и волостные люди не только не подчиняются, но и «их бьют»!). Потом перечисляются имена утвержденных устьянских земских старост и подтверждаются их право и обязанность «посадских и волостых людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмя уложили о суде по всей земле» (полагаем, что имеется в виду принятая Стоглавным собором в 1551 г. и «подписанная» под Судебник «Уставная грамота, которой в казне быти»[16]). Из конкретных обязанностей земских властей упоминается только досмотр ими приезжих людей для выявления поличного (краденых лошадей или вещей), а также пресечения при ведении суда лживых обвинений, взяточничества, мести и ябедничества. Что касается разбойных дел, то, по устьянской уставной грамоте 15 октября 1555 г., они теперь полностью исключаются из ведения земских властей. Потом идут предписания, как избирать земских судебных целовальников, собирать оброк за бывшие доходы, присуд и пошлины волостелей и кому сдавать его в Москве в казну. Заканчивается уставная грамота предупреждением земских властей, что за любые нарушения при исполнении ими «царского и земского дела» они будут подвергнуты самым жестоким наказаниям, вплоть до смертной казни и конфискации имущества. За добросовестное же отношение к своим обязанностям им обещали поощрения — «вперед толко нам и земле управа их будет люба, и мы... с их дворов, и с вытей, что за ними пашни, пошлин и податей всяких имати не велим, да и сверх того их пожалуем».

Указанный текст земской уставной грамоты воспроизводится и в других дошедших до нас учредительных земских грамотах 1555 г.: в грамоте от 11 августа, выданной посадским людям Соли-Переяславской, [17] и 15 августа — посадским переяславским рыболовам стольничьего пути.[18] Оба кормления были переведены на оброк с Ильина дня (20 июля) 1555 г.

Все это дает основание сделать вывод, что указанные земские уставные грамоты 1555 г., вернее, их преамбула (общая учредительная часть) представляет собой наиболее точное изложение царского приговора о повсеместной отмене кормлений, который был принят в начале 1555 г., до 23 мая, когда была послана устьянским волостям царская грамота во исполнение принятого решения о земской реформе.

Именно такую датировку приговора о кормлениях подтверждают данные Боярской книги 1556 г., содержащей сведения о передаче на откуп посадов и волостей различных районов страны.[19]

По данным Боярской книги 1556 г., кормления различных уездов были переведены на откуп с 25 марта по 6 декабря 1555 г.

Таким образом, земская реформа проводилась правительством в 1555 г. весьма интенсивно и по единым срокам, устанавливаемым для кормлений того или иного района, независимо от окончания его держания кормленщиком, согласно выданным ему ранее «кормленым грамотам».

И все же реформа в той части, которая касалась наместничьего управления, оказалась реализованной не полностью. Наместники и впоследствии управляли многими территориально-административными районами государства, и это нашло отражение в законодательстве.

Изложение в Никоновской летописи уложения о службе 1555/56 г. носит более официальный характер. Точная дата принятия уложения неизвестна. В. Н. Татищев в своем издании Судебника 1550 г. помечает приговор «о кормлениях и службе» 20 сентября 1555 г.[20] К указу о кормлениях эта дата, как уже отмечалось, не подходит (указ был принят до 23 мая). Но еще В. О. Ключевский указывал, что «в конце приговора изложены те самые постановления или правила об уложенной службе, которыми руководились при составлении Кормленной книги 1555—56 гг. (речь идет о Боярской книге 1555/56 г. — *Авт.*) для определения служебной повинности и денежного вознаграждения служилых людей и которые в этой книге называются уложением». И далее В. О. Ключевский поясняет: «Татищев ... пытался исправить неисправный летописный текст приговора и вносил в него пояснительные вставки. В его изложении закон помечен 20 сентября. Нам неизвестно, откуда заимствована эта дата, но она оправдывается ходом дела: именно с сентября 1555 г. и по отрывку Кормленной книги заметно учащаются переходы земских обществ на откуп. Можно подумать, что 20 сентября приговорено было обнародовать закон, решенный ранее».[21] Но В. О. Ключевский исходил из мысли, что сразу было принято единое по-

становление («новый закон») и о кормлениях, и о службе. На самом же деле, видимо, был не один, а два приговора: первый — об отмене кормлений и введении земских учреждений; второй — о нормах службы с земли и денежного жалованья (вместо кормлений) служилым людям. Приняты они были не одновременно. В. О. Ключевскому не была известна грамота 23 мая 1555 г., адресованная устьянским волостям и излагающая царский указ (первый приговор) об отмене кормлений «во всех городех и волостех» и тем самым явно говорящая о его «обнародовании» уже к этому времени. Не относится ли дата 20 сентября 1555 г. к изданию уложения о службе (второго приговора), дополняющего приговор о кормлениях, но принятого после него и имеющего своей целью решить вопрос о земельном и денежном обеспечении служилых людей — бывших кормленщиков (не случайно изложение второго приговора начинается летописцем со слов: «По сем же государь сея расмотрел ...»). Может быть, именно поэтому летописная вставка о царском уложении «о кормлениях и службе», пересказывающая содержание первого и второго приговоров, датируется летописцем не 7063 г. (1554/55 г.), когда был принят закон об отмене кормлений и шла активная передача городов и волостей на откуп, а 7064 г. (1555/56 г.) — временем издания второго указа (приговора) и завершения нового «земского устроения».

Уложение о службе 1555/56 г. в передаче летописца имеет следующее содержание. Царь «рассмотрел» вопрос о соотношении ратной службы с землей и установил, что бояре и дети боярские, которые «многими землями завладели», несут службу «не против государева жалования (поместий. — *Авт.*) и своих вотчин» и от этого государство «службою оскудеша». Для устранения создавшегося положения, согласно царскому приговору, было предписано: во-первых, провести проверку обеспечения служилых людей землей и так «устроить», чтобы было в земле «уровнение», а переизлишки земли розданы неимущим; во-вторых, установить нормы «уложенной службы» с вотчин и поместий, причем (и это особо важно) в отношении службы вотчина полностью приравнивается к поместью. Теперь, по новому закону, каждый служилый человек, кроме несения личной военной службы, обязан был выставлять с имеющейся у него земли своего ополченца из расчета со 100 четвертей (50 десятин) «добрые угожеи земли» один человек (холоп) в полном вооружении и на коне, а в дальний поход — на двух конях. За исправное несение службы вотчинники и помещики получали денежное жалованье — «кормление», а также деньги на выставленных ими ополченцев — «уложенных людей». За недоданных с земли ратников со служилых людей взимались штрафные деньги. Для тех служилых людей, кто даст в службу лишних уложенных людей сверх земельной нормы, устанавливалось «от государя болшее жалование самим, а людем их перед уложенными полтретия денгами», т. е. жалованье в двух с половинном размере.

Боярская (Кормленная) книга 1555/56 г. дает наглядный пример реализации указанного постановления на практике. Окончательно она была составлена после Серпуховского смотра служилых людей в июне 1556 г., вероятнее всего в июле—августе. До нас книга дошла не в полном виде — нет начала и конца рукописи. В сохранившейся части записано 180 бояр и детей боярских, распределенных по статьям: 11-я — оклад 50 р., 12-я — 45 р., 13-я — 40 р., 14-я — 35 р., 15-я — 30р., 16-я — 25 р., 17-я — 20 р., 18-я — 17 р., 19-я — 15 р., 20-я — 12 р., 21-я — 10 р., 22-я — 9 р., 23-я — 8 р., 24-я — 7 р., 25-я — 6 р.

Если учесть, что разница между размерами денежных окладов, начиная со ст. 17 и далее, составляет 5 р., а оклад ст. 11 равен 50 р., то можно, как отмечал Б. А. Романов, полагать, что оклад отсутствующих статей составлял соответственно: 10-я — 55 р., 9-я — 60 р., 8-я — 65 р., 7-я — 70 р., 6-я — 75 р., 5-я — 80 р., 4-я — 85 р., 3-я — 90 р., 2-я — 95 р., 1-я — 100 р. Всех лиц, которые должны были быть записаны в статьи 1—10 Боярской книги 1555/56 г., следует отнести к верхам феодального класса — к собственно боярству в широком смысле слова.[22]

Ст. 25 Боярской книги, видимо, была последней, поскольку, как показывают десятни второй половины XVI в., денежные оклады ниже 6 р. (в размере 4—5 р.) получали только «новики» из городовых детей боярских (дворовые «новики» обычно получали больше — от 6 до 8 р.), а также небольшая группа детей боярских, живших в городе «с осадной головой для осадного времени». Последние, например, получали по Коломенской десятне 1577 г. по 5 р.[23]

За выставленного с земли холопа в полном вооружении служилые люди получали по Боярской книге по 2 р., а за выставленного сверх нормы — по 5 р. Это и была денежная такса за «уложенных людей» по новому приговору.

Из Боярской книги 1555/56 г. совершенно ясно, что главным основанием для включения в нее того или иного боярина или сына боярского было наличие у него прав на «кормы и доводы» (этим «правом» пользовались в XVI в., как правило, лишь бывшие «вольные слуги» великого князя, входившие в состав его двора, иначе говоря, дворовые дети боярские). Боярская книга постоянно ссылается на «списки к кормленому верстанию», а также на иные сведения о держании тем или иным лицом кормлений в 1550—1555 гг. Встречаем и прямые указания, что то или иное лицо стояло в очереди на кормление.

Другая задача, которую ставили перед собой составители Боярской книги 1555/56 г., — это проверка размеров вотчин и поместий служилых людей. Главной целью этой проверки было выяснение вопроса, соответствует ли поместный оклад служилого человека реально имеющимся у него землям, поскольку только с них он должен был выставлять даточных людей. Данные Боярской книги показывают, что в большинстве случаев служилые люди имели меньше земли, чем было за ними записано по поместным окладам. Разница была, как правило, весьма значительной — от 100 до 300 и более четей земли.

Таким образом, Боярская книга наглядно показывает, как реализовалось на практике царское распоряжение об упорядочивании земельного обеспечения служилых людей и установлении соответствия между землей и службой.

Но земская реформа Ивана Грозного, завершающим шагом которой было принятие боярской думой приговоров «о кормлениях и службе» 1555/56 г., имела своим следствием и существенную перестройку всей системы московских приказов. В 60—70-х гг. были образованы четвертные приказы (чети) как центральные правительственные учреждения, ведающие в судебном и финансово-административном отношениях городами и волостями определенных областей, собирающие с них кормленый окуп и распределяющие совместно с Разрядным приказом «государево денежное жалование» среди прикрепленных к той или иной четверти служилых людей, так называемых четвертчиков. Отвечая на вопросы, что такое четвертные деньги и кто имел на них право, С. Ф. Платонов прямо указывает, что «возможен ... лишь один ответ ...: идущие в Чети оброчные деньги „за наместнич доход" и проч. есть не что иное, как „кормленый окуп", „оброк", установленный уложением 7064 (1555/56) года в виде выкупа за уничтоженные кормленья; право на этот „оброк" получали те, кто ранее имел право на кормленье».[24]

Таково общее значение царских приговоров «о кормлениях и службе» 1555/56 гг. — крупнейшей реформы XVI в., направленной на перестройку всей системы местного суда и управления на сословно-представительных (земских) началах и создавшей новую государственную систему материального обеспечения как самого служилого сословия (бояр и верхов дворянства), так и основных воинских формирований страны — дворянских ополчений. Отчетливо выступает из царских указов и классовая сущность реформы, ее компромиссный характер: стремление правительства удовлетворить интересы широких слоев феодалов, городской и волостной верхушки — купцов, промышленников и иных «лучших» земских людей — и при всем том максимально подчинить новые земские учреждения возрастающему контролю со стороны царской бюрократии. В этом отношении земская реформа — не только продукт резкого обострения антифеодальной борьбы в русской черносошной деревне и русском городе середины XVI в., но и своеобразный «правовой гибрид», пример органического переплетения, казалось бы, противоположных политических начал — сословного представительства (выбора) и приказного строя (бюрократии) — в государственном устроении российской монархии XVI в.

1 ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, половина 1. С. 267—269; СПб., 1914. Т. 20, половина 2. С. 569—571.

2 *Зимин А. А.* «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве//История СССР. 1958. № 1. С. 179, 180, 182; см. также: *Зимин А. А.* Реформы. С. 422—437.

3 *Шмидт С. О.* К истории земской реформы: (Собор 1555/56 г.)//Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 125—126; см. также: *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 196—208. О вставке приговора 1555/56 г. «о кормлениях и службе» в «Летописец новых лет» при его редактировании пишет и Р. Г. Скрынников (*Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 24—25).

4 *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. С. 206—207.

5 *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 376.

6 Там же. С. 377—378, 383.

7 Оболенский список Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 13, половина 1. С. 267—269).

8 См: *Носов Н. Е.* Уложение о кормлениях и службе 1555/56 г. // ВИД. 1985. 17. С. 58—87.

9 *Копанев А. И.* Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // Истор. архив. М., 1953. Кн. 8. С. 11—20; ААЭ. Т. 1. № 234. Анализ уставных грамот 1552 г. см.: *Носов Н. Е.* Становление... . С. 295—326.

10 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 247 и след.; Судебники XV—XVI вв. С. 234—237.

11 В дальнейшем, согласно приписке от 8 марта 1556 г. на Важской земской грамоте 1552 г., земские старосты по царскому указу получают право отдавать неисправных должников истцам в рабство «до искупа» (см. № 7). Поручалась земским старостам и регистрация самих заемных кабал и расписок о выплате долга, которые они хранили у себя «в земском ларце, за своими печатями». Это свидетельство роста доверия, оказываемого им правительством, поскольку по Судебнику 1550 г. правом регистрации кабальных сделок и соответственно расчетов по ним обладали в Москве бояре и дьяки (ст. 36), а на местах — наместники с правом «боярского суда».

12 Судебники XV—XVI вв. С. 248—251.

13 *Носов Н. Е.* Становление... . С. 301—303, 338—339.

14 См. образец крестоцеловальной записи середины XVI в., по которой в Москве приводились к присяге земские судьи (старосты): ПРП. Вып. 4. С. 197—198; комментарий — С. 220—221.

15 Грамота Ивана IV от 23 мая 1555 г. опубликована: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 287—288.

16 *Носов Н. Е.* Земская «уставная грамота» 1551 г.//ВИД. 1969. 2. С. 199—213.

[17] *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 110—113.
[18] ААЭ. Т. 1. № 242.
[19] Боярская книга 1556 года (сообщена князем М. А. Оболенским)//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Н. Калачовым. СПб.; М., 1861. Кн. 3, отд. 2. С. 25—88.
[20] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 332.
[21] *Ключевский В. О.* Состав представительства на земских соборах Древней Руси//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 467—468.
[22] *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в.//ИЗ. 1955. Т. 25. С. 331; *Носов Н. Е.* Становление... . С. 396.
[23] *Носов Н. Е.* Становление... . С. 397.
[24] *Платонов С. Ф.* Как возникли Чети? (К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей)//Платонов С. Ф. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1. С. 139. Об образовании четвертей см. также: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 219 и след.

№ 12

Ссылки на указ не позднее 14 января 1556 г. о снижении поместного оклада служилым людям, назначенным в «городовые службы», до 5 обеж (примерно до 50 четвертей) имеются в царских грамотах в Новгород от 14 января и 15 февраля 1556 г. по поводу челобитий торопецкого городового приказчика Н. Н. Лопатина и новгородского решеточного приказчика К. П. Курцева.[1] Оба челобитчика просят сохранить поместья: первый просит передать отписанные у него 7 обеж своему сыну, поспевшему в службу, второй — сохранить за ним поместье своего отца, хотя он, челобитчик, и состоит «в решетчетом приказе в Новгороде». Уменьшение оклада произведено было, вероятно, потому, что служилые люди, находившиеся на городовой службе, не участвовали в военных походах. Указ не нашел комментариев в литературе. Так, С. В. Рождественский, говоря о поместных окладах «гражданских чинов», приводит среди прочих оклады городовых приказчиков только в 200, 120 и 100 четвертей.[2]

[1] ДАИ. Т. 1. № 52, XXVII.
[2] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 259—260.

№ 13

Уложение ранее 21 января 1556 г. процитировано в царской грамоте от 21 января 1556 г., выданной по челобитью игумена Воскресенского монастыря Геннадия о том, что млевские рядовичи не платят занятых ими денег с ростом, ссылаясь на уложение (см. № 8). По прямому чтению указа «урочные лета долги платити без росту» «отошли» «черным людем». Но поскольку указ от 25 декабря 1557 г. (см. № 26) предоставлял льготы в уплате долгов как служилым, так и неслужилым людям, постольку можно полагать, что и уложение имело в виду не только «черных людей» Новгородской земли, но и служилых людей.

См. также № 29.

№ 14

Указ ранее февраля 1556 г. никак не подтверждается последующим законодательством. Во всех случаях, когда в законах говорится о даче вдовам и девкам прожиточных поместий, возрастная грань для последних не указывается.

См. также № 91, 234 (ст. 8), 299.

№ 15, 17, 19

В 50-х гг. XVI в. отпускные грамоты, выдаваемые холопам их владельцами при отпуске на свободу, стали объектом пристального внимания центральных властей, которые по истечении полувека после первой общегосударственной регламентации в данной сфере Судебником 1497 г. (в статьях 17, 18, 20, 40—43)[1] в течение короткого времени по меньшей мере трижды возвращались к этой проблеме. Так, Судебником 1550 г. (в ст. 77)[2] вводился новый порядок оформления хо-

лопьих отпускных, состоявший в разрешении их выдачи «с боярского доклада» только в трех городах (Москва, Новгород, Псков) и запрещении холоповладельцам самим выдавать отпускные грамоты. Впрочем, как установила Е. И. Колычева, «попытка ... регламентировать освобождение ... соответствующей документацией потерпела неудачу», и к моменту появления в середине 50-х гг. XVI в. новых указов эти правила на практике не выполнялись.[3]

В литературе было высказано несколько точек зрения по поводу датировки сохранившихся указов о холопьих отпускных, соотношений между ними и их последовательности. Наиболее рельефно эти расхождения выявились в работах А. А. Зимина, И. И. Смирнова, Р. Б. Мюллер и В. М. Панеяха.

А. А. Зимин, датируя указ около 22 августа 1556 г. (№ 17) 1556 годом, полагает, что он подтверждал ст. 77 Судебника 1550 г. о выдаче отпускных с боярского доклада и в то же время сохранял в силе действие старых отпускных, выданных «без боярского доклада». При этом если «бывший холоп все-таки будет служить у своего господина, то его отпускная аннулируется».[4] Указ ранее 22 августа 1556 г. (№ 15) А. А. Зимин относит к апрелю—декабрю 1559 г. и считает, что им уничтожается порядок оформления отпускных посредством предписания обязательного приложения к отпускной боярской печати «и дьячей руки». Что же касается указа позднее 22 августа 1556 г. (№ 19), то он, по мнению А. А. Зимина, является иначе сформулированным указом № 15, его позднейшей обработкой.[5]

И. И. Смирнов на основании анализа этих трех указов прослеживает ход законодательного процесса после Судебника 1550 г. Указ № 15, вернее, припись Алексея Адашева, «формулирует ту норму, которая должна получить свое выражение в новом законе»,[6] и является начальной стадией законодательного процесса, относящейся к самому началу 50-х гг.[7] Смысл его состоит в том, что «отпускные теряют свою силу, если отпущенный холоп продолжает ,,служить'' у старого господина».[8] К этому же времени относится и «вторая редакция закона» (указ № 19), представляющая собой «уже результат обработки первоначального текста»[9] и вместе с тем являющаяся завершающим звеном в законодательном процессе. Наконец, указ № 17 И. И. Смирнов датирует началом 60-х гг. и считает, что он является результатом не законодательного, а кодификационного процесса — «процесса переработки закона о холопьих отпускных в статью того же содержания, долженствующую быть приписанной к Судебнику в качестве дополнительной статьи».[10]

Р. Б. Мюллер отвергла предложенную И. И. Смирновым схему законодательного и кодификационного процесса, основываясь на том, что а) ведомство казначеев являлось «одним из приказов, куда, наряду с другими приказами, рассылались памяти, содержащие новые указы»; б) «особого оформления указов для приписки к Судебнику не существовало», а указы «приписывались к Судебнику в том виде, в каком они были получены, т. е. чаще всего вместе с сопровождающей их памятью».[11] Что же касается соотношения между указами и их последовательности, то Р. Б. Мюллер располагает их в той очередности, которая вытекает из последовательного изменения смысла самого закона и его дополнения.[12] Указ № 15 «запрещает холопу, получившему отпускную, оставаться на службе у своего господина, но не устанавливает никаких санкций за нарушение этого правила». Отличия указа № 17 от указа № 15 состоят в том, что в нем незарегистрированные отпускные, выданные до Судебника 1550 г., приравниваются к новым, зарегистрированным в соответствии со ст. 77 Судебника, и вводится санкция за нарушение указа № 15 посредством аннулирования отпускной, если холоп, получивший ее, продолжает служить у старого государя. Таким образом, Р. Б. Мюллер отметила тесную связь между этими указами и «близость их по времени издания». Указ № 19 «устанавливает обязательность регистрации старых отпускных в течение года и аннулирования незарегистрированных отпускных». Тем самым указ № 19 «отменяет действие» указа № 17, который «предполагал равную законную силу старых незарегистрированных отпускных с новыми зарегистрированными».[13]

Предложенная А. А. Зиминым схема соотношения между указами № 17 и 15, основанная на различиях в порядке оформления отпускных (по указу № 17 они давались только «з боярского докладу», а уже в указе № 15 в редакции Сводного судебника «вводилась обязательность приложения к отпускной боярской печати и ,,дьячей руки''»),[14] отводится И. И. Смирновым, отметившим, что «и обязательность боярского доклада, и обязательность боярской печати и дьячей подписи при оформлении отпускных были установлены Судебником 1550 г., его ст. 77».[15] Замечание же А. А. Зимина, высказанное в форме догадки, об указе № 19 как об иной редакции указа № 15, возникшей в результате обработки последнего,[16] было поддержано В. М. Панеяхом, который привел дополнительную аргументацию в поддержку этого мнения.[17]

Как подметила Р. Б. Мюллер, указ № 19 отменил действие указа № 17, приравнявшего старые незарегистрированные отпускные, данные до Судебника, к новым зарегистрированным отпускным,[18] и тем самым необъяснимо резко изменил всю систему решения дел о старых отпускных грамотах, разработанную в законодательстве 50-х гг., начиная с Судебника 1550 г. Такое

нововведение оказалось бы в противоречии не только с предшествующим законодательством, но и с практикой его реализации. И действительно, Е. И. Колычева установила, что попытка правительства ст. 77 Судебника 1550 г. регламентировать выдачу отпускной грамоты потерпела провал. Но этот несомненный факт прекращения действия правила, касающегося отпускных грамот, даваемых после Судебника, делает едва ли возможным предположение о предпринимаемой властями попытке поставить под сомнение старые (данные до Судебника) отпускные, к тому же признанные законными недавним указом № 17. И, наконец, если следовать точному смыслу указа № 19, то старые незарегистрированные отпускные грамоты подлежали регистрации в течение одного года и только в одном месте — в Москве у казначеев. Однако такое мероприятие было, во-первых, заведомо невыполнимым. Невозможно представить, чтобы все выданные до 1550 г. отпускные, находившиеся у бывших холопов, живших на огромных просторах страны, могли быть предъявлены в столь короткий срок. Кроме того, бывшие холопы или их потомки и не были в состоянии приехать в Москву, так как в подавляющем большинстве к этому времени стали холопами других господ либо порядились в крестьяне. Во-вторых, указ № 19 создавал весьма странный порядок, согласно которому выдача новых отпускных грамот оставалась (в соответствии со ст. 77 Судебника 1550 г.) прерогативой трех органов: бояр и дьяков — в Москве, наместников и дьяков — в Новгороде, наместников и дьяков — в Пскове, а регистрация старых отпускных (и тем самым приравнивание их к новым) должна была проводиться только в одном месте — в Москве у казначеев.

Помимо наблюдений над содержанием указа № 19, ставящих под сомнение его аутентичность, можно привести и ряд текстологических наблюдений, позволяющих не только усилить эти сомнения, но и, подтвердив мнение А. А. Зимина об указе № 19 как результате обработки указа № 15, высказать предположение о времени такой обработки и ее авторе.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что указ № 19 дошел до настоящего времени лишь в составе подготовленного В. Н. Татищевым и изданного после его смерти Г. Ф. Миллером Судебника 1550 г. Как установил С. Н. Валк, в основу этого издания положена редакция начала 1750 г., являющаяся третьей татищевской редакцией Судебника.[19] Однако рукопись, которая попала через Шумахера к Миллеру, не сохранилась, а имеющиеся три ее копии воспроизводят лишь часть оригинала: в двух — до ст. 104,[20] а в одной — до ст. 137,[21] в то время как указ № 19 вошел в миллеровское издание татищевского Судебника в качестве ст. 156.[22] Существенно, что указ № 19 отсутствует и во второй (по классификации С. Н. Валка) татищевской редакции Судебника (редакция 1740 г.), хотя она, в отличие от третьей и четвертой редакций, сохранилась полностью в списке, в котором примечания Татищева правлены его собственной рукой,[23] и в ряде копий, сделанных после первой или второй правок Татищева.[24] И вообще указа № 19 нет во всех списках (их около 40), содержащих дополнительные указы к Судебнику 1550 г. Немаловажно и то обстоятельство, что указ № 19 является единственным из всех дополнительных указов второй половины XVI в., дошедшим лишь в составе миллеровского издания татищевского Судебника.

В то же время в миллеровском издании татищевского Судебника отсутствует указ № 15. Однако Татищев знал о его существовании и даже включил в состав своей второй редакции Судебника в виде ст. 155.[25] Кроме того, в издании Судебника и дополнительных к нему указов, выполненном С. Башиловым, указ № 15 имеется,[26] а указ № 19 отсутствует, хотя издание Башилова было подготовлено по одному из списков, поступивших от самого Татищева. При этом из всех дополнительных указов к Судебнику у Башилова фигурирует лишь один указ, отсутствующий в миллеровском издании татищевского Судебника, — указ № 15.

Таким образом, имея несколько списков с текстом указа № 15 и включая его во вторую редакцию своего Судебника, Татищев при работе над третьей редакцией Судебника изымает этот указ из готовящегося к изданию текста, а вносит указ № 19, отсутствовавший как во второй редакции, так и во всех дошедших до нас списках.

Освещая в письме к Шумахеру характер своей работы над третьей редакцией Судебника, Татищев писал, что, «не имея способного писца, принужден сам» переписать древние законы и свои комментарии к ним, вследствие чего сумел их «внятнее ... понять ..., погрешность усмотреть ..., а потому правильнее выяснить».[27] Изучив приемы работы Татищева над третьей редакцией Судебника, С. Н. Валк пришел к выводу, что он «заново переработал и текст, и примечания».[28]

Этот вывод, приведенные текстологические сопоставления (в дополнение к выявленным выше несообразностям указа № 19) дают основания для предположения о том, что Татищев не включил в свою третью редакцию Судебника (изданную впоследствии Миллером) указ № 15 именно потому, что он взамен включил указ № 19, являющийся результатом осмысления и связанной с этим переработки непонятного для него указа № 15. Таким образом, указ № 19, возможно,

и не был результатом законодательной деятельности центральных властей второй половины XVI в.

Что же касается указов № 15 и 17, то они тесно связаны друг с другом и дополняют друг друга. Оба эти указа возникли в связи с трудностями при практической реализации ст. 77 Судебника 1550 г. и отменой ею порядка, который действовал со времени Судебника 1497 г., где была ст. 18, разрешавшая боярину в Москве, наместникам, обладавшим правом боярского суда, и самим холоповладельцам, если грамоты были написаны непосредственно последними, давать отпускные.

Собственно, доклад казначеев касался всего только одного вопроса: как поступать с отпускными, данными до Судебника 1550 г. и противоречащими, конечно, тому порядку, который был введен ст. 77 (поскольку непосредственно об этом не было речи в Судебнике)? Однако припись Алексея Адашева, являющаяся указом № 15, не дает ответа на этот вопрос, а формулирует норму, никакого отношения к запросу не имеющую, которая получает развитие затем в указе № 17. Она сводится к тому, что холопам запрещается служить у государей после выдачи им отпускных грамот, причем это запрещение распространяется указом № 17 как на холопов, получивших до Судебника старые отпускные, так и на холопов, получивших новые, выданные после Судебника и в соответствии с его правилами отпускные. Указом вводится также санкция за нарушение указа № 15: если холоп, получивший отпускную, продолжает служить у старого холоповладельца, отпускная аннулируется. Тем самым в указе № 17 содержится и косвенный ответ на запрос казначеев. И действительно, если запрещение служить у господ после выдачи отпускной распространяется на те отпускные, которые были выданы до Судебника, то тем самым они признаются действительными, а нормы ст. 77 — не имеющими обратной силы.

Для того чтобы выяснить причину запрещения холопам служить у старых господ после выдачи отпускных грамот, необходимо определить характер отношений между холопом, имеющим на руках отпускную грамоту, но продолжающим служить у прежнего холоповладельца, и последним. Было высказано, в частности, мнение, что холоп, отпущенный на волю, но продолжающий служить у прежнего владельца, находился фактически на добровольной службе, являлся по существу бескрепостным человеком.[29]

Известно, однако, что именно в это время начинает проявляться отрицательное отношение властей к добровольной службе, и это нашло свое выражение, в частности, в ст. 82 Судебника 1550 г. и в указе 11 октября 1555 г. (см. № 9).[30] Следовательно, и в указах о холопьих отпускных власти, обратившие внимание на одну из бытовых форм добровольной службы, направили свои усилия на то, чтобы уменьшить сферу ее распространения. Таким образом, указы о холопьих отпускных являются одним из первых законодательных мероприятий московских властей против документально не оформленной зависимости.

[1] См. комментарий Л. В. Черепнина: Судебники XV—XVI вв. С. 65—68, 80.
[2] См. комментарий Б. А. Романова: Судебники XV—XVI вв. С. 283—284.
[3] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 201.
[4] ПРП. Вып. 4. С. 550; *Зимин А. А.* Реформы. С. 465—467.
[5] ПРП. Вып. 4. С. 553—554; *Зимин А. А.* Реформы. С. 466.
[6] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 390.
[7] Там же. С. 394. Так же датировал этот указ С. О. Шмидт (*Шмидт С. О.* Челобитенный приказ в середине XVI в. // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. 7, вып. 5. С. 458).
[8] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 390.
[9] Там же. С. 391.
[10] Там же. С. 395.
[11] *Мюллер Р. Б.* Некоторые замечания об издании законодательных актов второй половины XVI в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 336—337.
[12] Там же. С. 337.
[13] Там же. С. 338.
[14] *Зимин А. А.* Реформы. С. 466.
[15] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 395.
[16] *Зимин А. А.* Реформы. С. 466: «Трудно сказать, кем приговор был обработан: самим В. Н. Татищевым, одним из переписчиков приговора, или переформулирован в правительственной канцелярии».
[17] См.: *Панеях В. М.* Указы о холопьих отпускных 50-х годов XVI в. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 103—110. В последующей части комментария излагается точка зрения В. М. Панеяха, высказанная им в этой статье.
[18] *Мюллер Р. Б.* Некоторые замечания... . С. 338.
[19] *Валк С. Н.* О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 43.
[20] Архив ЛОИИ, кол. 115, № 434; ГИМ, ф. 73, № 1.
[21] ЦГАДА, ф. 135, отд. 5, рубр. 1, № 5.
[22] Кстати, текст именно этого указа в миллеровском издании татищевского Судебника дефектен: в нем пропущено отрицание «не», почему большинство последующих изданий указа № 19 имеет конъектуру. Впрочем, в последнем издании татищевского Судебника, подготовленного под руководством С. Н. Валка, указ № 19 воспроизведен без конъектуры (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 358).

[23] БАН, 16.14.9; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 260—276.
[24] ГПБ, F.II.91; Погодинское собр., 1839; Эрмитажное собр., № 44; F.II.118; Q.II.77; ГИМ, ф. 450, № 75; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 670.
[25] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 273.
[26] Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768. Ч. 3. С. 42.
[27] Истор. архив. М., 1951. Т. 6. С. 291.
[28] *Валк С. Н.* О составе рукописей... . С. 42.
[29] *Панеях В. М.* Холопство. С. 35.
[30] Там же. С. 33—34.

№ 16

Издание приговора 22 августа 1556 г. приурочено к принятию как раз в это время царского «уложения» об отмене системы кормлений, упразднению института наместников и волостелей, и передаче местного суда, а равно и общего надзора за «феодальным порядком» на местах в руки самого уездного дворянства и городских и волостных «лучших людей» (купцов и крестьян-богатеев), интересы которых и представляли губные и земские старосты и целовальники (см. № 11). Земские старосты избирались только по черным волостям и на посадах, губные старосты — из местных детей боярских, вотчинников и помещиков повсеместно, кроме Поморья, как края почти сплошного в середине XVI в. черносошного землевладения.[1] Но даже в тех районах, где на посадах и в волостях были земские власти, они в полицейском отношении были подконтрольны губным старостам, которые уже в середине 50-х гг. превращаются из волостных в общеуездные органы местной власти (на уезд-губу избиралось по два губных старосты). Именно губные старосты представляют интересы местных феодалов и блюдут теперь правительственный интерес: не только чинят суд и расправу над «лихими людьми», но и вообще выступают в роли органа власти, которому поручаются самые различные дела, вплоть до земельных. В этом смысле приговор 22 августа 1556 г. являлся органической частью земской реформы 1555/56 г. (см. № 11), что в первую очередь определяет его политическое значение.

Превращение губных старост в 1555 г. в общеуездный судебно-административный орган и передача в их руки основных судебных функций наместников определили необходимость издания специального царского постановления о губных делах. Им и явился царский приговор («уложение») 22 августа 1556 г.

Общая особенность судебных реформ середины 50-х гг. XVI в. состояла в том, что в уголовной практике центральных и местных судов состязательный процесс был заменен следственным. Именно губные старосты в глазах правительства были теми органами дворянского самоуправления и в то же время низшим звеном новой, все более бюрократизирующейся системы управления, которые могли и должны были реализовать на практике это кардинальное изменение в области судебно-административной юстиции — изменение, явно согласующееся с ростом самодержавно-крепостнических начал в развитии Русского централизованного государства.

По содержанию приговор 22 августа 1556 г. может быть разделен на 19 статей (в дошедших до нас списках приговора постатейного деления нет), касающихся разбойных дел, плюс одна статья иного происхождения, хотя тоже сопричастная деятельности губных старост в новых условиях. Речь идет о замене судебного поединка («поля») крестным целованием (ст. 20).

Первые шесть постановлений (6 статей) касаются проведения на местах повальных обысков о «лихих людях».

В ст. 1 отмечается, что при проведении повальных обысков (имеются в виду, как можно полагать по последующим статьям, обыски по уголовным делам и делам о займе) многие люди «лжут семьями и заговоры великими»: одни говорят в пользу истцов, другие — ответчиков, при повторных же обысках эти же люди дают иные показания. В то же время на суде и истцы, и ответчики ссылаются на многих людей «в слух», «в видение» и «в ведомо», а также «в послушество» (на прямых свидетелей). По Судебнику 1550 г. (ст. 12) судебные дела о поджоге, убийстве, разбое и татьбе, если, конечно, они не совершены «ведомыми лихими людьми» (о подобных преступниках речь идет в ст. 60), решались поединком, которым и определялась виновность лица, привлеченного к суду. В делах же об избиении («бое»), грабеже и займах ответчик имел даже право по своей «воле» вызывать на поединок или на крестное целование послухов (свидетелей) истца. Согласно приговору 22 августа, этот порядок отменялся. По приговору «в тех бы делех поль не присуживати, а обысков не отставливать», даже когда «шлютца в послушество».

Ст. 2 развивает постановления предшествующей статьи. Здесь еще раз повторяется предписание, что даже при наличии прямых свидетельских показаний судьи не имеют права присуждать

поле, а обязаны проводить обыски, но с исключением из опрашиваемых всех родственников истцов и ответчиков, а также всех лиц, связанных с расследуемым делом или находящихся в сговоре. Обыски должны были проводиться старостами и целовальниками, надо полагать губными и земскими, и по их результатам вершились судебные дела.

Обе названные статьи не дают оснований рассматривать их лишь как предписания, адресованные губным старостам (как таковые губные старосты в статьях не поименованы). Эти статьи следует истолковывать в более широком плане — как новую форму следственного процесса по уголовным делам, отменяющую поединок и крестное целование и выдвигающую данные повальных обысков в числе решающих доказательств, которыми должны руководствоваться все судебные власти.

Ст. 3 определяет порядок ведения подобных судебных дел в московских приказах, когда и истцы, и ответчики в подтверждение своей правоты «шлютца в обыск на многие люди безимянно». В этом случае бояре, ведущие дело, должны поручать старостам и целовальникам (и на этот раз, надо полагать, это касается и губных, и земских властей) проводить на местах повальные обыски с участием всего местного населения.

В статьях 4—6 определяются процедура проведения повальных обысков, а также правила учета показаний опрашиваемых лиц. Ст. 4 (ср. ст. 58 Судебника 1550 г.) рассматривает казус, когда показания «обыскных людей» неодинаковы. Здесь решающим критерием был количественный фактор. Если в пользу истца или ответчика «скажут» больше людей — 50—60 опрошенных, — то их (истца или ответчика) следует оправдать, если же меньше половины, то обвинить — «без поля и без целованья». А. А. Зимин и А. Г. Поляк полагают, что приговор по сравнению с Судебником 1550 г., выдвигая данное предписание, доводит обязательное число опрашиваемых от 10—20 до 100 и более человек.[2] Скорее следует понимать данное разъяснение как указание на необходимость иметь для вынесения оправдательного или обвинительного заключения квалифицированное большинство, состоящее не менее чем из 50—60 человек. Вообще, и в этом А. А. Зимин и А. Г. Поляк правы, общее число лиц, охватываемых обысками, с середины XVI в. становится зачастую очень значительным — до 200—300 человек.

Допускает приговор, видимо в спорных случаях, и дополнительный розыск («после того»), но на этот раз только через местных феодалов — епископа, архимандрита, игумена, а также бояр и иных «ближних людей», — имеющих в месте проведения обыска свои села, для выяснения, почему «половина» опрошенных людей «солгала».

Сами же обыскные люди, давшие ложные показания (если это удавалось установить), подвергались наказанию («казни»), как и при проведении повальных обысков по разбойным делам. Как гласит приговор 18 января 1555 г. (см. № 6), «на обыскных людех, которые его (разбойника. — *Авт.*) одобрили, взяти выть». Последнее разъяснение, особенно предписание проводить контрольный розыск через верхи местных феодалов, явно говорит о том, что правительство больше всего боялось связи нарушителей правопорядка, в первую очередь «лихих людей», с широкими слоями местного населения, городскими и волостными тяглыми людьми, видимо, нередко их покрывавших и даже поддерживавших. В этом смысле приговор свидетельствует, очевидно, о связи роста преступности на местах с обострением — именно в середине XVI в. — антифеодальной борьбы крестьян и посадских людей.

Ст. 5 имеет в виду случай, когда показания «обыскных людей» распадаются поровну. Тогда следовало «дела не вершить», а губным старостам и целовальникам проводить второй обыск, но привлекать к нему уже иных людей, не участвовавших в первом обыске, и выяснять, какая «половина» людей в первый раз солгала. Солгавших людей ждало крайне суровое наказание: из каждых 100 человек солгавшей половины выбирались 5—6 «лучших людей» (приказчиков и крестьян) и подвергались битью кнутом. Представители духовенства, давшие ложные показания, отсылались к епископу. С виновной половины также взыскивались все расходы и убытки за проведение «ложного» обыска, кроме исков истцов. А если бы обвиняемый по ложному обыску подвергся пытке, то с солгавших людей взималось бы в его пользу еще «безчестье» в двойном размере.

Устанавливает приговор (ст. 6) и наказание для тех «обыскных людей», которые «в одном деле» дают показания и за, и против: из 100 человек выбирались 5—6 «лучших людей» и подвергались битью кнутом. С духовными лицами поступали в соответствии со ст. 5. С «обыскных людей», как и по ст. 5, взыскивались все расходы по делу, кроме исков истцов.

Приговор (ст. 7) определяет процесс ведения дела, когда истец и ответчик в доказательство своей правоты ссылаются «в слух, и в обыск, и в виденье, и в ведомо» не на многих людей, а только на 5—6 человек, называют и послухов, но «верити будет тем людем не мочно». Почему нельзя верить всем этим людям, в приговоре не разъясняется. Можно лишь полагать, что имеется в виду причастность этих людей к делу, возможно родственные связи. В этих случаях предписывалось не проводить обыска через указанных истцами или ответчиками лиц, а «вершить дело по суду», т. е. обычным порядком, с учетом обстоятельств дела.

Ст. 8 приговора подтверждает особую авторитетность показаний бояр и приказных людей. Ссылка на суде истца или ответчика в подтверждение своих показаний на боярина, дьяка или приказного человека, «кому мочно верить, посмотря по делу», рассматривалась, независимо от числа таких лиц, названных сторонами, как вполне достаточное свидетельство. Постановление тем самым еще раз подчеркивает классовый характер судопроизводства, предоставляющий явные преимущества на суде мнению представителей верхов господствующего класса.

Ст. 9. Устанавливаемая правовая норма не ясна. А. А. Зимин и А. Г. Поляк полагают, что постановление основывается на ст. 15 Судебника 1550 г.: имеется в виду отказ послухов в деле о заемной кабале давать показания в пользу истца, который на них ссылается: «если ... послухи не договорят в ысцевы речи, ино тем ищея виноват». Поединка и крестного целования, согласно Судебнику, в этом случае не требуется.[3] По-видимому, все же речь идет о другом: истец или ответчик ссылаются на показания хотя бы одного из послухов противной стороны (для них — «из виноватых»). Такие показания считаются особенно надежными. За то же, что указанный послух, хотя и «невеликим словом», «не договорит ис права» (видимо, в пользу своей стороны), «тем не обвинити», т. е. не считать его нарушителем своего свидетельского долга. Конечно, это только один из вариантов толкования данной статьи. Более уверенно можно утверждать, что она касается не только (и не столько) суда по заемным кабалам, сколько формулирует общую норму по преимуществу в области уголовного судопроизводства.

Статьи 10—11 подтверждают ответственность бояр, дьяков, приказных людей и дворян за показания, которые дают при обысках проживающие в их селах люди (холопы) и крестьяне. Если устанавливалось (ст. 10), что последние лгут, то бояре и дети боярские подвергались «великой опале», а их люди и крестьяне должны были быть наказаны, как и в разбойном деле. При доносе феодалов на своих людей и крестьян (ст. 11) о даче ими лживых показаний и сообщении судьям правды господа освобождались от наказаний.

Ст. 12 приговора определяет правила пересылки грамот между московскими приказами и губными старостами по поводу проведения обысков и их результатов.

В ст. 13 впервые прямо называются разбойные и татинные дела как главный предмет ведания губных старост. Хотя тут же оговаривается, что старосты должны «обыскивать в татинных, и в розбойных, и во всяких делех (следовательно, не только разбойного ведомства. — *Авт.*) вправду ... по крестному целованью». Губные старосты предупреждались, что они должны выполнять свои обязанности честно и бескорыстно — «другу не дружити, а недругу не мстити», строго руководствуясь губной крестоцеловальной записью, официальный образец которой, по всей видимости, был принят именно в 1555/56 г.[4] Особо предупреждались старосты о необходимости при проведении обысков бороться с семейственностью и «заговорами» заинтересованных лиц. О всех подобных случаях они обязаны были доносить царю, равно как и обо всем, что выведано ими на местах «мимо обыскные люди».

Характеристика подобных полицейских обязанностей губных старост и составляет предмет ст. 14. Так, губным старостам предписывалось во время обысков «разведывати ... накрепко» у всех людей «всякими обычаи и женским полом» о всех государевых и земских делах и «о всяких росправах» писать царю или «к тем бояром, у кого те городы в приказе». Значит, в ст. 14 оговаривалась подведомственность губных старост не только Разбойному приказу, но и боярам, ведующим теми или иными городами. После отмены системы кормлений и упразднения наместников и волостелей в роли таких областных приказов уже в конце 50—60-х гг. XVI в. выступают чети (четвертные приказы).[5]

Ст. 15 органически связана со статьями 13—14 и содержит предписание губным старостам: если они, несмотря на царские указания, не будут выполнять возложенные на них обязанности — «татиные и розбойные дела делати» — или будут проводить ложные обыски, руководствоваться в своих поступках дружбой или местью, не будут, наконец, доносить на людей, которые «семьями и заговоры ... говорят неправду», то их следует «казнити без милости». Видимо, уж очень беспокоила правительство возможность злоупотреблений со стороны губных властей (к тому, надо думать, были основания), что оно в трех статьях (статьи 13, 14, 15) провозглашает строжайшие меры против «самовольных» действий губных старост.

Приговор вменяет в обязанности губных старост (ст. 16) «беречи накрепко», чтобы в их губах (уездах) не было пустых мест и «насилства християном от силных людей». О всех имеющихся пустых местах и причинах их запустения губные старосты должны писать царю. За нарушение губные старосты подвергались опале, а «пошлины» (имелись в виду, вероятно, налоги) следовало взимать с них самих.

Таким образом, в своей совокупности статьи 13—16 достаточно четко определяют полицейские функции губных старост, которые по существу превращаются не только в важнейший местный

институт уголовного розыска, но и блюстителей «феодального порядка» и политических интересов самодержавия, в подлинном смысле в «государево око» в местном управлении.

Дошедший до нас актовый материал второй половины XVI в. полностью подтверждает указанную роль губных старост на местах. Губные старосты являются исполнителями самых различных правительственных распоряжений и контролируют вместе с городовыми приказчиками[6] почти всю жизнь местного общества 50—80-х гг. XVI в. Но особенно активной становится деятельность губных старост в годы опричнины Ивана Грозного (после 1564 г.), когда им поручается проведение многих наиболее ответственных «земельных операций» на местах: конфискация земель опальных бояр, отдел земель в опричнину и т. п.[7] Именно губные старосты привлекаются правительством к участию в обысках, которые проводятся в 70-х гг. XVI в. в новгородских пятинах на предмет выявления запустевших земель.

Что касается злоупотреблений властью со стороны губных старост, то и их примеры сохранили нам актовые источники XVI в.[8] Отметим также, что даже «явки» о нарушениях при «свозе» крестьян, «сильно, без отказу и безпошлинно», подаются в 60—70-х гг. XVI в. губным старостам и именно ими в случае необходимости проводятся на местах специальные обыски по поводу подобных нарушений.[9]

Ст. 17 (ср. ст. 9 Судебника 1550 г.) запрещает заключение «мира» между истцами и «ведомыми розбойниками и татями». Губные старосты должны отклонять подобные сделки и все дела о «лихих людях» доводить «по наказному списку» (по губным грамотам) до суда и обыска, «чтоб лихих вывести». Иначе говоря, согласно приговору, частные иски по «лихим делам» превращаются в публичное обвинение, разбирательство по которому ведется губными старостами уже независимо от желания истцов и квалифицируется как преступление, затрагивающее общественные интересы.

В ст. 18 рассматривается вопрос о борьбе с необоснованно «великими» исками, предъявляемыми многими истцами в разбойных и татебных делах. Судя по принятому постановлению, подобные «приписки» в частных исках приняли в судебной практике середины XVI в. массовый характер. Потребовались для их пресечения чрезвычайные меры.

Приговор предписывает посылать специальные грамоты губным старостам «во все городы» с запрещением подобных приписок. Грамоты должны были оглашаться губными старостами по торгам «многие дни». Кроме того, губные старосты должны были на торгах и на иных «съездах» местного населения «говорить» князьям, детям боярским, сотским, десятским и всем людям, чтобы они в своих жалобах о разбоях и татьбе писали «по крестному целованью прямые иски без прибавки, что у них тати покрали или розбойники взяли, а лишних бы исков не приписывали никоторыми делы». Это же следовало писать губным старостам и в грамотах, рассылавшихся по волостям, с предупреждением, что за подобные «приписки» истцам быть от царя «в великой опале и в продаже». Если же и после указанных предупреждений истцы будут подавать завышенные жалобы — «иски великие не по делу, с прибавкою», — то старостам надлежало проводить повальные обыски, в которых выяснять подлинные размеры украденного или захваченного разбойниками имущества. Во время обысков следовало соизмерять иски с реальным имуществом пострадавшего — его хлебным и денежным «прожитком». При обнаружении приписок («ложных жалобниц»), содержащих «лишка у прямого иска» на 10—15 р., губные старосты должны были вести сыск только о действительно похищенном имуществе. Истцов, завышавших иски в полтора-два раза, губные старосты передавали на поруки до царского указа, который и устанавливал размеры взыскиваемых с них «пени» — штрафов. Кроме того, подобные лживые истцы вообще лишались права на возмещение своих убытков от разбоя и татьбы. Это конфискуемое по сыску у разбойников и татей имущество взималось на царя в казну. Что касается справедливых исков, подтвержденных обысками, то по ним дела решались в обычном порядке и истец имел право на полное удовлетворение своих жалоб. Для облегчения контроля за лживыми исками на будущее приговор требовал, чтобы во время пыток у разбойников обязательно выяснялось, во скольких разбоях участвовал и у кого что «имал».

Особое место в приговоре занимает ст. 19. Приговор определяет правила взимания вытей с лиц, стоящих на правеже, или исков с лиц, сидящих в тюрьмах. В этом отношении он в известной мере дополняет указ от 5 мая 1555 г. (см. № 7). Согласно приговору от 22 августа 1556 г., взимание исков по всем судным делам, вершенным до 1551/52 г., впредь отменяется и губным старостам предписывается истцам отказать. То же самое касается взимания вытей с лиц, стоящих на правеже с этого же срока. С них также предписывается «вытей ... не править». Все эти обвиняемые (ответчики) должны быть переданы на поруки «для иных дел» и, если потребуется, для пыток, но не для правежа, как специально подчеркивается в новом предписании. Так же следовало поступать (передавать на поруки) со всеми лицами, стоящими на правеже или сидящими в тюрьмах, но при отсутствии истцов.

Иные требования предъявлялись к лицам, стоящим на правеже в вытях или сидящим в тюрьме с сентября 1551 (7060) г. по сентябрь 1556 (7065) г., т. е. по делам не более пятилетней давности. Губные старосты должны были «сыскати накрепко», могут ли виновные (ответчики) заплатить иски истцов из своего имущества или они хотят «отстоятись» на правеже и отсидеть в тюрьмах. Если в обыске выяснялось, что ответчики не в состоянии погасить иски, то тогда этих людей предписывалось выпускать из тюрем на поруки, как и старых тюремных сидельцев, т. е. под условие «поставить» их поручителями перед губными старостами для иных дел и пыток. Всех же ответчиков, имеющих вотчины и имущество, но стремящихся отстояться на правеже, не следовало отпускать и выти, и иски истцов продолжать с них «правити» (взыскивать). В крайнем же случае, когда все же доправить иски будет невозможно, их вотчины и имущество продавать в счет погашения исков, раздав его истцам по расчету.

А. А. Зимин и А. Г. Поляк высказывают предположение, что в ст. 19 речь идет о долговой задолжности.[10] При этом авторы ссылаются на указ от 5 мая 1555 г. (см. № 7), предусматривающий в качестве крайней меры «выдачу (ответчика. — *Авт.*) исцом головой до искупа», иначе говоря, отдачу во временное холопство. Такое толкование не вытекает из содержания статьи, которая имеет в виду выти и иски по различным делам, в первую очередь уголовным, поскольку в статье неоднократно упоминается о возможности применения в отношении обвиняемых пыток. Взыскание долгов по судебным решениям могло входить в круг названных дел, но вряд ли они составляли главный предмет предъявляемых исков. Как уже отмечалось, даже сам указ от 5 мая 1555 г. относился не только к делам по денежным кабалам (см. комментарий к № 7).

Ст. 20 имеет в виду случай, когда стороны досудятся до «поля» (значит, речь явно идет не о разбойных и татинных делах), но ответчик или истец начнут бить челом о замене судебного поединка крестным целованием, поскольку им «стояти у поля не мочно». Приговор разрешает такую замену, но преимущество в праве целовать крест предоставляется не челобитчику, а противной стороне. Включение указанного постановления в приговор о губных делах еще раз говорит о том, что после отмены наместников и волостелей именно губные старосты выступают в роли местных судей не только по уголовным, но и по гражданским делам.

Постатейный разбор приговора 22 августа 1556 г. наглядно показывает, что перед нами новый уголовно-процессуальный кодекс, определяющий права и обязанности губных старост. Укрепление института губных старост, следовательно, и власти уездного дворянства (именно его интересы они представляли в первую очередь) нельзя не рассматривать как одно из важнейших явлений в складывании в России сословно-представительной монархии, олицетворяющей своеобразное соединение приказных (бюрократических) и земских (выборных) начал в жизни центрального и местного аппарата России. Без этого «единения» приказного и земского устройств, как бы опутывающих институтами выбора, поруки и обыска все слои русского общества, особенно местные тяглые миры, с их подчинением интересам растущего самодержавия, трудно понять и возникновение земских соборов, сформировавшихся в середине XVI в. в качестве высших представительных учреждений (дворян и купечества) и сыгравших в дальнейшем столь значительную роль в укреплении русского абсолютизма.

[1] Исследование причин и характера проведения земской реформы Ивана Грозного см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

[2] ПРП. Вып. 4. С. 394.

[3] Там же. С. 396.

[4] Там же. С. 186—188.

[5] *Носов Н. Е.* Боярская книга 1556 г. и происхождение четвертчиков // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве в XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 191—227.

[6] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 183—200.

[7] *Носов Н. Е.* Становление... . С. 527—537.

[8] Чтения ОИДР. 1883. Кн. 2. Смесь. С. 14—15.

[9] Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905. № 45.

[10] ПРП. Вып. 4. С. 399.

№ 17

См. с. 35—39.

№ 18

В указе около 22 августа 1556 г. определяется характер зависимости холопов-пленников, чье похолопление имело своим единственным источником плен. Сама процедура принудительного превращения пленника в холопа не является здесь предметом регламентации, поскольку, по-видимому, она была разработана ранее. Эта процедура упоминается только как уже известная. Имелось в виду, что сам плен и только плен является источником холопства, а свидетельские показания заменяли необходимое во многих других случаях составление какой-либо холопьей крепости.

Новыми в указе были: 1) предписание об обязательной службе холопов-пленников только до смерти их господ; 2) запрещение передавать холопов-пленников по наследству; 3) предписание о том, что плен отца не является источником холопства для его сына. Тем самым служба холопов, источником холопства которых являлся плен, признавалась не наследственной и не потомственной. Пленники, таким образом, должны были попадать в зависимость, смягченную по сравнению с обычными разновидностями холопства.

Впрочем, составители указа предусмотрели и возможность превращения пленника в обычного холопа с наследственным и потомственным характером неволи. Стоило только ему жениться на холопке («робе») или дать на себя любую холопью крепость (полную грамоту, докладную грамоту, служилую кабалу), как он терял привилегии, провозглашенные настоящим указом для холопов-пленников, и подпадал под общее законодательство о холопах («как и прочей холоп»). Однако власти проводили принципиальное различие не только между этими двумя видами холопства — смягченным холопством пленников и обычным холопством (во всех его разновидностях), в которое пленники могли попасть по тем же каналам, что и соотечественники холоповладельцев, — но и в самом способе похолопления. Холоповладелец мог превратить своих пленников в привилегированных холопов принудительно, заручившись только свидетельскими показаниями. Оформление же какой-либо крепости или женитьба на холопке мыслились законодателем как добровольные действия со стороны пленника. То обстоятельство, что в реальных условиях находящийся во власти господина и зачастую не знающий ни русского языка, ни русских законов пленник мог оказаться в положении наследственного и потомственного холопа по неведению, а также в результате прямого или косвенного принуждения, не меняет общей правовой установки указа.

Оценивая смягченный характер зависимости холопов-пленников и основываясь на данных Соборного уложения 1649 г., М. Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что плен «становится источником служилых (кабальных) отношений».[1] Той же точки зрения придерживался А. А. Зимин, который полагал, что «смягчение положения холопов-полоняников объясняется постепенным изживанием полного холопства».[2] Однако эта точка зрения основывается на простом недоразумении. Ведь служилое (кабальное) холопство в момент принятия данного указа, на всем протяжении XVI в. и вплоть до уложения 1 февраля 1597 г. о холопстве оставалось и наследственным, и потомственным (см. № 47). Что же касается причин провозглашенного указом смягчения положения холопов-пленников, то по этому вопросу наиболее существенные разъяснения даны Е. И. Колычевой, которой удалось показать, что уже с самого начала 60-х гг. «нормы закона о смягчении службы полоняников полностью исчезли из житейской практики» (если они действовали до этого). Это не было простым нарушением законодательства, а явилось «следствием правительственного курса». Появление «столь недолговечного указа» объясняется надеждами правительства после «смерти холоповладельца и роспуска полоняников» «отобрать из их числа необходимые ему кадры пополнения „служилых людей“». Следовательно, указ, провозглашая смягченную форму зависимости для пленников, имел в виду тех из них, кто прежде всего мог быть использован для этого — шляхту, мещан, ремесленников. Однако «все эти частные меры не могли удовлетворить острую нужду правительства в „служилых людях“», тем более что указ «мог принести результаты лишь через несколько десятилетий. Более быстро и радикально задача была решена изданием закона 1 сентября 1558 г. о новокрещенах, в результате которого во владении феодалов остались лишь полоняники, не пригодные к царской службе, в основном из числа крестьян и бедноты, поэтому правительство утратило интерес к установлению об укороченной службе пленных»[3] (см. № 31).

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 10.
[2] ПРП. Вып. 4. С. 550; ср.: *Зимин А. А.* Реформы. С. 466.
[3] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 45—48.

№ 19

См. с. 35—39.

№ 20

Норма указа 1556/57 г., согласно которой ямщики освобождались от всех податей и повинностей, была подтверждена царями Федором Ивановичем, Борисом Федоровичем и Михаилом Федоровичем и легла в основу последующего законодательства о ямщиках (см. № 106).

№ 21

Указом 2 января 1557 г. устанавливалась недействительность духовных грамот (завещаний), в которых муж назначается душеприказчиком своей умершей жены, поскольку жена находится в зависимости от мужа: «... что ей велит писати, то она пишет». Указ свидетельствует о бесправном положении замужней женщины.

№ 22

Указ 15 августа 1557 г., определяющий условия родового выкупа, дополняет Судебник 1550 г. (ст. 85) и соборный приговор 1 мая 1551 г. (№ 5).

Из указа видно, что при совершении выкупных сделок (по ст. 85 Судебника) новые хозяева земли стремились взять повышенную цену за землю под лесом и рощами, взрощенных якобы их иждивением. Такая наценка, хотя и не была запрещена прямо ст. 85, несомненно, противоречила ее духу, так как могла свести на нет право родового выкупа. Как можно заключить из постановления ст. 85 о запрещении покупателям давать купленную ими вотчину в заклад выше покупной цены («в колке чего та вотчина судит»), законодатель при выработке Судебника стоял на точке зрения, что выкуп должен совершаться за ту же цену, за которую вотчина была в свое время продана. На той же позиции стоит и указ 15 августа 1557 г., предписывая брать за рощи ту же цену, что и за пашню.[1]

Вторая часть указа связана с соборным приговором 1 мая 1551 г. Приговор 1551 г. разрешил родственникам выкупать вотчины, данные вкладом в монастыри по духовной или в другом документе, закрепляющем сделку. На практике выявилось, что монастырские старцы намеренно завышали цену, проставленную в данных и духовных. Б. А. Романов, комментируя указ от 15 августа 1557 г., отмечал: «Выходило, что за эти годы монастырь успел перехитрить всех и запретительным выкупным тарифом, диктуемым завещателю или дарителю (в духовных и данных грамотах), фактически покончить с родовым выкупом вотчин, ему доставшихся».[2] Чтобы избежать завышения цены во вкладных документах, указ дает право заинтересованным родственникам вкладчика (тем, которые имеют право и возможности выкупить вотчину) оспорить поставленную в духовной или данной выкупную цену. Однако свои претензии родственники должны были предъявить до того, как духовная или данная будут утверждены государственной властью («докуды духовная не запечатана и не свершена»). Установление новой выкупной цены производится особо посланными мерщиками. Такая процедура определения цены закладываемой вотчины вводилась ст. 85 Судебника 1550 г. Если вкладной документ уже прошел утверждение, то цена, проставленная в нем, считалась действительной и должна была быть уплачена вотчинниками при выкупе вотчин.[3]

Указ вряд ли имел существенное значение, так как большое число духовных, данных и т. д., по которым земли перешли во второй половине XVI в. в монастыри, формулой «впрок без выкупа» вообще запрещает выкупные операции.

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов увидел в постановлении закона 15 августа 1557 г. попытку ввести «указную оценку земли при родовом выкупе» (Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 12, примеч. 41).

[2] *Романов Б. А.* К вопросу о земельной политике Избранной рады: (ст. 85 Судебника 1550 г.) // ИЗ. 1951. Т. 38. С. 267.

[3] *Зиман А. А.* Реформы. С. 469.

№ 23

Указ 1 сентября 1557 г. непосредственно связан со ст. 81 Судебника 1550 г. Это обстоятельство было отмечено еще М. Ф. Владимирским-Будановым, который квалифицировал данный указ как «дополнение» к ст. 81.[1] Б. А. Романов назвал его правительственным разъяснением к ст. 81.[2]

Указом 1 сентября 1557 г. рассмотрен случай, когда «хто на ком взыщет по служивой кабале, и ответчик кабалу оболживит, а скажет, что он сына боярского сын служивого». «Практика представила этот случай, — пишет Б. А. Романов, — в двух вариантах, и рассмотрен он был в царском указе в двух аспектах: или это был юноша ,,менши 15 лет'' — и тогда вступала в силу ст. 81-я, и суда по таким кабалам царь ,,давати не велел'', а кабалы те ,,приговорил отставливати''; или это был человек ,,болши 15 лет'', который ,,службы государевы не служит'', и кабала была на него написана, когда ему уже ,,минуло 15 лет'' (и он почему-либо в службу взят не был), — и тогда вступала в действие ст. 78-я (Судебника 1550 г. — *Авт.*), и по той кабале истцу давался суд. Не только в первом, но и во втором случае дело шло о начинающей самостоятельную жизнь молодежи из числа сыновей детей боярских, подлавливаемых рынком труда».[3]

Нетрудно заметить, что закон допускал возможность даже такой парадоксальной ситуации, при которой в служилых кабалах могли фигурировать кабальные люди, не принятые почему-либо на государственную службу (или успевшие быть отставленными от нее), следовательно, совершеннолетние, однако попавшие в кабалу до того, как им минуло 15 лет, и признавал такие сделки недействительными, исходя лишь из формального возрастного критерия.

Общая оценка указа 1557 г. в основном зависит от оценки социальной направленности ст. 81 Судебника 1550 г. Ст. 81, по определению И. И. Смирнова, «устраняла» для детей боярских «угрозу деклассирования», «способствовала консолидации их» и «укрепляла их социальные позиции».[4] Против этого общего вывода И. И. Смирнова трудно возразить, однако Б. А. Романов отметил, что им был недооценен тот факт, что ст. 81 запрещала холопить «только ,,служивых'' детей боярских и их детей, ,,которые не служивали'', и не имела никакого отношения к той совершеннолетней молодежи из детей боярских ,,вообще'', которая от службы была государем отставлена».[5]

Точно так же и указ 1557 г. проявляет заботу лишь о детях боярских, находящихся на государевой службе, или о вероятных кандидатах в эту службу, обнаруживая в то же время полнейшее равнодушие к судьбе детей боярских, непригодных к государевой службе, если бы даже они и попали в кабалу. Поэтому было бы, вероятно, правильнее говорить применительно к ст. 81 и указу 1557 г., что они «стоят на страже интересов и имеют целью консолидацию основной массы феодалов — дворян-помещиков»,[6] имея в виду под основной массой дворян-помещиков лишь детей боярских, находящихся на государевой службе в настоящем или предназначенных для нее в будущем, особо ценимых государством как в социальном отношении, так и с точки зрения чисто военной.

Приведенная общая характеристика указа 1557 г. не объясняет, однако, чем вызвано было его появление и почему, в частности, правительство царя Ивана IV сочло необходимым повторить, спустя 7 лет, основные положения ст. 81 Судебника 1550 г.

Если появление ст. 81 в Судебнике стало показателем того, что «предложение рабочих рук со стороны именно запрещаемых Судебником категорий детей боярских было достаточно распространено, чтобы попасть в поле зрения законодателя, и что спрос на рабочие руки обращался и на эти категории мелких феодалов (а не только на возрастной или увечный отсев от основной массы их)»,[7] то появление в 1557 г. нового закона, посвященного тому же сюжету, свидетельствует о том, что напряжение в спросе на рабочие руки детей боярских, как служилых, так и отставленных от службы, или сыновей детей боярских, не достигших еще совершеннолетия, не ослабело в течение семилетнего промежутка между этими двумя законодательными актами. Более того, усиленный спрос на рабочие руки детей боярских приводил к тому, что они и реально вербовались не только «из забракованных при царском верстании переростков — сыновей боярских», но и «из молодежи, поставленной под запрет» ст. 81 и указом 1557 г.

Такое положение было объяснено Б. А. Романовым потребностью землевладельцев-помещиков в людях, «привычных и способных (или социально предназначенных) к военному делу», «для сопровождения их (помещиков. — *Авт.*) ... на государевых службах». Перед завербованными в кабалу детьми боярскими и их сыновьями «формула служилой кабалы: ,,жити по вся дни во дворе'' господина открывала ... перспективу не на пашню, и на скотный двор, и не в пастухи, а в ,,люди'' с ,,земли''» (которых на коне и в доспехе полном, согласно военной реформе 1555/56 г. (см. № 11), обязан был выставить со 100 четей доброй земли помещик, получающий за каждого из них по 2 р.) «или в ,,передаточные''», которых мог выставить помещик сверх нормы, за что получал по 5 р.[8]

Нетрудно заметить поэтому, что ст. 81 и указ 1557 г. одновременно решали ряд задач. Запрещая холопить детей боярских, находящихся на государственной службе (или несовершеннолетних

сыновей детей боярских), они охраняли государственный интерес, связанный со стремлением воспрепятствовать сокращению дворянской армии, а также проявляли заботу о мелких детях боярских, чье положение было столь шатким, что они могли оказаться вынужденными поступить в холопы. Разрешая, с другой стороны, похолопление достигших совершеннолетия неслужилых детей боярских, ст. 81 и указ 1557 г. не закрывали для их более удачливых собратьев по классу выгодной возможности приобретать при случае таких детей боярских с использованием их в качестве военных слуг служилых землевладельцев.

Следует отметить, что указ 1557 г. не давал по существу ничего нового в формально-правовом плане по сравнению со ст. 81 Судебника. Можно даже говорить о том, что указ 1557 г. являлся инструкцией по применению ст. 81, слишком лаконичной, лапидарной, а потому, вероятно, не вполне ясной. Эти неясности создавали возможность нарушать запрет ст. 81 и открывали путь для «ее предумышленного использования» в целях «освобождения себя безденежно от кабальной службы неслужилыми детьми боярскими, под действие ее не подходившими».[9]

К числу такого рода неясностей относится вопрос о том, имелось ли в виду составителями ст. 81 запретить похолопление детей боярских и их детей только при помощи полной и докладной грамот или также и закабаление посредством служилой кабалы, поскольку в самом Судебнике о служилой кабале упоминания нет, а запрещение выражено обобщенно: «... в холопы не приимати». Путем обращения к указу 1557 г. Б. А. Романову удалось показать, что «статья 81 запрещала ,,примати'' не только в ,,холопи'', но и в кабалу».[10] Однако в самом указе 1557 г. в свою очередь речь идет лишь о закабалении детей боярских, а не о похолоплении их полной или докладной грамотами. Не свидетельствует ли это преимущественное внимание указа 1557 г. к служилой кабале о том, что холоповладельцы, используя неясность ст. 81, превращали представителей запрещенных к похолоплению категорий детей боярских именно в кабальных холопов?

С другой стороны, каково было бы решение судей, окажись на их рассмотрении полная (или докладная) грамота, оформляющая неволю сына детей боярских «менши пятинатцати лет», законность которой холоповладелец аргументировал бы ссылкой на указ 1557 г., запрещающий лишь закабалять таких людей? Очевидно, они отвергли бы такую полную или докладную грамоту, опираясь на совокупность законов — ст. 81 Судебника и указ 1557 г.

За всем тем отсутствие в ст. 81 Судебника 1550 г. прямого упоминания о кабальных холопах и специальное разъяснение о них в указе 1557 г. свидетельствуют о том, что составители Судебника, несмотря на включение в него первой в законодательстве специальной, так сказать «кабальной», статьи (ст. 78), недостаточно еще представляли себе количественный и социальный вес кабальной зависимости и ее социальную природу, тогда как сама практика распространения этой формы зависимости в течение всего только семи лет вынудила власти рассмотреть некоторые аспекты, связанные с развитием зависимости по служилой кабале, и впервые формально и прямо признать кабальную неволю разновидностью холопства, хотя пока лишь в ограниченной сфере.

Появление указа 1557 г., таким образом, явилось одним из признаков выдвижения в середине XVI в. на авансцену социальных отношений кабального холопства, т. е. того вида холопства, количественный рост которого особенно в это время становится весьма заметным.[11]

См. также № 258, 286, 287 (ст. 5).

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 18.
[2] Судебники XV—XVI вв. С. 293.
[3] *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // ИЗ. 1955. Т. 52. С. 329.
[4] *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г. // ИЗ. 1947. Т. 23. С. 337—338; ср.: *Смирнов И. И.* Очерки. С. 384—385.
[5] Судебники XV—XVI вв. С. 293.
[6] *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме. . . . С. 334.
[7] Там же. С. 329.
[8] Там же. С. 333. См. также: *Алексеев Ю. Г.* Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 110—117.
[9] *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме. . . . С. 329.
[10] Судебники XV—XVI вв. С. 293.
[11] См.: *Панеях В. М.* Служилые кабалы на детей боярских по указу 1558 г. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 122—126.

№ 24

Указ 1 сентября 1557 г. излагает досудебную процедуру, вызванную ситуацией, при которой боярский человек (т. е. холоп) задержит кого-нибудь в Москве и обвинит от имени своего господина или другого лица в том, что он беглый холоп, но не сумеет на месте не только предъявить документ, подтверждающий владельческие права господина на этого холопа, но даже и сказать, ка-

кой именно крепостной документ может быть предъявлен в будущем, или, если это будет кабала, на какую сумму она была оформлена и какой будет иск к беглому за татьбу.

Этот случай был разрешен, по определению Б. А. Романова, «при доминирующем посредстве 15-рублевого максимума» для служилых кабал.[1] Задержанного предписывалось отдавать на поруки «по кабале в пятинатцати рублех» до предъявления крепостных документов. Задержавшему же на поездку давался срок из расчета «на сто верст по семи ден», установленный статьями 69 и 75 Судебника 1550 г., для доставки кабалы или какой-нибудь другой крепости. Если будет предъявлена крепость или кабала на сумму меньше 15 р., то дело надлежало передавать в суд для решения в соответствии с действующим законодательством, т. е. Судебником 1550 г., а истец освобождался от ответственности за то, что ответчик был дан на поруки в завышенной сумме. По-иному надо было поступать при предъявлении кабалы или любой другой крепости на сумму, превышающую 15 р. Тогда задержавшему «на того человека» суда не давалось, а задержанный подлежал освобождению.

Не вызывает сомнения, что в указе в обоих случаях — и тогда, когда речь идет о доставке крепости, и тогда, когда предписывалось давать задержанного на поруки, — речь идет не о заемной или закладной кабалах, а о служилой кабале, оформлявшей неволю кабального человека. В тексте указа значение обобщающего слова «холоп» раскрыто таким образом, что термин включает в себя и неволю по кабале, а в этом смысле кабала могла быть только служилой.[2]

Из сказанного вытекает и еще один вывод, чрезвычайно важный для понимания процесса перерастания кабальной формы зависимости в кабальное холопство: в указе впервые в законодательстве кабальная неволя определяется как разновидность холопства.[3] Да и едва ли возвращение всякого беглого человека, в том числе и полного холопа, путем дачи его, хотя бы и временно, на поруки по служилой кабале могло практиковаться без признания последней документом, оформляющим одну из разновидностей холопства.

Отказ в указе 1557 г. поддержать иск холоповладельцев, предъявлявших в обоснование своих прав на холопов служилые кабалы на суммы, превышающие 15 р., не вносил ничего нового в законодательство, а вытекал из ст. 78 Судебника 1550 г., не только запретившей оформлять такие кабалы, но и предписавшей все старые кабалы «болши пятинадцати рублев» приносить «к боаром, а боаром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывати».[4] Если исходить из того, что все старые служилые кабалы выше 15 р. были явлены и утверждены после Судебника и тем самым признаны законными, то возвращение законодателей к норме о 15-рублевом максимуме свидетельствует, что за 7 лет, истекшие с момента принятия Судебника, накопилось некоторое количество кабал, взятых с нарушением его нормы, касающейся предельной суммы кабального долга. Подтверждение 15-рублевого максимума в указе 1557 г. дало основание Б. А. Романову высказать предположение, что «напряжение в спросе на рабочие руки», вызвавшее к жизни, как он установил при комментировании ст. 78, этот максимум, «представлялось законодателю не меньшим» и во время принятия данного указа. Последнее обстоятельство заставило законодателя «цепко держаться за этот максимум потому, что он по-прежнему стоял на страже интересов человека „среднего достатка"»,[5] которые и обеспечивались, как показал Б. А. Романов, введением 15-рублевого максимума для служилых кабал.

Труднее объяснить, почему в указе 1557 г. предписывалось не принимать к судопроизводству дела о беглых холопах, в обоснование владельческих прав на которых были предъявлены не служилые кабалы, а любые другие крепости, оформленные на суммы, превышающие 15 р. («какую крепость ни буди болши пятинатцати рублев»). Б. А. Романов полагал, что эта норма выдает «подозрение законодателя», что за истекшие после Судебника 1550 г. годы «покупатели рабочей силы изобрели и стали применять способ обхода ст. 78 в отношении 15-рублевого максимума — посредством замены служилой кабалы иною „каковою крепостью нибуди"».[6]

Означает ли, однако, что в стремлении воспрепятствовать обходу ст. 78 Судебника в той ее части, которая имеет в виду 15-рублевый максимум для служилых кабал, составители указа 1557 г. раз и навсегда признали незаконными (при их предъявлении на суде) все полные и докладные грамоты, ранее данные на суммы, превышающие 15 р., ведь в XVI в. под термином «крепость» понимали прежде всего именно эти разновидности холопьих документов. Если в указе речь шла именно о полном и докладном холопстве, то такая мера представляется невероятной хотя бы уже потому, что при проведении ее в жизнь создалось бы совершенно неразрешимое противоречие.

И действительно, оформление полных и докладных грамот на суммы свыше 15 р. никогда до того не запрещалось. Это означало, что подобные крепости признавались бы незаконными по указу 1557 г. лишь в конфликтных случаях, когда речь шла о возвращении беглых холопов. Основная же масса полных и докладных холопов, служащих по таким полным и докладным грамотам, оставалась бы, как и прежде, в собственности холоповладельцев.

Не правильнее ли считать, что здесь имеет место ошибка писца, объединившего по инерции кабалы и крепости. Косвенные основания для такого допущения есть. В первой фразе указа слова о величине суммы относятся только к кабалам, и именно этим они даже противопоставлены крепостям: «. . .а того не скажет, какая у государя его на того человека . . . крепость, или в колкех рублех кабала». Кроме того, начало второго абзаца указа в ряде списков читается так: «А будет положит крепость или кабалу, а кабала будет менши пятинатцати рублев...» (см. текст указа). И здесь снова кабала противопоставляется крепости по той же линии, создавая впечатление о неотнесении запрещенной для служилых кабал 15-рублевой суммы к другим крепостям.

[1] Судебники XV—XVI вв. С. 289.
[2] *Панеях В. М.* Холопство. С. 22.
[3] В другом указе, данном в тот же день, 1 сентября 1557 г. (№ 23), кабальная неволя также определяется в качестве разновидности холопства.
[4] Судебники XV—XVI вв. С. 169.
[5] Там же. С. 290.
[6] Там же. С. 289.

№ 25

Указ 15 октября 1557 г. касается частного случая, возникшего при применении указа 5 мая 1555 г. (см. № 7) в тяжбах из-за кражи господского имущества двумя категориями лиц — заемщиками по заемным кабалам и заемщиками по кабалам «за рост служити», т. е. кабальными людьми. В соответствии с указом 1555 г. подвергнутые безрезультатному правежу и выданные потом «головой до искупа» ответчики стали «бить челом», вынуждаемые, очевидно, их господами, о разрешении продаться в полные или докладные холопы. Однако власти отвергают эту возможность, подтверждая и для данного частного случая общую норму указа 1555 г. об обязательной отдаче «головой до искупа».

Человек, отданный «головой до искупа», попадал в хозяйстве истца в положение фактического холопа, с тем, однако, существенным отличием от холопа полного или докладного, что холопское состояние прекращалось с отработкой установленной судом суммы иска, не переносилось на жену ответчика и на его детей, родившихся в период отработки.

Превращение заемщика по заемной кабале в человека, отданного «головой до искупа» заимодавцу, резко меняло его правовой статус и вело к утрате свободы, хотя, возможно, и временной. По-иному обстояло дело с кабальным человеком. Будучи уже фактически холопом,[1] он, отрабатывая в хозяйстве господина иск, лишался лишь зафиксированного в служилой кабале права возвратить занятую сумму и тем самым освободиться из кабального холопства до того момента, пока не отрабатывал сумму, которой было оценено украденное имущество.

Стремление истцов превратить свободных заемщиков и кабальных людей, уличенных в краже, в полных или докладных холопов, т. е. в холопов безусловных и наследственных, вполне объяснимо. Таким способом господа получили бы возможность закрепить их за собой навсегда и в наиболее суровой форме неволи. Отказ властей пойти навстречу этим притязаниям холоповладельцев свидетельствовал о том, что в условиях начавшегося изживания полного и докладного холопства они не сочли возможным расширить источники их пополнения за счет свободных заемщиков и кабальных людей, хотя бы и уличенных в краже. Тем самым получили подтверждение не только указ 1555 г., но и общая линия обоих Судебников, строго регламентирующих источники холопства.

[1] См.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967. 160 с.

№ 26

Если указ 5 мая 1555 г. (№ 7) устанавливал общую норму — месячный правеж для взыскания сторублевого долга, после чего следовала выдача должника истцу «головой до искупа», — то рассматриваемый указ 25 декабря 1557 г. касается более частных конкретных вопросов. Он отменяет для служилых людей-должников проценты по старым заемным кабалам (заключенным до 25 декабря 1557 г.). По новым кабалам, заключенным после 25 декабря 1557 г. и не выплаченным в течение пяти лет, проценты взыскиваются в половинном размере. Для служилых людей вводится такая рассрочка в платежах: долг (истина) может быть погашен равными взносами (жеребьями) в тече-

ние пяти ближайших лет — до 25 декабря 1562 г. Разумеется, эта рассрочка не распространяется на тех, кто в эти годы будет находиться на службе или в отъезде, они должны будут погашать свой долг по мере возможности, но в течение тех же урочных пяти лет. Возможность выплаты долга по частям (сравнительно небольшими порциями) в принципе значительно облегчает положение должника—служилого человека. В его же интересах увеличивается срок правежа с одного до двух месяцев (в расчете на каждые 100 р.). В результате перспектива долгового холопства для служилого человека становится менее реальной. При этом особенно подчеркивается, что данная важная льгота распространяется только на служилых людей, неслужилые стоят на правеже по прежнему приговору и платят долг сполна. Однако и они получают облегчение: в течение пяти урочных лет (1557—1562) освобождаются от процентов по старым заемным кабалам, а по новым — процент снижается вдвое.

По правежу, и притом сполна — без рассрочки, взыскиваются долги и ссуды, взятые без кабал и без памяти, по устному соглашению сторон. В данном случае правеж проводится по решению суда, установившего факт заключения сделки. Эта статья указа свидетельствует о широком бытовании бесписьменной сделки.

Указ вводит, таким образом, значительные льготы на 1557—1562 гг. для всех должников вообще, а для служилых людей в особенности. Можно согласиться с А. А. Зиминым, что «приговор ... отражал интересы широких кругов феодалов».[1] Едва ли, однако, прав комментатор, считая, что «своим острием» приговор направлен прежде всего против «духовных феодалов — ростовщиков». Феодальный кредит в условиях XVI в. был явлением вполне реальным и необходимым как для кредитора, так и для кредитуемого. Указ пытается на время только смягчить условия кредита, имея в виду главным образом интересы государевой службы в канун начинающейся большой войны за Ливонию.

[1] ПРП. Вып. 4. С. 547.

№ 27

Указ около 1557 г., устанавливающий размеры сохи на дворцовых землях, существенно дополняет имеющийся материал по вопросу о введении в начале 50-х гг. XVI в. новой окладной единицы — большой сохи.

П. Н. Милюков на основе изучения писцовых книг XV—XVI вв. пришел к выводу, что «в начале второй половины XVI в. в истории сошного письма произошел переворот», который заключался во введении взамен существовавших ранее разнообразных окладных единиц (сошек, малых сошек, обжей, вытей и т. д.) новой окладной единицы — большой сохи, определяемой количеством пахотной пашни (с учетом ее качества) и в своих размерах зависимой от формы феодального землевладения.[1] П. Н. Милюков по писцовым книгам установил также различные размеры большой сохи, определенной для монастырских, дворцовых и поместно-вотчинных земель.[2] С. Б. Веселовский принимает вывод П. Н. Милюкова о времени введения большой сохи, но вместе с тем пытается выяснить, каким образом маленькая соха превратилась «в соху в 800 четвертей».[3]

Исследуя этот вопрос, С. Б. Веселовский обратил внимание на факты объединения мелких окладных единиц (обеж, вытей, сошек) в более крупные единицы и пришел к выводу, что большая соха явилась результатом такого объединения. По его мнению, соха в 800 четвертей, образовавшись «естественно через складку вытей или сошек» в каком-либо уезде, была далее распространена «как оказавшаяся удобной» и «на другие уезды».[4] Однако С. Б. Веселовский признает, что не все в истории большой сохи может быть объяснено «историей техники посошного обложения».[5] В частности, неодинаковый размер сохи для разных типов землевладения (отсюда неодинаковое их обложение) является не естественным развитием «старых приемов посошного обложения», а результатом «социально-финансовой политики государства».[6] Вывод С. Б. Веселовского о политической направленности реформы посошного обложения позволяет предполагать, что и важнейшее звено этой реформы — установление разновеликой большой сохи — стало результатом правительственного акта. Указ 1557 г. о введении большой сохи на дворцовых землях как раз подтверждает правильность этого предположения.

Установленная приблизительно дата указа — 1557 г., — видимо, близка к действительности, однако, возможно, что указ издан несколькими годами раньше, так как соха в 800 четвертей на дворцовых землях засвидетельствована уже документом 1555 г.[7] Вероятно, указ о введении большой сохи на дворцовых землях издан одновременно с указом о введении большой сохи на поместно-вотчинных и монастырских землях. Хотя последний указ и не дошел, но обстоятельное изложение

его мы встречаем в тексте серпуховской сотной 1555 г.: «А по государеву указу велено писцом поместных земель в сошное письмо писати: добрые земли по осмисот четвертей в соху, а середние земли по тысячи четвертей в соху, а худые земли по тысячи по двести четвертей в соху, а которая земля добре худа и безугодна и тое земли по тысячи и по триста четвертей в соху. А монастырских земель велено писцам писати в сошное письмо: добрые земли по штисот четвертей в соху, а середние земли по семисот четвертей в соху, а худые земли по осмисот четвертей в соху, а которая земля добре худа и безугодна и тое земли по девятисот четвертей в соху».[8]

Сведения серпуховской сотной позволяют предположить, что установление дифференцированных размеров сохи для различных категорий земель было проведено правительством в первой половине 50-х годов XVI в. П. А. Садиков относит издание указа о большой сохе к 1551—1555 гг.[9] П. Н. Милюков, основываясь на анализе списков «Книги сошного письма», связывает его с деятельностью собора 1551 г.[10]

Размер сохи можно представить следующим образом:

Категория земель	Качество земли			
	добрая	средняя	худая	«добре худа»
Черные земли	500	600	700	—
Монастырские	600	700	800	900
Поместные и дворцовые	800	1000	1200	1300

Установление различных размеров большой сохи для разных категорий земель И. И. Смирнов считает ярким проявлением общей линии политики Ивана IV как политики, способствовавшей «укреплению экономических и политических позиций дворян-помещиков за счет ограничения привилегий других категорий феодальных землевладельцев (в частности, монастырского землевладения) и на общей основе усиления феодальной эксплуатации крестьянства».[11] И действительно, если тяжесть обложения обратно пропорциональна размеру сохи, то выходит, что поместные земли были в значительно более привилегированном положении, чем монастырские, не говоря уже о черных землях, где тяжесть обложения была почти в два раза выше, чем на поместных. Следовательно, введение большой сохи явилось благоприятной мерой для развития поместного землевладения. Наличие в указе о большой сохе на дворцовых землях расчета долей сохи для всех по качеству земель («пол» и «треть» с производными) показывает, что указ был источником при составлении «Книги сошного письма». Предположение П. Н. Милюкова, что расчет долей сохи для всех категорий земель был произведен не в царском указе, а составителями «Книги сошного письма»,[12] не соответствует действительности. Он был уже в указе.

Большая соха в середине XVI в. в указанном размере не была введена повсеместно. Новгородские писцовые книги показывают, что здесь во второй половине XVI в. бытовала соха в 30 обеж, т. е. примерно в 300 четвертей.[13]

[1] *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 50.
[2] Там же. С. 48—49.
[3] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 89.
[4] Там же. С. 94.
[5] Там же. С. 96.
[6] Там же.
[7] Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. № 233.
[8] *Воронцов Л. Д.* Рукопись Серпуховского Высоцкого монастыря//Древности: Труды Археограф. комиссии Моск. археол. об-ва. М., 1902. Т. 2, вып. 2. Стб. 334—338.
[9] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 274.
[10] *Милюков П. Н.* Спорные вопросы.... С. 58.
[11] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 424.
[12] *Милюков П. Н.* Спорные вопросы.... С. 58.
[13] Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 15.

№ 28

Указ 1557/58 г. формулирует две прямо не связанные между собой нормы, относящиеся к холопству.

Первая норма касается казуса при следующей последовательности событий. Холоповладелец предъявляет судебный иск какому-либо человеку с обвинением в том, что он является

принадлежащим ему холопом по полной или докладной грамотам либо исходя из правила «по холопе раба», «по рабе холоп»,[1] а ответчик отрицает факт своего холопьего состояния; кто-нибудь третий поручается за ответчика до вынесения судебного решения, но ответчик, взятый на поруки, не дождавшись приговора суда, бежит. В этом случае сбежавшего предписывалось заочно «присудить . . . в беглые» в пользу истца вне зависимости от того, что истец мог еще не представить формальных доказательств, подтверждающих его притязания («хотя ещо государь не довел холопства»). Кроме того, он теперь получал право на основании так называемой беглой грамоты, т. е. документа, выдаваемого судом о возвращении беглых холопов, разыскивать беглеца и самодеятельным образом взять его себе в холопы.

Что же касается поручившегося за ответчика, то предписывалось вынести решение о взыскании с него, во-первых, по 4 р. за каждогс беглеца и суммы иска за кражу господского имущества, если такой был предъявлен, в пользу истца, во-вторых, судебных пошлин. Даже в случае последующей поимки истцом беглых людей взысканная с поручившегося сумма не подлежала возвращению.

Величина суммы, взимаемой с поручившегося за каждого убежавшего холопа, законодательно устанавливается в данном указе впервые, но она может быть соотнесена с практикой взимания 4-рублевого штрафа за убитых крестьян и горожан.[2] Очевидно, во второй половине XVI в. эта сумма стала применяться для возмещения ущерба при тяжбах из-за права владения холопами, а не только в том конкретном казусе, который стал предметом рассмотрения в указе 1557/58 г.[3] Однако цены на полных холопов были в целом ниже. Как установила Е. И. Колычева, в полных грамотах XVI в. лишь «изредка появляются . . . суммы в 4—5 рублей».[4]

Данная норма указа 1557/58 г. является как бы продолжением указа от 1 сентября 1557 г. (см. № 24). Взятые в совокупности, эти указы представляют собой инструкции о порядке прохождения дел о холопстве, если истец не может сразу обосновать свои владельческие права. В указе 1 сентября 1557 г. рассматривается досудебная процедура такого процесса с взятием ответчика на поруки, а в указе 1557/58 г. — случай бегства взятого на поруки ответчика в условиях уже начавшегося судопроизводства. Столь тщательная разработка казусов, связанных с делами о бежавших холопах и их возвращением господам, свидетельствует не только о ценности в этот период холопьего труда, но и о том, что борьба с массовым бегством холопов стала для господствующего класса одной из первоочередных задач.

В т о р а я н о р м а указа 1557/58 г. вводит санкцию за составление подложных полных и докладных грамот на вольных людей.

«Нарежати» (связано с термином «нарядчик» [5]) в данном контексте означает «подделывать». Б. А. Романов термин «нарядчик» ст. 113 Судебника 1589 г. перевел как «подделыватель»,[6] хотя А. И. Копанев дает ему другой перевод: ябедник-клеветник.[7] Правда, в ст. 59 Судебника 1550 г. подделка документов обозначена термином «подписка».[8]

Инициаторами подделки, конечно, были лица, хотевшие незаконным способом приобрести холопов из числа вольных людей, для чего и склоняли к этому таможенников и вступали с ними в сговор. Таможенники имели прямое отношение к составлению полных и докладных грамот вплоть до 80-х гг. XVI в., когда полная грамота оказалась вытесненной служилой кабалой.[9]

Не вполне ясно, почему в качестве возможного соучастника подделки полных и докладных грамот в указе не фигурирует именно тот дьяк, «который грамоты пишет». Вероятно, составление специальных книг с внесением в них полных грамот, порученное таможенникам, создавало особо благоприятные предпосылки для участия их в написании поддельных полных и докладных грамот. Недаром именно им адресуется в новгородской таможенной грамоте столь категоричный запрет: «А полных грамот из таможенные не выдавати».[10]

Понимание смысла данной нормы указа 1557/58 г. не вызывает трудностей. Для обоих участников незаконной сделки — ее инициатора и сообщника-таможенника — предусмотрена единая санкция: смертная казнь.

Проблема подделки документов имела правовой прецедент. За несколько лет до указа 1557/58 г. она была рассмотрена в ст. 59 Судебника 1550 г.: «А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой человек, и боарину велети того казнити смертною казнью». Как видим, и здесь подделка («подписка») карается наряду с другими особо опасными, с точки зрения законодателя, преступлениями смертной казнью. Однако в Судебнике вопрос был решен в обобщенном виде — в отношении подделывателя любого документа, хотя к смертной казни приговаривался не каждый подделыватель, а только тот, который «будет ведомый лихой человек».

В 1557/58 г. законодатели возвращаются к этой проблеме и решают ее теперь в более узкой сфере — применительно к подделывателям полных или докладных грамот, но зато и не вводят различий между «ведомыми лихими людьми» и лицами, к этой категории не относящимися, все

они по указу должны были предаваться смертной казни, как и «головные тати», которые в ст. 61 Судебника 1550 г. были, безусловно, отнесены к числу «ведомых лихих людей».[11]

Следовательно, в указе 1557/58 г. санкция в отношении подделывателей полных и докладных грамот ужесточилась по сравнению с Судебником 1550 г. Не наводит ли это на мысль, что грань между свободой и несвободой не только не стиралась в середине XVI в., но все больше осознавалась?

[1] В соответствии со ст. 75 Судебника 1550 г., восходящей к нормам Правды Русской.
[2] АФЗХ. Ч. 1. № 2а; АСЭИ. Т. 3. № 12, 22, 25.
[3] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 220.
[4] Там же. С. 20.
[5] См. ст. 113 Судебника 1589 г.
[6] Судебники XV—XVI вв. С. 290.
[7] Там же. С. 491.
[8] Очевидно, термины «наряжать» и «подписывать» являлись синонимами. См.: *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. № XV (IV).
[9] *Колычева Е. И.* 1) Полные и докладные грамоты XV—XVI веков // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 63—66; 2) Холопство. С. 21—22.
[10] ААЭ. Т. 1. С. 321.
[11] Там же. С. 160. В отношении определения головных татей в литературе отсутствует единство. М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что головная татьба означает кражу холопов (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909. С. 351). Это мнение дополнительно обосновала Е. И. Колычева (*Колычева Е. И.* Холопство. С. 224—226). Однако Л. В. Черепнин пришел к выводу, что «головная татьба» — кража, отягощенная убийством (Судебники XV—XVI вв. С. 58).

№ 29

Память на имя князя Д. И. Немого ставит в прямую связь приведенный в ней указ о порядке выкупа заложенных вотчин от 11 января 1558 г. с указом от 25 декабря 1557 г. (см. № 26). Если указ 25 декабря 1557 г. разрешал служилым людям уплату долга в льготные 5 лет (1558—1562 гг.) без процентов, то указ 11 января 1558 г. распространял эту льготу на сделки заклада, разрешив закладчикам уплату залоговых денег в те же пять лет и освободив их также от процентов. Как известно, уплата процентов в сделках заклада земли осуществлялась правом взявшего землю в залог обрабатывать ее и извлекать соответствующий доход по обычной формуле закладных грамот — «а за рост те заложенные земли пахати». Указ 11 января 1558 г. как раз и предписывал возвращать заложенную землю владельцу при условии уплаты им первой $^1/_5$ части залоговой суммы и таким образом лишал залогодержателя ростовых доходов (он получал обратно лишь данные им деньги).

Указ ограничивает права вотчинника в распоряжении полученной из заклада вотчиной, он не может до уплаты всего долга ее вновь заложить, продать, дать в приданое, дать вкладом или променять. Однако в противоречии с этой нормой указ предусматривает случай, когда вотчинник, не уплатив всего долга, продает бывшую в залоге вотчину другому лицу. В такой ситуации указ предписывает: 1) взыскать всю сумму долга на залогодателе; 2) если это невозможно, то на лице, купившем вотчину; 3) если последнее невозможно (нет у купившего денег), то вотчина возвращается залогодержателю, а покупатель ее взыскивает свои деньги на залогодателе или получает его «головою до искупа». Если в последнем случае залогодателя «не будет ... в лицех», то покупатель лишается своих денег, как виновный в том, что купил вотчину, находившуюся в закладе. Указ предусматривает случай, когда залогодатель, уплатив в первый льготный год $^1/_5$ часть долга и получив соответственно свою вотчину, не будет в состоянии уплатить следующие платежи — тогда вотчина передавалась обратно залогодержателю. Наконец, указ разрешает и в дальнейшем (в льготные годы) давать вотчины в залог, хотя залогодатель и может платить свой долг по вытям, по $^1/_5$ в год, тем не менее вотчина находится у залогодержателя.

Исследуя вопрос о классовой направленности закона 11 января 1558 г., И. И. Смирнов толкует общий термин закона «люди» как «служилые люди». Основанием для такого толкования является то, что закон 11 января представляет собой дополнение закона 25 декабря 1557 г., в котором речь идет именно о служилых людях. Следовательно, как закон от 25 декабря 1557 г., предоставивший льготу служилым людям в оплате долга, так и закон 11 января 1558 г., создавший условия к возврату служилым людям заложенных ими вотчин, преследовали одну и ту же цель — укрепить экономическое положение служилых людей, социальной опоры правительства Грозного.[1] А. А. Зимин считает, что указ соответствовал интересам «широких кругов дворянства, ибо обеспечивал их право владения земельным объектом залога даже до погашения всего долга».[2] Н. П. Павлов-

Сильванский называет законы 1557 и 1558 гг. чрезвычайными указами, вызванными тем, что задолженность служилых людей и вотчинников приняла опасные размеры.[3] М. Ф. Владимирский-Буданов обращает внимание на наличие в указе 11 января 1558 г. упоминания книги у дьяков, где «отчинные купли и закладные» записаны, и рассматривает это как «первое свидетельство об укреплении прав на недвижимое имущество посредством записи в книги присутственных мест».[4] Однако, как отмечено выше (см. комментарий к № 5), запись земельных сделок в книги введена была еще раньше, в связи с приговором 1551 г., и документы подтверждают, что она осуществлялась до комментируемого указа.

Ввиду неисправности текста указа в издании Актов исторических, восходящей к ряду списков указа (см. варианты), в правовой науке имеется ряд надуманных комментариев его, отмеченных еще Н. П. Павловым-Сильванским.[5]

См. также № 8, 13.

[1] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 449—451.
[2] *Зимин А. А.* Реформы. С. 470.
[3] *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 135—137.
[4] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 21, примеч. 59.
[5] *Павлов-Сильванский Н. П.* 1) Государевы служилые люди. С. 315, примеч. 56; 2) Погрешности Актов Археографической экспедиции // ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1906. Вып. 17. С. 24—25. См. также: *Смирнов И. И.* Очерки. С. 451, примеч. 19.

№ 30

Согласно указу 17 февраля 1558 г., при проведении по распоряжению бояр — в данном случае Разбойного приказа — губными старостами обысков на местах предписывалось (во избежание волокиты и лишних расходов) посылать в Москву только «обыскные списки», заверенные печатями и подписями губных старост и обыскных людей, а самих свидетелей не посылать. До этого посылка в Москву и участие при разбирательстве дела старост или иных «лучших людей» из числа лиц, подвергшихся обыску, считалось обязательным. Упоминание в указе наряду с губными старостами «выборных голов», под которыми, надо полагать, имелись в виду земские старосты, объяснялось, видимо, тем, что после проведения в 1555/56 г. земской реформы (см. комментарий к № 11) в черносошных волостях страны, например на территории русского Поморья, губные функции были переданы в руки земских властей.[1]

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 339—341, 348—349, 380—381.

№ 31

Указом 1 сентября 1558 г. было разрешено оформлять любую холопью крепость (полную грамоту, докладную грамоту, служилую кабалу) на поступающих в холопство крестившихся пленников и детей служилых иноземцев, не принятых на государственную службу за непригодностью или уже отставленных от службы. При этом каждую такую сделку в обязательном порядке предписывалось производить в ведомстве казначеев в присутствии похолопляемых и при обязательной регистрации холопьих крепостей в специально для того заведенных казначеями книгах, причем закон имел и обратную силу, в связи с чем новой процедуре оформления крепостей на новокрещенов должны были подвергнуться и все подобного рода сделки, заключенные до принятия данного указа. Такой порядок означал, что оформление холопьих крепостей на крещеных пленников и детей служилых иноземцев могло проводиться только в Москве.

Все остальные холопьи крепости на новокрещенов признавались отныне незаконными. В качестве санкции в отношении холоповладельцев, нарушивших данный указ и не регистрировавших холопьи крепости на новокрещенов, предписывалось не принимать к судопроизводству их иски о краже господского имущества вне зависимости от степени обоснованности таких обвинений.

Регистрация любых холопьих крепостей на новокрещенов в одной книге и поручение их ведения одному из высших центральных правительственных органов — Казне — свидетельствуют о том, что власти в данном случае интересовали не эти крепости сами по себе. Они были озабочены тем, чтобы поставить заслон, гарантировавший невозможность похолопления тех категорий ново-

крещенов, относительно которых не было дано разрешения в данном указе и которые рассматривались как важный резерв в первую очередь для государевой службы.

Е. И. Колычева справедливо отметила основную, хотя и не сформулированную мысль указа, состоящую в том, что «полоняники и иноземцы, принявшие православие, обязаны служить царю».[1] Е. И. Колычева указала и на контингент новокрещенов, которых имели в виду законодатели в данном указе. Испытывая нужду в служилых людях, «правительство изыскивало пути для привлечения на государеву службу людей из других государств». В частности, «Иван Грозный очень охотно принимал на службу выходцев из-за рубежа», изъявивших желание служить царю. «Попавшим в плен представителям шляхты, а также части ремесленников» «предоставлялись широкие возможности для „добровольного“ поступления на царскую службу». Наконец, с середины XVI в. «начинают широко практиковаться меры принудительного вовлечения полоняников на царскую службу», для чего их «часто под страхом смерти вынуждают принимать православие».[2] Таким образом, указ 1558 г. имел в виду те слои пленных и иноземцев, «которые в дальнейшем могли стать источником формирования класса служилых людей, т. е. шляхту, а также отчасти ремесленников и купцов». При этом указ не только призван был обеспечить привлечение необходимых для государственной службы лиц из числа крещеных пленников и детей служилых иноземцев в будущем, но и, имея обратную силу, предусматривавшую «регистрацию старых крепостей» на них, которая, по всей вероятности, сопровождалась «пересмотром ранее оформленных грамот и кабал», «привлечь на свою службу тех из них, кто уже находился в рабстве».[3] Поэтому мысль А. А. Зимина о том, что данный указ фактически распространил действие ст. 81 Судебника 1550 г. и других законов о служилых холопах на новокрещенов,[4] представляется совершенно справедливой, если под другими законами понимать прежде всего указ 1 сентября 1557 г. о признании законными служилых кабал на сыновей детей боярских старше 15 лет, не несущих государственной службы (см. № 23).

И действительно, ст. 81 Судебника 1550 г. и только что упомянутый указ 1 сентября 1557 г. были направлены на то, чтобы воспрепятствовать похолоплению лиц, которые могли бы пополнить армию, и тем самым сокращению дворянской армии. Теперь, в данном указе, речь шла о других возможных кандидатах, и они тоже ставились под охрану закона путем запрещения их похолопления. Но тем самым указ обнаруживает полнейшее равнодушие к судьбе всех остальных пленников и детей служилых иноземцев, т. е. тех из них, которые «в службу не пригодятца, и которые службу государеву служили, да от службы отставлены». Их и впредь можно было холопить беспрепятственно.

Комментируемый указ 1 сентября 1558 г. в той его части, которая касается пленников, пришел на смену указу около 22 августа 1556 г. (см. № 18). В отличие от последнего, вводившего службу пленников только до смерти господина и освобождавшего от холопства их детей, данный закон, оградив от поработительных поползновений холоповладельцев тех сравнительно немногих пленников, которые могли пополнить войско, разрешал оформлять зависимость основной массы пленников любым холопьим крепостным документом, фиксирующим наследственную и потомственную неволю.

[1] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 42.
[2] Там же. С. 40—41.
[3] Там же. С. 43.
[4] *Зимин А. А.* Реформы. С. 467. Однако трудно согласиться с А. А. Зиминым, когда он считает, что передача дел «о холопах-иноземцах казначеям отражала усиление роли дворянской бюрократии и ограничение власти Боярской думы», поскольку ранее «дела о холопах докладывались боярам» (там же. С. 467—468). Дело в том, что и ранее книги регистрации полных грамот велись не боярами, а таможенниками (см. комментарий к № 28), хотя и докладывались в ряде случаев, но отнюдь не во всех, боярам.

№ 32

Указ не ранее 1 сентября 1558 г. был дан в развитие ст. 72 Судебника 1550 г., согласно которой посадских людей «промеж себя» судил наместник. Указ же предусматривал расследование дела, возникшего между посадскими людьми разных городов, в Москве. Согласно этому указу, тяжущихся посадских людей, приехавших из разных городов, должны были судить казначеи, а посадских людей одного и того же города в их «земских делех» должны судить наместники «тех городех».

В том же случае, если посадский человек был ограблен или его кто-нибудь «иным чем изобидел» в Москве, хотя бы и свой земляк, судить его должен был казначей.

№ 33

Указ не позднее 25 апреля 1559 г. был принят, по-видимому, по инициативе духовенства, возможно митрополита, и был направлен на повышение авторитета церкви, поскольку проведение публичной казни, собиравшей обычно много народа, в день всеобщего поминания в церквах душ умерших противоречило христианскому учению.

№ 34

Указ 17 июня 1560 г. касается рассмотрения дел о денежных заемных кабалах, по которым, согласно царскому распоряжению, были выданы «полетные грамоты», предоставлявшие право в течение пяти лет погашать долг «по жеребьям без росту», т. е. отдавать его по долям и без процентов. Решался вопрос, как поступать в таких случаях после московского пожара 1560 г., если кредиторы бьют челом об управе, а дворы обеих сторон (истца и ответчика) во время пожара погорели: давать ли по этим делам «меж их управа или тем та ж пять лет ждати?» Выносится решение, что при возникновении подобных дел исков от кредиторов не принимать, приставов им не давать, а, наоборот, всем должникам-погорельцам предоставить новую пятилетнюю льготу на срок с 17 июня 1560 г. по 17 июня 1565 г.

А. А. Зимин считает, что указ 17 июня 1560 г. касался только «должников-феодалов», и в этом смысле связывает его с указом 25 декабря 1557 г. (№ 26).[1] Подобное ограничительное толкование (в социальном смысле) указа 17 июня 1560 г. вызывает возражения. Во-первых, в указе 17 июня вообще не упоминаются феодалы, тем более должники. Во-вторых, речь идет о кредиторах и должниках, чьи дворы погорели в Москве, а среди них основную массу составляли не феодалы, а посадские люди. В-третьих, указ дошел до нас в составе Сводного судебника среди статей (грань I), излагавших указы 50—60-х гг. XVI в. о взимании долгов по кабалам и бескабально «на всех людях» — на служилых (детях боярских) и неслужилых, причем последним в ряде случаев по действующим указам тоже предоставлялись льготы. Правильнее поэтому истолковывать указ 17 июня 1560 г. как временную чрезвычайную меру, касающуюся всех категорий московских должников-погорельцев, имевших «полетные грамоты», а не только проживавших в Москве должников-феодалов. В обстановке, вызванной стихийным бедствием, подобное игнорирование интересов посажан-погорельцев было бы вряд ли возможно.

[1] *Зимин А. А.* Реформы. С. 462—463; ПРП. Вып. 4. С. 548.

№ 35

Указ не позднее 14 марта 1561 г. был принят на основании подобного же прежнего митрополичьего указа, рассматривавшего вопрос о действительности оставшихся после смерти родственников (отцов, матерей, жен, сестер, племянников) духовных грамот (завещаний), подписанных душеприказчиками, свидетелями и духовными отцами умерших, но не имевших печатей и не подписанных самими завещателями по неграмотности или из-за скоропостижной смерти. Требовалось предписание, как быть в тех случаях, когда эти духовные будут кем-либо оспорены в суде: «те духовные лживят и называют их нарядными» (т. е. не подлинными, а фиктивными), но доказательств того, кто их «наряжал», не будет приведено.

Митрополичьи бояре подтвердили, что такие духовные остаются в силе.

Было также подтверждено, что следует считать действительными и завещания умерших жен, если душеприказчиками при их составлении были муж вместе с родственниками жены. Духовные же, где душеприказчиком был один муж, признавались незаконными, как это было зафиксировано в указе от 2 января 1557 г. (№ 21). Возможно, указ не позднее 14 марта 1561 г. восходит именно к этому указу, который, по всей видимости, дошел не в полном виде.

№ 36

Указ 15 января 1562 г. представляет собой новый этап в законодательстве о княжеских вотчинах. Как отмечал С. В. Рождественский, закон 15 января 1562 г., в отличие от соборного приговора 1 мая 1551 г. (№ 5), «обнимает уже всех без исключения князей северо-восточной Руси»

(в нем указано 6 княжеских родов, от которых ведут начало все княжеские фамилии северо-востока), а также всех юго-западных князей (в законе упомянуто 5 родов), «но прибавка „и за иными служилыми князми" дает основание заключить, что указ 1562 г. захватывает так же всех юго-западных, как и северо-восточных князей».[1] С. В. Рождественский отверг мнение тех исследователей, которые приписывают указу 1562 г. местное значение, и пришел к выводу, что нормы указа 1562 г. были обязательными «для всех вообще княжеских вотчин».[2]

Если приговор 1551 г. запрещал трем княжеским родам продавать свои вотчины без ведома правительства кому-либо, кроме лиц, которые могут наследовать им по закону, то указ 1562 г. вводит уже для всех князей фактически полное запрещение каким-либо образом отчуждать свои вотчины (путем ли продажи, обмена, заклада, дачи в монастырь или в приданое), допуская переход вотчин лишь прямым наследникам князя-вотчинника — сыновьям. Узкий круг наследников родовой княжеской вотчины, определенный указом 1562 г., делал особенно опасным для существования княжеской вотчины одно из главных постановлений этого указа — постановление об отобрании на государя вотчины при отсутствии у владельца наследников («А которого князя бездетна не станет, и те вотчины имати на государя»). Следовательно, правительство легко могло ликвидировать княжескую вотчину в случае бездетной смерти князя-вотчинника, так как передачу вотчины ближайшим родственникам (братьям, родным и двоюродным, и племянникам, т. е. в тех степенях родства, в которых не позволен брак) указ допускал лишь с разрешения царя, которое по той или иной причине могло и не состояться. Взятие вотчины на государя неоднократно предписывается указом 1562 г. Так, если князь против закона завещает вотчину дочери или сестре в приданое или на помин души в монастырь, то вотчина отписывается на государя, а приданое и поминание души осуществляются за счет животов, т. е. имущества умершего. На государя «имается» и проданная князем вотчина, кто бы ни был ее покупателем, пусть даже сын боярский. К государю отходит также вотчина, данная «на прожиток» бездетной вдове: она владеет ею лишь до смерти; причем указ и здесь предусматривает ревизию воли князя-завещателя. Если вотчина, данная «на прожиток» вдове, окажется слишком великой, то, видимо, часть ее может быть взята на государя еще при жизни вдовы (как «государь о той вотчине указ учинит»).

Применение закона на практике давало правительству достаточно поводов для вмешательства в судьбу княжеской вотчины — ослабить и даже полностью ликвидировать ее. Однако закон имел и обратную силу. В указе 1562 г. предписывалось отбирать на государя те княжеские земли и те земли в ряде городов (где продажа земель была запрещена иногородцам уложением Василия III и приговором 1551 г.[3]), которые были в прошлом отчуждены князьями — чужеродцам, а вотчинниками в городах — иногородцам. Причем вотчины, которые были отчуждены за 15—20 лет до издания указа 1562 г., отбирались безденежно, а за вотчины, отчужденные не более чем за 10 лет до 1562 г., предусматривалась возможность денежной компенсации.

В советской историографии интерпретация указа от 15 января 1562 г. не была однозначной. И. И. Смирнов, исходя из своей оценки соборного приговора от 1 мая 1551 г. как направленного против вотчинников (см. комментарий к № 5), считает, что указ развивает постановления приговора. «Градация, устанавливаемая законом 15 января 1562 г., — пишет И. И. Смирнов, — является не чем иным, как своеобразной периодизацией политической истории Русского государства середины XVI в. В самом деле, стоит вместо 20-, 15-, и 10-летнего срока поставить соответствующие хронологические даты, и мы получим следующие годы: 1542 г., 1547 г. и 1552 г. Но тем самым делается ясной и „обратная пропорциональность" закона 1562 г.: те земельные сделки, которые совершались до ликвидации господства княжеско-боярских группировок (1542—1547 гг.!) или до издания законодательства, ликвидирующего результаты земельной политики княжеско-боярских группировок (1552 г.!), объявляются безусловно противозаконными. Напротив, сделки на земли, относящиеся уже к периоду, когда новая дворянско-помещичья группировка окончательно укрепилась у власти и консолидировалась, не носили столь ярко выраженного политического характера, как сделки предшествующего периода. Поэтому в отношении их допускалась процедура, долженствовавшая выяснить обстоятельства совершения каждой такой сделки, в зависимости от чего и решался вопрос о компенсации».[4] Эти постановления закона 15 января 1562 г., замечает далее И. И. Смирнов, продолжали «ту линию приговора 1551 г., которая состояла в борьбе за ликвидацию мероприятий в области земельного вопроса, осуществлявшихся княжеско-боярскими группировками в период боярского правления».[5]

Близок к И. И. Смирнову в толковании политического смысла «обратного действия» указа 1562 г. Р. Г. Скрынников. Вместе с тем он подчеркнул антимонастырскую направленность указа, так как именно монастыри перехватывали чаще всего выморочные княжеские вотчины. Причину, почему сделки на княжеские вотчины, заключенные в 1557—1562 гг., не подлежали пересмотру, Р. Г. Скрынников видит в земельных мероприятиях, проведенных правительством в 1556 г. «в связи с упорядочением военнослужилой системы землевладения и проверкой владельческих прав на земли».[6]

Б. А. Романов, напротив, резко противопоставил указ 15 января 1562 г. соборному приговору 1551 г., поскольку, по его мнению, в приговоре не было ничего, направленного к подрыву вотчинного землевладения княжат и бояр.[7]

В. Б. Кобрин также отмечает «противоположный характер» указа 1562 г. по сравнению с характером соборного приговора 1551 г.: «Он не консервировал, как Приговор 1551 г., княжеское землевладение, а был направлен на его постепенное изживание» и в канун опричнины «был особенно непримирим к нарушениям периода боярского правления».[8]

Заключительное постановление закона 1562 г. о переходе вотчины бездетно умершего боярина или сына боярского государству вызывало недоумение у ряда исследователей. С. В. Рождественский объясняет появление этой статьи «тем казуистическим способом построения всего указа 1562 г., который вообще составлял свойство московского законодательства», в результате чего в указе, посвященном двум частным вопросам (княжескому землевладению и обращению вотчин в ряде уездов), появилось «общее постановление об ограничении мобилизации всей вообще служилой земли».[9] Однако, на наш взгляд, это постановление включено с целью подчеркнуть разницу в правовом положении княжеской вотчины и вотчины боярина или сына боярского: вотчина бездетного боярина или сына боярского переходит на государя лишь в том случае, если у умершего нет близких родичей и духовного завещания. Как сказано выше, в таком же случае относительно княжеской вотчины предписывалось поступать по-другому: наличие ближних родичей и духовного завещания совсем не обеспечивало ее неприкосновенность.

Законодательство о княжеском землевладении начала 60-х гг. было предметом острой полемики между Андреем Курбским, осуждавшим его, и Иваном Грозным, обосновывавшим его.[10]

А. А. Зимин отмечает, что указ 1562 г., как и приговор 1551 г., «на практике далеко на всегда выполнялся». Например, стародубские князья в 50—70-х гг. «продолжали продавать, менять и отдавать свои земли в монастыри».[11] Но контроль за княжескими землями после указа 1562 г. усилился. Об этом свидетельствуют стремления монастырей узаконить свои приобретения княжеских вотчин. Например, в мае 1562 г. Спасо-Каменный монастырь получил царскую грамоту, подтверждавшую его право владеть землями князей Пенковых, перешедших от них «по данным и духовным»,[12] в 1565 г. аналогичная грамота была дана Спасо-Евфимьевскому Суздальскому монастырю о землях, данных князем Гундоровым.[13]

См. также № 37.

[1] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 125.

[2] Там же. С. 125. С. В. Рождественский возражает, в частности, против схемы В. Н. Сторожева, считавшего, что уложение Василия III и приговор 1551 г. вводили «местное и условное запрещение продавать вотчины поименованных князей мимо вотчичей», указ 1562 г. — «местное и безусловное запрещение» «отчуждать вотчины мимо вотчичей» и лишь приговор 1572 г. — «общее и безусловное» запрещение отчуждения мимо вотчичей (*Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 13).

[3] «По отношению ко всем этим городам, — замечает С. В. Рождественский, — указ 1562 г. только подтверждает изстаринный порядок, но не вводит никаких новых норм» (*Рождественский С. В.* Служилое землевладение... . С. 126).

[4] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 446.

[5] Там же. С. 447.

[6] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 157—158.

[7] *Романов Б. А.* К вопросу о земельной политике Избранной рады: (ст. 85 Судебника 1550 г.) // ИЗ. 1951. Т. 38. С. 264—266.

[8] *Кобрин В. Б.* 1) Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI веках: (Законы 1551, 1562 и 1572 гг.)//История СССР. 1984. № 1. С. 181—183; 2) Власть и собственность в средневековой России: (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 83—86.

[9] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение... . С. 126.

[10] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 159.

[11] *Зимин А. А.* Реформы. С. 477.

[12] ДАИ. Т. 1. № 115.

[13] Там же. № 177.

№ 37

Приговор 9 октября 1572 г., по мнению И. И. Смирнова, «является прямым продолжением и завершением законов» 1551 и 1562 гг.[1] (№ 5, 36). Он, как и указ 1562 г., запрещает мобилизацию княжеских земель в общегосударственном масштабе для всех без исключения княжеских родов. Значение этого постановления, имеющего целью ликвидацию княжеского землевладения, подчеркивается тем обстоятельством, что оно издается в те годы, когда опричная политика Ивана Грозного наносила княжеской вотчине особенно сильные удары.

В исторической литературе обращено внимание на то, что в приговоре 1572 г. наряду с княжескими вотчинами упомянуты вотчины боярские, которые по буквальному значению закона под-

падали под те же ограничения в отношении их мобилизации, что и княжеские. М. Ф. Владимирский-Буданов, считая, видимо, такое уравнивание княжеских и боярских вотчин невозможным, полагал, что приговор 1572 г. под боярскими вотчинами подразумевал те, «которые перешли к боярам от князей».[2] С. В. Рождественский, напротив, считал вполне естественным распространение постановлений о княжеских вотчинах на вотчины боярские, так как в XVI в. титулованная аристократия «настолько наполнила верхний, боярский слой служилого класса, что землевладение всех видных княжеских фамилий было вместе с тем и боярским землевладением».[3]

Родовой вотчине в приговоре 1572 г. противопоставляется выслуженная вотчина, распоряжение которой допускается в пределах, указанных в жалованной грамоте. Выдавая со второй половины XVI в. вотчины в виде награды служилым людям, правительство предоставляло владельцам часто и полное право распоряжения ими.[4] Однако были случаи, когда в грамоте на выслуженную вотчину оговаривалось, что владеть ею имеет право лишь то лицо, кому она пожалована.[5] Тогда приговор 1572 г. предписывал по смерти владельца отбирать выслуженную вотчину на государя, т. е. вотчина приобретала черты поместья. Постановление приговора 1572 г. о том, что после умершего бездетного вотчинника права наследства переходят к его братьям и сыновьям, и внукам братьев (но не дальше 4-й степени родства), по мнению ряда исследователей (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. А. Зимин), имеет в виду княжеские родовые вотчины.[6] К. Неволин относит это постановление к праву наследования в выслуженных вотчинах.[7]

В. Б. Кобрин считает выражение приговора 1572 г. — вотчинам княжецким и боярским «быти по старому государеву уложенью» — ссылкой не на указ 1562 г., а на приговор 1551 г., видит в приговоре 1572 г. замену нормы 1562 г. и возвращение к «более или менее свободному обращению княжеских вотчин внутри рода».[8]

Последняя часть приговора 1572 г. касается монастырского землевладения. Запрещение монастырям увеличивать свои земельные владения здесь сформулировано более категорично, чем в приговоре 1551 г. Это объясняется, конечно, тем, что период между приговорами 1551 и 1572 гг. был периодом интенсивного роста монастырских вотчин. Затянувшаяся Ливонская война особенно остро ставила вопрос о необходимости прекратить приобретение земли крупными монастырями каким бы то ни было путем. Лишь мелкие монастыри, экономически слабые и по сему случаю малоопасные, могли приобретать земли, но всякий раз лишь с разрешения правительства. Однако правительство Ивана Грозного не было последовательным в борьбе с монастырским землевладением, поглощавшим земли служилых людей. Это нашло свое отражение в приговоре 1572 г.: приговор отменил право выкупа земель из монастырей, закрепив тем самым все уже наличные земли за ними.[9]

См. также № 5, 36.

[1] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 447.
[2] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 36, примеч. 99.
[3] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 127.
[4] *Лаппо-Данилевский А. С.* Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. // Истор. обозрение. СПб., 1891. Т. 3. С. 118—120. В Судебнике 1550 г. выслуженные вотчины еще не упоминаются.
[5] Там же. С. 118.
[6] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. С. 37, примеч. 102; ПРП. Вып. 4. С. 561.
[7] *Неволин К.* Собрание сочинений. СПб., 1858. Т. 5. С. 351—352.
[8] *Кобрин В. Б.* 1) Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI веках: (Законы 1551, 1562 и 1572 гг.) // История СССР. 1984. № 1. С. 183; 2) Власть и собственность в средневековой России: (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 86—88.
[9] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 78.

№ 38

Указ 1572/73 г. В. И. Корецкий ставит в связь с теми мерами правительства, которые были направлены на преодоление пустоты, «катастрофически развивавшейся именно на поместных землях и усугубленной в Московском уезде набегом крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г.».[1] Покупателями могли быть как служилые люди (бояре, дети боярские, приказные), так и верхи посада — гости. Купившие землю владели ею на вотчинном праве: могли продать, передать детям, дать в приданое. Запрещалась передача земель в монастырь. В случае бездетной смерти землевладельца земля переходила в фонд поместных земель и шла в раздачу. Продажу производил Поместный приказ, где велся особый «продажный список» и оформлялись купчие грамоты. В. И. Корецкий, основываясь на актах и писцовых книгах, в которых говорится о продаже земель, установил, что покупателями земли были лица, «лично» преданные царю. В этом

он видит политическую цель продажи порозжих земель в Московском уезде — «иметь вблизи столицы надежных служилых людей».[2]

В. И. Корецкий утверждал, что указ о продаже порозжих земель не имел широкого применения. Однако «Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова „с товарищи"», опубликованный В. Б. Павловым-Сильванским, свидетельствует о распространенности в уезде вотчин, приобретенных из порозжих земель. Последнее позволяет В. Б. Павлову-Сильванскому поставить под сомнение утверждения В. И. Корецкого.[3]

Цена земли — 1 р. за 3 четверти, «а в дву по тому ж», т. е. за 9 четвертей, — была примерной, так как могла быть изменена в зависимости от ее «угодности» или «безугодности».

См. также № 173, 177, 234 (ст. 2).

[1] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 79.
[2] Там же. С. 80.
[3] *Павлов-Сильванский В. Б.* Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 111—112.

№ 39

Указ 1575/76 г., изложенный во ввозной грамоте, предписывал испомещать детей боярских лишь в тех городах, из которых они служат. Практически указ мог быть выполнен лишь в южных уездах, где имелся большой запас порозжих земель, годных для раздачи помещикам. В центральных уездах эта норма издавна нарушалась. Обычным явлением была практика, согласно которой служилые люди, записанные в десятне по одному городу, наделялись поместьями в других городах. Например, вяземские служилые люди владели поместьями, кроме Вязьмы, в Козельске, Старице, Кашине, Муроме, Зубцове, Ростове, Калуге, Костроме и в других центральных городах.[1] Практика дачи подмосковных поместий дворянам, переводившимся на службу в Москву (в выборе, в жильцы и т. д.) при оставлении за ними их старых поместий, также шла в разрез с нормой указа 1575/76 г.

С. В. Рождественский считает, что этот указ остался «без результата». Испомещение в разных городах, по мнению С. В. Рождественского, коренилось «в некоторых общих, трудно изменимых условиях поместной организации: недостатке удобных поместных земель, необходимости передвижения военных сил» и т. д.[2] Однако последующее законодательство о запрещении перехода поместного фонда земель служилым людям других городов показывает упорное стремление правительства провести норму этого указа в жизнь. Политика правительства отвечала интересам провинциальных детей боярских, корпоративно заинтересованных в сохранении фонда поместных земель города и предотвращении их захвата поместной знатью.

См. также № 85, 156, 211.

[1] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 346.
[2] Там же. С. 311.

№ 40

Соборный приговор 15 января 1580 г., лишивший монастыри и церкви права приобретать в дальнейшем земли каким бы то ни было способом, является поворотным моментом в истории монастырского землевладения. Разрастание монастырского землевладения в 50—70-х гг., происходившее вопреки ограничительным и запретительным законам 1551, 1562, и 1572 гг. (№ 5, 36, 37), привело к значительному сокращению частновладельческого земельного фонда. По данным С. Б. Веселовского, с 1552 по 1580 г. вотчинное землевладение центральных уездов потеряло свыше 600 владений.[1] Катастрофическое, по словам С. Б. Веселовского, уменьшение вотчинных земель, обусловленное прежде всего острой политической борьбой опричного правительства Ивана Грозного против бояр и княжат, которые, стремясь найти защиту, отдавали свои земли в монастыри, ничуть не отвечало интересам дворян-помещиков. Добившись с помощью опричнины значительных успехов в политической области, дворяне стремились также укрепить и свои экономические позиции. Приговор 15 января 1580 г. отвечал в этом отношении интересам дворян, так как запрет монастырям и церквам приобретать земли давал правительству большие возможности для увеличения фонда поместных земель, предназначенных в раздачу дворянам.

Приговор 15 января 1580 г. издан от имени царя, его сына, царского синклита (т. е. боярской думы) и Освященного собора (т. е. собора высших церковных иерархов, архимандритов, игуменов и старцев наиболее влиятельных монастырей). Духовенство скрепило приговор печатями и подписями. Все это сделало приговор торжественной декларацией духовенства об отказе от дальнейшего увеличения своих вотчин. Впечатление добровольности отказа и некоего единодушия духовенства в этом вопросе усиливается резким осуждением в мотивировочной части приговора «пьянственого и непотребного слабого жития» монахов и церковников и жадного их стремления всеми правдами и неправдами («ухищрением и тяжею») увеличивать свои «угодия земельные», а также признанием чрезвычайных нужд служилых людей, обороняющих Русь и православие от врагов. Однако столь резкая критика церковников позволяет предположить, что текст приговора для Освященного собора готовила светская рука, т. е. правительство Ивана Грозного.

Об упорной борьбе иерархов церкви и монашествующих с намерениями Ивана Грозного свидетельствует рассказ Горсея. Горсей сообщает о ряде совещаний царя с духовенством, на которых царь требовал от церкви поступиться богатствами и землями, подкрепляя свои требования угрозами и прямыми насилиями в отношении ярых противников из числа духовенства. Говорит Горсей и о громком протесте ратных людей и народа против паразитического существования духовенства, расхищавшего огромные богатства.[2] Р. Г. Скрынников считает, что в рассказе Горсея «преобладает вымысел», а его направление определялось внутренними делами самой Англии, где шли споры «о полной секуляризации церковных имуществ».[3] Соглашаясь с этим, отметим, однако, что вымышлены в рассказе, вероятно, подробности, но общее представление об обостренной борьбе по вопросу о церковном и монастырском землевладении, которая шла в момент издания приговора 1580 г., мемуары Горсея дают правильно.

Из этой борьбы духовенство вышло не без успеха. Отказавшись от дальнейшего расширения своих земельных владений, оно сумело сохранить существующие вотчины в неприкосновенности. Приговор 15 января 1580 г. торжественно закреплял за церквами и монастырями все те земли, которыми они владели к моменту издания приговора. У монастыря нельзя было вотчину выкупить, взять по суду или тяжбе, и это относилось даже к таким вотчинам, которые не имели надлежащего утверждения. Исключение представляли заложенные вотчины и вотчины, купленные у князей, они отбирались у монастырей на государя. Княжеские вотчины, данные вкладом в монастыри, могли быть оставлены за монастырем или взяты от него лишь по распоряжению царя. Р. Г. Скрынников считает постановления приговора о праве правительства брать в казну бывшие княжеские и заложенные вотчины важнейшими, так как «казенные земли всегда служили тем резервуаром, из которого пополнялся фонд поместных земель».[4]

Приговор запрещал монастырям в дальнейшем брать земли по душе вкладом (на «устройство души» рекомендуется давать деньги), покупать земли (они отбираются безденежно), брать земли в заклад, т. е. запрещает все возможные способы приобретения земель монастырями. Лишь вновь образуемые монастыри имели право на получение земли, но всякий раз с соизволения верховной власти.[5]

В. И. Корецкий считает, что приговор 1580 г. проведен «при поддержке церковных иерархов и белого духовенства», которых светская власть перетянула на свою сторону.[6] Однако уступчивость иерархов, очень неуступчивых в прошлом, например на Стоглавом соборе,[7] объясняется социально-политической обстановкой, характерной для Русского государства конца XVI в. Одержав победу во внутриполитической борьбе, дворянское правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы установить действенный контроль за земельным фондом. В этих условиях иерархам ничего не оставалось делать, как уступить.

А. А. Зимин возразил Р. Г. Скрынникову, полагавшему, что приговор сознательно препятствовал «возрождению крупного боярского землевладения», заявив, что приговор этой цели «не ставил».[8] Более аргументированно А. А. Зимин отверг мнение Б. Н. Флори, что дворянство не получило особых выгод по приговору 1580 г., указав «на перспективу действия приговора 1580 г., сдержавшего рост монастырских вотчин, что отвечало интересам дворянства».[9]

Кроме приговора 15 января 1580 г., сохранился и приговор, датируемый 15 января 1581 г.[10] Ряд исследователей считают его самостоятельным законом, другие — выпиской из приговора 1580 г. С. Б. Веселовский видел в приговоре 15 января 1581 г. указание на то, что через год приговор 1580 г. был подтвержден.[11] Это подтверждение, по мнению В. И. Корецкого, было вызвано «недовольством черного духовенства» первым приговором.[12] А. А. Зимин в результате сличения обоих приговоров пришел к выводу: «. . . в 1581 году приговор 1580 года был значительно урезан в интересах монастырей-вотчинников». Эти ограничения состояли в том, что было отменено постановление о безденежной конфискации новоприобретенных земель, а также о конфискации земель, заложенных монастырям до приговора 1580 г. Имеющиеся в приговоре 1580 г.

постановления о княжеских вотчинах и вотчинах «убогих» монастырей были исключены из приговора 15 января 1581 г. потому, что аналогичные постановления находились в старых приговорах 1562 и 1572 гг. (№ 36, 37), по которым дела и должны были решаться впредь.[13] В 1925 г. в статье о «Сводном судебнике» А. И. Андреев назвал приговор 15 января 1581 г. «выпиской с приговора 1580 г.», составленной в Поместной избе, и «дата ее — 1581 г. января 15 — является датой составления выписки, а не приговора».[14] В статье 1973 г. Б. Н. Флоря отверг мнение о двух приговорах, аргументировав свое положение сличением текста, которое, по его словам, «приводит к выводу, что для предположения о существовании особого „приговора 1581 г." серьезных оснований пока нет».[15] Вполне убедительные (решающие вопрос) аргументы за признание приговора 15 января 1581 г. копией приговора 1580 г. выдвинул Р. Г. Скрынников. Сам созыв нового собора в 1581 г. — ровно через год, под тем же числом, в том же составе (что очевидно из перечня иерархов в тексте 1581 г.) — вызывает сомнения у Р. Г. Скрынникова. Повторение приговором 15 января 1581 г. списка иерархов в том же порядке, что и в приговоре 1580 г., без какой-либо «персональной перемены», свидетельствует, что писец текста 1581 г. исходил не из реального собора 1581 г., а копировал перечень документа 1580 г., который был для него оригиналом. Пропуски в тексте 1581 г. двух епископов, семи игуменов и трех старцев — небрежность кописта. Р. Г. Скрынников указал на очень важную для обсуждаемого сюжета ошибку писца. Он законспектировал текст своего подлинника: «игумен Пахнотьевский из Боровска Тихон. Игумен Осьфовского монастыря Еуфимий» как «игумен Пафнотьевской Еуфимий» и тем самым совершил ошибку, которую мог допустить писец, «перескочив» через строчку оригинала. Писец небрежен и тогда, когда опускает последнее слово во фразе «имати на государя безденежно», чем извращает смысл приговора 1580 г. о землях, купленных монастырями. Обрыв текста — в тексте нет заключительной части приговора 1580 г. о княжеских вотчинах и вотчинах «убогих монастырей» — Р. Г. Скрынников, как и А. А. Зимин, склонен объяснять тем, что подобные постановления имелись в приговорах 1562 и 1572 гг.[16] Соображения Р. Г. Скрынникова можно дополнить: а) в тексте 1581 г. нет указания на приговор 1580 г., что было, вероятно, обязательным, если бы он был самостоятельным приговором, подтвердившим предыдущий приговор; б) приговор 1581 г. не упомянут в приговоре 1584 г. (№ 43), тогда как в нем трижды назван приговор 15 января 1580 г.; в) во вступительной части текста 1581 г. названа «грамота», которая написана по приговору и по которой следовало «в Поместной избе дьяком делати». Под термином «грамота» следует разуметь выписку из приговора, писец, написав точно число, ошибся годом: вместо 7088 г. написал 7089 г.

Приговор 1580 г. ошибочно означен 1581 г. в указе от 27 августа 1622 г. (см. № 122). Вероятно, это идет от ошибочно датированной выписки, которая имелась в Поместном приказе.

[1] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 96.
[2] Путешествия сэра Джерома Горсея / Пер. А. А. Севастьяновой // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 100—105.
[3] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 76—77.
[4] Там же. С. 74.
[5] См. примеры таких пожалований: ААЭ. Т. 1. № 305; Т. 2. № 11.
[6] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 92—93.
[7] *Зимин А. А.* Реформы. С. 381 и след.
[8] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 60.
[9] Там же. С. 259.
[10] ААЭ. Т. 1, № 308.
[11] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение... . С. 99. Этого же мнения придерживается С. О. Шмидт (*Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 183).
[12] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 93.
[13] ПРП. Вып. 4. С. 560. Впоследствии А. А. Зимин отказался от признания двух уложений и признал «более обоснованной» точку зрения, что «текст 1581 г. представляет собой сокращенную выписку из приговора 1580 г.» (*Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 59).
[14] *Андреев А. И.* Сводный судебник//Изв. Российской Академии наук. 1925. Т. 19. Серия VI. № 12—13. С. 639.
[15] *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV//Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 185, примеч. 2.
[16] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 69—70.

№ 41

Боярский приговор от марта 1580 г., предписывающий назначать в станичные головы служилых людей лишь с «больших статей» (с окладом 400—500 четей), а в рядовые станичники — «с середних и в менших статей» (с окладом 100—300 четей), имел целью укрепить постоянную

охрану южных границ Русского государства, находившихся под угрозой татарского нападения. Для усиления боевой годности станиц приговор исключает из их состава служилых людей «малых статей» (с окладом ниже 100 четей), от которых, видимо, нельзя было ожидать слишком ревностной службы. Служилые люди с окладом выше 300 четей переводились из станичной службы в полковую.

О применении нормы приговора свидетельствуют документы. Например, в 1580 г. от станичной службы были отставлены 4 человека брянских детей боярских с окладами 400 четей и переведены в полковую службу, и, наоборот, в станичную службу вместо отставленных записаны дети боярские с окадом 300 четей.[1]

Согласно боярскому приговору от 16 февраля 1571 г., станицы представляли собой небольшие отряды служилых людей, посылаемые в порядке очереди из укрепленных городов на границу. Каждая станица назначалась в строго определенный район границы и вела здесь разведывательную службу. При появлении противника станица должна была, двигаясь в тылу вражеского войска, разведать его силы и намерения и немедленно сообщить по границе и в приграничные города — воеводам.[2] По росписи 1586—1587 гг. в Путивле было 8 станиц, в Туле — 4, в Рязани — 4, в Мещере — 4. В этой же росписи определены районы действий станиц каждого города.[3]

[1] Акты Московского государства / изд. Академиею наук под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. № 29. С. 52.
[2] Там же. № 2. С. 2—5.
[3] Там же. № 31. С. 58.

№ 42

Основанием для вынесения приговора 12 марта 1582 г. послужили массовые ложные иски, клевета и подкуп свидетелей, которые имели место в судах и которые, возможно, особенно участились в связи с общим хозяйственным разорением страны и последствиями опричнины. Приговор формулирует восемь правовых норм.

1. О наказании холопов или иных людей, выступающих на суде за себя или за своего господина и предъявляющих ложные (завышенные) иски. При установлении судом обмана с указанных лиц в пользу ответчика взималась ложно приписанная сумма иска («что искал затейно»), истец также уплачивал судебные пошлины, продажу и «проесть» (компенсацию расходов ответчика на питание во время суда).

2. Все лица, уличенные в том, что они сознательно путают судей, подвергались торговой казни (битью кнутом). В дальнейшем их запрещалось допускать в суд.

3. Так же следовало поступать с лицами, выдвигающими ложные обвинения по прежним делам, не связанным с долгом, разбираемым в суде, и тем самым мешающими вынесению справедливого приговора. Их били кнутом, с них взыскивали бесчестье.

4. Наиболее суровому наказанию подвергались лица, уличенные судом в предъявлении ложных обвинений (лгут в «жалобницах» и устно во время суда) — в убийстве, крамоле или измене царю. Их предавали смертной казни. Речь, конечно, шла не об обвинениях в воровстве «лихих людей» (последние случаи шли по разбойному ведомству), а о ложных обвинениях истцов или подставных лиц, например холопов, в адрес обычных ответчиков. Под «воровством» в данном случае подразумевались преступления, направленные против царской власти, доносы и лживые обвинения, которые в послеопричный период были особенно многочисленны и опасны, поскольку человек, признанный «вором», предавался смертной казни.

5. Любой человек, который лжет в своих «жалобницах» или на суде, а также составляет лживые ябеды (доносы), подвергался торговой казни и записывался в казаки в украинные города, в Севск или Курск.

6. Приговор устанавливает высшую меру наказания — смертную казнь — для «наемных доводчиков», которые возьмут от истцов или ответчиков деньги, а на суде будут давать лживые показания против нанявших их лиц, что приведет к неправильным судебным решениям. Приговор прямо называет таких продажных свидетелей (подкупленных противной стороной) «лихими людьми», что свидетельствует о том, что лжесвидетельство за мзду приобрело в то время профессиональный уголовный характер. Именно поэтому оно и наказывалось столь сурово. Приговор определяет и наказание лиц (истца или ответчика), подкупивших «наемного доводчика». С человека, уличенного в подкупе, взыскивался весь написанный в «жалобнице» иск, пошлина, «проесть», а сам он подвергался торговой казни и ссылался в украинные города. Для установления факта подкупа лживого «наемного доводчика» пытали.

7. Особое внимание обращается в приговоре на детей боярских, которые уклоняются от службы, а занимаются сутяжничеством в целях обогащения. Таких уличенных в обмане профессиональных истцов и сутяг из числа детей боярских предписывалось «винити во всем иску» (т. е. отказывать им по суду в их иске в целом), а впредь их в суд не пускать и исков от них в приказах не принимать. Если же кто уличался в подделке документов («в составе») или лживом обвинении в крамоле, то такого сына боярского предавали торговой казни и ссылали в казаки в украинные города. Поместья и вотчины от него отбирались и передавались его беспоместным родственникам, а если таких не было, то другим беспошлинным служилым людям, кого пожалует царь.

8. Предусматривает приговор и наказание неправедных судей, которые (боярин, наместник, казначей или дьяк) будут ябедникам или иным обманщикам помогать и не разоблачать их на суде. С таких судей взыскивались иски истцов, пошлины и «проести», а «в пени (штрафе. — *Авт.*) что государь укажет».

Указанное постановление наглядно свидетельствует об очень сильной коррупции, особенно взяточничестве и ложных обвинениях, которая царила в конце XVI в. в центральных и местных судах.

№ 43

Соборный приговор 20 июля 1584 г. подтвердил постановление приговора 15 января 1580 г. (№ 40) уже от имени нового царя — Федора. Прошедшие четыре года обусловили изменения в составе Освященного собора: около половины в нем новые лица — представители епархий и монастырей. Прямые ссылки на приговор 15 января 1580 г. и текстуальные заимствования показывают, что политическая направленность нового приговора аналогична старому. А. А. Зимин считает, что приговор имел целью «укрепить дворянское землевладение за счет ограничения роста церковно-монастырских вотчин».[1]

Новым постановлением приговора 1584 г. была отмена податных привилегий («тарханов») духовенства. В приговоре четко сформулированы мотивы этого постановления: воинство, т. е. служилые люди, оплачивает земли духовенства, и это приводит к разорению и истощению их поместий и вотчин. Кроме того, податные льготы монастырей привлекают на их земли крестьян из обремененных податями и повинностями владений светских феодалов. Таким образом, приговор выражал прежде всего интересы дворян-помещиков, укрепляя их экономические позиции и содействуя закреплению за ними их крестьян.[2] Хотя в приговоре и идет речь о временном уничтожении тарханов «покаместа земля поустроитця», однако последующая практика показала, что восстановить податные привилегии монастырям уже не удалось. С. Б. Веселовский считает приговор 1584 г. «поворотным моментом в истории податных привилегий духовенства».[3]

Оценивая значение приговоров 1580 и 1584 гг., С. Б. Веселовский отмечал их бóльшую действенность по сравнению с законами 50—70-х гг. Источники засвидетельствовали значительное сокращение числа земельных поступлений в монастыри в 80-х гг. XVI в.[4] Анализируя факты новых приобретений монастырями земли (после приговора 1584 г.), С. Б. Веселовский приходит к выводу: монастыри получают земли или от очень высокопоставленных людей (для которых «законы не писаны»), или от очень мелких людей. В последнем случае земельные приобретения были столь малы, что могли остаться незамеченными.[5] Примером того, как верховная власть нарушала постановления приговора, может служить жалованная грамота царя Федора Троице-Сергиеву монастырю от 28 февраля 1588 г. на село Дмитровское в Переяславском уезде. Царь даже запретил прежним владельцам выкупать свою землю из монастыря.[6] В это же время Псковский Печерский монастырь получил огромные вотчины в качестве компенсации за утраченные им вотчины в результате Ливонской войны.[7] Авторы коллективной монографии «Эволюция феодализма в России», рассматривая значения приговоров 1580 и 1584 гг. для церковного землевладения, отметили: «Фактически же все эти законы не могли остановить увеличения монастырских владений».[8]

См. также № 5, 36, 37.

[1] ПРП. Вып. 4. С. 558.
[2] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 107.
[3] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 104.
[4] Там же. С. 96.
[5] Там же. С. 107.
[6] *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 507—508; *Андреев А. И.* Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской публичной библиотеки. Пгр., 1923. Вып. 1. № 187.
[7] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 388.
[8] *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 39.

№ 44

Указ 1586/87 г., определяющий величину подмосковных поместных окладов для московских чинов, дошел не весь, а в отрывках — в различных поместных делах, касающихся подмосковных поместий московских служилых людей. Поместные оклады в 200 четей для бояр, в 100 четей — для стольников, стряпчих и дворян московских не были новостью. Такие же подмосковные оклады устанавливал для этих категорий октябрьский указ 1550 г. об испомещении под Москвой «тысячи» детей боярских (№ 4). Назначение подмосковных поместных окладов для командного состава стрелецкого войска (для стрелецких голов — 100 четей, для сотников — 60 четей) свидетельствует о растущем значении этого постоянного войска столицы. Для дворян, служивших по выбору, устанавливался половинный по сравнению с московскими дворянами оклад — 50 четей. Это соответствовало их служебному положению.

«Выбор» — высший слой местного городского дворянства, служивший в Москве, но не входивший в состав московского дворянства. В «выбор» записывало центральное учреждение — Разряд — с большим разбором. В указе 15 января 1626 г. о верстании новиков всех городов боярину Ю. Я. Сулешеву предписывалось: «...а по выбору и по дворовому списку никоторых городов новиков в десятне им своего верстания без государеву указу писати не велети потому, что по государеву указу в выбор и в дворовой список велено писати в Розряде сыскивая по родству, и которые государеву службу служат давно».[1] Из коллективных челобитных угличан 1639 г. видно, что запись того или иного служилого человека в выбор или дворовый список не за службу и не «по отечеству» рассматривалась как бесчестье и позор для других.[2]

Норма подмосковного поместья подьячим (8 четвертей) не подтверждается другими документами. В докладной выписке из того же закона при указе 7 июля 1682 г. размер подмосковного поместья подьячих устанавливается в 50 четей.[3] В. Н. Сторожев приводит документы Поместного приказа, в которых размер подмосковного поместья подьячих определяется в одном случае в 50 четей, в иного — 100 четей.[4]

Наделение всех московских чинов подмосковными землями требовало значительного земельного фонда. В сметном списке 1630/31 г. в Москве указано 2642 человека, в том числе бояр — 14, стольников — 275, патриарших стольников — 455, стряпчих — 105, дворян московских — 833.[5]

Наряду с особыми подмосковными окладами существовали и общие оклады (городовые). Общий нормальный боярский оклад в XVII в. достигал 1000 четей, стольников — 750—900, стряпчих — 600—1500, московских дворян — 700—900, дворян выборных из городов — 300—700, стрелецких голов и сотников — 100—250.[6] Оклады отдельных лиц иногда значительно превышали средние размеры. Так, в боярской книге 1613/14 г. за стольниками были оклады в 1000—1200 четей. Есть указания на то, что в 1617 г. (по предположениям А. Н. Зерцалова) был издан закон, по которому поместный оклад стольников, стряпчих и дворян московских не должен превышать 1000 четей.[7]

Политический смысл поместных окладов подмосковных и городовых заключался в том, что правительство могло держать в своем распоряжении надежную группу служилого люда, способную собраться в короткий срок на любую службу — «быти готовым в посылки».[8]

См. также № 4, 147.

[1] *Зерцалов А. Н.* О верстании новиков всех городов 7136 г.: (1627—1628 гг.)//Чтения ОИДР. 1895. Кн. 4. С. 9.
[2] Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. Смесь. С. 11 и сл.
[3] ПСЗ. Т. 1. № 937.
[4] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 30.
[5] Временник ОИДР. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 18 и сл.
[6] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 249—252, 259. Оклады по 1200, по 1500 четей, возможно, «приобретены какими-нибудь злоупотреблениями», — замечает С. В. Рождественский.
[7] *Зерцалов А. Н.* Из актов Московского архива Министерства юстиции//Чтения ОИДР. 1900. Кн. 2. С. 2, 3. См. также: Материалы для истории русского дворянства/изд. Н. Калачева. Боярские книги. СПб., 1885. Вып. 3. С. 38—39.
[8] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века/Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 53; *Соколова И. И.* Служилое землевладение Каширского уезда в конце XVI—первой трети XVII в.//Вестн. Моск. ун-та. История. 1975. № 1. С. 83—84.

№ 45

Боярский приговор 8 февраля 1588 г. устанавливает 15-летний срок действия заемной кабалы, по истечении которого истребовать долг через суд уже невозможно. Постановление закона о взимании процентов («роста») за 15 лет представляет собой отступление от нормы о 5-летнем сроке, провозглашенной в 50-х гг. (см. № 29).

Судебник 1589 г. в ст. 23 повторяет норму указа 1588 г., но, как отметил М. Ф. Владимирский-Буданов, «с существенными ограничениями, а именно: ук. 1588 г., назначив 15-летний срок давности для исков по долговым обязательствам, предписывал взыскивать и рост за все 15 лет»,[1] тогда как в ст. 23 проценты полагалось брать лишь за 5 лет. В комментарии к Судебнику 1589 г. А. И. Копанев отмечает, что на Севере норма о 15-летнем сроке давности исков по кабале и 5-летнем росте существовала еще в XVI в. и фиксировалась уставными грамотами времени Ивана Грозного.[2]

Приговор запрещал судебное разбирательство по выданным кабалам, т. е. кабалам, переуступленным кредитором (на чье имя кабала писана) другому лицу для взыскания долга. При этом значения не имело, жив кредитор, уступивший кабалу, или он умер. «Законодательное аннулирование юридической силы выданных кабал, — пишет по этому поводу А. А. Зимин, — означало, что правительство ограничивало срок действия заемных и закладных обязательств только жизнью лица, выдавшего ссуду или принявшего залог».[3] Вряд ли это было осуществлено. Ведь по духовным грамотам видно, что долги выплачивались наследникам умершего, ими же платились его долги.

Опротестование подлинности своей подписи («руки») под кабалой, даже если будет указан «подпищик» (подделыватель подписи), не освобождало от уплаты долга (деньгами, хлебом), если подписчик умер, следовательно, дело не могло быть расследовано.

См. также № 118, 189.

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Киев, 1915. Вып. 2. С. 203—204.
[2] Судебники XV—XVI вв. С. 451.
[3] ПРП. Вып. 5. С. 417.

№ 46, 48

Указ ранее 3 мая 1594 г. (№ 46), дошедший только в случайных упоминаниях, был лишь одним из постановлений, возможно, ограниченных временем и территорией, каких известно несколько примерно за те же годы, и, вероятно, не был оформлен как общегосударственный закон. Действительно, рассматриваемый закон не включен ни в один из сохранившихся сборников, в которые заносились указы, получаемые в приказах из Разряда; к тому же на него нет ссылок в дальнейшем делопроизводстве. Между тем указ 24 ноября 1597 г. (№ 48) был издан и оформлен как официальный общегосударственный закон, и ссылки на него имеются во многих позднейших документах.

Правда, В. И. Корецкий, который и ввел в научный оборот постановление, датируемое нами ранее 3 мая 1594 г., видит разницу между этим постановлением и указом 1597 г. в том, что в первом речь идет о вывезенных, а во втором — о беглых крестьянах.[1] В этом вопросе его поддержал Г. Н. Анпилогов, полагающий, что указ 1594 г. «на беглых не распространялся».[2]

Действительно, в то время как в постановлении 1594 г. речь идет о крестьянском вывозе, в указе 1597 г. говорится о беглых. Но в XVI в. едва ли проводилась четкая грань между теми и другими. В некоторых делах о крестьянах тех лет одни и те же крестьяне назывались то беглыми, то вывезенными, на что указал сам В. И. Корецкий.[3] К тому же трудно представить, что власти, прежде чем принять исковую челобитную о вышедшем крестьянине, выясняли — бежал ли он сам или был вывезен.

Однако самое употребление термина «беглый» применительно к крестьянам является новым в законодательстве. Его не знают Судебники 1497 и 1550 гг.

В сохранившихся отрывках указа 1594 г. устанавливается пятилетний срок подачи челобитных о владенье и вывозе крестьян. Этот указ является первым из многочисленных указов об урочных годах для сыска крестьян.

Указ 24 ноября 1597 г. предписывает, что крестьяне, которые ушли («выбежали») из поместий и вотчин различных владельцев за пять лет до издания этого указа, подлежат возврату с семьями и всем имуществом, если суд путем сыска установит факт побега; крестьяне же, «выбежавшие» ранее, чем за пять лет, если до издания указа не было подано явочного челобитья на них и на помещиков или вотчинников, на землях которых они осели, возврату не подлежат. В заключительной части указа дается ответ на вопрос, который неизбежно должен был возникнуть: как поступать в случае, если челобитье о беглом крестьянине было подано ранее пятилетнего срока? Указ предписывает дела такого рода довести до конца на тех же основаниях, т. е. вернуть крестьян, если факт побега будет установлен.

Постановление 1594 г., насколько можно судить по дошедшим отрывкам, не относилось к судебным делам, начатым ранее пятилетнего срока, но еще не завершенным. Решение этого вопроса явилось новеллой указа 1597 г., вызванной, вероятно, возникшими казусами.

Сопоставление этих двух указов снимает вопрос о том, относить ли действие указа 1597 г. только к данному году или также к будущему времени: в постановлении 1594 г. пятилетний срок вводится «вперед», т. е. на будущее время.

Указ 1597 г. очень долго считался первым после Судебника 1550 г. указом, касающимся крестьян.

В отношении крестьян оба Судебника ограничиваются установлением единого для всего государства срока законного «отказа» крестьян — Юрьева дня — и постановлением о размерах «пожилого», причитающегося с уходящих крестьян за пользование дворами.[4] За 50 с лишним лет, протекших между двумя Судебниками, незначительные изменения коснулись лишь суммы «пожилого». При соблюдении правил Судебников выход крестьян не ограничивался.

Можно думать, что в XV и первой половине XVI в. правом выхода в Юрьев день крестьяне пользовались не часто и большая часть их — старожильцы — жили там же, где их отцы и деды. Но право выхода имело большое значение не только формально, свидетельствуя о юридической свободе крестьян. Право выхода, несомненно, должно было препятствовать чрезмерному увеличению феодальной ренты и способствовать поддержанию ее на каком-то приемлемом уровне.

За истекшие после Судебника 1550 г. полвека тяжелые разорительные войны, кровавый террор опричнины, развитие поместной системы, во много раз увеличенные государственные поборы, тяжелейший хозяйственный кризис не могли, конечно, не отразиться на положении крестьян. Однако указ 1597 г. сформулирован так, что дает полный простор догадкам о характере этих изменений.

Вероятно, ни один указ этого времени не вызвал такого интереса и такого разнообразия истолкований, как указ 24 ноября 1597 г. Начиная с В. Н. Татищева, который впервые ввел этот указ в научный оборот, и до сегодняшнего дня продолжается полемика по поводу этого указа, и многие вопросы нельзя считать решенными и до настоящего времени.

Основные вопросы, которые ставились историками в связи с указом 1597 г., следующие: 1) существовали ли не дошедшие до нас указы о крестьянах, изданные между Судебником 1550 г. и указом 1597 г.; 2) следует ли понимать установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян в 1597 г. как указание на не дошедший до нас указ 1592 г., отменивший Юрьев день; 3) означал ли один из этих указов (1592 или 1597 гг.) прикрепление крестьян; 4) какие крестьяне считались в 1597 г. «беглыми»: только ли ушедшие без соблюдения правил Судебника 1550 г. или все ушедшие; 5) касался ли указ 1597 г. только «беглых» или также «вывезенных» крестьян; 6) сокращал ли указ 1597 г. или увеличивал существовавший до него срок исков о беглых; 7) вводился ли указом 1597 г. пятилетний срок исков о беглых крестьянах только на данный год или также на будущее время; 8) каково взаимоотношение указа 1597 г. (а также предположительного указа 1592 г.) с указами о заповедных годах.

В зависимости от того, как решались историками эти вопросы, различная роль отводилась и указу 1597 г.

Среди всех этих и других вопросов на первое место выдвинулся вопрос об «указном» или «безуказном» прикреплении крестьян: возникло ли прикрепление владельческих крестьян (которое большинство авторов, изучавших этот вопрос, относит ко второй половине или концу XVI в.) сразу, по некоему закону, отменившему существовавшую до того свободу перехода, или прикрепление крестьян возникало постепенно из бытовых условий, например из крестьянской задолженности или фактического старожильства, и законодательство лишь закрепляло существующее положение?

Возникновение этого спора связано с толкованием указа 1597 г., прежде всего с тем, кого понимать под «беглыми крестьянами». Это могли быть либо крестьяне, ушедшие без соблюдения правил, предписанных ст. 88 Судебника 1550 г., т. е. ушедшие не в срок, без «отказа» и уплаты «пожилого», либо все вообще ушедшие крестьяне. Если в конце XVI в. беглым считался каждый ушедший крестьянин, то из этого следует, что крестьяне к тому времени были закреплены. Но требовалось выяснить, когда и как они были закреплены, был ли издан на этот счет специальный указ.

Многие историки полагали, что пятилетний срок сыска беглых крестьян, о котором идет речь в указе 1597 г., с несомненностью свидетельствует, что за пять лет до того, т. е. в 1592 г., был издан указ, запретивший переходы крестьян; другие относили указ о прикреплении к иным датам; третьи отрицали существование какого-либо указа, прикрепившего крестьян.

В. Н. Татищев первый высказал предположение о существовании закрепостительного указа 1592 г., и притом в очень категорической форме. В примечании к тому месту указа, в котором говорится о крестьянах, выбежавших «до нынешнего 106 года за пять лет», В. Н. Татищев пишет: «... из сего видно, что в 101 году закон о непереходе крестьян учинен». В том, что эти указы (7101 и 7106 гг.) вводили крестьянскую крепость, В. Н. Татищев не сомневался.[5]

К тому же мнению присоединился и Н. М. Карамзин. Постановление указа, дающее право владельцам сыскивать крестьян, бежавших за пять лет до 106 г., он безоговорочно рассматривает как упоминание о не дошедшем до нас законе, изданном в 1592-м или 1593 г. и запретившем переход крестьян.[6]

Не входя в рассмотрение деталей приговора 1597 г., Н. С. Арцыбашев считал его законом, закрепившим крестьян за помещиками.[7]

Более вдумчиво к указу 1597 г. подошел М. М. Сперанский. В работе, опубликованной в 1859 г., но написанной в 1836 г., он пытается установить причину появления указа 1597 г. и находит ее в стремлении законодателя прекратить затруднения, возникавшие в судопроизводстве вследствие огромного числа исков о беглых, ограничив срок этих исков пятью годами. Таким образом, М. М. Сперанский видел в указе 1597 г. не введение нормы о сыске беглых крестьян, а смягчение порядка, установившегося задолго до того. М. М. Сперанский был также первым, высказавшим предположение о связи нормы указа 1597 г. о пятилетнем сроке исков о беглых с писцовым описанием, проведенным пять лет назад.[8]

Б. Н. Чичерин разделял точку зрения об указе 1592 г. (или 1593 г.) о прикреплении крестьян. Необходимость издания такого указа Б. Н. Чичерин выводил из своей концепции, согласно которой к этому времени относится «укрепление не одних крестьян, а всех сословий в совокупности»: служилые люди были обязаны нести военную или гражданскую службу, тяглые — повинности и уплачивать подати, крестьяне — обеспечивать своим подневольным трудом исправность службы служилых людей.[9]

В прикреплении крестьян законодательным путем не сомневался и С. М. Соловьев; не сомневался он и в существовании не дошедшего до нас указа о прикреплении крестьян, который, однако, относил не к 1592 г., а к самому началу царствования Федора Ивановича, ко времени отмены тарханов в 1584 г. Несомненность существования указа о прикреплении крестьян С. М. Соловьев подкрепляет ссылкой на соборное уложение 9 марта 1607 г. (см. № 57), где сказано, что царь Федор «выход крестьянам заказал». Причину издания указа о прикреплении крестьян С. М. Соловьев подобно Б. Н. Чичерину видит в необходимости обеспечить пригодность дворян к службе.[10]

Все упомянутые высказывания не были результатом специального изучения крестьянского вопроса. В конце 50-х гг. XIX в., накануне подготовки крестьянской реформы, необычайно возрос интерес к истории крестьянства. Тогда же появился ряд статей, посвященных истории крестьян, где на первом месте стоял вопрос о закрепощении крестьян. Особый интерес был проявлен к указу 24 ноября 1597 г.

Начало дискуссии положил М. П. Погодин. Он стремился выяснить, правы ли были те историки, которые приписывали Борису Годунову законодательное установление крепостного права и полагали, что оно было введено не дошедшим до нас указом 1592 г. Сам М. П. Погодин по этому вопросу высказался резко отрицательно. Он считал, что указа 1592 г. «отнюдь не существовало», а указ 1597 г. «не имеет никакого отношения к крепостному праву».[11] В понимании М. П. Погодина единственная цель указа 1597 г. — введением пятилетнего срока исков о беглых крестьянах (т. е. о крестьянах, ушедших, не исполнив обязанностей, предписываемых Судебником 1550 г.) уменьшить количество тяжб по крестьянским делам. В данном случае М. П. Погодин примыкал к М. М. Сперанскому. Свою точку зрения М. П. Погодин аргументирует тем, что указ 1597 г. называет беглыми не только крестьян, вышедших за пять лет, но и за десять лет и более. Как считает М. П. Погодин, это свидетельствует о том, что указа 1592 г. не было. О том же говорит и полное отсутствие упоминаний об этом важном указе как в указе 1597 г., так и во всех дальнейших судебных и иных делах, а также в Уложении 1649 г., которое «составлено из всех предшествовавших постановлений».[12] М. П. Погодин признавал, что ссылка на закрепощение крестьян Борисом Годуновым имеется в соборном уложении марта 1607 г., но он считал последнее подложным (см. комментарий к № 57).

Такая постановка вопроса надолго предопределила направление дискуссии. Последняя, постепенно осложняясь как вследствие привлечения вновь найденных материалов, так и новых доводов у сторонников разных точек зрения, в основном сводилась к решению тех же вопросов: следует ли относить введение крепостного права к концу XVI в., было ли оно введено законодательным путем и каково значение указа 1597 г. (а также дальнейших указов 1601—1607 гг.) в ходе установления крепостного права?

В возникшей полемике Н. И. Костомаров возражал против самой постановки вопроса, отразившейся в заголовке статьи М. П. Погодина. Н. И. Костомаров полагал, что речь должна идти не об установлении крепостного права, которое возникло не на основании единичного указа, а о прекращении перехода крестьян в Юрьев день, которое Н. И. Костомаров относил к 1592 г., ссылаясь на отсутствие упоминаний о Юрьеве дне после названного срока.[13]

И. Д. Беляев безоговорочно примыкает к старой концепции. Он не сомневается ни в существовании несохранившегося указа, относя его к 1591 или 1592 г., ни в том, что этим указом крестьяне были прикреплены к земле, на которой указ их застал.[14] Самый указ 1597 г., по мнению И. Д. Беляева, узаконяет только срок давности для исков о беглых крестьянах. Этот указ — первый шаг в ряду указов, в которых правительство ставило себе целью ослабить зависимость крестьян, поскольку пятилетний срок был настолько короток, что беглым крестьянам было нетрудно, «укрываясь где-нибудь» в течение этого времени, затем «водвориться где угодно».[15] Где могли в течение пяти лет крестьяне с семьями «укрываться» и на каких землях затем «водворяться», И. Д. Беляев не поясняет.

Рассуждения И. Д. Беляева соответствуют его общей концепции, согласно которой все законодательство, начиная с Судебника 1497 г. и вплоть до Смуты, направлено на облегчение положения крестьян, на «развитие крестьянской полноправности».[16] Ко времени указа 1597 г. крестьяне, как полагает И. Д. Беляев, были уже прикреплены к земле правительством, которое вынуждено было пойти на этот шаг в связи с расстроенными финансами и запустением, вызванными войнами Ивана Грозного. Но прикрепление породило недовольство не одних крестьян, но и владельцев, последних даже в большей степени: они не могли согнать неугодных им крестьян с земли,[17] им труднее стало получать рабочие руки, вследствие чего «они старались превзойти один другого привилегиями и льготами крестьянам».[18] Крестьяне, наоборот, выиграли: земля, к которой их прикрепили, навсегда стала крестьянской,[19] и они остались такими же полноправными, какими были раньше.[20]

М. Ф. Владимирский-Буданов присоединяется к мнению М. П. Погодина и рассматривает указ 1597 г. как установление пятилетней давности по искам о беглых крестьянах. Он отвергает предположение об указе 1592 г. соображениями о том, что в начале царствования Михаила Федоровича все еще действовал пятилетний срок сыска беглых крестьян.[21] И позднее М. Ф. Владимирский-Буданов повторяет утверждение, что указ 1597 г. был установлением срока исковой давности о беглых крестьянах. Он пришел к окончательному выводу, что указа 1592 г. или какого-либо другого «общего и окончательного закона о прикреплении» не существовало вплоть до Уложения.[22]

Своеобразный взгляд на указ 1597 г. высказал И. Энгельман. Соглашаясь с историками, отрицавшими существование указа 1592 г. о прикреплении крестьян и утверждавшими, что указ 1597 г. содержал лишь постановление об исковой давности для сыска беглых, И. Энгельман полагал вместе с тем, что указ 1597 г. явился фактически основой прикрепления крестьян, которое произошло без издания какого-либо нового указа, а путем придания задним числом указу 1597 г. того смысла, которого в нем не было: его стали рассматривать как указ, отменяющий право перехода крестьян. Таким образом, этот указ фактически стал юридической основой прикрепления крестьян, основой их крепостной зависимости. «Мы вправе заключить, — пишет И. Энгельман, — что прикрепление крестьян явилось случайным и косвенным следствием мер ... введенных указом 1597 г.».[23]

Точка зрения И. Энгельмана не была поддержана. Особенно резко высказался о ней В. О. Ключевский, посвятивший возражению Энгельману специальную статью, в которой выдвинул свою точку зрения на крепостное право, его происхождение, в частности на указ 1597 г., имевший столь существенное значение для решения этих вопросов.[24]

Происхождение крепостного права В. О. Ключевский выводил из применения к крестьянству условий холопьей крепости. По его словам, «право выхода замирает само собой, без всякой законодательной отмены его». И указ 1597 г. имел единственной целью освободить судей от множества накопившихся дел о беглых крестьянах. «Закон 1597 г. не устанавливает пятилетней давности для исков о беглых. То, что установил закон, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назад, не устанавливая постоянного срока на будущее время».[25]

Д. И. Иловайский примыкает к тем авторам, которые считали указ 1597 г. закрепощающим. Правда, он признает, что «беглые», о которых идет речь в указе, — это крестьяне, вышедшие без выполнения правил Судебника, но поскольку предусматриваемая этими правилами полная расплата с землевладельцами в огромном большинстве случаев была для крестьян невыполнима, Д. И. Иловайский полагает, что указ 1597 г. в сущности был направлен против крестьянских переходов вообще.[26] Что касается предполагаемого указа 1592 г., в концепции Д. И. Иловайского он заменен писцовыми книгами конца 80-х — начала 90-х гг., к которым и приурочен пятилетний срок указа 1597 г.

В. И. Сергеевич разделяет взгляды историков, уверенных, что в конце XVI в. было издано «общее распоряжение, отменившее крестьянский выход», до нас не дошедшее. Он лишь относит его к более раннему времени, чем другие сторонники «указного» прикрепления крестьян, — к пер-

вым годам царствования Федора Ивановича, основываясь на праве по указу 1597 г. розыска беглых крестьян за 10 и более лет, если иск был возбужден своевременно. Это указание В. И. Сергеевич расценивает как ссылку на не дошедший до нас указ 1584/85 г. о прикреплении крестьян.[27]

По мнению П. Н. Милюкова, указ 1597 г. не вводил прикрепления крестьян, он лишь установил, что владельцы, не искавшие своих крестьян в течение пяти лет после их бегства, теряли право возбуждать в дальнейшем иски о их возвращении. По замечанию П. Н. Милюкова, такая короткая давность «была своего рода премией за удачный побег и могла только увеличить количество беглых, а не прекратить переходы». Отсюда стремление феодалов увеличить в дальнейшем срок сыска.[28]

Самым решительным противником мнения об «указном» прикреплении крестьян выступил М. А. Дьяконов. Он развивал точку зрения, что прекращение права выхода крестьян, занесенных в писцовые книги и считающихся поэтому «старожильцами», вырабатывалось «во второй половине XVI в. мало-помалу».[29] Отсюда и в указе 1597 г. М. А. Дьяконов видит постановление о пятилетней давности исков на беглых крестьян и не придает ему существенного значения в ходе закрепощения.[30]

Итак, к началу XX в. длительное обсуждение вопроса о смысле указа 1597 г. привело к выявлению двух точек зрения: сторонники одной (Татищев, Карамзин, Соловьев, Чичерин, Беляев, Сергеевич) полагали, что указ этот (вместе с предполагаемым более ранним, не дошедшим до нас указом или с писцовыми книгами конца 80-х — начала 90-х гг.) вводил прикрепление крестьян; сторонники другой (Погодин, Владимирский-Буданов, Ключевский, Дьяконов, Милюков) считали, что содержание указа 1597 г. ограничивается установлением пятилетнего срока для исков о беглых. Обе стороны исчерпали к этому времени свои доводы, стали повторять друг друга. Спор зашел в тупик.

В конце XIX в., а затем в середине XX в. были найдены и опубликованы новые материалы, в которых упоминаются «заповедные годы»: отрывки дел (отдельная грамота, обыски) 1585—1589 гг. о сыске крестьян, вывезенных, вышедших или бежавших от помещиков Сеглинского, Млевского и Коломенского погостов и Едровского ряда Деревской пятины в 1581—1588 гг., названных в документах «заповедными»; торопецкая уставная грамота 1590/91 г., в которой предписано вернуть на посад старинных тяглецов, ушедших в «заповедные лета»; грамота двинскому земскому судейке 1592 г. с предписанием в дальнейшем («да и вперед») «в заповедные лета до нашего указу» не вывозить крестьян в черные деревни из Николо-Корельского монастыря.[31]

Попытки толкования термина «заповедные годы» и установления связи между введением «заповедных лет» и указом 1597 г. и последующими указами о крестьянах вызвали новую оживленную дискуссию, не прекратившуюся и до настоящего времени.

Был ли один или несколько указов о «заповедных годах», время издания этих указов, ареал их действия — все эти вопросы требуют решения.

С. Ф. Платонов полагал, что «заповедные лета» были введены в конце царствования Ивана Грозного специальным, не дошедшим до нас «Уложением» и запрещали («заповедывали») на определенное время выход и вывоз крестьян. По мнению С. Ф. Платонова, вновь найденные документы подтверждают точку зрения об «указном» прикреплении крестьян, сначала временном.

Указ 1597 г. С. Ф. Платонов считал первым в ряде указов (1601, 1602 гг.), изданных Борисом Годуновым в целях «смягчения» положения о «заповедных годах»: «нарушивший ,,заповедь'' и убежавший в неуказные ,,лета'' крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени ухода истекло пятилетие».[32] Указ 1597 г. таким образом, по мнению С. Ф. Платонова, смягчал закрепостительные тенденции.

В противоположность С. Ф. Платонову А. Е. Пресняков именно в наличии документов о «заповедных летах» видит подкрепление мнения о «безуказном» прикреплении, о том, что «общего указа не было, но в конце XVI и начале XVII в. ряд правительственных распоряжений приостанавливает крестьянский переход то для отдельных землевладельцев по особым пожалованиям, то в целых областях государства, притом то на определенный указной срок, а то вообще ,,до государева указу''».[33]

Предположение С. Ф. Платонова о существовании особого «уложения» о «заповедных годах» было развито Б. Д. Грековым. Располагая новыми материалами — приходо-расходными книгами Иосифо-Волоколамского монастыря, в которых записи об уплате «пожилого» монастырскими крестьянами прекращаются в 1581 г., и актовым материалом, — Б. Д. Греков также считал переломным для положения крестьян не указ 1597 г., а закон о «заповедных годах», но относимый Б. Д. Грековым ко всему государству и датируемый им 1580 г. на следующих основаниях: по его наблюдениям, 1580 год был последним, когда в документах упоминаются выход и вывоз крестьян

согласно правилам Судебника 1550 г., а 1581 год уже упоминается в документах как «заповедный».[34]

Относя указ о «заповедных годах» к 1580 г., Б. Д. Греков полагал, что этот указ возник как результат деятельности церковного собора 1580 г., на котором обсуждался вопрос о бедственном положении служилых людей вследствие нехватки рабочих рук. Отсюда и указ 1597 г. Б. Д. Греков рассматривает как один из указов Бориса Годунова и Василия Шуйского, вынужденных под влиянием подъема крестьянского движения идти на некоторые уступки крестьянской массе. С такой точки зрения указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых, данный в период действия указа о «заповедных годах», безусловно запрещающего крестьянские выход и вывоз на время действия этого указа, не вводил крепостную зависимость, а несколько ослаблял крестьянскую крепость, установленную законом 1580 г., поскольку ограничивал срок сыска беглых крестьян пятью годами.[35]

В указе 1597 г. Б. Д. Греков видел попытку компромиссного решения крестьянского вопроса правительством, вынужденным к тому поднимавшейся волной народного движения. Однако выгодным указ оказался «богатым, знатным и сильным в ущерб служилой мелкоте», поскольку главным образом крупным землевладельцам удавалось незаконно переманивать чужих крестьян и прятать их от прежних владельцев в течение пяти лет, т. е. до истечения узаконенного срока.

Таким образом, Б. Д. Греков разделяет концепцию о законодательном прикреплении крестьян в конце XVI в. и основывается на предполагаемом и не дошедшем до нас указе. Но в построении Б. Д. Грекова это не указ 1592 г. о прикреплении крестьян, а указ 1580 г. о «заповедных годах», бывший вначале временной мерой и превратившийся явочным порядком в постоянную.[36] Б. Д. Греков в этом вопросе развил концепцию С. Ф. Платонова, подкрепив ее новыми материалами и глубже осветив причины издания «смягчающего» указа 1597 г.

В то же время Б. Д. Греков отвергает точку зрения тех историков, которые полагали, что в указе 1597 г. речь идет лишь о сроке сыска беглых крестьян в данном году. По его мнению, указ 1597 г. «ввел пятилетнюю давность исков на беглых крестьян, хотя сформулировал это недостаточно четко».[37]

И. И. Смирнов считает закон 1597 г. «третьим крупнейшим мероприятием в области законодательства по крестьянскому вопросу» и «логическим завершением ... введения заповедных лет и составления писцовых книг» (1581—1592 гг.). Крестьяне, бежавшие после 1592 г., были записаны в писцовых книгах за старыми владельцами и подлежали обязательному возврату, а бежавшие до 1592 г. оказывались занесенными в писцовые книги уже за новыми владельцами, что и создавало юридическую основу для их закрепощения. «Законы 80—90-х гг. XVI в. окончательно оформили крепостное право в России в общегосударственном масштабе».[38]

По мнению А. Г. Манькова, «в конце XVI в. был узаконен принцип крестьянской крепости по писцовым книгам, но крепости не полной и окончательной, а ограниченной», причем институтом, ограничивающим действие крестьянской крепости по писцовым книгам, были урочные годы, введенные указом 24 ноября 1597 г.[39]

А. А. Зимин первоначально полагал, что «по закону 1597 г. сыску подлежали все крестьяне, незаконно покинувшие феодала после 1592 г.».[40] Иначе говоря, по мнению А. А. Зимина, приговор 1597 г. ввел не пятилетний срок исков о беглых, а определенную дату — 1592 г., начиная с которой все «незаконно» ушедшие крестьяне подлежали сыску не только в данном году, но и в дальнейшем. Срок сыска беглых, таким образом, должен был с каждым годом возрастать. В более поздней работе А. А. Зимин уточнил это положение: «Закон, запрещавший крестьянский выход и устанавливавший пятилетний срок разбора крестьянских дел», был издан около 1592 г., а указ 1597 г. является только развитием этого закона.[41] Однако А. А. Зимин признает, что именно указ 1597 г. сыграл «крупную роль в становлении крепостничества». Основное значение этого «немногословного указа ... сводилось к тому, что он, исходя из мысли о недопустимости крестьянских побегов, устанавливал пятилетний срок сыска беглых крестьян». А. А. Зимин допускает возможность альтернативного толкования самого понятия «пятилетний срок сыска»: речь могла идти как «о сроке сыска беглых», так и «о дате отсчета поиска беглецов», т. е. о 1592 г. А. А. Зимин высказал мысль, что эта «недоговоренность» в указе 1597 г. могла быть преднамеренной, давая возможность вернуться в дальнейшем к рассмотрению проблемы. С точки зрения правительства, указ 1597 г. был компромиссным, а предложенное им решение неокончательным. Признавая, что «вопрос нуждается в дальнейшем тщательном изучении», А. А. Зимин подчеркивает, что «пятилетний срок исковых дел о крестьянах существовал к середине 90-х гг. и явился источником законодательной нормы 1597 г.». Отсюда он делает логический вывод: «Говоря о пятилетнем сроке сыска беглых, указ 1597 г. имел в виду не столько сакраментальную дату „101-й год“, сколько практику пятилетнего вершения крестьянских дел». Указ 1597 г. склоняется «к тому,

чтобы рассматривать незаконным любой уход крестьян от господина», и этим самым является «шагом вперед в крепостническом мировоззрении правительства».[42]

Положение Б. Д. Грекова о том, что введение указом 1597 г. пятилетнего срока исков о беглых крестьянах отвечало только интересам наиболее состоятельных землевладельцев, было дополнено А. А. Новосельским. Он показал, что установление пятилетнего срока было выгодно также служилым людям южных районов, поскольку преимущественно сюда уходили крестьяне из центральных и северо-западных областей государства, следовательно, служилые люди южных районов были заинтересованы в сокращении того срока, после которого им можно было закреплять за собою пришедших к ним крестьян, не опасаясь законного преследования. К этой точке зрения склоняется и А. А. Зимин.[43]

Как считает Н. С. Чаев, указ 1597 г. «ни в какой мере не освобождал от крепости; наоборот, он ... максимально подчеркивал закрепостительные тенденции издавшего его правительства». Согласно концепции Н. С. Чаева, основную роль в юридическом закреплении крестьян играли писцовые книги. Пятилетний срок сыска беглых крестьян указа 1597 г. он относит ко времени окончания общегосударственного описания земель, начатого в 1581 г. и законченного в 1592 г. Эту перепись Н. С. Чаев считает основным мероприятием по прикреплению крестьян, а указ о «заповедных годах» — «вспомогательным средством» к осуществлению той же цели.[44]

Поскольку крестьяне-старожильцы были прикреплены к земле писцовыми книгами 1581—1592 гг., указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых, по мнению Н. С. Чаева, относился лишь к новопришлым крестьянам, не включенным в перепись. Их-то указ и закрепил, а на старожильцев, внесенных в писцовые книги, пятилетний срок не распространялся; независимо от срока бегства «они подлежали бесспорному возврату на старинные свои места, где их в свое время застало описание». Что касается указа 1597 г., «для старинного крестьянства он лишь подтвердил значение записи в писцовые книги, как совершенно определенного правооснования для прикрепления его к земле».[45]

С точки зрения, выдвинутой Н. С. Чаевым, трудно согласиться. Такая интерпретация указа 1597 г. не находит подтверждения в самом тексте закона, в котором отсутствует какое-либо указание на различие норм в отношении старожильцев и новоприходцев. Кроме того, в нем предписано не давать суда и не вывозить назад (если не было своевременного явочного челобитья) тех крестьян, которые «выбежали до нынешняго 106-го году лет за шесть, и за семь, и за десять, и болши», т. е. бесспорных старожильцев, вписанных в писцовые книги 1581—1592 гг.

Противоречивость концепции Н. С. Чаева сказалась и в следующем: он считает писцовые книги 1581—1592 гг. актом, установившим крестьянскую крепость, пятилетний срок сыска беглых по указу 1597 г. связывает с окончанием описания в 1592 г. и в то же время полагает, что указ 1597 г. распространяется только на новоприходцев, т. е. на крестьян, которые не могли быть включены в это описание.

Ряд статей и две обобщающие их книги В. И. Корецкого[46] и выявленные им многочисленные документы вновь оживили дискуссию. В. И. Корецкий фактически отстаивает концепцию «указного» прикрепления крестьян. Он полагает, что «заповедные годы» не были установлены одновременно во всем государстве, а вводились постепенно, по мере составления писцового описания отдельных районов. Общий же указ о запрещении выхода крестьян был издан в 1592/93 г., когда составление писцового описания было закончено или подходило к концу. Предполагаемому указу 1592/93 г., или уложению (как его называет автор), В. И. Корецкий отводит решающую роль в вопросе о прикреплении крестьян и делает попытку реконструировать его.

Он считает, что указ 1592 г. «представлял собой настоящее уложение, регулирующее различные стороны взаимоотношений крестьян и феодалов, обобщающее и развивающее в новых условиях предшествующее законодательство по крестьянскому вопросу».[47]

В. И. Корецкий датирует этот указ 1592/93 г. исходя из того, что ссылки как на ст. 88 Судебника 1550 г., так и на «заповедные годы» встречаются в выявленных им делах до весны 1592 г.; уложение 9 марта 1607 г. ссылается на книги 101-го (т. е. 1592/93) г.; к этому времени было в основном закончено писцовое описание.

Согласно реконструкции В. И. Корецкого, указ 1592/93 г. должен был содержать следующие положения:

1) запрещение выхода крестьян и бобылей на всей территории Русского государства;

2) юридическим основанием крестьянской крепости объявлена запись в правительственные книги, главными из которых считались писцовые книги 80-х—начала 90-х гг.;

3) обязательная регистрация крепостнических отношений в правительственных документах;

4) пятилетний срок подачи исковых челобитных о вывезенных крестьянах.

Реконструкция В. И. Корецкого представляется спорной как в целом, так и в отдельных частях.

Трудно допустить, чтобы указ, а тем более уложение такого первостепенного значения, вводящее в стране крепостную зависимость, не нашло отражения в приказном делопроизводстве, не было упомянуто ни в приказных выписках, перечисляющих указы о крестьянах (см. № 307, где первым упомянут указ 24 ноября 1597 г.), ни в дворянских челобитных об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, ни в сохранившихся судных делах о беглых. Во всех этих документах ссылки на подобный указ были бы необходимы.

В. И. Корецкий подчеркивает, что реконструированный указ должен был содержать запрещение выхода на всей территории государства, но сам полагает, что запрещение выхода на основании «заповедных лет» распространялось на запад, север и центр страны и только относительно южных уездов нет достоверных данных о введении там «заповедных лет».[48]

По вопросу о записи в правительственные книги, основными из которых считались писцовые книги 80-х—начала 90-х гг., В. И. Корецкий предвидел, конечно, возражение, которое могло быть ему сделано. Описание 80—90-х гг., предпринятое правительством главным образом для установления точных данных о катастрофическом запустении страны, едва ли было пригодно для прикрепления крестьян: на основании его прикрепленным оказалось бы незначительное число крестьян.

Такое возражение и было сделано В. М. Панеяхом, который указал, что «эта мера приводила бы к закрепощению минимального количества крестьян, к консервации состояния хозяйственной разрухи, а тем самым способствовала бы ее углублению».[49]

Однако В. И. Корецкий в понятие «книги» вкладывает более широкое содержание: он считает «книгами» не только писцовые, но и такие правительственные документы, как отдельные книги, ввозные грамоты, послушные, т. е. все документы, в которых устанавливается связь крестьян с тем или иным владением, — и полагает, что они-то и были положены в основу закрепощения в указе 1592/93 г. и являются «книгами 101-го года» уложения 9 марта 1607 г. (№ 57).

Этим, конечно, несколько расширяется комплекс тех «книг», запись в которые закрепощала крестьян. Но нельзя не учитывать, что и эти дополнительные документы (которые лишь с натяжкой можно называть «книгами») относятся к тому же времени крайнего запустения. Сомнительно, что составители приказной справки уложения 1607 г. имели в виду эту многообразную документацию. В справке говорится, что царь Федор, «у кого колико ... крестьян ... было, книги учинил», т. е., безусловно, о книгах, специально «учиненных» для прикрепления крестьян. Такими книгами могли быть только книги писцовые.

Что касается последнего намеченного В. И. Корецким пункта реконструируемого указа 1592/93 г. — введение пятилетнего срока подачи исковых челобитных о вывезенных крестьянах, — то указ об этом действительно приведен в двух грамотах 1594 г. Но по этим упоминаниям нельзя установить его точную дату. Нет в них данных о том, что это постановление было не отдельным указом, а входило в общее уложение 1592/93 г., хотя, приняв реконструкцию В. И. Корецкого, нельзя исключить и это предположение.

Как видим, противоречие между данными о «заповедных летах» в самом начале 80-х гг., т. е. еще при Иване Грозном, и приказной справкой уложения 9 марта 1607 г., в которой сказано, что выход крестьянам «заказал» царь Федор, В. И. Корецкий пытается разрешить, относя утверждение приказной справки не к «заповедным годам», а к уложению 1592/93 г.

К гипотезе В. И. Корецкого Р. Г. Скрынников отнесся скептически: «... имеющаяся фактическая база слишком узка для широких обобщений».[50] Р. Г. Скрынников полагает, что «заповедные годы» начали действовать лишь во второй половине 80-х гг.[51] Он указывает на то, что упоминание о «заповедных годах» встречается лишь в документах конца 80-х — начала 90-х гг., а также на то, что о «заповедных годах» не упоминают писцовые книги 1582 г., где описаны те владения, о которых идет речь в документах о крестьянах, бежавших из поместий в «заповедные» 1581-й и следующие годы.

Мнение Р. Г. Скрынникова о «заповедных годах» представляется спорным.

Данные о «заповедных годах», во всяком случае в документах, выявленных до настоящего времени, действительно встречаются не ранее 1585 г. Но если мы признаем значимость этих документов, то не сможем отрицать и того, что в них «заповедным» называется как раз начало 80-х гг.

Что касается писцовых книг, то они составлялись по наказам, трафаретным для данного описания. В наказе, безусловно, могло не быть упоминания о «заповедных годах». А писцы лишь в очень редких случаях вносили в свои описания сведения, выходящие за рамки писцового наказа.

Правда, наряду с этим Р. Г. Скрынников допускает, что в пределах новгородских пятин, которые были описаны ранее других областей, «заповедным» мог считаться весь период, начиная со времени описания. Но это допущение о введении «заповедных лет» хотя бы в отдельных

районах с начала 80-х гг. возвращает нас к последним годам царствования Ивана Грозного и все к тому же противоречию с приказной справкой уложения 9 марта 1607 г.

Гораздо убедительнее представляется другое положение Р. Г. Скрынникова о том, что «заповедные годы» нельзя сводить к отмене права выхода крестьян в Юрьев день. Он рассматривает введение «заповедных лет», притом не только для крестьян, но и для посадских людей, о чем говорит торопецкая уставная грамота, в плане ряда комплексных мероприятий правительства по укреплению тягла и прекращению выхода тяглого населения, как крестьян, так и черных посадских людей.

Что касается указа 24 ноября 1597 г., он, по мнению Р. Г. Скрынникова, не вводил ничего принципиально нового по сравнению с предшествующими указами, а был лишь первым, имевшим характер не временного постановления, а постоянного закона.

И. Л. Андреев находит, что пятилетние урочные лета были введены в общегосударственном масштабе только указом 1597 г.[52]

Таким образом, двухсотлетнее изучение вопроса о прикреплении крестьян в связи с указом 24 ноября 1597 г. прошло через следующие фазы: первые предположения об издании в 1592 г. указа, отменившего право перехода крестьян в Юрьев день, т. е. концепция «указного» прикрепления крестьян; отрицание существования подобного указа и представление о «безуказном», бытовом прикреплении крестьян; наконец, возвращение к теории «указного» прикрепления, но опирающейся на предполагаемый указ 1580 или 1581 г. о «заповедных летах» или на несохранившийся, но реконструируемый указ 1592/93 г. о запрещении выхода крестьян и бобылей.

Разноречивость истолкований указа 1597 г. объясняется главным образом неясностью, нечеткостью его изложения, требующей для понимания ряда допущений.

Все же некоторые положения о крестьянах из указа 1597 г. устанавливаются с несомненностью.

1. Как беглые крестьяне, так и феодалы, на землях которых они поселились, подлежали судебному преследованию («на тех беглых крестьян вь их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут ... давати суд»).

2. Процедура суда начиналась обязательно с подачи исковой челобитной. Из других источников известно, что в челобитных необходимо было указать место, куда крестьянин бежал, и нового владельца. На выяснение этого могли уйти годы, поскольку новые владельцы делали все возможное, чтобы «ухоронить» принятых ими беглых. Отсюда заинтересованность тех, от кого крестьяне бежали, в удлинении урочных лет и обратная заинтересованность тех, к кому они бежали. Без подачи исковой челобитной дело о побеге не начиналось. Государство не брало на себя обязанности сыскивать беглых по собственному почину.[53]

3. Дела о крестьянах решались путем сыска («давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски»), т. е. путем опроса свидетелей.

4. Поскольку в указе речь идет только о крестьянах, выбежавших «из-за» владельца, то указ относился только к владельческим крестьянам и не распространялся на крестьян черных и дворцовых. К тому же в самом указе перечислены те владельцы, которым предписывается «давать суд» в беглых крестьянах.

5. Продление сверх пяти лет для дел, начатых до издания указа («А которые дела ... засужены, а до нынешняго ... указу не вершены ... дела вершити по суду и по сыску»). Отсюда следует, что и до указа 1597 г. уже велись дела о беглых крестьянах, и в этом вопросе новым был только срок подачи исковых челобитных, с которых начиналось дело. Судебник 1550 г. не предусматривал такого рода дел. Они могли появиться в период действия «заповедных лет».

6. Никаких санкций за бегство, и за прием беглых, и за вывоз указ не предусматривает.

7. Закрепление за новым владельцем беглых крестьян по истечении пятилетнего срока. Это следствие из указов 1594 и 1597 гг. имело особенно большое значение, размежевав интересы мелких феодалов, от которых в основном крестьяне бежали, и крупных феодалов, а также, как показал А. А. Новосельский, помещиков юга, к которым крестьяне уходили. Кроме того, указ 1597 г. аннулировал значение писцовых книг 80-х — начала 90-х гг., по крайней мере для беглых крестьян. Не запись в писцовые книги за старым владельцем, а пятилетнее пребывание за новым закрепощало бежавшего крестьянина.

Указы 1594 и 1597 гг. не были закрепощающими. Никаких закрепостительных моментов сами они не содержали. Закрепостительной была вся политика правительства начиная с 80-х гг.— с указов о «заповедных летах». Значение указа 24 ноября 1597 г. в том, что это был первый официально оформленный указ, опирающийся на предшествующие закрепостительные постановления, а также первый указ, установивший урочные годы для сыска беглых крестьян. Позднее

урочные годы (срок которых в дальнейшем изменялся) получили расширительное толкование: на них ссылались не только как на годы, в течение которых сохранялось право иска о беглых крестьянах, но как на годы, по истечении которых беглый крестьянин закреплялся за новым владельцем. Так, урочные годы сами стали одним из источников прикрепления крестьян.

[1] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 153.
[2] *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI—первой половине XVII в.//История СССР. 1972. № 5. С. 164.
[3] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 114.
[4] Судебник 1497 г. Ст. 57; Судебник 1550 г. Ст. 88.
[5] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 366, примеч. «в».
[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 10. С. 62, примеч. 352.
[7] *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1843. Т. 3. С. 342.
[8] *Сперанский М. М.* Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян//АИПС. 1859. Кн. 2. С. 35.
[9] *Чичерин Б.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 223.
[10] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 576.
[11] *Погодин М. П.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права//Русская беседа. 1858. № 4. С. 202.
[12] *Погодин М. П.* Ответ г. Костомарову//АИПС. 1859. Кн. 3. С. 59.
[13] *Костомаров Н.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?//АИПС. 1859. Кн. 2. С. 7.
[14] *Беляев И. Д.* Законы и акты, установляющие в древней Руси крепостное состояние//АИПС. 1859. Кн. 2. С. 89.
[15] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 98.
[16] Там же. С. 88.
[17] Там же. С. 121.
[18] Там же. С. 122.
[19] Там же. С. 106.
[20] Там же. С. 108.
[21] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 99.
[22] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1888. Вып. 3. С. 139—141.
[23] *Engelmann J.* Die Leibeigenschaft in Russland. Leipzig, 1884. S. 33.
[24] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 237—317.
[25] Там же. С. 276.
[26] *Иловайский Д.* История России. М., 1890. Т. 3. С. 426.
[27] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1909. С. 280.
[28] *Милюков П. Н.* Крестьяне//Энцикл. словарь/Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 16. С. 780.
[29] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве: (XVI—XVII вв.). СПб., 1898. С. 31.
[30] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М.; Л., 1926. С. 258 и сл.
[31] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. № 16, 17, 18, 20. С. 449—453; *Побойнин И.* Торопецкая старина: Исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII века//Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 359; РИБ. 1894. Т. 14. Стб. 125—137; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 415—418.
[32] *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Пгр., 1921. С. 77.
[33] *Пресняков А. Е.* Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения//Архив истории труда в России. Пгр., 1921. Т. 1. С. 43.
[34] *Греков Б. Д.* Юрьев день//Изв. АН СССР. 1926. № 1—2. С. 78.
[35] *Греков Б. Д.* Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины//Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л., 1933. С. XLV.
[36] *Греков Б. Д.* Опыт периодизации истории крестьян в России//Вопр. истории. 1946. № 8—9. С. 16.
[37] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 874.
[38] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 51—52.
[39] *Маньков А. Г.* Соборное уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 94—95.
[40] *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.//Вопр. истории. 1958. № 3. С. 99.
[41] *Зимин А. А.* К вопросу о закрепощении крестьянства в 80—90-е годы XVI в.//Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 277.
[42] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 207—211.
[43] *Новосельский А. А.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.//Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 179; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 211.
[44] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в.//ИЗ. 1940. Т. 6. С. 160.
[45] Там же. С. 161.
[46] *Корецкий В. И.* 1) Закрепощение крестьян; 2) Формирование крепостного права.
[47] *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в.//История СССР. 1957. № 1. С. 182.
[48] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 109.
[49] *Панеях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого)//История СССР. 1972. № 1. С. 163.
[50] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. С. 177.
[51] *Скрынников Р. Г.* 1) Заповедные и урочные годы царя Федора//История СССР. 1973. № 1. С. 99—129; 2) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 167—216.

[52] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 142.

[53] В. Б. Кобрин справедливо отмечает, что указ 1597 г. «вовсе не говорит о розыске беглых крестьян, а тем более — об организации государственной службы розыска» (*Кобрин В. Б.* Из истории крепостнического законодательства рубежа XVI—XVII вв.//XIX сессия Всес. симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докладов и сообщений. М., 1982. С. 238).

№ 47

Уложение 1 февраля 1597 г. было разработано правительством царя Федора Ивановича и призвано, с одной стороны, законодательно закрепить сложившуюся практику отношений между холоповладельцами и холопами, а с другой — значительно видоизменить ее. Сами законодатели расценивали его как постановление, имевшее целью всеобъемлющую регламентацию холопства, как полного, старинного, докладного, так и кабального и добровольного.

Во вступительной части уложения (оно не имеет деления на статьи, которые даны публикаторами) его составление непосредственно связывается с бегством холопов. В условиях разрухи и запустения 70—80-х гг. XVI в. бегство холопов действительно приобрело массовый характер.[1]

Правительство царя Федора Ивановича сочло необходимым прежде всего проверить права холоповладельцев на всех без исключения принадлежавших им документально оформленных холопов. Этому мероприятию посвящены статьи 1 и 2. Проверку владельческих прав господ на принадлежавших им холопов предписывалось проводить посредством записи в Приказе Холопьего суда в специальных для того заведенных книгах холопьих крепостей как на бежавших холопов, так и на холопов, продолжавших в момент перерегистрации службу холоповладельцу. Можно предполагать, что правительство придавало особое значение срочности осуществления этого мероприятия. Во всяком случае оно установило для основного контингента холоповладельцев годичный срок. Феодалам, находившимся на дальней государевой службе, срок был продлен до трех лет.

В уложении при этом специально отмечено, что обязательность предъявления старых крепостей не имеет ограничений — регистрации должны были быть подвергнуты все крепостные документы независимо от времени их составления.[2]

Книги, в которые вносились подлежащие перерегистрации документы, получили в исторической литературе название записных книг крепостным актам XV—XVI вв., либо ретроспективных книг, либо записных книг старых крепостей. Получить представление о книгах этого типа можно лишь на основе наблюдений над отрывками записных книг старых крепостей новгородского происхождения, так как только они сохранились до настоящего времени.[3]

В записных книгах старых крепостей должны были быть перерегистрированы все акты, оформлявшие состояние холопства (вне зависимости от давности их составления) и не потерявшие своего значения как документы, обосновывающие владельческие права холоповладельцев на холопов. Поэтому в книги оказались внесенными документы (большей частью в кратком изложении), самые ранние из которых датируются второй половиной XV в., а самые поздние — 1598 г.[4] В числе документов, подлежавших перерегистрации, следует отметить полные и докладные грамоты, служилые кабалы, данные, рядные, духовные, раздельные, купчие на людей, закладные на людей и т. д. Обычно вслед за изложением содержания акта в книгу вносились сведения об изменениях в семейном положении холопов (женитьба, рождение в холопстве детей, смерть членов холопьей семьи) и данные о бегстве холопов. Эти сведения вносились в книгу на основе специальных «росписей», подаваемых холоповладельцами вместе с предъявлением старых крепостных холопьих документов, подлежавших перерегистрации.

Хотя по уложению 1597 г. записные книги старых крепостей должны были вестись в Москве в Приказе Холопьего суда, на практике, как видим, было разрешено перерегистрировать старые холопьи крепости и в некоторых других городах, в частности в Новгороде. Это противоречие объяснялось, очевидно, тем, что данная редакция уложения была адресована в Приказ Холопьего суда.

Записные книги старых крепостей призваны были стать средством борьбы за стабилизацию положения в сфере отношений между холопами и холоповладельцами. Недаром именно к ним обращались прежде всего при восстановлении владельческих прав холоповладельцев на беглых холопов. Реализацией этого постановления власти сразу же наводили порядок в делопроизводственной практике, связанной с холопством, а тем самым облегчали проведение столь частых в условиях массового бегства холопов судебных тяжб из-за холопов. Вместе с тем прошедшая

перерегистрация холопьих крепостей решала задачу, до того, вероятно, неразрешимую. В записные книги оказались внесенными имена лишь тех холопов, чья зависимость была оформлена документально; имена же всех остальных лиц, которых холоповладельцы считали своими холопами (в первую очередь добровольных холопов и документально не оформленных старинных холопов), не вносились в записные книги, поскольку документов, оформлявших их неволю, не было. Тем самым власти получили возможность резко и решительно выделить всех холопов, чей статус до 1597 г. был оформлен документально, из всей массы лиц, чье положение, с точки зрения этих властей, не было определено, так как отсутствовали документы, оформлявшие их холопью зависимость.

Неодобрительное отношение к добровольной службе, обнаруживаемое в законодательстве со времени указа 11 октября 1555 г. (см. № 9), теперь принимает гораздо более конкретный характер: если не внесен в записную книгу, то холопью зависимость такого лица, поступившего в холопы до 1597 г., следует еще доказать. Другое дело — холоп, крепостной документ на которого был перерегистрирован в записной книге. Его холопье состояние тем самым было доказано.

Ст. 3, посвященная полным холопам, не привлекала внимания исследователей. Законодатель, ссылаясь здесь на Судебник 1550 г., имел в виду прежде всего те его нормы, которые регулируют положение полного холопа, так сказать, изнутри, т. е. после оформления полной грамоты, — нормы, сформулированные в статьях 76, 77 и 79 Судебника, а также, возможно, в статьях 63 и 66.

Кроме того, весьма важная норма, имеющая непосредственное отношение к полному холопству, включена в 78-ю «кабальную» статью Судебника: «А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати».[5] Б. А. Романов отметил, что «в основном она решает ставший, очевидно, массовым случай столкновения в суде двух прав на одного и того же работного человека — и решает его в пользу старины».[6]

Содержанием ст. 4 является подтверждение несохранившегося указа 1593 г. о выдаче новых крепостных холопьих документов взамен утраченных во время или после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в мае 1571 г.

В. И. Корецкому удалось установить, что ссылка здесь на пожар 1571 г. не являлась случайной, как об этом думали прежде. Очевидно, «в этом году был издан указ Ивана IV о порядке восстановления сгоревших ... документов», который частично и был использован при составлении указа 1593 г.[7]

Несомненно достоверными являются лишь те сведения об указе 1593 г., которые содержатся в уложении 1597 г.: указ разрешил возобновлять утраченные документы, подтверждающие права холоповладельцев на холопов, и ввел для этого определенную процедуру.

Однако спорным до настоящего времени является вопрос о том, предписывалось ли восстанавливать эти права, оформляя те же холопьи акты, что и утраченные, или во всех случаях необходимо было заменять их служилыми кабалами. Еще Н. Я. Новомбергский полагал, что в указе 1593 г. было предписано оформлять в случае утраты старых крепостей и сделанной об этом своевременной явки новые крепости на тех же холопов исключительно и только в форме служилой кабалы.[8] Это мнение было поддержано Е. Н. Кушевой[9] и А. А. Зиминым.[10] Однако В. М. Панеях пришел к заключению, что указ предписывал восстанавливать утраченные холопьи крепости в их первоначальной форме.[11] В. И. Корецкий занимает промежуточную позицию: «...при подаче явки в определенный срок предписывалось восстанавливать прежние владельческие права, а тогда, когда таких явок своевременно сделано не было, — восстанавливать их уже в форме служилых кабал».[12]

Обязательным элементом процедуры восстановления утраченных холопьих крепостей была подача явок об их исчезновении, однако не указ 1593 г. ввел подачу явок в связи с исчезновением холопьих крепостей. Этот указ имел в виду именно восстановление холопьих крепостей, утраченных до марта 1593 г., лишь в том случае, если такие явки, поданные ранее, оказались бы в наличии. Следовательно, подача явок об утрате крепостных холопьих документов существовала и до 1593 г. (по весьма вероятному предположению В. И. Корецкого, с 1571 г.), а новелла указа 1593 г. состояла в разрешении при наличии явок выдавать новые крепостные документы взамен старых.

В ст. 5 сформулировано запрещение принуждать холопов, отпущенных перед смертью холоповладельца, служить родственникам умершего. В XVI в. наследники умерших холоповладельцев, используя наследственность старых видов холопства и прибегая к мерам экономического и внеэкономического принуждения, пренебрегали выданными перед смертью холоповладельца отпускными и заставляли уже отпущенных на волю холопов служить себе по старым крепостям, фор-

мально аннулированным отпускными. Ст. 5 потому и была включена в текст уложения 1597 г., что появилась потребность сформулировать общую норму, которая способствовала бы наведению определенного порядка в тяжбах из-за холопов.

О том, что здесь речь шла всего только о наведении и сохранении необходимого делопроизводственного порядка, а не об абсолютном запрещении холопам служить у наследников умершего холоповладельца по мотивам обеспечения их свободы, свидетельствует отсутствие в уложении упоминаний о широкой практике оформления этими наследниками новых холопьих крепостей на холопов, отпущенных по смерти холоповладельца. Эта практика была вызвана тем, что освободившиеся холопы в конкретных условиях XVI в. во многих случаях вынуждены были вновь становиться холопами. Поэтому завещатели, равно как и составители уложения 1597 г., заботились вовсе не об обеспечении действительной свободы отпущенных на волю, а по сути дела лишь о предоставлении им свободы выбора нового хозяина.

Е. И. Колычева обратила внимание на одну особенность данной статьи уложения, до того никем не замеченную. В ней говорится «об отпускных, составленных самими холоповладельцами, как о привычном и вполне законном явлении» и отсутствуют «какие-либо территориальные ограничения относительно места выдачи отпускных грамот». Поэтому, а также в результате изучения духовных и отпускных грамот второй половины XVI в. Е. И. Колычева пришла к обоснованному выводу, что «попытка правительства регламентировать освобождение холопов соответствующей документацией потерпела неудачу», поскольку «постановление Судебника 1550 г. о запрещении холоповладельцам самим выдавать отпускные грамоты действовало, по всей вероятности, крайне непродолжительное время».[13]

Не следует ли в этой связи расценивать ст. 5 уложения 1597 г. как запоздалую констатацию краха всей системы выдачи отпускных грамот, введенной ст. 77 Судебника 1550 г., и как признание задним числом тех отпускных, которые были выданы (или могут быть выданы впредь) с нарушением норм Судебника, законными и действующими?

Две статьи (статьи 6 и 7) уложения 1597 г. посвящены преобразованию кабального холопства на совершенно новых правовых основах. Ими предусматривались: а) отмена права выхода кабальных холопов путем выплаты долга и закрепление кабальных людей за кабаловладельцами до смерти последних; б) безденежное освобождение кабальных людей после смерти кабаловладельцев; в) обязательная служба до смерти кабаловладельца не только кабальных людей-родителей, но и их детей, если они родились в холопстве; г) лишение наследников кабаловладельцев права владеть в порядке наследования кабальными холопами и их детьми, принадлежавшими умершим родственникам

Отказом в рассмотрении исков кабальных людей по «старым кабалам» подчеркивается мысль о том, что данный закон имеет обратную силу. Ведь челобитья могли поступать только от тех кабальных холопов, которые, дав на себя служилую кабалу до 1 февраля 1597 г., рассчитывали на возможность в будущем освободиться путем уплаты долга и неожиданно для себя попали в капкан неволи по смерть господина. Но челобитья от лиц, давших на себя служилые кабалы уже после уложения 1597 г., были бы просто бессмысленными, так как предполагалось, что они, поступая в службу по кабале, должны были знать о новом уложении и сознательно шли в холопство по смерть господина.

Факт реформирования юридического положения кабального холопства, зафиксированный в статьях 6 и 7, дважды подвергался сомнению в нашей литературе.

Так, В. И. Веретенников высказал мнение, основанное всего только на изменении пунктуации отрывка уложения и сводящееся к тому, что «никакого видоизменения в самый институт кабального холопства как таковой» уложение не вносит, поскольку «институт продолжает существовать далее и после этого указа так же, как он существовал и до него, нисколько не изменяясь в своей юридической сущности». Просто «всем тем кабальным холопам ... кабалы на которых были даны по 1 февраля 1597 г., запрещалось погашать уплатой долга свою зависимость, которая устанавливалась раз навсегда отныне в общем виде до смерти ... господина». Но «такое запрещение никакого отношения к служилым кабалам, совершенным вновь, после 1 февраля 1597 г., не имеет».[14] Однако это мнение, основанное на неточностях и натяжках, не было никем поддержано.[15]

По-иному ставит вопрос Р. Г. Скрынников. Он отвергает выдвижение на первый план В. М. Панеяхом целенаправленной деятельности правительства, но при этом допускает явное противоречие. Р. Г. Скрынников, с одной стороны, признает, что В. М. Панеях «убедительно показывает, что новый законодательный свод (уложение 1597 г. — *Авт.*) существенным образом реформировал кабальное ... холопство»,[16] а с другой — ставит вопрос: «Нельзя ли предположить, что уложение не столько „решительно реформировало кабалу“, сколько санкционировало сложившуюся практику, в силу которой кабальные люди не располагали реальными возможностями

освободиться путем выплаты долга», а также «широко распространился обычай отпуска их на волю по смерти господина».[17]

Возражая Р. Г. Скрынникову, В. М. Панеях отметил, что «выявившаяся к концу XVI в. экономическая невозможность для кабальных людей выкупиться из кабальной неволи посредством самостоятельной выплаты долга и запрет, адресованный кабальным холопам, выкупаться (а следовательно, быть перекупаемыми вопреки желанию господ) — явления разного порядка, и запрет, введенный уложением, предстает именно в качестве решительной реформы, призванной коренным образом изменить правовой статус кабального холопства».[18] Что же касается обычая отпускать холопов на свободу, то, как кажется, Р. Г. Скрынников исходит из устаревших и явно преувеличенных представлений о масштабах этого весьма ограниченного и количественно, и по составу вольноотпущенников явления.[19]

Предметом давней и непрекращающейся дискуссии было соотношение между уложением 1597 г. и несохранившимся указом 1586 г., который прямо упоминается в ст. 6.

В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, а затем Б. Д. Греков и В. И. Корецкий считали, что уже указ 1586 г. (а не уложение 1597 г.) превращал кабальное холопство в неволю до смерти кредиторов, имея в виду тех кабальных людей, которые дали на себя кабалу после 1586 г. Что же касается кабальных людей, поступивших в кабалу до 1586 г., то они не лишались еще права выплаты долга.[20]

А. И. Яковлев, противопоставив указ 1586 г. уложению 1597 г., писал, что в исчезнувших указах 1586 и 1593 гг. «содержалось именно разрешение ликвидировать зависимость по кабале».[21]

Наконец, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, «указ 1586 г. установил только доклад у установленных для того властей».[22] Той же точки зрения придерживается и В. М. Панеях.[23]

Наиболее обстоятельно проблема соотношения между уложением 1597 г. и указом от 1 июля 1586 г.[24] подвергалась изучению в процессе полемики, развернувшейся между В. И. Корецким и В. М. Панеяхом.

В статьях 6 и 7 уложения 1597 г. упоминается, помимо кабального холопства, холопство докладное. В. И. Корецкий, сопоставив сохранившиеся докладные грамоты с упоминанием о них в уложении 1597 г., высказал мнение, что «докладные, составленные после 1586 г., были доложены ... у постельничего и наместника Московской трети Истомы Осиповича Безобразова и уже по новой форме, отличной от той, по которой писались докладные до 1586 г.». На основании этого предположения В. И. Корецкий пришел к выводу, что «концентрация всех дел по полным и докладным у постельничего и наместника Московской трети являлась не нововведением указа (уложения. — *Авт.*) 1 февраля 1597 г., а была уже проведена указом 1586 г., который, следовательно, ... занимался вопросом о полных и докладных холопах». Поэтому «не исключена возможность, что ... перевод службы по докладным из потомственной в службу до смерти господина с отпуском в таком случае на волю вместе с отцом и детей был произведен также указом 1586 г.».[25]

Эти выводы В. И. Корецкого были подвергнуты критике Е. И. Колычевой и В. М. Панеяхом.[26]

Таким образом, одна только проблема соотношения между уложением 1597 г. и указом 1586 г. вызвала весьма разноречивые суждения. Следует, однако, учитывать, что, за исключением недостаточно ясного и допускающего неоднозначную трактовку упоминания в самом уложении об указе 1586 г. (именно это обстоятельство породило противоположные точки зрения), в документации конца XVI—начала XVII в. имеется ряд прямых ссылок на этот указ. К ним следует отнести: 1) отписки представителей местной новгородской администрации при пересылке кабальных книг и пошлинных денег из пятин в Новгород и из Новгорода в Москву;[27] 2) упоминания в записной книге старых крепостей и служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших без крепости не менее полугода, и документально не оформленных старинных холопов;[28] 3) запись за 1586 г. в разрядных книгах: «...июля в 1 день почели кабалы имать служилые на людей и в книги записывати»;[29] 4) две служилые кабалы 1588 и 1591 гг., о которых в новгородской записной книге старых крепостей сказано, что их «писали церковные дьячки, а не земские мимо указу и у губных старост в книгах не написаны»;[30] 5) упоминание в отпускной грамоте о служилой кабале, которая была «взята з докладу и в запись в те книги по уложению записано»;[31] 6) ссылка в новгородской кабальной книге 1608/09 г. на слова площадного подьячего Степанка Бокова о том, что «им по государеву указу на холопей служилых кабал за очи писати не велено».[32]

Таким образом, указ 1586 г. содержал ряд предписаний, относительно которых вряд ли возможны какие-либо сомнения. Указ 1) изменил порядок оформления служилых кабал посредством передачи функции по их составлению от церковных дьячков к земским; 2) ввел доклад и регистрацию кабальных сделок в специально заведенных для этого кабальных книгах

(в Москве — в Приказе Холопьего суда, других местах — у губных старост или в приказных избах); 3) установил единую пошлину (алтын с рубля), взимавшуюся с кабалящего за регистрацию сделки; 4) предписал вносить в кабальные книги, кроме текста служилой кабалы, запись внешних примет и биографических данных кабальных холопов посредством опроса и осмотра каждого из них; 5) предписал списки с кабальных книг вместе с собранными пошлинами посылать два раза в год в Москву на Казенный двор.[33]

Все эти мероприятия выходили за пределы простого упорядочения делопроизводства. Доклад и регистрация кабальных сделок имели целью закрепление владельческих прав холоповладельцев в условиях массового бегства кабальных холопов и организацию их сыска на совершенно новой основе.

В литературе было обращено внимание на резкое падение в 1587 г. и некоторое сокращение в 90-х гг. по сравнению с 80-ми количества закабалений.[34] Не исключено, что оно было связано с реализацией указа 1586 г.

Р. Г. Скрынников считает возможным июльский указ 1586 г. непосредственно связать с массовыми народными выступлениями в Москве, происшедшими в мае 1586 г.[35] Автор даже утверждает, что указ под влиянием этих волнений власти провели «спешно».[36] Однако догадку о поспешном и вынужденном принятии указа о холопах можно признать оправданной при двух условиях: при наличии достоверных фактов об участии холопов в московских событиях 1586 г.; при незначительном хронологическом разрыве между этими событиями и датой указа. Но ни Р. Г. Скрынников, ни В. И. Корецкий, посвятивший московским волнениям 1584 и 1586 гг. специальную работу [37] (и также допускавший возможность связи между ними и указом 1586 г.[38]), ни другие исследователи [39] не привели никаких фактов, свидетельствовавших об участии в восстании 1586 г. именно холопов, хотя, вопреки этому, Р. Г. Скрынников, не аргументируя свой вывод, утверждает, что в выступлении посадских низов «участвовали разоренные служилые люди и холопы», причем правительство особенно обеспокоило участие в беспорядках именно «боевых кабальных слуг».[40] Промежуток между завершением восстания и принятием указа составляет полтора месяца, поэтому А. А. Зимин с полным основанием утверждает, что «непосредственного влияния» майских событий «на законодательство о регистрации служилых кабал мы не видим».[41]

Опираясь на неаргументированную догадку об указе 1586 г. как правительственном ответе на участие служилых холопов в московском восстании, Р. Г. Скрынников усматривает в упоминании о нем в разрядной книге Д. М. Пожарского, относящейся к группе разрядных книг с древнейшими записями [42] («июля в 1 день почели кабалы имать на служивые люди и в книги записывать»),[43] подтверждение своей догадки: эта разрядная запись «не оставляет сомнения в том, какую прослойку имели в виду правительственные распоряжения, отданные на другой день после волнений. Власти старались успокоить оскудевшую служилую мелкоту, легко попадавшую в сети кабальной неволи».[44] Смысл же «нового законодательства сводился к тому, что разоренные дворяне получили гарантию против вопиющих злоупотреблений, связанных с их переходом в боярские свиты».[45]

Однако если признать аутентичность приведенной разрядной записи, то оказывается, что она противоречит и ее интерпретации Р. Г. Скрынниковым, и общей правовой установке властей в вопросе о закабалении служилых людей, и практике реализации указа 1586 г. В самом деле, о каких гарантиях против злоупотреблений холоповладельцев может идти речь в ситуации, сложившейся, судя по разрядной записи данной редакции, в результате именно разрешения им по указу 1586 г. закабалять служилых людей? Как это разрешение соотносится с запретом властей, введенным Судебником 1550 г. (в ст. 81) и подтвержденным указом от 1 сентября 1557 г. о признании законными служилых кабал только на тех сыновей боярских старше 15 лет, которые не несли государевой службы (см. № 23), указом от 26 декабря 1638 г. о запрещении принимать в холопы верстанных детей боярских и возвращении на государственную службу тех из них, кто оказался (вопреки закону!) в холопах (см. № 258), указом, датируемым временем ранее 30 мая 1641 г. (см. № 286), ст. 5 статейного списка от 23 июля 1641 г. (см. № 287)? Может быть, этот запрет в 1586 г. был временно отменен? Наконец, почему в сохранившихся записных книгах старых крепостей и в достаточно многочисленных кабальных книгах после 1586 г. отсутствуют служилые люди, давшие на себя кабальные записи, если, судя по рассматриваемой разрядной записи, именно с этого времени такие служилые кабалы стали брать?

Отсутствие положительного ответа на эти вопросы ставит под сомнение прежде всего аутентичность цитированной Р. Г. Скрынниковым разрядной записи. И действительно, давно известна и трижды цитировалась в литературе иная редакция разрядной записи за 1586 г. из Башмаковской разрядной книги: «...июля в 1 день почели кабалы имать служилые на людей и в книги записывать».[46] Неслучайность данного чтения подтверждается не только ее соответствием всем другим известиям о несохранившемся указе 1586 г., но и наличием подобной же записи в другой раз-

рядной книге :«. . .июля в 1 день почали кабалы имать служивые и в книги записывать».[47] Именно эту редакцию, пока она не будет аргументированно отведена, следует считать аутентичной, признав в то же время редакцию, цитированную Р. Г. Скрынниковым, дефектной.

Все сказанное вынуждает усомниться в той интерпретации указа 1586 г., которую предложил Р. Г. Скрынников.

Но какой бы ни были оценка указа 1586 г. и его соотношение с уложением 1597 г., наиболее важными являются те изменения в юридическом положении кабальных холопов, которые должны были стать следствием реализации статей 6 и 7 уложения 1597 г. Существен, в частности, вопрос о характере этих изменений по сравнению с характером зависимости кабальных холопов в предшествующий период. Однако в данном вопросе в исторической и историко-правовой литературе отсутствует единство взглядов.

И. Д. Беляев, Н. П. Павлов-Сильванский, Б. Д. Греков, И. И. Смирнов и В. И. Корецкий считают, что уложение 1597 г. ухудшило положение кабальных людей, установив для них более прочную крепостную зависимость, и находится поэтому в одном ряду с мероприятиями, направленными на закрепощение крестьян.[48] Правда, это мнение оказывается в противоречии с зачастую отмечаемыми теми же авторами фактами, заключающимися в том, что если в 1597 г. отменялись наследственность и потомственность кабальной неволи, то до 1597 г. кабальное холопство являлось и наследственной, и потомственной формой зависимости, а введение службы до смерти господина вносило мало нового по сравнению с фактической невозможностью и до 1597 г. выплатить долг и тем самым освободиться.

Противоречивость этой позиции была отмечена в литературе, а М. Ф. Владимирский-Буданов вообще не увидел в статьях 6 и 7 уложения 1597 г. ничего нового; А. Н. Филиппов же (и вслед за ним Н. Я. Новомбергский) счел даже возможным писать об улучшении положения кабальных холопов после 1597 г.[49]

Удачно избежала такого рода крайностей Е. Н. Кушева, отметив, что «до указа (уложения. — *Авт.*) 1597 г. право освободиться путем уплаты долга весьма редко могло быть кабальным человеком реализовано». В то же время есть «случаи передачи кабального вместе с кабалой в уплату долга господина и многочисленные примеры так называемых „выданных“ или „выкупных“ кабал, которые являются актом замаскированной продажи кабального человека его господином другому лицу, заплатившему за кабального его долг». Имеются также «примеры передачи кабальных по наследству по духовным и деловым грамотам». После уложения 1597 г. «отрицание наследственности кабального холопства проводится очень последовательно и настойчиво». И действительно, «при регистрации старых крепостей на холопов в 1597 г. и в ближайшие годы сыновьям, предъявившим кабалы, выданные на имя их умерших отцов, отказывали в записи такого рода актов. Отказ в регистрации означал, что документ терял силу и что в том случае, если отцовский холоп не хотел возобновить кабалу на имя своего господина, то становился свободным». Правда, имели место попытки «наследников умершего господина взять служилую кабалу насильно», но в таких случаях «кабальный мог искать защиты и находил ее».[50]

Все это не следует расценивать как стремление составителей статей 6 и 7 уложения 1597 г. провести беспрецедентное по размаху раскрепостительное мероприятие, касающееся кабальных холопов. Вторая половина XVI в., особенно его конец, характеризуется противоположными процессами, в частности все нарастающими усилиями в направлении закрепощения крестьянства. Уложение 1597 г. также являлось носителем данной тенденции.[51]

Однако, оценивая статьи 6 и 7 уложения 1597 г., следует выйти за пределы традиционных их интерпретаций, основанных исключительно лишь на сравнении положения кабальных холопов до и после 1597 г. (хотя и этот аспект весьма важен) и поисках прямых совпадений в законодательных мероприятиях, относящихся к крестьянам и холопам. Их необходимо рассматривать, во-первых, в связи с обстановкой, сложившейся в стране в 80—90-х гг., и, во-вторых, в одном ряду с предшествующими мероприятиями властей, относящимися к кабальному холопству.

Сколь ни велики в настоящий момент расхождения по вопросу о конкретных обстоятельствах и путях введения в 80—90-х гг. XVI в. режима, характеризующегося запрещением крестьянского выхода (и вывоза), факт его функционирования во второй половине 90-х гг. вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнения. Именно в этих условиях запрещение кабальным холопам возвращать долг и тем самым освобождаться от холопской зависимости означало, что перед крестьянином закрывалась последняя возможность приобрести статус (кабального холопа), при котором он имел санкционированное законом право покидать своего господина без согласия последнего хотя бы посредством выкупа другим холоповладельцем.

И действительно, переход в докладные или полные холопы не был для закрепощенного крестьянина более предпочтительной альтернативой (не говоря уже о том, что полные грамоты к этому времени перестали оформляться,[52] а докладные имели в виду преимущественно привилегирован-

ных холопов),[53] так как и докладные, и полные холопы не имели права покидать своих господ без их согласия. Другое дело — кабальное холопство. Никем не оспариваемое до 1597 г. право кабальных холопов, зафиксированное в служилых кабалах, покидать господ, возвратив долг, в любое время по истечении одного года с момента оформления кабалы могло оказаться весьма привлекательным для крестьян, лишенных столь привычного для них права выхода. Конечно, самостоятельно реализовать право возвращения долга было для кабальных людей — бывших крестьян — едва ли возможно.[54] Но даже маячившая в перспективе вероятность предоставления им денежной суммы другим холоповладельцем для расплаты со старым господином и перехода к новому — операции, аналогичной вывозу крестьян, также попавшей теперь под запрет, имела относительное преимущество перед полной и безусловной крестьянской крепостью.

По-видимому, в этой связи статьями 6 и 7 уложения 1597 г. и был провозглашен полный запрет освобождения кабальных холопов посредством выплаты долга, чтобы не оставить земледельческому зависимому населению, прежде всего крестьянам, даже минимальной возможности для последующих переходов посредством изменения их юридического статуса. Но тем самым правовое положение кабальных холопов в некотором отношении сближалось с положением не только крепостного крестьянина, но и полного холопа.

В то же время власти понимали, что приближение статуса кабального холопа к статусу полного холопа не может зайти слишком далеко, поскольку судьба кабального холопства в этом случае могла разделить участь полного холопства. Между тем холопы различных категорий с самого возникновения барской запашки являлись основной и часто едва ли не единственной рабочей силой, ее обрабатывающей.[55] Наметившиеся было в середине XVI в. некоторые сдвиги, выразившиеся в использовании, правда, пока еще в незначительной мере крестьян, которые в порядке барщинных работ также стали участвовать в возделывании барской запашки, не получили развития и даже угасли в связи с хозяйственным кризисом и повальным бегством крестьян. Рост усадебной помещичьей пашни во второй половине 90-х гг., после обеления барской запашки, обострил проблему рабочих рук для ее обработки. Именно поэтому власти пошли на введение службы кабального человека до смерти господина, означавшей отмену наследования права владения, а тем самым ограничение права распоряжения кабальным человеком. Возможно, предписание отпускать холопов по смерти холоповладельцев преследовало цель создания предпосылок к усиленному притоку освобождавшихся таким образом кабальных холопов в крестьянство.

Как видим, стремление приспособить кабальное холопство к крепостническому режиму и одновременно оградить его от изживания привело и к закрепостительной мере, выразившейся в запрещении кабальному холопу освобождаться при жизни холоповладельца (посредством выплаты долга), призванной стабилизировать, даже увеличивать численный состав кабальных холопов, и к отмене наследования права владения, лишавшей кабальное холопство некоторых существенных признаков холопства вообще, расшатывающей его вековые устои (наследственность прав холоповладельцев на принадлежавших им холопов в первую очередь), тормозившей количественный рост кабального холопства. Тем самым кабальное холопство взамен старых внутренних противоречий приобретало новые, которые также неизбежно должны были сказаться. Не исключено, впрочем, что реформирование кабального холопства задумано было лишь как временная мера (наподобие запрещения крестьянского выхода и вывоза) в ряду других попыток восстановления подорванной экономики страны и только впоследствии получило постоянный характер.

Таким образом, статьи 6 и 7 явились первым законодательным постановлением, проводившим всеобщую регламентацию кабальных отношений в общегосударственном масштабе, так сказать, изнутри самого института. Но хотя эта регламентация и проводилась с учетом предшествующего законодательства, обычного права и сложившейся практики, все же она была основана на совершенно новых началах.[56]

Этому объяснению В. М. Панеяхом ограничения срока службы кабальных холопов до смерти холоповладельца Р. Г. Скрынников противопоставил свою интерпретацию, согласно которой «власти, по-видимому, учитывали как требования со стороны многочисленных кабальных боевых слуг, так и интересы воинской службы в целом. Смерть дворянина исключала из состава поместного ополчения всех его послужильцев разом, поскольку вооруженная боярская свита не могла функционировать без сюзерена. Интересы военной службы требовали, чтобы такая свита была немедленно распущена, чтобы ее члены могли поступить на службу к другому феодальному землевладельцу».[57] В. М. Панеях же неправомерно, по мнению Р. Г. Скрынникова, «связывает реформу кабалы с изменениями в положении низшей категории кабальных людей».[58]

Непонятно, однако, как предложенное Р. Г. Скрынниковым решение связать реформу кабального холопства в 1597 г. с судьбой кабальных слуг соотносится с его же утверждением, касающимся того же уложения 1597 г., что «феодальное государство скорее санкционировало, нежели

творило либо упраздняло формы зависимости, воплощавшие в себе стихийно складывавшиеся экономические отношения».[59] Но и безотносительно к этому очевидному противоречию концепция Р. Г. Скрынникова вызывает возражения. Во-первых, она опирается в значительной степени на оценку им указа 1 июля 1586 г., которая была уже поставлена под сомнение (см. с. 80—81). Во-вторых, число военных кабальных слуг было весьма незначительным, многократно уступая числу дворовых и пашенных кабальных холопов, а реформа не выделяла военных кабальных слуг из всего контингента кабальных людей. Поэтому требует обоснования мысль, что ради роспуска на свободу тонкого пленочного слоя военных кабальных слуг власти решились пойти на столь всеобъемлющую реформу, затрагивавшую экономические интересы всех кабаловладельцев. Наконец, в-третьих, остается непонятным, почему «в интересах воинской службы в целом» власти не пошли на роспуск на волю также и полных, и старинных холопов, часть которых вместе с частью кабальных холопов составляла боевую свиту дворян и бояр в военных походах. Правда, Р. Г. Скрынников считает, что принцип «отмены наследственности холоповладения» выработался до 1597 г. «применительно к полному холопству».[60] Однако согласиться с такой постановкой вопроса не представляется возможным. Выше было уже отмечено, что в трудах Л. В. Черепнина, А. А. Зимина и Е. И. Колычевой отвергается представление о широкой распространенности этого обычая (см. с. 79). И новейшие работы свидетельствуют о значительном числе старинных полных холопов как в XVI, так и в XVII в., причем во второй половине XVII в. их количество существенно превышает количество кабальных холопов.[61]

Ст. 8 формулирует применительно к кабальным холопам принцип старины, имея в виду случай предъявления на одного холопа двух служилых кабал. При этом рассматриваются два возможных варианта столкновения двух прав на кабального холопа: либо более поздняя по времени оформления служилая кабала была взята новым господином по неведению, либо вследствие проживания в одном месте новый господин знал о том, что кабальный холоп принадлежит другому лицу, и взял на него новую кабалу «ведая». Однако и в том, и в другом варианте предписывается «тех людей и жены, и детей по тем старым служивым кабалам отдавати прежним их государем, а по новой кабале денег не имати».

Введение в эту статью мотива заведомости и форма, в которой выражена мысль о возможности регистрации в кабальной книге незаконной кабалы, свидетельствуют о том, что законодатель не сомневается в осведомленности кабаловладельцев еще до 1597 г. о противозаконности оформления на чужого кабального холопа второй кабалы. Не означает ли это, что введение принципа старины применительно к служилым кабалам не может быть приписываемо уложению 1597 г., а в нем лишь уточняется этот принцип и, быть может, окончательно формулируется?

Обращение к предшествующему законодательству наводит на мысль, что ст. 8 явилась уточнением и дополнением прежде всего к ст. 79 Судебника 1550 г. Правда, в ст. 79 речь идет не о служилых кабалах, а лишь о полных и докладных, но можно предполагать, что между 1550 и 1597 гг. в случае наличия двух служилых кабал на одного человека дело разрешалось в соответствии с общим принципом старины, сформулированным в ст. 79 Судебника. На мысль об этом наталкивает, в частности, очевидная незавершенность ст. 8 уложения 1597 г. по сравнению со ст. 79 Судебника.

И действительно, в случаях с полными и докладными судьи точно знали, с кого следует взыскивать компенсацию за кражу холопом имущества старого государя: ответственным за это, согласно Судебнику, является новый государь, незаконно взявший на службу чужого холопа. В случае же с двумя кабалами судья не найдет ответа на тот же вопрос в ст. 8 уложения 1597 г. именно потому, что эта статья не была принципиально новой, а лишь уточняющей и дополняющей ст. 79 Судебника, и судьи, безусловно, обращались все к той же ст. 79, которая давала общее правило, хотя и сформулированное в 1550 г. применительно только к полным и докладным, но не к кабальным. Отсутствие в ст. 79 Судебника 1550 г. упоминания именно о кабальных людях и потребовало разъясняющего дополнения в 1597 г. Это свидетельствует об усилении внимания центральных властей к кабальной форме холопства.

Следует учитывать и то обстоятельство, что к 1597 г. изменился порядок оформления служилых кабал: с 1586 г. их надо было регистрировать и записывать в кабальную книгу. В новых условиях перед судьями мог возникнуть вопрос: как поступить, если владелец второй, более поздней кабалы «крадом тое кабалу и в книги запишет», т. е. оформит с соблюдением законной процедуры? Уложение 1597 г. давало разъяснение, что и в этом случае следует придерживаться принципа старины, признавая законными более ранние и аннулируя новые кабалы, даже если бы первые были взяты до 1586 г. и потому в кабальные книги не оказались записанными, а вторые, взятые после 1586 г., уже были оформлены надлежащим образом и записаны в книги.

Ст. 9 подчеркивает значение кабальных книг как документа, подтверждающего владельческие права на кабального холопа. По существу одна только запись кабалы в кабальной книге является

достаточным основанием для возвращения беглого кабального холопа и возбуждения иска о «сносе», если, разумеется, не возникает ситуации, зафиксированной в предыдущей, 8-й статье, когда показания кабальных книг не принимаются во внимание в случае предъявления третьим лицом служилой кабалы, более ранней по времени составления.

Ст. 10 разрешает переход кабальных в полные или докладные холопы и рассматривает в общей форме вопрос об условиях и обстоятельствах такого перехода. Предписание отсылать кабальных людей, пожелавших дать на себя взамен служилых кабал полные или докладные грамоты, к постельничему и наместнику Московской трети для оформления полных или докладных обычно трактуется в том смысле, что только данное лицо имело теперь право выдавать полные и докладные грамоты.[62]

Но если стоять на такой формальной позиции при комментировании ст. 10, то допустимо утверждение, что та же статья уложения 1597 г. вводит ограничения при взятии служилых кабал посредством концентрации их записи в кабальных книгах в Приказе Холопьего суда у должностных лиц Михаила Ивановича Внукова и Пятого Кокошкина. Но последнее допущение противоречит достоверным фактам, согласно которым запись служилых кабал в кабальные книги велась не только в Приказе Холопьего суда, но и у дьяков в городах и губных старост. Подобно этому же, руководствуясь ст. 1 («всякие крепости, и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги»), можно было бы утверждать, что записные книги старых крепостей уложением предписывалось вести лишь в Москве (что неверно). О книгах, ведшихся якобы лишь в Приказе Холопьего суда, речь идет и в ст. 9.

Все эти противоречия объясняются, очевидно, тем, что сохранился текст уложения 1597 г., адресованный в Приказ Холопьего суда, а потому и приспособленный главным образом для применения в Москве. Поэтому в ст. 10 при описании процедуры оформления полной или докладной грамоты на кабального холопа фигурирует не наместник с боярским судом, оформлявший (по ст. 63 Судебника 1550 г.) полные и докладные грамоты, а постельничий и наместник Московской трети, выдававший полные и докладные именно в Москве, и не дьяки в городах или губные старосты, ведшие кабальные книги (по указу 1586 г.), а именно Михаил Иванович Внуков и Пятой Кокошкин из Приказа Холопьего суда, руководившие в 1597 г. их ведением в Москве. Таким образом, вряд ли имеются основания считать, что уложение 1597 г. своей 10-й статьей отменяло порядок оформления полных и докладных грамот, введенный Судебником 1550 г., и тем самым ограничивало право их выдачи.

Основная забота составителей уложения 1597 г. заключалась в том, чтобы обеспечить кабальному человеку такие условия, при которых, по мнению законодателя, переход в полные или докладные холопы основывался бы только на добровольном желании и исключал бы непосредственное принуждение со стороны кабаловладельца. Едва ли, однако, предусмотренная в ст. 10 процедура опроса кабального человека могла обеспечить устранение нажима со стороны господина, но несомненно зафиксированное в уложении 1597 г. стремление его составителей исключить или хотя бы ограничить такой нажим.

Совершенно очевидно, что не забота о кабальном холопе проявилась в данном постановлении уложения 1597 г. Разрешив в общей форме переход кабальным людям в полные и докладные холопы, ст. 10 отменяла тем самым постановление указа от 15 октября 1557 г. о выдаче несостоятельных должников истцам «головою» до выплаты долга (см. № 25), запретившего кабальному человеку, если на нем ищут деньги «по кабалам ... за рост служити да сносов», продаваться в полные и в докладные, а предписавшего в этом случае «выдати» их «в ыскех головою до искупа». Этим самым правительство, проводя в целом политику, имевшую тенденцию к ограничению полного и докладного холопства и к развитию холопства кабального, выражением чего и явился указ 1557 г., не изменив своей общей ориентации в данном вопросе, сделало все же шаг назад — в пользу полного и докладного холопства. Но совершив такое попятное движение, составители, верные своей тенденции, стремились свести до минимума результаты этой уступки старому холоповладению, почему в ст. 10 уложением 1597 г. и было включено в качестве непременного условия перехода из состояния кабальной службы в полные или докладные холопы добровольное согласие на такой шаг со стороны самого кабального человека.

Возвращаясь к казусу, рассмотренному в указе 15 октября 1557 г., следует отметить, что теперь, после 1597 г., кабальный холоп, обвиненный в сносе, имел две (как бы на выбор) возможности: либо согласиться на предложение господина перейти в полные или докладные холопы, поступив, таким образом, в соответствии со ст. 10 уложения 1597 г., либо отказаться от этого, и тогда вступал в силу указ 15 октября 1557 г., согласно которому такой кабальный холоп должен был быть отданным головой до искупа.

Можно полагать, однако, что, включая в уложение 1597 г. выраженное в общей форме разрешение перехода кабального человека в полные и докладные холопы, составители уложения

исходили из частного случая продажи кабаловладельцем своего кабального человека другому лицу в полное или докладное холопство. На возможность такого предположения наталкивают заключительные слова ст. 10: «...отдавати тех кабалных людей по прежнему их в холопи по их кабалам, по которым винятца, старым их государем». Но тогда мысль о непоследовательности законодательной власти в вопросе регулирования развития форм холопства в пользу кабального получает еще большее подтверждение.

Ст. 11 уложения 1597 г. является не только отражением противоречивых тенденций в развитии добровольной службы, превращавшейся в добровольное холопство, живучести этого института и заинтересованности феодального государства в его ограничении,[63] но и знаменует собой попытку коренным образом изменить ее статус и одновременно наметить путь вообще к ликвидации той ее формы, которая бытовала в XVI в.

И. Д. Беляев, оценивая ст. 11, считал, что «узаконение о кабальных холопах было особенно тяжело для вольных людей».[64] М. Ф. Владимирский-Буданов держался другого мнения: «...этот закон во многом снисходительнее предшествующих». Основанием для такой квалификации ст. 11 послужило, во-первых, то, что «служба ведет уже не к полному холопству», как было ранее, «а к кабальному», во-вторых, то, что указом «дозволяется служить полгода без обращения за то в рабство».[65] Б. Д. Греков не сомневался в характере этой статьи уложения. Оно разрешило «вопрос ... относительно добровольных слуг» «совершенно недвусмысленно» и в направлении, охарактеризованном им как закрепостительное.[66]

И действительно, судьба так называемой добровольной службы была решена уложением 1597 г. вполне определенно. Свое отрицательное отношение к добровольной службе в собственном смысле этого слова московские власти продемонстрировали еще в указе 11 октября 1555 г. (№ 9). Однако он оказался мало действенным, поскольку на протяжении второй половины XVI в. добровольная служба была весьма широко распространена. Очевидно, убедившись в этом и оставаясь верными своему отрицательному отношению к подобной форме зависимости, московские власти решили принять новые, более действенные меры. С этой целью в уложение 1597 г. и была включена ст. 11.

Прежде всего все добровольные холопы должны были вместе с их господами предстать перед властями на предмет определения длительности службы без крепости. Если при этом оказывалось, что срок такой службы не достиг полугода, добровольный холоп, не желающий сразу же дать на себя служилую кабалу, отпускался властями на свободу. Вслед за тем ст. 11 вводила норму, которой точно предусматривались условия насильственного оформления служилых кабал на добровольных холопов; для этого господин должен был доказать, что такой холоп прожил в его дворе не менее полугода, причем теперь, в 1597 г., власти явно проявили заинтересованность в развитии именно кабального, а не старых видов холопства, предписывая оформлять исключительно служилые кабалы, тогда как указ 1555 г. упоминал просто любую «крепость».

Однако само уложение не определяет способа доклада и регистрации кабал, взятых на добровольных холопов. На практике оформленные на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, служилые кабалы вносились в специально заведенные для этого книги — кабальные книги для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и документально не оформленных старинных холопов. Наблюдения над ними, в частности над контингентами закабаляемых и временем ведения,[67] позволяют судить о намеченных путях практической реализации данного постановления.

Хотя в уложении 1597 г. ничего не говорится о судьбе старинных холопов, в кабальные книги указанного типа оказалось внесенным большое количество кабал именно на них. Это дает основание связать ст. 11 уложения с судьбой не только добровольных, но и старинных холопов, крепостные документы на которых либо были утеряны и не могли быть восстановлены, либо отсутствовали и ранее, вследствие чего такие холопы могли расцениваться как зависимые по добровольному холопству. Власти встали именно на такую точку зрения, и ст. 11 уложения начала использоваться для документального оформления (причем именно служилыми кабалами) зависимости старинных холопов: ведь более чем полугодовая служба при отсутствии какой-либо крепости давала основание для взятия служилой кабалы. Для осуществления всех мероприятий, связанных с переводом документально не оформленных холопов в разряд кабальных, был дан по аналогии с пересмотром прав холоповладельцев на документально оформленных холопов один год — с 1 февраля 1597 г. по 31 января 1598 г.[68] Отсюда можно сделать вывод, чрезвычайно важный для понимания всей ст. 11 уложения 1597 г. Его составители фактически предписали провести обязательное и срочное (в течение одного года) оформление служилой кабалой неволи всех добровольных холопов, прослуживших к этому времени полгода, и документально не оформленных старинных холопов.[69]

Однако предписав провести в срочном порядке это мероприятие, касающееся тех, кто прослужил к моменту реализации уложения 1597 г. не менее полугода, ст. 11 не запрещала бескабаль-

ную службу в будущем. Существование и после 1597 г. бескабальной службы, значительно превышавшей по длительности установленный минимальный срок (полгода),[70] свидетельствует о том же.

Применительно к добровольным холопам, полугодовой срок службы которых истекал после реализации уложения 1597 г. (т. е. после 1597—1598 гг.), ст. 11 давала общую норму для решения спорных случаев, не требуя в обязательном порядке кабалить всех без исключения добровольных холопов, служба которых началась бы впредь. Уложение 1597 г., несомненно, стимулировало холоповладельцев к оформлению добровольной службы, возникавшей после 1597—1598 гг., кабалой как можно скорее, потому что предписывало давать служилые кабалы на добровольных холопов (если этого требовали холоповладельцы) при одном только условии: в случае представления соответствующего обоснования факта по меньшей мере полугодового пребывания их во дворе господина. Само собой разумеется, что подобные доказательства легче было представить сразу же по истечении полугода, чем позднее, когда холоп мог бежать. То же самое относится и к старинным документально не оформленным холопам, чья служба началась после 1597—1598 гг., т. е. после осуществления, как мыслилось законодателю, перевода в обязательном порядке всех без исключения добровольных и документально не оформленных холопов, прослуживших до 1597—1598 гг. не менее полугода, в категорию кабальных людей.

Е. Н. Кушева обратила внимание на возможные последствия такого перевода и отметила, что в результате «старинные холопы и их дети, которых господин рассматривал как безусловных и наследственных, становились кабальными, т. е. крепкими ему только по его смерть».[71] Е. Н. Кушева же приводит сведения, свидетельствующие о том, «какие широкие круги холоповладельцев были затронуты этим постановлением» уложения 1597 г., что является показателем того, «какое огромное количество старинных холопов перешло на несравненно более легкое положение кабальных холопов».[72]

Е. Н. Кушева располагала, однако, лишь частью подобных сведений. Если же принять во внимание данные по Новгороду всего только за девять полных дней и четыре неполных дня декабря 1597 г. и января 1598 г. о ходе перевода, согласно предписанию уложения 1597 г., старинных документально не оформленных холопов в категорию кабальных холопов, то картина получится еще более убедительной. За это время в специальные книги для регистрации служилых кабал на добровольных и документально не оформленных холопов[73] были записаны 154 кабалы, по которым осуществлялся перевод 408 старинных документально не оформленных холопов в категорию кабальных холопов.[74] В этой связи следует поддержать вывод Е. Н. Кушевой о том, что ст. 11 уложения 1597 г. «интересы холоповладельцев были чувствительным образом задеты»,[75] особенно тех из них, кто владел старинными документально не оформленными холопами.

Если ст. 11 уложения 1597 г. рассматривать в целом, сопоставляя ее с другими статьями того же уложения и вообще с законодательными мероприятиями второй половины XVI—первой половины XVII в., то она предстанет в качестве весьма симптоматичной в том смысле, что в ней рельефно отображается общая тенденция центральных властей по отношению к холопству.

И действительно, предписания ст. 11 уложения 1597 г. представляли собой еще один шаг в сторону унификации форм холопства, причем в данном случае за счет добровольного холопства и документально не оформленного старинного холопства. Одна часть добровольных холопов (прослужившие не менее полугода к 1597—1598 гг.) должна была быть отныне в обязательном порядке закреплена за своими господами по их смерть раз и навсегда (посредством оформления на них служилых кабал), а другая часть (поступившие в добровольные холопы после 1597—1598 гг.) могла быть подобным же образом закреплена за их господами по желанию последних.

О реальном выигрыше холоповладельцев в результате проведения этой операции свидетельствуют следующие данные. За те же девять полных дней и четыре неполных дня декабря 1597 г. и января 1598 г., в течение которых 408 старинных документально не оформленных холопов были переведены в Новгороде в категорию кабальных, 523 добровольных холопа, прослуживших к этому времени не менее полугода, были закреплены за их господами по смерть последних (посредством оформления 213 служилых кабал).[76] Так холоповладельцы, сохранив за собой старинных документально не оформленных холопов и лишившись права передавать их по наследству, одновременно пожизненно закрепили за собой еще большее число добровольных холопов и получили возможность поступать подобным же образом впредь. Не вызывает никакого сомнения, что то была попытка господствующего класса восполнить острый недостаток в рабочих руках, вызванный массовым бегством крестьян и холопов в 70—90-х гг. XVI в.

Однако, несмотря на такой массовый перевод добровольных и документально не оформленных старинных холопов в категорию кабальных холопов, очень скоро практика оформления и регистрации служилых кабал вскрыла тот несомненный факт, что проведенное срочное и, по мысли составителей уложения 1597 г., обязательное оформление служилыми кабалами зависимости всех

без исключения документально не оформленных холопов, прослуживших к моменту реализации уложения (1597—1598 гг.) не менее полугода, оказалось и не всеобщим, и не для всех холоповладельцев обязательным — ни к 31 января 1598 г., когда такая регистрация должна была быть закончена, ни к моменту истечения позднее предоставленного льготного срока (31 августа 1598 г.). Оказалось, что в обычные кабальные книги текущей регистрации, по крайней мере начиная с 1599 г., вносились не только служилые кабалы на вольных людей и документально не оформленных старинных холопов, полугодовая служба которых истекла после того, как ведение специальных кабальных книг было завершено, но и на таких документально не оформленных холопов, шесть месяцев службы которых минули задолго даже до самого уложения 1597 г.[77] Запись в обычные кабальные книги текущей регистрации таких кабал свидетельствует и о том, что центральные власти вскоре после уложения 1597 г. вынуждены были примириться с невыполнением частью холоповладельцев некоторых его предписаний и на практике приравнять документально не оформленных холопов, чья зависимость должна была быть (в порядке реализации ст. 11 уложения 1597 г.), но не была на деле (в нарушение этого уложения) оформлена служилой кабалой, к тем документально не оформленным холопам, шестимесячная служба которых истекала после реализации уложения и в отношении которых предписано было поступать по усмотрению холоповладельцев: либо оставлять их статус неизменным, либо переводить в категорию кабальных холопов, — а нормы уложения вступали в действие лишь в конфликтных случаях. Следовательно, холоповладельцы, не сумевшие либо не захотевшие взять служилые кабалы на добровольных холопов или документально не оформленных старинных холопов до 31 января 1598 г. включительно (в крайнем случае до 31 августа 1598 г. включительно), не только не лишались этих холопов, но теперь (после 1598 г.) имели возможность и впредь не брать на них служилые кабалы или, наоборот, брать их в любой момент — в зависимости от менявшихся потребностей и интересов.

В результате добровольное и приравненное к нему документально не оформленное старинное холопство хотя численно и сократилось в 1597—начале 1598 гг., но продолжало существовать и после этого периода. В частности, после января 1598 г. в добровольные холопы поступило большое число людей, добровольная служба которых вовсе не обязательно была ограничена шестью месяцами (в результате ухода этих людей от холоповладельцев до истечения полугодового срока либо превращения их в кабальных холопов сразу же по его истечении). И вообще сведения о добровольных и документально не оформленных холопах, сохранившиеся в кабальных книгах начала и даже середины XVII в.,[78] столь многочисленны, что уже одно это обстоятельство не дает возможности признать правильным мнение о полном запрещении властями добровольной службы, срок которой превышал полгода.

При сопоставлении ст. 11 уложения 1597 г. с указом 11 октября 1555 г. обращают на себя внимание терминологические различия. В указе 1555 г. добровольная служба не определяется еще терминологически как холопство. Лишь в уложении 1597 г. данная категория наряду с прежними обозначениями («добровольные люди», «служит добровольно») получает впервые в законодательстве термин «холоп» с определениями «добровольный», «вольный» («добровольный холоп», «вольный холоп»). Эта терминологическая эволюция отражала общую закрепостительную тенденцию конца XVI в., а в сознании, в быту и в праве понятие «крепости» в первую очередь пока еще связывалось с холопством.[79]

[1] См.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 42—43.

[2] В. И. Корецкий понимает фразу о бессрочности записей иначе. По его мнению, здесь «был провозглашен бессрочный сыск беглых холопов» взамен пятилетнего срока сыска, который мог быть установлен несохранившимся мартовским указом 1593 г. (*Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 225—226). Однако ни во фразе о бессрочности записей, ни во всей ст. 2 беглые холопы даже не упоминаются. Предметом рассмотрения ст. 2 является только порядок записи старых крепостей в книги.

[3] Их перечень см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 265.

[4] Подробнее о новгородских записных книгах старых крепостей см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Введение//РИБ. Т. 17. С. III—XXX; *Егоров В. А.* Записные холопьи книги дьяка Алябьева//Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 462—470; *Каменцева Е. И.* Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева//Труды Моск. историко-архивного ин-та. М., 1946. Т. 2. С. 79—98; *Панеях В. М.* 1) Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г.: (Опыт реконструкции)//История СССР. 1960. № 1. С. 175—181; 2) Записные книги старых крепостей конца XVI в.// Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. 11. С. 346—363; 3) Холопство. С. 75—97; *Копанев А. И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в.//Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.: Л., 1966. С. 143—147.

[5] Судебники XV—XVI вв. С. 169.

[6] Там же. С. 286.

[7] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 222—223.

[8] *Новомбергский Н. Я.* Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия//Журн. Министерства юстиции. 1915. № 5. С. 303.

[9] *Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI—начале XVII века//ИЗ. 1945. Т. 15. С. 88.

[10] ПРП. Вып. 4. С. 401.
[11] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 98—99.
[12] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 221—222. Возражения В. М. Панеяха см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 101—102.
[13] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 201.
[14] *Веретенников В. И.* К истории кабального холопства//ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 161—170.
[15] Подробный анализ работы В. И. Веретенникова см.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 125—128.
[16] *Скрынников Р. Г.* Рабство и кабала в XVI веке: (О книге В. М. Панеяха «Холопство в XVI—начале XVII в.»)//История СССР. 1976. № 3. С. 157.
[17] Там же. С. 160.
[18] *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 40.
[19] См.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 260—262; *Зимин А. А.* 1) Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.//Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 55—74; 2) Холопы на Руси: (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 304; *Колычева Е. И.* Холопство. С. 143—173.
[20] См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 157—158; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 371; *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. СПб., 1914. Ч. 1. С. 490; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 855—856; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 211—219.
[21] *Яковлев А. И.* Холопство. С. 50. Реконструкция указа 1586 г., сделанная А. И. Яковлевым, с полным основанием отвергается Е. Н. Кушевой (*Кушева Е. Н.* К истории холопства... . С. 83 и след.).
[22] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 4-е изд. Киев. 1905. С. 670.
[23] *Панеях В. М.* 1) Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 89—97; 2) Холопство. С. 106—114.
[24] Вопрос о месяце (1 июня или 1 июля) принятия указа 1586 г. остается спорным. В. И. Корецкий (Закрепощение крестьян. С. 205, 211) и А. А. Зимин (К вопросу о закрепощении крестьянства в 80—90-е годы XVI в.//Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 272) оперируют датой 1 июня, Р. Г. Скрынников (Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 57) — 1 июля. В ст. 6 уложения 1597 г. месяц принятия указа фигурирует дважды: в первый раз — «июнь», а во второй — «июль», причем в последнем случае первоначальное «июня» было исправлено на «июля». Единодушно к июлю относят указ 1586 г. все редакции и списки разрядных книг, дающих разные чтения текста, относящегося к смыслу указа (Архив ЛОИИ, кол. 115, № 93, л. 694; ГИМ, собр. Щукина, № 496, л. 827; ГИМ, собр. Уварова, л. 279 об.; РО ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 236 об.; ЦГАДА, ф. 201 (Оболенский), № 85, л. 810; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390а, л. 1113). Все это склоняет к мысли, что указ был дан не 1 июня, а 1 июля 1586 г.
[25] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 214. Это мнение разделяет Р. Г. Скрынников (Россия после опричнины. Л., 1975. С. 139).
[26] *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI веков//АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 62; *Панеях В. М.* Холопство. С. 116.
[27] Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг./Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. Ч. 1. Стб. 80, 84, 167—168, 168—169, 366—367; Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) г.//РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 34; ЦГАДА, ф. 1144, кн. 8, л. 94.
[28] ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7, л. 70 об., 77—79.
[29] См., например, в Башмаковской разрядной книге (Архив ЛОИИ, кол. 115, № 93, л. 694).
[30] *Копанев А. И.* Материалы... . С. 179.
[31] БАН, Тек. поступ., № 98, л. 63; *Копанев А. И.* Материалы... . С. 171.
[32] ЦГАДА, ф. 1144, кн. 16, л. 11 об.
[33] Перечни кабальных книг см.: *Панеях* В. М. 1) Холопство. С. 262—264; 2) Кабальные книги первой половины XVII в.//ВИД. 1979. 11. С. 103—113. Подробнее о кабальных книгах см.: *Панеях В. М.* Кабальные книги первой половины XVII в. С. 89—102; *Каменцева Е. И.* Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева. С. 79—98.
[34] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 34—37.
[35] *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. С. 138; 2) Рабство и кабала в XVI веке. С. 164; 3) Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. С. 104; 4) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 57.
[36] *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. С. 138; 2) Рабство и кабала в XVI в. С. 164.
[37] *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова//Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 191—203.
[38] Там же. С. 201.
[39] См.: *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII в.//Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 214—216.
[40] *Скрынников Р. Г.* Рабство и кабала в XVI в. С. 164.
[41] *Зимин А. А.* К вопросу о закрепощении крестьянства в 80—90-е годы XVI в. С. 273.
[42] *Буганов В. И.* Разрядная книга Д. М. Пожарского//Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90.
[43] ГБЛ, ОР, собр. Горского (ф. 79), № 16, л. 236 об.; *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. С. 139; 2) Россия накануне «Смутного времени». С. 104; 3) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. С. 57 (в последних двух случаях у Р. Г. Скрынникова ошибочно вместо «почели» — «начели»).
[44] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 104.
[45] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. С. 57—58.
[46] Архив ЛОИИ, кол. 115, № 93, л. 694 об. Она впервые была приведена И. Забелиным (*Забелин И.* Минин и Пожарский: Прямые и кривые в смутное время. М., 1901. С. 183), затем ее цитировал С. Ф. Платонов (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 441), наконец, сравнительно недавно — В. М. Панеях (*Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 92), но все, к сожалению, неточно: «... июня...». Поразительно, что эта запись прошла мимо внимания Р. Г. Скрынникова.
[47] ГПБ, Эрмитажн., № 390а, л. 1113.
[48] *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 554; *Павлов-Сильванский Н. П.* Люди кабальные и докладные//Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909. С. 313—316; *Греков Б. Д.* Крестьяне

на Руси. С. 876—879; *Смирнов И. И.* О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.//Вопр. истории. 1958. № 12. С. 119—120; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 231.

[49] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 669—670; *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. С. 490—491; *Новомбергский Н. Я.* Вымученные кабалы... . С. 300—302.

[50] *Кушева Е. Н.* К истории холопства... . С. 87.

[51] Еще В. О. Ключевский предостерегал от слишком буквального понимания статей 6 и 7 уложения 1597 г., предписавших службу кабальных холопов до смерти господина. Он писал, что «закон не предписывал, чтобы кабальная служба всегда непременно продолжалась только до господской смерти; он только давал норму для разрешения спорных случаев и запрещал продажу и заклад кабальных детей. По любовному уговору сторон кабальный мог по смерти господина служить его семье, по воле господина мог выйти на волю раньше его смерти» (*Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 260). Следует лишь добавить, что служба кабального после смерти кабаловладельца его семье должна была быть оформлена путем взятия новой кабалы, так как старая теряла силу.

[52] *Валк С. Н.* Грамоты полные//Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 115—118; *Колычева Е. И.* Холопство. С. 20—23.

[53] *Колычева Е. И.* Холопство. С. 23—29.

[54] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 120—121.

[55] *Зимин А. А.* Холопы на Руси... . С. 34; Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в./Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 352—353.

[56] Подробную аргументацию изложенной концепции, касающейся реформирования кабального холопства статьями 6 и 7 уложения 1597 г. см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 105—131. Предписание уложения 1597 г., касающееся запрещения кабальным холопам покидать своих господ путем выплаты кабальной суммы без согласия последних, выполнялось на практике строго и повсеместно. Что же касается предписания отпускать на волю после смерти господина принадлежавших ему кабальных холопов и их детей, родившихся в холопстве, то холоповладельцы, чьи интересы были существенно затронуты этим, предпринимали попытки, нередко успешные, обойти этот закон и на практике сохранить наследственный характер данной формы холопства. О практической реализации статей 6 и 7 уложения 1597 г. см.: *Панеях В. М.* 1) Холопство. С. 186—194; 2) Холопство в первой половине XVII в. С. 43—57.

[57] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. С. 59.

[58] Там же. С. 58—59.

[59] *Скрынников Р. Г.* Рабство и кабала в XVI в. С. 166.

[60] Там же.

[61] См.: *Панеях В. М.* 1) Генеалогия холопьих семей и холопья старина//Россия на путях централизации. М., 1982. С. 48—57; 2) Холопство в первой половине XVII в. С. 22—36; *Воробьев В. М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII—начала XVIII века?//История СССР. 1983. № 4. С. 113—124.

[62] См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 411; *Павлов-Сильванский Н. П.* Люди кабальные и докладные. С. 304; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 230.

[63] Подробнее см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 27—48.

[64] *Беляев И. Д.* Лекции... . С. 554.

[65] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Вып. 3. С. 81.

[66] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 879.

[67] Подробнее о книгах этого типа см.: *Бычков И. А.* Отрывок новгородской кабальной книги 1597 г.//ЛЗАК за 1909 г. СПб., 1910. Вып. 22. С. 1—2; *Павлов-Сильванский Н. П.* Люди кабальные и докладные. С. 302—305; *Панеях В. М.* Холопство. С. 133—139. Их перечень см.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 265.

[68] *Панеях В. М.* Холопство. С. 134—139.

[69] Там же. С. 139.

[70] *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 119—161.

[71] *Кушева Е. Н.* К истории холопства... . С. 88—89.

[72] Там же. С. 89.

[73] Новгородская кабальная книга 7106 (1597) г.//РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 1—55; ЛЗАК за 1909 г. СПб., 1910. Вып. 22. С. 2—6; ЦГАДА, ф. 1144, кн. 6, л. 1—237 об.

[74] *Панеях В. М.* Холопство. С. 143.

[75] *Кушева Е. Н.* К истории холопства... . С. 90.

[76] *Панеях В. М.* Холопство. С. 144.

[77] Там же. С. 220.

[78] См.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 134—136.

[79] А. Г. Маньков считает, что по уложению 1597 г. термин «добровольный холоп» относится «исключительно к лицам, прослужившим добровольно не менее полугода», а до полугода имела место лишь «добровольная служба». В Уложении 1649 г., напротив, понятия «добровольная служба» нет, а добровольное холопство возникло изначально с момента поступления вольного человека на службу (*Маньков А. Г.* 1) Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 120—121; 2) К вопросу о добровольном холопстве в XV—XVI вв.//Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 242—248).

№ 48

См. с. 66—76.

№ 49

Стихийные бедствия (длительные проливные дожди и ранние морозы) 1601 г. привели к тому, что погибли как яровые, так и озимые хлеба, и в стране с осени 1601 г. начался голод. Особенно сильно он проявился в северных городах и уездах государства. Цены на хлеб и фураж резко выросли. Они наиболее сильно ударили по посадским низам и основной массе крестьян.

Резко возросла смертность от голода и болезней. Люди стали разбегаться с насиженных мест. Вместе с тем хлеб в стране имелся. В царских, боярских и особенно в монастырских житницах были сосредоточены огромные запасы хлеба, но светские и духовные феодалы скрывали их, желая повысить и без того уже высокие цены на хлеб. В стране процветала спекуляция хлебом. Бурная деятельность скупщиков — представителей верхов посада и зажиточного крестьянства, взвинчивавших цены на хлеб и организовывавших блокаду городов, не допуская туда подвоза хлеба, — очень осложняла положение. Голод сильно обострил классовые противоречия в городе и деревне. Городские низы и крестьяне не ограничивались подачей челобитных, они вели активную борьбу со скупщиками.

Указ 3 ноября 1601 г., приведенный в грамоте, посланной в Соль Вычегодскую, где цены на хлеб осенью 1601 г. были в шесть раз выше, чем в центре России весной 1601 г.,[1] предписывал «сыск» скупщиков на всей территории государства и установление твердой цены на хлеб в Соли Вычегодской. В указе перечислен ряд мероприятий по борьбе со скупщиками хлеба: хлеб, обнаруженный у скупщика, следовало отбирать и продавать по установленной указом цене, но деньги за него отдавать скупщику; скупщик наказывался кнутом, а за повторную спекуляцию хлебом сажался в тюрьму.

В вводной части указа Борис Годунов объявлял себя защитником интересов народа. В этом В. И. Корецкий справедливо усматривал страх перед голодом и волнениями народа.[2] Издав этот указ, правительство, по мнению В. И. Корецкого, «стремилось повлиять на народное движение и как-то руководить им, чтобы оно не разрасталось и не приняло опасные для господствующего класса формы». Указ Бориса Годунова не достиг своей цели: он не приостановил роста цен на хлеб и не затормозил развития в стране классовой борьбы.[3]

[1] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 123.
[2] Там же. С. 125.
[3] Там же. С. 126.

№ 50, 51

Указ не позднее 28 ноября 1601 г. (№ 50) облечен в необычную для указов форму пожалования: от имени царя Бориса Годунова и его сына крестьянам «от налог и от продаж» жалуется право выхода во всем государстве. Такая форма придает указу некоторую торжественность.

Указ 1601 г. разрешает в данном году «отказывать» и вывозить крестьян в Юрьев день и в течение двух недель после Юрьева дня с уплатой «пожилого» по рублю и два алтына со двора, однако с рядом изъятий: дозволено вывозить крестьян лишь перечисляемым в указе категориям служилых людей; не разрешен вывоз в Московский уезд и из него; запрещен вывоз в дворцовые и черные волости, а также к перечисляемым в указе крупным землевладельцам, духовным и светским; кроме того, каждому лицу, вывозящему крестьян, разрешено вывозить не более двоих от одного владельца.

В указе 24 ноября 1602 г. (№ 51) срок «отказа» и вывоза крестьян, предоставленный указом 1601 г., продлен на один год. Срок вывоза тот же — Юрьев день и две недели после него. Перечень категорий служилых людей, которым разрешается вывозить крестьян, в этом указе короче, чем в предшествующем; список тех, кому запрещено вывозить крестьян, также не вполне совпадает со списком указа 1601 г. Но за этими перечнями следует общее указание, которым вывозить крестьян разрешено всем, кому «велено возити» в предыдущем году. Территориального ограничения в указе 1602 г. нет. Указ требует, чтобы при вывозе крестьян «боев и грабежей не было», крестьян не удерживали насильно и никаких «продаж» не чинили. Размер «пожилого» сохранен тот же. Об ограничении числа вывозимых крестьян указ не упоминает.

Указ 1602 г. комментировался большинством историков, писавших о нем, вместе с указом 1601 г. Лишь немногие останавливались на различиях между этими указами.

Условиями вывоза крестьян, согласно указам 1601 и 1602 гг., были срок — Юрьев день — и уплата «пожилого». Взыскание «пожилого» установлено Судебником 1497 г. (ст. 57). Это была плата за пользование двором, принадлежавшим землевладельцу, которую уплачивал крестьянин, уходя от него на законном основании в Юрьев день. Размер «пожилого» устанавливался в зависимости от местности, лесной или степной, и времени, прожитого крестьянином в данном дворе. Судебник 1550 г. (ст. 88) сохранил тот же порядок, лишь несколько увеличив размер «пожилого». По указам 1601 и 1602 гг. «пожилое» взимается независимо от местности и времени проживания в данном дворе и приравнено к максимальной сумме «пожилого» по Судебнику 1550 г.

Необходимо учитывать обстановку, в которой издавались указы 1601—1602 гг., — обстановку ужасающего голода, охватившего всю страну в течение трех лет. Выявленные В. И. Корецким новые материалы о голоде свидетельствуют, что голод, нередкое явление на Руси, в те годы достиг катастрофических размеров. Одним из следствий голода было массовое бегство крестьян. Попыткой правительства как-то регламентировать это бегство и явились указы 1601—1602 гг.

В исторической литературе существуют две основные точки зрения на указы 1601 и 1602 гг.: одни историки, исходя из концепции о закрепощении крестьян в конце XVI в., считали эти указы в какой-то мере раскрепощающими; другие, напротив, полагали, что указы 1601—1602 гг. вводили ограничения свободы перехода крестьян.

В. Н. Татищев считает указ 1601 г. (указ 1602 г. ему не был известен) возвратом к «вольности» крестьян после предполагаемого им закрепощающего указа 1592 г. Хотя по прямому смыслу указа 1601 г. право вывоза крестьян дано было только мелким и средним землевладельцам, В. Н. Татищев полагал, что Борис Годунов издал этот указ с целью «тем ласканием более духовным и вельможам угодить», но вскоре вследствие «негодования и ропота», вызванного тем, что крупные землевладельцы перезывали крестьян на пустые земли от малоземельных помещиков, вынужден был отменить его «и не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал».[1]

Трудно сказать на основании этого краткого сообщения, имел ли при этом В. Н. Татищев в виду общую закрепостительную тенденцию последних лет царствования Бориса Годунова или, как считает В. И. Корецкий, издание специального указа.[2] Приняв гипотезу об издании такого указа в качестве бесспорного факта, В. И. Корецкий говорит о нем как известном «в настоящее время».[3]

По мнению М. М. Сперанского, указы 1601—1602 гг. ограничивали свободу крестьянских переходов, запрещая переход крестьян, но каждый — только на один год и только в крупных поместьях. Разрешая вывоз крестьян мелким помещикам и запрещая его крупным, указы 1601 и 1602 гг., по мнению М. М. Сперанского, отвечали стремлениям как крупных помещиков, заинтересованных в окончательном закреплении крестьян, так и мелких, которые желали «сохранением свободного перехода заселить пустые земли».[4] Эта точка зрения диаметрально противоположна мнению В. Н. Татищева как по интерпретации указов 1601 и 1602 гг., так и по выводам.

М. П. Погодин обратил внимание в первую очередь на то, что в указе 1601 г. активная роль отведена не крестьянам, а помещикам. М. П. Погодин полагает, что если до указа 1601 г. и было запрещение перехода крестьян, то не общее, а частное, относящееся, как и указ 1601 г., к определенному времени и месту. «Крестьяне, — пишет он, — издревле имели у нас переход вольный, но случались обстоятельства, когда правительство находило нужным прерывать этот переход или ограничивать». Одним из таких ограничивающих указов М. П. Погодин считает и указ 1601 г.[5] В указе 1602 г. М. П. Погодин находит подтверждение своей мысли о том, что к началу XVII в. крестьяне не были закрепощены. Поскольку этот указ отличается от указа предшествующего года, в частности тем, что в нем отсутствует территориальное ограничение, запрещающее возить крестьян в Московском уезде, постольку, полагает М. П. Погодин, к началу XVII в. право крестьянского перехода регламентировалось ежегодно даваемыми правительством указами, причем распоряжения о крестьянском переходе подвергались ежегодным изменениям. В словах указа «которые крестьяне похотят из-за кого итти» М. П. Погодин усматривает доказательство того, что «прикрепления крестьян к земле тогда еще не было».[6]

Постоянный антагонист М. П. Погодина в крестьянском вопросе Н. И. Костомаров считал указ 1601 г. непреложным доказательством того, что до его издания существовало «совершенное запрещение» переходов крестьян.[7] Подтверждение этого положения Н. И. Костомаров находит и в указе 1602 г. А в той его части, где говорится о насильствах над крестьянами при вывозе их в предшествующем году, Н. И. Костомаров несколько неожиданно находит доказательство того, что «переход крестьянский служил крестьянам к разорению и к большему угнетению».[8]

В плане своей общей концепции, согласно которой указы конца XVI—начала XVII в. клонились к постепенному улучшению положения крестьян и их раскрепощению, И. Д. Беляев видит в указах 1601—1602 гг. возврат к старому порядку, к узаконениям Судебника 1550 г. — к Юрьеву дню, плате «пожилого» и неприкосновенности крестьянской собственности. Сравнивая указы 1601 и 1602 гг., И. Д. Беляев и здесь находит тенденцию правительства к постепенному возврату к старому порядку Судебников: указ 1602 г., по его словам, снял еще одно ограничение по сравнению с указом 1601 г. — ограничение вывоза не более двух крестьян «из-за одного человека».[9]

И. Энгельман рассматривал указы 1601 и 1602 гг. как уступки Бориса Годунова тем, кто был недоволен прикреплением крестьян, вызванным указом 1597 г. Недовольны же, по мнению И. Энгельмана, были не только крестьяне, но и землевладельцы, которых стесняло ограничение

их права прогнать или перезвать крестьян. Но пойдя на уступки недовольным, Борис Годунов в то же время стремился «усилить влияние правительственной власти, подчинив ее усмотрению дозволение или недозволение переходов в каждом отдельном случае». Отсюда, полагает И. Энгельман, некоторое различие между указами 1601 и 1602 гг. и краткий срок их действия.[10]

В. И. Сергеевич предполагает, что после отмены Юрьева дня мелкие владельцы должны были в большей мере, чем крупные, усилить нажим на крестьян. Заботой правительства о крестьянах этих мелких владельцев В. И. Сергеевич и объясняет «право выхода», данное, как он считает, указом 1601 г., а ограничение выхода «мелкими чинами» — опасением правительства, «чтобы они не ушли все к богатым владельцам, за которыми жить было легче».[11] Стремясь в каждом крестьянском указе обнаружить «заботу правительства», В. И. Сергеевич, видимо, не замечает противоречивости своего объяснения: для облегчения участи крестьян мелких владельцев, у которых им жилось особенно тяжело, правительство разрешает им переход к таким же мелким владельцам и запрещает переход к крупным, у которых им жилось легче.

П. Н. Милюков придавал указам 1601 и 1602 гг. решающее значение в ходе закрепощения, видя в них «древнейшую форму прикрепления крестьян». При таком толковании этих указов понятно, что вводная часть указа 1601 г. («пожаловали во всем своем Московском государстве... велели крестьяном давати выход») представляется П. Н. Милюкову противоречащей смыслу указа, и он сомневается в подлинности этой его части. Что касается цели издания указов 1601 и 1602 гг., то П. Н. Милюков полагал, что последняя состояла в стремлении правительства приостановить движения крестьян из центра на окраины и прекратить вывоз крестьян крупными владельцами. Иными словами, цель указа — обеспечение служилых людей рабочей силой.[12]

С. Ф. Платонов считал указы 1601 и 1602 гг. первыми законами, поставившими определенные границы передвижению крестьян для защиты интересов мелкого служилого землевладения.[13]

К этой точке зрения примыкает и А. С. Лаппо-Данилевский: в указах 1601 и 1602 гг. отражено стремление правительства обеспечить военную годность служилых людей и главным образом исправность уплаты податей. Подлинность вводной части указа вызывает у А. С. Лаппо-Данилевского «некоторые сомнения».[14]

По мнению М. А. Дьяконова, указы 1601 и 1602 гг. являются двумя указами о «заповедных годах», случайно сохранившимися из многих издававшихся в те годы, в которых право выхода жаловалось одним категориям крестьян и запрещалось другим. Для тех крестьян, кому на определенный год выход запрещался, данный год и был «заповедным».[15]

Полемика при толковании указов 1601 и 1602 гг. продолжалась и в советской историографии. Но главное внимание было уделено изучению социально-экономических причин, вызвавших эти узаконения, и тем последствиям, к которым привело их применение. С. Б. Веселовский трактовал указы 1601 и 1602 гг. как ответ на крестьянские волнения, вызванные голодом, как попытку правительства смягчить гибельные последствия голода. В то же время указы 1601 и 1602 гг., по мнению С. Б. Веселовского, неопровержимо доказывают, что к этому времени «заповедь» выхода крестьян стала уже правилом, поскольку понадобился специальный правительственный указ, чтобы дать крестьянам хотя бы ограниченный выход.[16]

Отметив, что в указах 1601 и 1602 гг. сказалась «необходимость считаться с настроением, вернее, с поведением народной массы», Б. Д. Греков, однако, подчеркивает, что эти указы удовлетворяли не столько крестьянские чаяния, «сколько нужды мелких и средних землевладельцев-помещиков», на хозяйстве которых не могли не отразиться голод и крестьянские волнения конца XVI и начала XVII в.[17] Б. Д. Греков также обратил внимание на то, что указ был обнародован через два дня после Юрьева дня (26 ноября). В этом обстоятельстве Б. Д. Греков усматривал свидетельство вынужденности и срочности издания указа 1601 г. под влиянием народного волнения. «Ясно, что власть не готовилась заранее дать крестьянам желанный для них Юрьев день, а дала его уже тогда, когда крестьяне и землевладельцы помимо закона стали им пользоваться самовольно». То же повторилось и в следующем году.[18]

И. И. Смирнов также видит в указе 1601 г. меру, вынужденную нараставшим крестьянским движением вследствие неурожая и начинавшегося голода, отсюда «демагогическая окраска» вводной части указа. Вместе с тем И. И. Смирнов связывает издание указа 1601 г. с общей политикой, проводимой Борисом Годуновым, — политикой «защиты интересов помещиков».[19]

По мнению Р. Г. Скрынникова, суть указа 1601 г. в том, что, защищая интересы крестьян во имя своих собственных целей, власти «пожертвовали интересами низших прослоек феодального класса, которые подвергались наибольшему размыванию при каждом крупном бедствии».[20] Резкий протест провинциального дворянства заставил правительство Бориса Годунова отказаться от продолжения политики, провозглашенной указом 1601 г.[21]

Таким образом, большинство историков видело в указах 1601 и 1602 гг., которыми правительство «жаловало» крестьянам выход, хотя временный и ограниченный, доказательство того, что к началу XVII в. свободного выхода и вывоза крестьян уже не существовало.

Наряду с полемикой о том, были ли указы 1601 и 1602 гг. раскрепощающими или нет, споры шли по другим проблемам. Одним из основных при интерпретации подлинного смысла указов 1601 и 1602 гг. стал вопрос о выходе и вывозе крестьян. Дискуссия была вызвана двойной неясностью: отличался ли в начале XVII в. на практике выход крестьян от их вывоза; кроме того, к спорам вела и формулировка указов 1601 и 1602 гг.

И действительно, указ, в котором вначале имеется обещание дать крестьянам «выход», в дальнейшем трактует только об условиях вывоза их, и субъектами указа оказываются не крестьяне, а землевладельцы, которым указ разрешает крестьян «отказывати и возити».

Противопоставляя выход вывозу, многие историки видели в начальной части указа 1601 г. лишь демагогический прием правительства.[22]

В связи с интерпретацией понятий «выход» и «вывоз» в литературе было обращено внимание на те документы, которые отражают претворение в жизнь указов 1601 и 1602 гг. М. А. Дьяконов опубликовал выдержки из отдельных книг 7112—7114 гг., содержащие сведения о крестьянах, вышедших в 1601—1604 гг.[23] Из приведенных М. А. Дьяконовым 20 случаев выхода крестьян в названные годы в 17 сказано, что крестьяне «вышли» в «отказной срок» или «о сроке о Юрьеве дни», т. е., несомненно, согласно указам 1601 и 1602 гг., в трех случаях сказано, что крестьяне «сошли» в 1604/05 г., двое из них — в соседний погост, вдова умершего крестьянина — к отцу. Приведя эти примеры, М. А. Дьяконов резюмирует: «...в них встречаются нередкие указания ... что крестьянин „вышел, сшол во 110-м году в отказной срок" туда-то или за такого-то помещика. И наряду с этим ни одного указания на крестьянский вывоз».[24]

Как нам кажется, материалы, приведенные М. А. Дьяконовым, позволяют сделать несколько иные выводы. Во-первых, существование различия (хотя, возможно, и не строго выдерживаемого) между терминами «вышел» и «сшел»: первый применялся к выходам законным, с соблюдением всех формальностей, второй — к уходящим не в срок и, как можно полагать, без уплаты «пожилого».[25] Во-вторых, обо всех 17 крестьянах, к которым применен термин «вышел», сказано, что они вышли «за» того или иного помещика; иначе говоря, мы имеем дело с вывозом крестьян этими помещиками, т. е. с точным соблюдением норм указов 1601—1602 гг.[26] М. А. Дьяконов, основываясь на термине «вышел», не понял, что все эти случаи и были крестьянским вывозом.

Очень интересный пример несомненного вывоза крестьян привел В. И. Корецкий:[27] вывоз крестьянина, который порядился «за» нового владельца «о выходном крестьянском сроке» с уплатой «выхода» (очевидно, «пожилого»). Следует заметить, что этот случай потому отразился в документах, что связан с конфликтом, дошедшем до суда (старые владельцы насильно удерживали уходящего крестьянина и его «животы» после выполнения всех формальностей по его вывозу).

Но наряду с вывозом крестьян в соответствии с указами 1601 и 1602 гг. имел место и выход по этим же указам. Мы здесь не говорим о многочисленных выходах без соблюдения требуемых законом формальностей, которые имели место и до издания указов 1601 и 1602 гг., особенно усилились после их издания и которые квалифицировались как бегство. Речь идет о выходах крестьян, уходящих с соблюдением всех предписанных указами 1601 и 1602 гг. формальностей и даже с ссылкой на эти указы. Сведения о таких «выходах» обнаружил В. М. Панеях в кабальных книгах по Новгороду и новгородским пятинам. Из опубликованных В. М. Панеяхом в двух статьях девяти случаев только в одном сказано, что крестьянин «вышел» «за» нового владельца или, очевидно, был им вывезен; двое показали, что они «вышли», один — «сшол», один — «отказался» и, наконец, четверо — помещик их «отпустил». Все эти люди (крестьяне и бобыли) ушли «в срок о Юрьеве дни», «в отказной срок» или «во крестьянской выход» (!) с уплатой «пожилого».[28]

В. М. Панеях усматривает «противоречие между прямым смыслом указа и формой его реализации».[29] Он отмечает, что во всех приведенных им примерах нет речи о «вывозе» крестьян или бобылей согласно указам 1601 и 1602 гг. Примечательно, что ни помещики, которые «отпускали» своих крестьян, ни представители администрации, заносившие эти данные в такой официальный источник, как кабальные книги, видимо, не считали эти «отпуски» и «отказы» нарушением закона.

Можно полагать, что не только местная администрация, но и правительство, издавая указы 1601—1602 гг., ясно сознавало, что провести грань между «выходом» и «вывозом» крестьян возможности не будет.

Еще С. Б. Веселовский стоял на этой точке зрения и отметил, что запретить выходы «при разрешении вывоза на деле было неосуществимо».[30]

Этот взгляд С. Б. Веселовского подробнее развит В. И. Корецким. По его мнению, различались в то время не выходы и вывозы крестьян, а лишь законные (с соблюдением правил указов)

выходы и вывозы, с одной стороны, и стихийные выходы и незаконные насильственные вывозы — с другой.[31]

Самый указ 1601 г., как мы полагаем, не противопоставляет вывоз крестьян выходу. В указе сказано: «...крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян...», что может быть передано так: дать крестьянам выход, осуществив его путем отказа и вывоза. Можно думать, что самая терминология — применение термина «вышел» при несомненном вывозе — свидетельствует о том, что не только термины, но и сами эти понятия в то время не были строго дифференцированы.

Нет единого мнения и по вопросу о том, в чьих интересах были изданы указы 1601 и 1602 гг. и какие слои населения от них фактически выиграли. Еще В. Н. Татищев, казалось бы, вопреки прямому смыслу указа 1601 г., считал, что, издавая этот указ, Борис Годунов думал «угодить» вельможам духовным и светским. Трудно утверждать, что намерения правительства были действительно таковыми. Но одним из результатов указов 1601 и 1602 гг. было оседание ушедших крестьян на тех землях, где условия могли быть лучше, т. е. на землях крупных землевладельцев.

Указы 1601 и 1602 гг. разрешали вывоз крестьян только мелким и средним землевладельцам, но вывозить можно было лишь от таких же мелких и средних землевладельцев. Таким образом, увеличение количества рабочих рук на землях одних владельцев и, следовательно, улучшение их условий достигалось за счет ущерба для других. И в целом прослойка мелких и средних феодалов ничего не выигрывала.

Указ 1602 г. на первый взгляд не отличается от указа 1601 г. Однако между ними есть существенные различия, и указ 1602 г. отнюдь не является стереотипным повторением указа 1601 г. Не следует забывать, что указ 1602 г. был издан тогда, когда уже в течение года претворялись в жизнь постановления указа 1601 г. Отсюда, можно думать, и те положения, которые отличают указ 1602 г. Прежде всего в нем нет многообещающей, но лишенной конкретности вводной части, где провозглашено намерение дать крестьянам выход «во всем ... Московском государстве»; зато не повторено в нем и территориальное ограничение — не изъят Московский уезд, т. е. центральная, значительнейшая часть государства, и не повторено запрещение вывозить крестьян в дворцовые и черные волости, благодаря чему открывалась возможность ухода крестьян на черносошный Север. Таким образом, выход «во всем ... Московском государстве» хотя и не прокламировался, но получал фактическое разрешение. Не повторено в указе 1602 г. и запрещение вывозить более двух крестьян «одному человеку из-за одного человека».

За истекший год правительство имело возможность убедиться в бесцельности всех ограничений такого рода. Они были сразу же сметены жизненной практикой. Так, в тех примерах вывоза крестьян согласно указу 1601 г., которые привел М. А. Дьяконов,[32] можно отметить, что «из-за» одного владельца вышло шесть человек, из-за другого — семь; правда, «вышли» они за разных владельцев, так что, если понимать указ 1601 г. формально, он не был нарушен. Но тем самым ограничение — «одному ... из-за одного» — ничего не давало.

В связи с ситуациями, возникшими при реализации указа 1601 г. — попытками насильственно удержать вывозимых крестьян, сопровождаемыми боем и грабежом крестьянского имущества, а также «зацепками, задорами и боями» между старыми и новыми владельцами, как очень красочно описано в указе 1602 г., — указ грозит виновным государевой опалой.

В указе 1602 г. есть и добавление, на первый взгляд не существенное, но принципиально важное: в нем сказано, что подлежат вывозу те крестьяне, которые «похотят из-за кого итти во крестьяне ж». Здесь подчеркнута не только добровольность выхода крестьян, а также то, что иной альтернативы, кроме перехода крестьянина «во крестьяне ж», закон не предусматривает. Все попытки правительства точнее регламентировать выход и вывоз крестьян не дали желаемых результатов.

Практическая реализация указов перехлестнула все ограничения. Они должны были, однако, оставаться руководством при многочисленных судебных столкновениях по поводу ушедших и беглых крестьян. Указы внесли при этом страшную путаницу в судопроизводство. Действительно, к крестьянам, вышедшим «из-за» владельцев согласно указам 1601 и 1602 гг., не должна была применяться ни крепость по писцовым книгам, ни пятилетний срок сыска беглых крестьян, между тем как для остальных крестьян эти установления сохраняли силу.

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 367.
[2] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 47.
[3] Там же. С. 358.
[4] *Сперанский М. М.* Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян// АИПС. 1859. Кн. 2. С. 35.
[5] *Погодин М.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?//Русская беседа. 1858. № 4. С. 226.

[6] Там же. С. 234—235.
[7] *Костомаров Н.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?//АИПС. 1859. Кн. 2. С. 19.
[8] Там же. С. 23.
[9] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 98—99.
[10] *Энгельман Н.* История крепостного права в России/Пер. с немецкого. М., 1900. С. 45.
[11] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1909. С. 278.
[12] *Милюков П. Н.* Крестьяне//Энцикл. словарь/Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 16. С. 680.
[13] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899. С. 172.
[14] *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерки истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905. С. 64—65.
[15] *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета//Изв. Петрогр. политех. ин-та. Пгр., 1915. Т. 24. С. 15.
[16] *Веселовский С. Б.* Из истории закрепощения крестьян: (отмена Юрьева дня)//Учен. зап. Ин-та истории при РАНИОН. М., 1928. Т. 5. С. 212.
[17] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 891.
[18] Там же. С. 889.
[19] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 65.
[20] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 49.
[21] Там же. С. 53.
[22] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 891; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 66.
[23] *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. С. 16, примеч. 17.
[24] Там же. С. 15—17.
[25] Этот же термин «сшел» применен и к упоминаемым там же крестьянам, которые, обнищав, «сошли безвестно».
[26] Любопытно, что Б. Д. Греков (Крестьяне на Руси. С. 890), приведя случай о крестьянине, который вышел «за» нового помещика, добавляет: «Тут же попадаются ушедшие в 1604 г. крестьяне, о которых говорится „сшол“ без указания, за кого именно».
[27] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 167.
[28] *Панеях В. М.* 1) К вопросу об указе 1601 г.//Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 265; 2) Материалы о практической реализации указа 1601 года//Советские архивы. 1974. № 4. С. 107.
[29] *Панеях В. М.* К вопросу об указе 1601 г. С. 265.
[30] *Веселовский С. Б.* Из истории... . С. 212.
[31] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 159 и след.
[32] *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. С. 16.

№ 52

Указ 16 августа 1603 г. наряду с указами 1601 и 1602 гг. о временном разрешении крестьянского выхода (см. № 50, 51) является одним из первых в законодательстве отражений начавшегося уже открытого противоборства между крестьянами и холопами, с одной стороны, и феодалами — с другой.

Связь данного указа с голодом 1601—1603 гг. не вызывает сомнений. В нем констатируются ставшие, очевидно, массовыми случаи изгнания холоповладельцами своих холопов, чтобы избавиться в период голода от необходимости обеспечивать их пропитание, с последующим принудительным возвращением при более благоприятных обстоятельствах даже тех из них, кто дал на себя, спасаясь от голода, служилые кабалы другим господам. Отпуск холопов на свободу, превратившийся в условиях голода фактически в их изгнание, мотивированный невозможностью прокормить, свидетельствуется и другими источниками.[1] В частности, на практику массового отпуска холопов на волю в период голода указывал Авраамий Палицын.[2]

Е. Н. Кушева справедливо связала указ 1603 г. не только с голодом, но и с восстанием Хлопка: «Борис Годунов ответил на движение холопов посылкой войск и жестокой карой пойманным разбойникам, с одной стороны, и резким указом по адресу холоповладельцев — с другой».[3] И. И. Смирнов предложил иную схему соотношения между указом и восстанием: правительство Бориса Годунова, «сознавая опасность, какую таило в себе скопление больших масс холопов, брошенных их господами на произвол судьбы, пыталось бороться с этим явлением при помощи законодательных мероприятий»[4] и стремилось «не допустить открытого взрыва классовой борьбы».[5] Эта схема вызвала возражения В. И. Корецкого, который не согласился с тем, что «правительство Бориса Годунова, потерпев крах в своей политике по крестьянскому вопросу, в том числе в связи с изданием указа о холопах от 16 августа 1603 г., обратилось затем к военным средствам подавления восстания». Вслед за Е. Н. Кушевой В. И. Корецкий показал, что закон о холопах и посылка войск против Хлопка — «две стороны правительственной политики, принесшей Борису Годунову желанную победу».[6] Р. Г. Скрынников указал на возможный прецедент указа 1603 г. — опричные мероприятия, проведенные в разгар голода в начале 70-х гг. XVI в., когда холопы получили право покидать господ, которые отказывались их кормить.[7] Впрочем, в другой работе тот же автор определяет уступки низам в указе 1603 г. как беспрецедентные.[8]

Необходимо учитывать, что указ от 16 августа 1603 г. был принят в условиях уже начав-

шегося восстания Хлопка, но не в период кульминации голода (осень 1602 г., зима 1602/03 г.), а во время его спада. Уже одно это хронологическое сопоставление свидетельствует о том, что указ, хотя и был связан с голодом, но опосредствованно, т. е. в той мере, в какой голод явился причиной выступления холопов; непосредственно же он оказался порожденным восстанием. Чрезвычайный характер обстоятельств, вызвавших данный указ, весьма своеобразно отразился на его содержании.

Само по себе вмешательство государства в отношения между холоповладельцами и их холопами, чья зависимость была оформлена без нарушения действующих норм, является достаточно неординарной мерой. В частности, указ вводил две существенно отличающиеся друг от друга процедуры оформления холопьих отпускных: одну — для холопов, принадлежавших московским холоповладельцам; другую — для всех остальных холопов.

Применительно к случаю изгнания холопов московскими холоповладельцами без документального оформления освобождения разработана была трехступенчатая процедура выдачи отпускных холопам вопреки воле их господ. Во-первых, лица, возглавлявшие Холопий приказ, либо посланные от них недельщики должны были войти в контакт с самими холоповладельцами и удостовериться, что речь идет не о беглых, а именно о сосланных со двора холопах. Во-вторых, этим должностным лицам предписывалось предупредить холоповладельцев о необходимости документального оформления ими освобождения тех холопов, которые оказались изгнанными. В-третьих, лишь при невыполнении этого требования Холопий приказ должен был выдать отпускные таким холопам вопреки воле их господ.

Совершенно по-иному решался вопрос с холопами, принадлежавшими нестоличным холоповладельцам. Здесь не предусматривались ни опрос холоповладельцев для выделения изгнанных со двора холопов из числа беглых, ни предупреждение холоповладельцев о необходимости выдачи сосланным со двора холопам отпускных грамот или служилых кабал. Мотивируя свое решение заботой о том, «чтоб те холопи голодом не померли», власти предписали Приказу Холопьего суда давать отпускные по одному только заявлению тех холопов, которые «учнут приходити из городов», о том, что «з двора их сослали, а отпускных им не дали, и крепостей им не выдали, и велят им кормитца собою, а государей их на Москве нет». Более того, предусмотрено было многократное публичное объявление во всех городах о новом указе с призывом к изгнанным холопам прийти в Москву для получения отпускных.

Принимая эти решения, правительство царя Бориса Годунова не могло не сознавать, что широко пропагандируемый указ приведет к массовому притоку в Москву за отпускными холопов, не только изгнанных холоповладельцами, но и попросту беглых, увидевших теперь легкую возможность легализовать свое освобождение. Главным образом имелось в виду под угрозой выдачи холопам отпускных прекратить широкую практику их изгнания из господских дворов без соответствующего оформления и одновременно показать холопам, что царь встал на их защиту. Последнее обстоятельство дает основание согласиться с оценкой А. А. Зиминым указа 1603 г., как временного мероприятия, уступки холопам «с целью вырвать их из лагеря восставших и предотвратить возможность других выступлений кабального люда»,[9] а также в качестве меры, имеющей социально-демагогическую окраску.[10]

Каковы бы ни были, однако, субъективные побуждения правительства, объективно дальнейшие события, в частности ход восстания Хлопка и следовавшие за ним выступления холопов, показали, что данный указ не столько привлек холопов на сторону правительства, сколько вызвал недовольство представителей господствующего класса, которые не могли не усмотреть в нем как нарушение своих холоповладельческих прав, так и меру, фактически стимулировавшую холопов к бегству. При учете всего этого вряд ли может вызвать сомнение, что указ от 16 августа 1603 г. принимался в условиях лихорадочной спешки, был порожден глубоким кризисом верхов, вызванным восстанием Хлопка, и способствовал еще большему его углублению.[11]

По мнению Р. Г. Скрынникова, «указание на кризис верхов не раскрывает причин, побудивших власти пойти на уступки низам и ущемление интересов феодалов».[12] Действительные причины этих уступок Р. Г. Скрынников видит в том, что «указ 1603 г., как и законодательство о кабальных конца XVI в. (указ 1 июля 1586 г. и уложение 1 февраля 1597 г. — *Авт.*), ориентировался в большей мере на военных слуг и в меньшей — на черных пашенных людей».[13] Неаргументированность построений Р. Г. Скрынникова в отношении законов 1586 и 1597 гг. была уже отмечена в комментарии к № 47. Тот же недочет характерен и в данном случае. Необходимо, в частности, иметь в виду, что по указу 1603 г. освобождаться от холопьей зависимости могли в предусмотренных им случаях все холопы, в том числе старинные и полные, а не только кабальные, как это представляется Р. Г. Скрынникову, и все их прослойки, в том числе пашенные и дворовые холопы.

О характере практической реализации указа 16 августа 1603 г. сведений пока не обнаружено.

Правда, Е. Н. Кушева обратила внимание на серию отпускных, выданных холоповладельцами Новгородской земли своим холопам в последние месяцы 1603 г., и предположительно связала их с последствиями указа 1603 г.[14] Эту связь нельзя исключать вовсе, хотя дело не обязательно обстояло именно таким образом, поскольку сохранились и более ранние отпускные, выданные при жизни холоповладельцев. Основываясь на данном наблюдении Е. Н. Кушевой, В. И. Корецкий предположил, что Борис Годунов «в 1604 г., по-видимому, отменил ... закон о холопах от 16 августа 1603 г.».[15] Однако у автора не приводится каких-либо аргументов в пользу того, что после 1604 г. подобного рода отпускные не выдавались. Отсутствие их может объясняться тем, что после кабальных книг 1603/04 г. (по Новгороду и Тверской половине Бежецкой пятины) не сохранились кабальные книги за 1604/05, 1605/06 и 1606/07 гг., а дошли некоторые книги лишь за 1607/08 и последующие годы. Сомнительность отмены указа 1603 г. подчеркивается и тем, что он стал источником ст. 41 гл. XX Соборного уложения 1649 г.

[1] См.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 202.
[2] «Сказание» Авраамия Палицына. М., 1955. С. 107.
[3] *Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI—начале XVII в.//ИЗ. 1945. Т. 15. С. 92; см. также: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 892.
[4] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 75.
[5] Там же. С. 80.
[6] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 227—228.
[7] *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. Л., 1969. С. 108; 2) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 84—85.
[8] *Скрынников Р. Г.* Народные выступления в 1602—1603 годах//История СССР. 1984. № 2. С. 68.
[9] ПРП. Вып. 4. С. 402.
[10] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 228.
[11] *Панеях В. М.* Холопство. С. 205.
[12] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... . С. 85—86.
[13] Там же. С. 86.
[14] *Кушева Е. Н.* К истории холопства... . С. 92.
[15] *Корецкий В. И.* 1) Из истории крестьянской войны в России начала XVII века//Вопр. истории. 1959. № 3. С. 133; 2) К истории формирования крепостного права в России//Вопр. истории. 1964. № 6. С. 91.

№ 53

Соборный приговор 12 июня 1604 г. устанавливает новые нормы поставки воинских людей из поместий и вотчин. Борис Годунов, стремясь привлечь на свою сторону служилых людей перед лицом грозной опасности для его династии, вводит для них значительные облегчения по сравнению с нормами указа о службе 1555/56 г. (№ 11). Если в последнем предписывалось выставлять одного человека со 100 четвертей, то в указе 12 июня 1604 г. эта норма понижается до 200 четвертей. Указ также фактически дает разрешение помещику (или его сыну) не являться на службу, а посылать вместо себя холопа — из расчета одного с 200 четвертей, «с конем, с полным доспехом и запасом». На два года освобождались от поставки холопов те поместья и вотчины, владельцы которых были увечны, ранены или недавно вышли из плена, а также вдовы с малолетними детьми. Льготы предоставлялись и духовенству. Лишь во время войны («коли война есть») они должны были поставлять в армию холопов-слуг, снаряженных оружием и запасами, или при отсутствии холопов уплачивать «по гривне за четверть».

Этот закон, имевший в виду укрепление армии путем консолидации господствующего класса вокруг династии Годуновых, не достиг цели. Отмеченный во вводной части к указу факт неявки служилых людей на сборные пункты принял столь массовый характер во время последующих осенне-зимних наборов 1604/05 г., что правительство Бориса Годунова вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным мерам. К. Бусов пишет, что в имения неявившихся на службу посылался пристав, который гнал хозяев «из их имений в стан», у многих отнимались поместья, а владельцы заключались в тюрьму и наказывались.[1] Однако уже ничто не могло спасти Годуновых. С их гибелью указ 12 июня 1604 г. утратил свое значение. В XVII в. действовали по-прежнему нормы указа 1555/56 г.

И. И. Смирнов считает, что текст приговора сохранился не полностью. В частности, в нем говорится о сборе «даточных людей» лишь «с церковных и монастырских земель», а в действительности указ о сборе «даточных людей» распространялся и на другие категории земель.[2]

[1] *Буссов Конрад.* Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 101.
[2] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 118.

№ 54

Приговор боярской думы 7 января 1606 г. (или, как его часто называют, закон Лжедмитрия I) запретил впредь оформление таких служилых кабал, в которых в качестве холоповладельцев выступает несколько человек.

Что касается предписания «писати кабалы порознь, отцу опричненная кабала, а сыну опришенная кабала», то следует согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым, выразившим сомнение в возможности по закону единовременного заключения двух кабал на одного холопа. В нем имелось в виду «последовательное заключение двух актов, из которых второй мог быть заключен по уничтожении первого, т. е. холоп отца по освобождении от этого последнего мог дать на себя служилую кабалу сыну своего господина или другому его родственнику».[1]

И. И. Смирнов не принял данный комментарий М. Ф. Владимирского-Буданова как противоречащий «точному смыслу текста закона 7 января 1606 г.» и противопоставил ему утверждение, что закон этот разрешает одновременное оформление двух служилых кабал на одного холопа.[2] А. А. Зимин первоначально поддержал это мнение И. И. Смирнова,[3] однако вскоре высказался по-иному и вступил с ним в полемику, справедливо отметив, что «законодательство о холопах категорически не допускало существования нескольких документов разных лиц на одного кабального человека», и сославшись на указ 21 мая 1609 г. (№ 62), «где говорится о том, что кабалы дети боярские брали „после ... отцов своих“».[4] К этому необходимо добавить, что в многочисленных кабальных книгах XVII в. никому еще не удавалось обнаружить даже единичные примеры одновременного оформления служилых кабал двумя родственниками на одного холопа.

Приговор от 7 января 1606 г. не только запрещал оформление служилых кабал, по которым холопы оказывались собственностью нескольких холоповладельцев, но и вводил санкцию за нарушение запрета: по взятым после 7 января 1606 г. противозаконным теперь кабалам иски холоповладельцев решено было не принимать, эти кабалы в кабальных книгах не регистрировать, а кабальных людей, похолопленных таким образом, отпускать на волю.

И. И. Смирнов, правда, утверждал, что «санкция вводилась за нарушение нормы закона 1597 г.» (уложения 1597 г. о холопстве).[5] Согласиться с этим мнением невозможно, поскольку не уложение 1597 г., а именно приговор 7 января 1606 г. впервые запретил оформление служилых кабал более чем на одного холоповладельца.

Однако связь между этими двумя законодательными актами несомненна. Статьями 6 и 7 уложения 1597 г. (см. № 47) отменялась наследственность кабального холопства. Но столь решительная реформа кабального холопства не была доведена до конца, коль скоро тем же законом не запретили оформление таких служилых кабал, по которым холопы оказывались собственностью нескольких холоповладельцев — отца с сыновьями либо братьев. Приговор от 7 января 1606 г., по мысли его составителей, и призван был устранить это противоречие.

Нельзя, впрочем, считать, что оформление после 1597 г. служилых кабал на имя нескольких холоповладельцев абсолютно во всех случаях преследовало цель обойти предписания уложения 1597 г. И действительно, служилые кабалы этого типа оформлялись как на всем протяжении XVI в., так и в первой половине XVII в.[6]

Приведенные данные не свидетельствуют, таким образом, о каком-либо переломе в этой сфере под влиянием уложения 1597 г. Зато принципиально изменился смысл такой сделки, при которой в качестве закабалителей выступали два лица и более: если до 1597 г., когда кабальная неволя была наследственной по закону, подобная сделка просто заранее определяла линию наследования кабального холопа, то после уложения 1597 г., запретившего передачу кабальных холопов и их детей, родившихся в холопстве, по наследству, она могла быть легальной (поскольку уложение не признало служилую кабалу, в которой в качестве закабалителей выступали два лица, противоправовой) формой одноразового наследования при двух владельцах кабалы и соответственно двух-и трехразового наследования при трех и четырех владельцах кабалы.

Обстоятельства появления 7 января 1606 г. боярского приговора о служилых кабалах, написанных на двух господ, представляются не вполне ясными.[7] К тому же отсутствуют данные о его практической реализации. Более того, в кабальных книгах по Новгороду и пятинам уже за 1607/08 г. было зарегистрировано достаточно большое число служилых кабал, оформленных на имя двух и более холоповладельцев.[8] Это означает, что боярский приговор 7 января 1606 г., не будучи официально отмененным, не принимался все же во внимание новгородскими властями на огромных просторах Новгородской земли.

Разумеется, основываясь на приведенных фактах, нельзя утверждать, что боярский приговор 7 января 1606 г. не применялся вовсе и везде, но во всяком случае они ставят под сомнение возможность его практической реализации. В этой связи мнение А. А. Зимина о том, что приговор «освобождал значительное число кабальных холопов, находившихся в зависи-

мости от нескольких родичей-холоповладельцев»,[9] нуждается в существенных коррективах и не может быть принято без дополнительной аргументации.

Что же касается общей оценки боярского приговора 7 января 1606 г., т. е. попытки запретить оформление служилой кабалы несколькими холоповладельцами на одного кабального холопа, то и сами его предписания, и характер их реализации не дают оснований для суждений ни о прохолопской его направленности,[10] ни «о тенденции усилить крепостной гнет»,[11] ни о какой-то особой линии, отражающей в первую очередь интересы южного дворянства.[12] Просто в 1606 г. практика оформления служилых кабал на двух и более холоповладельцев была признана московским правительством противоречащей тому правопорядку в сфере отношений между холоповладельцами и холопами, а также статусу кабального холопства, которые были установлены уложением 1597 г. Впрочем, как оказалось, приговор этот в условиях быстро меняющейся политической конъюнктуры не был реализован в полном объеме, а, возможно, и в целом.[13]

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 87.

[2] *Смирнов И. И.* К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I//Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1938. № 19. Серия истор. наук. Вып. 1. С. 188—189.

[3] ПРП. Вып. 4. С. 403.

[4] *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.//Вопр. истории. 1958. № 3. С. 100.

[5] *Смирнов И. И.* К характеристике... . С. 188.

[6] *Панеях В. М.* 1) Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 40; 2) Холопство. С. 166—167; 3) Холопство в первой половине XVII в. С. 50—51. В свете приведенных данных оказывается ошибочным утверждение И. И. Смирнова, по мнению которого даже «не может быть сомнения» в том, что «форма кабалы», характеризующаяся внесением в нее двух заимодавцев (отца и сына), «была явлением новым и возникшим как результат действия закона» (уложения 1597 г.), ибо «во второй половине XVI в. писать такие кабалы не было никакой надобности» (*Смирнов И. И.* К характеристике... . С. 187, 190).

[7] См. об этом: *Панеях В. М.* Холопство. С. 195—196.

[8] Там же. С. 166—167.

[9] *Зимин А. А.* Некоторые вопросы... . С. 100.

[10] *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 48.

[11] *Смирнов И. И.* К характеристике... . С. 200; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 248—249. Остается необъяснимым, в чем именно состоит крепостническая направленность этого приговора и как она соотносится с благожелательным откликом «у отпущенных на свободу холопов» (*Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 248). Ссылка на обеспечение больших возможностей «для мобилизации холопов в среде холоповладельцев» (там же) вряд ли снимает данное противоречие.

[12] *Корецкий В. И.* К истории формирования крепостного права в России//Вопр. истории. 1964. № 6. С. 92.

[13] О том, что указ 7 января 1606 г., если и получил применение, то крайне ограниченное как во времени, так и территориально, свидетельствуют статьи 47 и 48 гл. XX Соборного уложения 1649 г. Ст. 47 почти полностью повторяет приговор от 7 января 1606 г., но в то же время она не является его подтверждением, так как в ст. 48 кабальных холопов по служилым кабалам, принадлежавшим более чем одному холоповладельцу, не предписано отпускать на волю, что было бы естественно, если бы приговор оказался в числе практически реализованных узаконений.

№ 55

Указ 1 февраля 1606 г. решает вопрос о возврате беглых крестьян в зависимости от времени побега: бежавшие за год до голодного 1601/02 года или после голодных лет — в 1604/05 и 1605/06 гг. — подлежат безоговорочному возврату прежним владельцам. Относительно бежавших в голодные 1601/02 и 1602/03 годы указ предписывает произвести «сыск» на месте побега и вернуть тех крестьян, которые ушли с «животами», не по бедности, и могли прокормиться на старом месте, даже если во время «бегства» они лишались всего своего имущества; тех же крестьян, которые ушли из-за голода, оставить новым владельцам. По тому же принципу решает указ и вопрос о тех крестьянах, которые в голодные годы стали кабальными холопами: тех, которые ушли потому, что у старых владельцев не имели чем прокормиться, оставлять в холопах у новых владельцев, поскольку они прокормили их в голодное время; тех же, которые ушли до или после голодных лет, возвращать прежним владельцам. Указ предусматривает случай, когда бывший крестьянин заявит, что его взяли в холопы насильно, и предписывает считать действительными только те кабалы, которые зарегистрированы в кабальных книгах. Наконец, указ подтверждает правило о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян, ссылаясь при этом на «старый приговор».

В указе 1606 г. И. Д. Беляев усматривает поворот правительственной политики в крестьянском вопросе: в то время как указы 1597 (№ 48), 1601 (№ 50) и 1602 (№ 51) гг. вели к постепенному ослаблению крестьянской крепости, указ 1606 г. уже не упоминает ни о переходе крестьян, ни о Юрьеве дне. И. Д. Беляев дает до крайности наивное объяснение этому факту. По его мнению, «московские бояре и землевладельцы, сблизившись с польскими панами ... изме-

нили свое мнение о прикреплении крестьян и стали на стороне нового порядка: прикрепление к земле совершенно утвердилось».[1]

Напротив, И. Энгельман видит в указе 1606 г. продолжение политики крестьянского прикрепления, начало которого он связывает с ноябрьским указом 1597 г. Несмотря на нарастающее народное движение, Лжедмитрий «не решился посягнуть на крестьянское прикрепление» и издал указ 1606 г., который мог только «подорвать доверие к самозванцу в народных массах».[2]

В. О. Ключевский придавал указу 1606 г. большое значение в истории установления крепостной зависимости крестьян: лишь он «установил пятилетнюю давность» для исков о беглых крестьянах. В ссылке указа 1606 г. на «старый приговор» В. О. Ключевский отказывается видеть упоминание указа 1597 г., однако не отвечает на вопрос, о каком же приговоре здесь идет речь.[3] Указ 1594 г. не был ему известен.

В противоположность В. О. Ключевскому А. С. Лаппо-Данилевский [4] и М. А. Дьяконов [5] не сомневаются, что ссылка на «старый приговор» в указе 1606 г. имеет в виду именно указ 1597 г.

Действительно, есть все основания полагать, что, как бы ни трактовали указ 1597 г. при его издании, в XVII в. он рассматривался как закон, ограничивавший и на будущее время срок сыска беглых крестьян пятью годами.

Много внимания указу 1606 г. уделил М. Н. Покровский, но его оценка указа в «Русской истории», появившейся в 1911 г., и в «Русской истории в самом сжатом очерке», очень различна. В обеих работах автор исследует не указ в целом, а ту его часть, которая разрешает крестьянам, бежавшим в голодные годы, не возвращаться обратно. В первой из названных работ, в которой вся концепция о Лжедмитрии основана на том, что он был «дворянским» царем, М. Н. Покровский стремится доказать, что постановление указа 1606 г. было выгодно главным образом служилым людям украинных и заокских районов, куда преимущественно уходили беглые крестьяне.[6] Со временем точка зрения М. Н. Покровского на те силы, которые поддерживали Лжедмитрия и в чьих интересах он действовал, в корне изменилась: во второй из названных работ Лжедмитрий трактуется как «крестьянский» царь, причем эта концепция основана преимущественно на изданных в 1606 г. указах о крестьянах и холопах.[7] В этой связи говорится, что указом 1606 г. были «почти отменены» изданные ранее указы о беглых и что крестьянам, ушедшим во время голода, «разрешено было под иго своих помещиков не возвращаться, а оставаться на тех местах, где они устроились». Фактически М. Н. Покровский для подтверждения своего мнения тенденциозно излагает указ 1606 г., и у читателя, не знакомого с его текстом, создается представление, что закон «крестьянского» царя предусматривал полное прекращение крепостной зависимости для беглых крестьян.

Полемизируя с концепцией М. Н. Покровского о Лжедмитрии — «крестьянском» царе, И. И. Смирнов приходит к выводу о «крепостнической сущности» указа 1606 г., по которому единственным основанием для отказа в иске о возврате беглых крестьян являлся уход их под угрозой голодной смерти. Крестьян, которые во избежание голодной смерти дали на себя служилые кабалы, закон оставлял в холопстве, как полагает И. И. Смирнов, именно потому, что «положение кабального холопа более тяжелое, чем положение крестьянина». Ту же защиту крепостнических интересов И. И. Смирнов усматривает в предписании указа оставлять без внимания жалобы крестьян на насильственное похолопление, если только кабалы были законно оформлены. В целом законодательство Лжедмитрия о крестьянах и холопах «имело целью восстановить крепостнический „порядок“, нарушенный крестьянской войной».[8]

В более поздней работе И. И. Смирнов приводит данные новгородских кабальных книг о процессе массового похолопления крестьян и бобылей в 1601—1603 гг. и приходит к выводу об увеличении «в составе кабальных холопов числа бывших крестьян и бобылей, которых голод заставил дать на себя кабалу». По мнению И. И. Смирнова, эти многочисленные случаи похолопления и узаконил указ 1606 г., идя навстречу интересам тех более зажиточных землевладельцев, которые имели возможность прокормить людей даже во время голода.[9]

А. А. Зимин полагает, что, введя на будущее пятилетний срок сыска беглых крестьян, указ 1606 г. отменял указ 1597 г., в котором, по его мнению, вводился сыск крестьян, бежавших с 1592 г.; иначе говоря, указ 1597 г. ввел, начиная с 1592 г., на будущее время бессрочный сыск беглых, тогда как указ 1606 г. ограничил его пятью годами.[10]

Но сама формулировка в указе 1606 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян «по старому приговору» исключает такое понимание: имели ли в виду в начале XVII в. под «старым приговором» указ, изданный ранее 3 мая 1594 г. (№ 46), или указ 1597 г. (скорее всего, последний), все равно очевидно, что к этому времени действующим был закон о пятилетнем сроке сыска беглых, и в этом вопросе указ 1606 г. лишь подтвердил принятую норму.

Анализируя указ 1606 г., В. И. Корецкий тесно увязывает его с противоречивой политикой Лжедмитрия I, «вынужденного лавировать между интересами различных прослоек феодалов

и „народом“». Однако нам представляется, что в трактовке этого указа В. И. Корецкий сам впадает в противоречия.

В. И. Корецкий подсчитал, что указ 1606 г. удлинял (на данный год) срок сыска беглых крестьян на пять месяцев.[11] Поэтому, считает В. И. Корецкий, с указа 1606 г. начинается ряд указов первой половины XVII в., увеличивавших срок сыска беглых крестьян в ответ на дворянские челобитные о даче суда по делам о крестьянах, бежавших в 1600/01 г.[12]

Четко сформулированное постановление о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян в указе 1606 г. В. И. Корецкий объясняет тем, что удлинение срока сыска на пять месяцев носило временный характер. Таким образом, по мнению В. И. Корецкого, в одном указе выявляется противоречивость политики Лжедмитрия I, стремившегося увеличением срока сыска удовлетворить интересы помещиков центральных уездов (из которых главным образом бежали крестьяне), а фиксацией пятилетнего срока — южных помещиков.

Конечно, политика кратковременного царствования Лжедмитрия I была противоречивой, но едва ли можно усматривать в одном указе сразу две противоположные тенденции: южным помещикам — зафиксированный пятилетний срок, центральным — лишние пять месяцев на данный год.

Что касается основной части указа, узаконившего бегство крестьян, вышедших под угрозой голодной смерти, то В. И. Корецкий на ней почти не останавливается. Объединяя в своей оценке указ 1 февраля 1606 г. с указом 7 января 1606 г. о холопах (№ 54), он пишет, что содержащиеся в них «отдельные моменты, получившие благожелательный отклик у некоторой части крестьян и холопов, имели побочное значение. Для основной массы крестьян и холопов они несли усиление крепостного гнета».[13] Мысль о том, почему подтверждение ранее действовавшего закона усиливало крепостной гнет, автором не разъяснена.

Согласно указу 1606 г., крестьяне, бежавшие не в «голодные» лета или в «голодные», но «с животами» и поступившие в кабальное холопство, подлежали возврату старым владельцам в крестьянство. Эта часть указа 1606 г. подробно освещена В. М. Панеяхом, который подчеркивает, что в законодательстве Лжедмитрия I правительство решилось «задним числом на частичное нарушение владельческих прав феодалов в отношении их бежавших в голодные годы крестьян в пользу новых господ, которые приняли беглых и нарушили тем самым действующее законодательство».[14]

Остановимся еще на одном аспекте этого постановления, на том, что в части, касающейся холопов, оно полностью противоречит ст. 88 Судебника 1550 г. В последней переход крестьян в холопы не был запрещен: «а которой крестианин с пашни продастся в холопи в полную, и он выйдет безсрочно ж, и пожылого с него нет».[15] Таким образом, ст. 88 Судебника 1550 г. разрешает крестьянам продаваться в полные холопы даже без соблюдения правила о выходе крестьян только в Юрьев день и без уплаты «пожилого». Последнее условие могло, конечно, иметь особенно существенное значение, стимулируя переход крестьян в холопство. Правда, в ст. 88 речь идет о холопах полных, а в указе 1606 г. — о кабальных, тем не менее разницу в подходе законодателей к этому вопросу нельзя не отметить. Разница эта вытекает из того изменения в положении крестьян, которое произошло с середины XVI до начала XVII в. Крестьяне за это время стали крепостными, и возможность уйти от владельца хотя бы путем закабаления закрывал для них указ 1606 г., в чем и выразилась его крепостническая тенденция. Эта мысль подчеркнута В. М. Панеяхом: «Можно считать, что указ 1 февраля 1606 г. de facto отменял новеллу о полном холопе ... и тем самым завершал пересмотр всех предписаний ст. 88, касающихся крестьянства, в соответствии с крепостническим курсом властей, провозглашенным еще в последних десятилетиях XVI в.»[16] (см. комментарий к № 200).

Подробное описание в указе 1606 г. процедуры сыска по делам о крестьянах, давших на себя служилые кабалы, свидетельствует о значительной распространенности подобных случаев в первые годы XVII в. Они частично нашли отражение в кабальных книгах. По подсчетам В. М. Панеяха, доля крестьян и бобылей, не зависивших прежде от холоповладельцев и давших на себя служилые кабалы в Новгороде в 1599/1600 г. составляла 0.8 %, в следующем году — 2.4 %, еще через год возросла до 6.4 %, а в Белозерской половине Бежецкой пятины равнялась в 1602/03 г. 13 %, в 1603/04 г. — свыше 28 %.[17]

Наиболее спорным в связи с указом 1606 г. является вопрос о том, относится ли пятилетний срок сыска беглых крестьян к будущему.

Г. Н. Анпилогов решительно отвергает подобное допущение, поскольку, по его мнению, в «старом приговоре» — указе 1597 г., к действию которого приравнивается новое постановление, установлена лишь обратная пятилетняя давность сыска.[18]

Но ссылка указа 1606 г. на «старый приговор» могла относиться как к указу 1597 г., так и к указу ранее 3 мая 1594 г., в котором пятилетний срок вводился «вперед», т. е. на будущее время.

Массовое стихийное бегство крестьян в начале XVII в. ыло усилено половинчатыми указами 1601 и 1602 гг. (№ 50, 51), а также демагогическими обещаниями Лжедмитрия I, когда он добивался престола. Издание указа 1606 г. свидетельствует о том, что побеги крестьян и поступления их в кабальные холопы в годы голода и крестьянской войны приняли такой повальный характер, что правительство Лжедмитрия I оказалось вынужденным санкционировать некоторую часть их — побеги под угрозой голодной смерти. Но такая норма едва ли могла быть выполнимой: для ее реализации судьи должны были «сыскать», т. е. допросить, окрестных жителей (многие из которых сами разбежались) и выяснить, когда бежал крестьянин (во время ли «голодных» лет), грозила ли бежавшему голодная смерть, каковы были его «животы» и т. п. Указ 1606 г., как и указы 1601 и 1602 гг., частично отменял действующее законодательство о сыске беглых крестьян, причем критерий для установления законности выхода по этому приговору был еще менее четким («а прожити было им мочно»).

Единственно конкретным в указе 1606 г. было подтверждение нормы конца XVI в. о пятилетнем сроке урочных лет для исков о беглых крестьянах. Но не сопровождаемое никакими санкциями ни в отношении беглых крестьян, ни в отношении принявших их помещиков, к тому же в условиях разгоравшейся крестьянской войны это подтверждение едва ли могло иметь реальное значение.

[1] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 100.
[2] *Энгельман И.* История крепостного права в России/Пер. с немецкого. М., 1900. С. 44—45.
[3] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 276—277.
[4] *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерки истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905. С. 63.
[5] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве: (XVI—XVII вв.). СПб., 1898. С. 49.
[6] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. 3-е изд. М., 1920. Т. 2. С. 39.
[7] *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. 10-е изд. М. 1931. Ч. 1 и 2. С. 68.
[8] *Смирнов И. И.* К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I//Учен. зап. ЛГУ. 1938. № 19. Серия истор. наук. № 1. С. 194 и след.
[9] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 67.
[10] ПРП. Вып. 4. С. 565; *Зимин А. А.* Некоторые вопросы крестьянской войны в России в начале XVII в.//Вопр. истории. 1958. № 3. С. 99.
[11] Пятилетний срок до момента издания указа 1 февраля 1606 г. приходится на 1 февраля 1601 г.; но по приговору возврату старым владельцам подлежат крестьяне, ушедшие «до 110-го году ... за год», т. е. в 109 г., который начинается с 1 сентября 1600 г., что и удлиняет срок сыска на пять месяцев.
[12] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 248. Нужно отметить, что в литературе дворянскими челобитными об удлинении урочных лет для сыска беглых крестьян обычно называют коллективные челобитные, которые действительно неоднократно подавали дворяне в первой половине XVII в. Что касается челобитных, о которых упоминается в указе 1606 г., то здесь, по-видимому, речь идет хотя и о многочисленных, но все же челобитных, подаваемых отдельными владельцами. Нет никаких данных о подаче в это время коллективных челобитных.
[13] Там же. С. 249.
[14] *Панеях В. М.* Холопство. С. 208.
[15] Судебники XV—XVI вв. С. 173.
[16] *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 189.
[17] *Панеях В. М.* Холопство. С. 206.
[18] *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI—первой половине XVII в.//История СССР. 1972. № 5. С. 168

№ 56

В период крестьянской войны начала XVII в. правовой статус добровольного холопства и документально не оформленного старинного холопства оказался предметом ожесточенной классовой и внутриклассовой борьбы. Следствием этого были попытки проведения различных реформ института добровольного и документально не оформленного старинного холопства. Наиболее существенная перестройка была намечена указом царя Василия Шуйского 7 марта 1607 г., в котором провозглашался решительный отказ от закрепостительных принципов регулирования отношений между холоповладельцами и добровольными холопами, установленных уложением 1597 г. о холопстве (см. № 47).

И. И. Смирнов (а вслед за ним и И. С. Шепелев) справедливо поставил этот указ в связь «с общим характером политики Шуйского по вопросу о холопах», заключавшейся в том, чтобы «удержать их от присоединения к лагерю Болотникова».[1] По мнению А. А. Зимина, указом от 7 марта 1607 г. «правительство стремилось расколоть лагерь крестьян и холопов, участвовавших в антифеодальной борьбе».[2] И действительно, запрещая принудительно оформлять кабальное

холопство на добровольных холопов, даже и прослуживших добровольно более полугода, и тем самым отменяя соответствующие постановления уложения 1597 г., правительство Василия Шуйского, безусловно, проводило мероприятие чрезвычайное,[3] вызванное конкретными обстоятельствами крестьянской войны.

Некоторые черты данного указа свидетельствуют о том, что он подготавливался в спешке, и это вполне соответствовало условиям его принятия. Так, например, формулировка указа, устанавливающая принцип добровольности при взятии служилых кабал на добровольных холопов вне зависимости от длительности службы у господина, повторяет в несколько измененном виде формулировку уложения 1597 г. (с процедурой опроса относительно продолжительности прежней добровольной службы), однако здесь это полностью лишено смысла, так как в уложении 1597 г. в зависимости от длительности службы определялось то или иное решение (до полугода — отпустить на свободу; от полугода и выше — оформить по требованию холоповладельца служилую кабалу), а в указе судьба добровольного холопа решалась вне зависимости от этого — исключительно желанием или нежеланием самого добровольного холопа дать на себя служилую кабалу. Вместе с тем в указе 7 марта 1607 г. отсутствовал ответ на вопрос, как он соотносится с указом не позднее 11 октября 1555 г. (см. № 9). Однако употребление составителем указа 7 марта 1607 г. формулы «не держи холопа без кабалы ни одново дни; а держал безкабално и кормил, и то у себя сам потерял», фактически идентичной формуле указа 1555 г. («... то и у себя сам потерял того для, что доброволному человеку верил и у себя его держал без крепости»), свидетельствует, во-первых, что ему был известен указ более чем 50-летней давности, во-вторых, что он использовал данную мотивировку в демагогических целях. И действительно, если в старом указе речь шла о том, чтобы стимулировать холоповладельцев к взятию каких-либо крепостей на поступающих к ним в службу людей, то здесь имелось в виду обосновать точно таким же образом мероприятие совершенно противоположного свойства, лишающее холоповладельцев права брать служилые кабалы на добровольных холопов вопреки желанию последних.

Примечательно, что из сферы действия указа 7 марта 1607 г. исключались те документально не оформленные холопы, которые «в холопстве родились» или «старинные их (холоповладельцев. — *Авт.*) люди». Это означает, что составители указа решили отойти от уже укоренившегося с уложения 1597 г. представления о документально не оформленных старинных или родившихся в холопстве людях как о добровольных холопах. Тем самым норма уложения 1597 г., согласно которой холоповладелец мог принудительно взять служилую кабалу на добровольного холопа, если представлял доказательство по меньшей мере полугодовой его службы, отменялась лишь в отношении собственно добровольных холопов и оставалась в силе для документально не оформленных старинных холопов или людей, родившихся в холопстве.

Очевидно, даже в условиях крестьянской войны, когда правительство вынуждено было заявить о ряде уступок холопам, являвшимся активной силой восстания, оно не решилось сделать второй шаг по пути ущемления прав владельцев старинных холопов после первого такого шага в 1597 г. Ведь если бы и теперь, в 1607 г., вопрос о документально не оформленных старинных холопах решался по типу добровольных, то это означало бы не только отмену наследственных прав на них и их потомство (по уложению 1597 г.), но и признание за старинными документально не оформленными холопами права выхода в любой момент (по указу 7 марта 1607 г.). В то же время в отношении добровольных холопов указ 7 марта 1607 г. хотя и ущемлял прерогативы их владельцев, но представлял собой лишь первый шаг в этом направлении.

Обстоятельства выработки и принятия указа 7 марта 1607 г. придают особую важность выявлению характера его реализации. Однако до сих пор факты практического применения указа 7 марта 1607 г. не обнаружены, и уже одно это представляется знаменательным. Более того, имеются признаки, вынуждающие усомниться в том, применялся ли он на практике вообще, и уж во всяком случае определенно свидетельствующие о наличии больших районов, где он не применялся. В частности, в Новгороде 1607/08 г. власти продолжали вершить дела о добровольных холопах по уложению 1597 г., не принимая во внимание указ 7 марта 1607 г. вовсе.[4]

Означает ли это, что возможность практического применения указа 7 марта 1607 г. в отношении добровольных холопов была полностью исключена? Полагаем, что отдельные случаи его реализации могут быть обнаружены. Но обстоятельства провозглашения данного постановления, его характер, время отмены, вряд ли оспоримые факты его игнорирования в Новгороде — все это свидетельствует о том, что указ 7 марта 1607 г. являлся, скорее, политической декларацией, чем программой, рассчитанной на практическое воплощение.

См. также № 60.

[1] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 417; ср.: *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 157.

[2] *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.//Вопр. истории. 1958, № 3. С. 101.
[3] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 418.
[4] *Панеях В. М.* Холопство. С. 178—179, 234--235.

№ 57

Соборное уложение 9 марта 1607 г. дано по докладу бояр и дьяков Поместной избы, изложенному во вводной части к уложению. В этом докладе необходимость издания указа о крестьянах мотивирована «крамолами», «ябедами» и насилиями над «немощными», вызванными переходами крестьян. Всего этого, сказано в докладе, не было при царе Иване Васильевиче, когда существовал «вольный» выход крестьян; но в дальнейшем царь Федор Иванович по «наговору» Бориса Годунова и вопреки советам «старейших бояр» запретил выход крестьян и «учинил» книги, прикрепившие крестьян, чем были вызваны вражда, тяжбы и народные волнения; Борис Годунов попытался исправить дело — отменил «книги» и разрешил переход крестьян, но лишь частично, что привело к путанице в судных делах о крестьянах, ко множеству насилий, убийств, разбоев и грабежей.

Кроме вводной части, уложение 1607 г. состоит из 9 постановлений.

1. О закреплении крестьян за владельцами согласно писцовым книгам 7101 (1592/93) г.

2. О том, что по незаконченным судным делам, которые будут возбуждены не позднее 1 сентября 7116 (1607) г., крестьяне подлежат возврату прежним владельцам с семьями и имуществом, но до Рождества 7116 (25 декабря 1607) г. без «пожилого», а с этого срока — с уплатой «за прием» и «пожилого».

3. Об укреплении путем записи в книги за новыми владельцами крестьян, о которых до 1 сентября 7116 (1607) г. не будет возбуждено исков, и о недаче в будущем суда о крестьянах, бежавших более чем за 15 лет.

4. О возвращении беглых крестьян старым владельцам со всем имуществом, с оплатой стоимости построенных ими дворов, взысканием 10-рублевого штрафа за прием чужого крестьянина и «пожилого» из расчета 3 р. за каждый год, прожитый у нового господина.

5. О праве нанимать на работу чужих крестьян без семьи на срок до одного года с ведома их владельцев.

6. Об отдаче владельцу вместе с беглыми крестьянками, вышедшими замуж в бегах, также их мужа и детей и детей мужа от первого брака до достижения ими 15 лет.

7. О даче отпускных казначеями в Москве и наместниками и судьями в городах тем холопам, владельцы которых не женят их и не выдают замуж до определенного возраста.

8. Об установлении 15-летнего срока сыска беглых крестьян и холопов.

9. Об ответственности представителей администрации за «пришлых» людей, о наказании и штрафе за подговор к побегу и прием беглых холопов и крестьян, о взыскании штрафа за прием бежавших в дворцовые и черные волости и во владения духовных феодалов с волостелей и старост, а «пожилого» и «за дворы» — с населения волостей, а в городах — с посадских людей.

В исторической литературе давно возникли сомнения в подлинности уложения 1607 г. Одни историки готовы были заподозрить весь указ, большинство — вводный доклад.

В вводной части обращали внимание, во-первых, на язык, необычный для начала XVII в. и более похожий на язык XVIII в., во-вторых, на само содержание исторической справки, по мнению некоторых историков, не вполне соответствующее историческим фактам.

Что касается уложения в целом, то оно казалось недостоверным в связи с тем, что не сохранилось ни в одной дошедшей до нас рукописи XVII в.

До недавнего времени уложение 1607 г. было известно только по печатному изданию В. Н. Татищева Судебника 1550 г. с дополнительными указами.[1] В этом издании в примечании, которым предварено уложение 1607 г., сказано, что из имеющихся в распоряжении Татищева копий с документов из «манускрипта» Бартенева он приложил полученное от казанского губернатора князя Голицына «письмо царя Иоанна Васильевича да соборное уложение царя Бориса, которые более за историю, нежели за законы почесть; да царя Василия о беглых, как следует».[2]

Как видим, в этом перечне последний из трех названных документов — уложение 1607 г. — отделен издателем точкой с запятой, на что никто не обратил внимания. Исследователи подразумевали, что все три документа попали в руки Татищева от одного лица — князя Голицына. Основываясь на этом, С. Ф. Платонов отметил, что все три документа, «резко отличаясь от предшествующих статей Татищевского издания, оказываются или подложными или испорченными».

Не подозревая Татищева в искажении документов, С. Ф. Платонов полагал, что Татищеву «сообщили сомнительные документы». Это соображение послужило для С. Ф. Платонова одним из оснований считать дошедший до нас текст уложения 1607 г. позднейшей переработкой несохранившегося подлинного указа.[3]

К этой точке зрения примыкает и С. Б. Веселовский. По его мнению, Татищев, копии которого всегда точны, не фальсифицировал и уложение 1607 г., но сам «получил неисправный и неточный список», в котором текст изложен языком конца XVII — начала XVIII в.[4]

И. И. Смирнов нашел и опубликовал новый список уложения 1607 г., дающий несколько лучшее чтение, нежели издание Татищева.[5] Этот список [6] находится в сборнике XVIII в., переписанном копиистом, правлен рукою Татищева и снабжен его примечаниями. Как установил С. Н. Валк, список, по всей вероятности, отражает последний этап подготовительной работы, которую вел Татищев для публикации Судебника с дополнениями.[7]

В списке уложения 1607 г., опубликованном И. И. Смирновым, приведенная часть вводного примечания Татищева дана в несколько иной редакции. Здесь сказано, что Татищев получил от казанского губернатора князя Голицына «письмо царя Ивана Васильевича к Гурию, архиепископу казанскому, да соборное уложение царя Бориса; из Чердынской архивы — закон царя Василия Шуйского».[8] Так устанавливается, что приговор 1607 г. скопирован Татищевым или для него непосредственно с документа, хранившегося в Чердынском архиве, и отношения к документам князя Голицына не имеет. Тем самым отпадает и обоснование для соображений С. Ф. Платонова о том, что общее происхождение текста уложения 1607 г. с двумя другими испорченными документами позволяет заподозрить и верность передачи приговора 1607 г.

Но если находка И. И. Смирнова снимает вопрос об общем происхождении уложения 1607 г. с другими сомнительными документами, этим нельзя считать доказанной точность передачи его, поскольку сохранившаяся рукопись, содержащая уложение 1607 г., также восходит к Татищеву, как и вызывавшее сомнение стольких историков издание.

Значительное внимание в исторической литературе уделено не только языку, но и содержанию доклада Поместной избы.

Как можно думать, Поместному приказу было поручено подготовить фактическую историческую справку. Но бояре и дьяки, которые ее составляли, ввели в доклад также оценку, отрицательную в отношении Бориса Годунова, то ли по собственному пониманию событий, то ли приспосабливаясь к мнению Василия Шуйского, представителю упомянутых в докладе «старейших бояр», которых при царе Федоре оттеснил Борис Годунов. Так, видимо, можно объяснить то осуждение закрепощения крестьян в докладе, которое так резко противоречит усилению крепостнических норм в самом тексте уложения.

Вопросы возникают и в связи со временем издания указа, отменившего право свободного выхода крестьян. Доклад относит его к царствованию Федора Ивановича.

С. Б. Веселовский полагает, что здесь имеет место просто ошибка приказных, составлявших историческую справку.[9] Но едва ли в этом очень важном, ответственном уложении, принятом с участием патриарха, освященного собора и царского синклита, могла быть допущена такая примитивная ошибка.

Поскольку первые известные постановления о заповедных годах были изданы еще правительством Ивана Грозного, очевидно, речь идет не о них,[10] а о другом законе, отменившем свободный выход крестьян и изданном в царствование Федора Ивановича.

Свидетельство доклада о таком указе и послужило В. И. Корецкому одним из поводов утверждать, что в 1592/93 г. был издан несохранившийся указ, прикрепивший крестьян.[11]

Мы считаем вполне убедительными высказанные В. М. Панеяхом и более решительно Р. Г. Скрынниковым сомнения в существовании такого указа (см. комментарий к № 46, 48) и полагаем, что, не придавая значения временным и, возможно, территориально ограниченным постановлениям о «заповедных летах», приказные имели в виду указ 1594 г.

Переходим к анализу, которому подвергался самый текст уложения.

Н. М. Карамзин первый отнесся к уложению 1607 г. недоверчиво. Уложение казалось ему сомнительным «по слогу и выражениям необыкновенным в бумагах того времени».[12] Но заподозрив опубликованный список уложения, Н. М. Карамзин не решал окончательно вопроса о самом существовании уложения, приглашая будущих историков к поискам другого, более исправного списка.

М. П. Погодин считал уложение 1607 г. подложным по следующим соображениям: 1) он усматривал противоречие между вводной частью уложения, осуждающей запрещение перехода крестьян, и самим уложением, утверждавшим и усиливавшим это запрещение; 2) он находил также противоречие между запрещением перехода за последние 15 лет в этом уложении и разрешением его (хотя бы частичным и временным) по указам 1601, 1602 и 1606 гг.; 3) М. П. Погодин также

присоединялся к сомнениям Карамзина, основанным на слоге и манере изложения уложения: «... вступление в этом указе подложное, если самый указ и существовал в действительности», — пишет он и высказывает предположение, что «подлог сделан каким-нибудь дьяком и боярином, его патроном, если не сам Татищев их вставил в исполнение какой-нибудь любимой своей мысли».[13]

Н. И. Костомаров объясняет противоречивость уложения 1607 г. тем, что оно состоит из двух частей — доклада и постановления, исходящих, как он полагает, от разных лиц. Доклад, составленный в Поместной избе в тоне, враждебном Борису Годунову, говорит о беспорядках, вызванных запрещением перехода крестьян и колеблющейся политикой Бориса Годунова в этом вопросе; постановление же, исходящее от Василия Шуйского «с собором и ... сигклитом», т. е. от тех лиц, которым «было выгодно удерживать крестьян», усилило запретительные меры Годунова.[14]

О той сложной исторической обстановке, в которой возникло уложение 1607 г., впервые заговорил В. Н. Порошин. Его небольшая заметка, написанная по поводу полемики Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным, стремится защитить подлинность уложения 1607 г. В. Н. Порошин развивает мысль Н. И. Костомарова о том, что внутри класса феодалов имелись существенные противоречия и что отдельные указы отражают интересы той феодальной группировки, которая в данный момент являлась господствующей, на которую опиралась и в чьих интересах действовала государственная власть. Автор заметки пытается доказать, что кажущееся противоречие между вводной частью уложения 1607 г. и самим текстом его объясняется тем, что в первой речь идет о Борисе Годунове, который, как «человек случайный», «благоволит людям средней статьи», а во втором — отразилась позиция Шуйского, знатного боярина, который «мирволит знати богатой».[15]

И. Д. Беляев примыкает к тем историкам, которые считали уложение 1607 г. недостоверным. В аргументации он исходит не из анализа языка и стиля указа, а из содержания его, свидетельствующего, по И. Д. Беляеву, что текст уложения 1607 г. относится к XVIII в. И. Д. Беляев отмечает объединение в уложении крестьян с холопами, что, по его мнению, было невозможно до XVIII в.,[16] возложение ответственности за пришлых людей на воевод, старост и других представителей администрации, что могло быть заимствовано из указов Петра Великого; оттуда же, как полагал И. Д. Беляев, взято и приравнение в уложении 1607 г. церковных и монастырских вотчин не к владельческим, а к дворцовым и черным.[17] Между тем в уложении церковные и монастырские вотчины не приравнены к дворцовым и черным, а лишь перечислены рядом с ними среди тех владений, которыми ведают старосты и волостели.

И. Энгельман, опираясь на доводы Н. И. Костомарова, считает уложение 1607 г. подлинным. Он придает этому приговору большое значение, так как в уложении отмечена роль писцовых книг 1592 г. в прикреплении крестьян; кроме того, в нем впервые проявилось сближение «между закрепощенными крестьянами и холопами». И. Энгельман едва ли не первый указал на связь борьбы правительства Василия Шуйского со вторым Лжедмитрием с вопросом о положении крестьян и холопов и отношением к ним обеих борющихся группировок. Но высказав такую мысль, И. Энгельман не показал, как же повлияла эта борьба на возникновение уложения 1607 г. Напротив, он утверждает, что «различные указы и постановления, относящиеся к тому времени, не заключали в себе ничего существенного для решения этого вопроса».[18]

В. О. Ключевский настаивал на достоверности уложения 1607 г. Он, однако, считал необходимым разделить приговор на две части: начало, пересказывающее доклад Поместной избы, и самый указ. Подлинность последнего В. О. Ключевский не подвергал сомнению, но полагал, что доклад был изложен Татищевым «своими словами и с собственными пояснениями, основанными на предрассудке, будто за пять лет до указа 1597 г. по внушению Бориса Годунова издан был закон, прикрепивший крестьян к земле». В. О. Ключевский считал доклад Поместной избы неудачным историческим комментарием издателя. Содержание самого указа почти все вошло в Уложение 1649 г. и по тому одному должно быть признано подлинным.[19]

В уложении 1607 г. В. О. Ключевский отметил ряд существенных новых моментов на пути закрепощения крестьян: признание личного, а не поземельного прикрепления крестьян, установление крестьянской крепости на основании писцовых книг и превращение побегов крестьян из гражданских правонарушений в государственные, влекущие за собой вмешательство административных лиц, уплату штрафа в пользу казны за прием беглых и торговую казнь за подговор к побегу, чего не было до издания этого приговора.[20] С первым из этих положений В. О. Ключевского — о том, что личное, а не поземельное прикрепление крестьян установлено уложением 1607 г. впервые, — нельзя согласиться. О личном, а не поземельном прикреплении крестьян идет речь и во всех предшествующих указах, касающихся крестьян, начиная с указа 1597 г. (№ 48). В нем говорится о бегстве крестьян «из-за» помещиков и вотчинников и о тех поме-

щиках и вотчинниках, за которыми «они, выбежав, живут»; также и указ 1 февраля 1606 г. (№ 55) предписывает сысканных беглых крестьян «старым помещиком отдавать».

А. С. Лаппо-Данилевский считал уложение 1607 г. вторым указом о прикреплении крестьян — первым был, по его мнению, указ 1597 г. — подчеркивая при этом, что оба эти указа принимали одну и ту же перепись 1592 г. основанием для прикрепления крестьян.[21]

В уложении 1607 г. Н. С. Чаев находит подтверждение своей концепции, согласно которой с 80-х гг. XVI в. основным документом, закрепощающим крестьян, были писцовые книги. Действительно, согласно уложению 1607 г., писцовые книги 7101 г. в прошлом и любые писцовые книги в будущем рассматриваются как единственное и достаточное основание для прикрепления крестьян.[22] Подлинность уложения 1607 г. не вызывает у Н. С. Чаева никаких сомнений, так же как, по-видимому, и у Б. Д. Грекова.

В. И. Корецкий считает уложение 1607 г. обобщением законодательства о крестьянах 80—90-х гг. XVI в. Подлинность уложения 1607 г., в частности вводной части его — доклада Поместной избы, — у В. И. Корецкого не вызывает никаких сомнений. Та часть доклада, где сказано, что «царь Феодор Иоаннович ... выход крестьяном заказал и ... книги учинил», смущавшая большинство историков, служит для В. И. Корецкого доказательством его утверждения о существовании утраченного указа начала 1590-х гг. о запрещении выхода крестьян и о закрепощающем значении писцовых книг.[23]

В. Д. Назаров приводит случай возврата беглых крестьян за 5.5—6 лет в 1608 г., этим обосновывая «подлинность» уложения 1607 г.[24] Автор, однако, ничего не говорит о тех сомнениях, которые возникали у многих историков в связи с языком вводного доклада и интерпретацией в нем предшествующего законодательства.

В. Б. Кобрин, исходя из явных черт модернизации языка преамбулы уложения, считает, что ее «использование для реконструкции истории законодательства по крестьянскому вопросу ... некорректно». В то же время текст самого уложения производит впечатление подлинного, «написанного с типичными для русского законодательства той поры оборотами».[25] В реальности указа 1607 г. о 15-летнем сроке сыска не сомневается и И. Л. Андреев.[26]

Задаваясь вопросом о том, в чьих интересах было издано уложение 1607 г., одни историки, основываясь на том, что уложение исходило от Василия Шуйского с «собором и ... сигклитом», т. е. от высшего духовенства и боярства, предполагали, что уложение было издано в интересах последних. Такая точка зрения высказана Н. И. Костомаровым и поддержана В. И. Порошиным. Победу «политической реакции, руководимой княжатами, и общественного консерватизма» находил в уложении 1607 г. и С. Ф. Платонов.[27]

Историки, подходившие к изучению уложения 1607 г. не столь формально, показали, что оно удовлетворяло интересы служилых людей. Такова трактовка уложения 1607 г. Б. Д. Грековым: «Уложение Василия Шуйского ... целиком шло навстречу служилым людям».[28] Подробнее развил эту точку зрения И. И. Смирнов. Он устанавливает связь уложения 1607 г. с той обстановкой, при которой оно было издано — временем нараставшего успеха крестьянской войны под руководством Болотникова и вовлечения в нее все более значительных народных масс. Правительство Василия Шуйского, озабоченное организацией отпора и подавления восставших, должно было искать опору главным образом в служилых людях. Преимущественно в их интересах и был увеличен до 15 лет срок сыска беглых крестьян.[29]

Немало споров вызвала ссылка уложения 1607 г. на «книги 101-го года», которые должны были служить основанием крестьянской крепости.

Предположение С. Ф. Платонова и Б. Д. Грекова[30] о всеобщей переписи в 1592 г. было отвергнуто С. Б. Веселовским.[31] В. И. Корецкий полагает, что составители уложения назвали все писцовые книги 80—90-х гг. книгами 101 г. по времени предполагаемого им указа 1592—1593 гг. о прикреплении крестьян.[32] Как нам кажется, более убедительно объяснение Р. Г. Скрынникова, который полагает, что под «книгами» составители уложения 1607 г. подразумевали не обязательно книги писцовые, но и всякие книги, юридически закрепляющие крестьян, — ввозные, послушные, отдельные и прочие.[33]

И действительно, «книги», «книги 101 года» в уложении 1607 г. ни разу не названы книгами писцовыми. И в том же уложении, когда речь идет об укреплении за новым владельцем тех крестьян, о которых не будет своевременно (до 1 сентября 1607 г.) возбуждено дело о сыске, предписано: «... написати их в книги за тем, за кем они ныне живут». Конечно, здесь имеются в виду не только писцовые книги: новое писцовое описание в то время даже не намечалось.

Из всех указов о крестьянах уложение 1607 г. является наиболее подробным и разработанным. В нем содержится ряд новых моментов. Впервые в законодательстве упоминается и регламентируется отходничество, получившее к этому времени широкое распространение.

Новым в уложении 1607 г. был и порядок сыска беглых крестьян. Согласно предшествующим указам, беглый крестьянин подлежал розыску лишь постольку, поскольку владелец его принимал к тому соответствующие меры; закон не карал ни самих беглых крестьян, ни тех землевладельцев, на чьих землях они поселялись. Уложение 1607 г. впервые рассматривает поиски беглых крестьян и холопов как обязанность представителей администрации, не зависящую от подачи челобитья о побеге: под страхом взыскания удвоенной суммы штрафов, лишения должности и права впредь быть «у государева дела» указ обязывает местную приказную администрацию и выборных представителей мира следить за появлением пришлых людей, задерживать их и взыскивать штраф за подговор и за прием беглых.

Уложение 1607 г. устанавливает — также впервые — ответственность и наказание (торговую казнь, 10-рублевый штраф и отдачу на поруки) лиц, подговоривших крестьян к бегству и укрывающих беглых; вводит такой же 10-рублевый штраф (за «бабу и за девку» 3-рублевый) в пользу государства с того, кто принимал беглого (с «приимщика»), взыскание «за дворы» и «пожилого» с членов сельского или посадского мира.

Самое понятие «пожилого» претерпело в этом указе существенное изменение по сравнению с тем, какое оно имело в обоих Судебниках и указах 1601 и 1602 гг. Там «пожилое» уплачивал крестьянин, уходящий от землевладельца на законном основании в Юрьев день, и «пожилсе» было платой за пользование двором. Согласно уложению 1607 г., «пожилое» уплачивал не крестьянин, а «приимщик» беглого крестьянина его бывшему владельцу при возврате беглого. «Пожилое» превратилось в возмещение убытков, которые понес владелец от временного отсутствия крестьянина. Соответственно этому «пожилое» взималось по числу лет, которые беглый крестьянин прожил у нового владельца.

Значительно возросла и сумма «пожилого»: она составляла 3 р. в год, независимо от того, был ли беглый одиноким или имел семью. Стоимость двора, выстроенного беглым крестьянином на земле нового владельца, также взыскивалась с последнего, за его счет происходила и перевозка беглого с семьей и движимым имуществом.

Цель законодателя ясна: совокупностью этих правил не только затруднить прием беглых крестьян, но и свести на нет выгоду, которую можно было извлечь, используя труд беглых.

Таким образом, наряду с установлением ряда строгих мероприятий, которые должны были затруднить дальнейшие побеги (что, несомненно, следует поставить в связь со значительным количеством побегов в годы крестьянской войны), власти начинают рассматривать побеги крестьян не только как нарушение интересов землевладельцев. Правительство приходит к мысли, что массовые побеги крестьян и вызванные ими запустение и оскудение помещиков могут поколебать весь общественный строй, следовательно, в борьбе с побегами непосредственно заинтересована и государственная власть.

Уложение 1607 г. было издано под влиянием резко обострившейся классовой борьбы, и нормы его в дальнейшем не удержались: в царствование Михаила Федоровича действовал пятилетний срок сыска беглых, чему имеется множество примеров. Так, в помете 1621 г. на челобитной М. Билибиной о сыске беглого крестьянина сказано: «... а велеть дать суд, сыскав, будет за пять лет»;[34] в памяти 1626 г., посланной воеводе Устюжны Железопольской князю Т. В. Кропоткину по делу о беглом крестьянине, содержится указание: «... а суд бы яси давал во крестьянстве за пять лет, а болши наших урочных пяти лет во крестьянстве суда давать не велел».[35] Подобные примеры можно умножить.

Не соблюдалось в дальнейшем и правило уложения 1607 г. о взыскании штрафа за прием беглых.

Примечательно, что ни в одну из известных нам указных книг уложение 1607 г. внесено не было и сохранилось случайно в провинциальном Чердынском архиве. Применение норм этого уложения не было в интересах правящей группировки и могло быть специально изъято из делопроизводства приказов. Во всяком случае служилые люди, в интересах которых было увеличение срока сыска беглых крестьян, в течение всей первой половины XVII в. добиваясь удлинения срока сыска беглых крестьян, никогда в своих челобитных не ссылались на уложение 1607 г.

Что же касается проблемы аутентичности уложения 1607 г., то исследования издательских приемов В. Н. Татищева приводят к выводу, что он не подделывал издаваемых документов, а позволял себе иногда, обычно для большей ясности, поновлять язык документа соответственно языку, бывшему в употреблении в его время. Возможно, что с подобным случаем мы имеем дело и во вводной части уложения 1607 г., язык которой послужил основной причиной споров о подлинности уложения. Подлинность же нормативной части уложения сомнений не вызывает. На такой точке зрения стоят и все новейшие исследователи, использовавшие уложение 1607 г. в своих трудах.

[1] Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников собранные и примечаниями изъясненные ... В. Н. Татищевым. М., 1768. С. 134—138.

[2] Там же. С. 127.

[3] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899. С. 611—612.

[4] *Веселовский С. Б.* Из истории закрепощения крестьян (отмена Юрьева дня)//Учен. зап. Ин-та истории при РАНИОН. М., 1928. Т. 5. С. 205.

[5] *Смирнов И. И.* Новый список уложения 9 марта 1607 г.//Истор. архив. 1949. Т. 4. С. 82—87.

[6] Список хранится в ЦГАДА (Древлехранилище. 5 отд. Рубр. 1. № 5); *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 38—45.

[7] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 38—45.

[8] *Смирнов И. И.* Новый список уложения 9 марта 1607 г. С. 73—74.

[9] *Веселовский С. Б.* Из истории... . С. 208.

[10] Быть может, в этом можно усмотреть свидетельство того, что заповедные годы не были утверждены в форме государственного указа.

[11] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 130 и след.

[12] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 10. С. 62, примеч. 349.

[13] *Погодин М.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?//Русская беседа. 1858. №4. С. 215, 249.

[14] *Костомаров Н.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?//АИПС. 1859. Кн. 2. С. 13.

[15] *Порошин В. Н.* Спор ученых о крепостном праве//АИПС. 1859. Кн. 5. Критика. С. 38.

[16] Как показал А. С. Лаппо-Данилевский, «смешение» крестьян с холопами имеется и в других указах XVII в. (см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян. СПб., 1900. С. 76—77).

[17] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 101.

[18] *Энгельман И.* История крепостного права в России/Пер. с немецкого. М., 1900. С. 52, 53.

[19] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России// Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 477.

[20] Там же. С. 285.

[21] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 136.

[22] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве XVI в.//ИЗ. 1940. Т. 6. С. 159—160.

[23] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 320.

[24] *Назаров В. Д.* Было ли подлинным уложение 9 марта 1607 года?//Вопр. истории. 1964. № 12. С. 197.

[25] *Кобрин В. Б.* Из истории крепостнического законодательства рубежа XVI—XVII вв.//XIX сессия всес. симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докладов и сообщений. М., 1982. С. 240.

[26] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 142.

[27] *Платонов С. Ф.* Очерки... . С. 352.

[28] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 903.

[29] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 418—422.

[30] *Платонов С. Ф.* Очерки... . С. 179; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 798.

[31] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 178.

[32] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 123 и след.

[33] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 209.

[34] *Новосельский А. А.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.//Академику Б. Д. Грекову к его семидесятилетию. М., 1952. С. 179.

[35] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1635 г., № 84.

№ 58

Хотя ко времени составления статейного списка 25 февраля 1608 г., содержавшего три боярских приговора, было уже покончено с Лжедмитрием I и удалось подавить восстание Болотникова, злободневными оставались порожденные грозными событиями 1605—1606 гг. проблемы в сфере отношений между холоповладельцами и между холоповладельцами и холопами, а наряду с ними всплывали новые острые проблемы, связанные с новыми социальными и классовыми потрясениями.

Бояре должны были, в частности, ответить на первый вопрос (ст. 1), возникший в связи с многочисленными челобитьями дворян и детей боярских, как следует поступать с холопами, принадлежавшими господам, бывшим в измене в период восстания Болотникова [1] и потому опальным, если другие холоповладельцы взяли тех из тюрем на поруки, оформив даже служилые кабалы, а старые господа, с которых теперь сняли государеву опалу, предъявляют права на своих прежних холопов. Следует отметить, что приказный запрос сформулирован не вполне ясно. Из него вытекает, что холопы «были в измене» вместе со своими господами. Но почему они оказались в тюрьме, непонятно: то ли вследствие взятия в плен правительственными войсками после первого их перехода на сторону восставших, то ли первоначально они добровольно сдались властям, в результате чего получили от государства отпускные, а затем после вторичного перехода в лагерь Болотникова вновь оказались в руках карателей. Решение бояр дает основания для обоих предположений.

Впрочем, в этом решении отсутствует казус с холопами, взятыми из тюрьмы на поруки, на которых предъявляли свои старые права прежние господа в связи с их амнистированием.[2] Это обстоятельство дало основание М. Ф. Владимирскому-Буданову отметить, что в боярском приговоре дан «ответ не совсем на вопрос».[3] Правда, И. С. Шепелев утверждает, что бояре вынесли компромиссное решение: «... взятые на поруки и давшие после этого на себя кабалу крестьяне и холопы оставались за новыми хозяевами лишь в том случае, если с их старых хозяев не была снята государева опала. В противном случае холопы возвращались к прежним своим господам: „... а старые их бояре, которые были в измене, а государева опала ныне им отдана, тех холопей имают и ищут на них по старым крепостям холопства"».[4] Но, во-первых, в указе не идет речь о крестьянах, во-вторых, вывод автора основывается на том, что за ответ бояр произвольно принимается вопрос Приказа Холопьего суда (в том числе и та часть, которая им цитируется).

Неполучение Холопьим приказом ответа на поставленный им вопрос может объясняться деликатностью данного казуса и нежеланием в условиях усилившейся интервенции вызвать недовольство центральной властью даже у части холоповладельцев. Не исключено также, что он показался боярам малозначительным на фоне новых обстоятельств, грозно давших о себе знать: в боярском приговоре речь идет о возможном переходе холопов на сторону властей с «нынешнего воровства», а это означает, что в войске Лжедмитрия II оказались именно те холопы, которые прежде принимали участие в восстании Болотникова и, добровольно сдавшись властям, получили от них отпускные.

Попытке привлечь их на свою сторону, стимулировать к добровольной сдаче в плен посвящен ответ бояр. Для этого те холопы, которые «с нынешнего воровства прибежат ко государю сами», даже если они вторично оказались во враждебном правительству лагере, не отдавались их прежним владельцам, а отпускались на свободу по отпускным, выданным еще тогда, когда они впервые приняли участие в борьбе и добровольно «государю добили челом». В случае же захвата холопов в плен «на деле» ранее выданные отпускные аннулировались, а их предписано было «казнити или старым их бояром отдавати».

Дезорганизация в сфере холопства достигла столь значительных масштабов, что тем же приговором от 25 февраля 1608 г. бояре вынуждены были для стабилизации в этой области пожертвовать интересами холоповладельцев, пострадавших при Лжедмитрии I и лишенных тогда же принадлежавших им холопов. Власти в ответ на второй вопрос Холопьего приказа (ст. 2) приняли решение руководствоваться единым формальным основанием: отпускная, выданная Холопьим приказом вследствие опалы холоповладельца, законна — вне зависимости от того, когда и при каких обстоятельствах она была оформлена. И. С. Шепелев, безусловно, прав, утверждая, что Василий Шуйский «в данном случае предпочитал не ущемлять интересов тех дворян и детей боярских, за которыми эти холопы жили по кабалам уже более двух лет».[5] И действительно, если бы власти решились на дифференцированный подход к отпускным, то они не могли бы объяснить новым холоповладельцам, взявшим служилые кабалы на законном основании (т. е. по предъявлении отпускных), почему одних из них лишают холопов, а других — нет.

Две первые статьи боярского приговора являются наиболее наглядным подтверждением практической неразрешимости того клубка противоречий в холопьем вопросе, который возник в результате крестьянской войны и интервенции. Своеобразным эхом этих событий является и казус, рассмотренный в ст. 3. Она свидетельствует о том, что власти были озабочены массовым бегством холопов, которое в условиях резкого ослабления всего государственного организма являлось питательной средой для различного рода злоупотреблений в тяжбах по холопьим делам, еще больше усугублявших противоречия в среде феодалов.

Приказные судьи не знали, как поступить с теми ответчиками, которые хотя и признались, что у них находятся беглые холопы и потому получили предусмотренный указом 1557 г. (см. № 24) срок (из расчета на каждые 100 верст по 7 дней) для предъявления их суду, однако этого предписания не выполнили, ссылаясь на бегство холопов в промежуток между началом разбирательства и истечением законного срока. Бояре предписали в этом случае прибегнуть к крестному целованию, которое должно было подтвердить факт бегства холопа от ответчика. Вопрос же о возмещении украденного у истца имущества становился предметом судебного разбирательства. Если же после крестного целования выяснялось, что холоп вовсе не бежал, а укрывался ответчиком, последний подлежал наказанию по суду, с него же без суда взыскивался иск в полном объеме, а права истца на спорного холопа признавались безусловными.

[1] На связь данного казуса с восстанием Болотникова указывает перечень городов, где были взяты из тюрем на поруки принадлежавшие ранее боярам-изменникам холопы: «...на Москве, и в Серпухове, и под Тулою».

[2] Аналогичный конфликт зафиксирован в новгородской кабальной книге 1608/09 г. (см.: ЦГАДА, ф. 1144, кн. 16, л. 10 об.—11, 30 об.—31).

[3] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 89.

[4] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 158.
[5] Там же. С. 158.

№ 59

А. А. Зимин и В. И. Корецкий связывали указ не позднее 9 марта 1608 г. с реакцией правительства царя Василия Шуйского на попытки как-то обойти указ от 7 марта 1607 г. (№ 56). По мнению этих исследователей, холоповладельцы пытались брать на своих добровольных холопов какие-то другие холопьи крепости, фиксировавшие их пожизненную неволю. Взамен этих крепостей теперь предписывается брать на добровольных холопов половничьи порядные и житейские записи (А. А. Зимин) или полетные грамоты (В. И. Корецкий).[1]

Это построение, однако, не подкрепляется анализом самого указа. И действительно, какие основания имеются для утверждения о его связи с указом 7 марта 1607 г. и о его предписании документально закреплять именно добровольных холопов? Ведь в комментируемом указе речь идет о внесении в записные книги записей на любых «волных людей», а последним термином обозначались все люди, на которых не были оформлены холопьи крепости, а отнюдь не добровольные холопы. Ссылки в указе на Судебник и прежнее уложение не дают возможности признать в записях «на урочные лета» ни половничьи порядные, ни житейские записи, ни полетные грамоты: и в Судебнике 1550 г., и в любом другом законодательном памятнике, который можно было бы принять за уложение, эти акты не упоминаются. Да и вообще жилые записи фиксировали зависимость людей не только на урочные годы, т. е. на определенный срок, но и по смерть господина,[2] а полетные грамоты являлись правительственным распоряжением о рассрочке выплаты долга и не были формой закрепления людей.

Ссылки в указе на Судебник 1550 г. и уложение дают возможность альтернативных предположений: либо под уложением имеется в виду этот же Судебник, либо предписывается руководствоваться совокупностью законодательных памятников — Судебника 1550 г. и уложения 1 февраля 1597 г. (см. № 47). Но тогда запрет закреплять людей крепостным актом по их смерть следует понимать как указание на необходимость оформлять на них служилые кабалы с займом какой-либо суммы сроком на один год («на урочные годы») при реальной службе, согласно уложению 1 февраля 1597 г., до смерти господина, а не до смерти кабального холопа.

Следовательно, комментируемый указ связан с пресечением попыток холоповладельцев посредством оформления крепостных документов на холопов о службе по их смерть обойти ту часть предписаний уложения 1 февраля 1597 г., которая была посвящена реформированию института кабального холопства. Ведь зависимость по смерть кабального холопа давала бы правовое основание для передачи его по наследству, что как раз и было запрещено в 1597 г.

[1] ПРП. Вып. 4. С. 405; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 59—60, 62.
[2] См.: *Горская Н. А.* Жилые записи: (к истории найма в XVII в.)//История СССР. 1963. № 5. С. 64.

№ 60

Руководители Холопьего приказа представили в один день 25 февраля 1608 г. раздельно два доклада по не связанным между собой группам вопросов, касающихся холопства: один — в форме статейного списка боярам, другой — царю Василию Шуйскому. Решение бояр датируется тем же числом (см. № 58). Царь же рассматривал адресованный ему доклад много позднее — 19 марта 1608 г.

Указ 19 марта 1608 г. непосредственно связан с указом от 7 марта 1607 г. (см. № 56) в той его части, в которой в отношении документально не оформленных старинных или родившихся в холопстве людей подтверждалось правило уложения 1597 г. о холопстве (см. № 47): холоповладелец, как и прежде, мог принудительно взять служилую кабалу на них, если представлял доказательства по меньшей мере полугодовой их службы.

Прошел всего один год с момента принятия указа 7 марта 1607 г., и власти столкнулись с тем, что в Холопьем приказе накопилось большое количество дел, в которых конкурировали два права на холопов — документально не оформленная «старина» и новая служилая кабала. Царь Василий Шуйский 19 марта 1608 г. по этому докладу принял решение в пользу служилой кабалы. Он приказал: «Отдати холопей по кабалам, кому они на себя, бегая, давали кабалы; а в старинном хо-

лопстве, которые их держали без крепостей, указал отказывати: почему у себя держал холопа без крепости».

Противоречивость данного решения вполне очевидна. Казалось бы, санкционируя уже состоявшийся переход документально не оформленных старинных холопов к другим холоповладельцам, взявшим на них служилые кабалы, власти отказались от подтвержденной в указе 7 марта 1607 г. нормы уложения 1597 г. о незыблемости прав холоповладельцев и на таких холопов (вслед за отменой самим указом 7 марта 1607 г. зафиксированного в уложении 1597 г. запрещения добровольным холопам, прослужившим от полугода и более, покидать своих господ), но ведь данная норма и до этого, возможно, не применялась. Теперь двумя указами (7 марта 1607 г. и 19 марта 1608 г.) в законодательном порядке провозглашалась отмена всей системы мероприятий уложения 1597 г. по документально не оформленному холопству (как добровольному, так и старинному). Однако в отношении документально не оформленного старинного холопства правительство царя Василия Шуйского все же не заняло в 1608 г. столь радикальной позиции, какая была провозглашена в 1607 г. в отношении добровольного холопства.

И действительно, если добровольным холопам годом раньше (указом 7 марта 1607 г.) было разрешено покидать своих господ вне зависимости от срока службы у них, то документально не оформленным старинным холопам такого разрешения дано не было ни тогда, ни теперь. 19 марта 1608 г. дело ограничивалось решением о конфликтах между документально не оформленной старинной и служилой кабалой, в которых теперь, вслед за, по-видимому, уже установившейся практикой, признавалась законной только служилая кабала.[1] Но даже и это, казалось бы, ограниченное узкими рамками конкретной ситуации решение открывало возможность для переходов старинных холопов к другим холоповладельцам при условии, если последние брали на них служилые кабалы.

Еще через год с небольшим, 21 мая 1609 г., царь был вынужден вернуться к рассмотрению вопроса о документально не оформленных старинных холопах. В результате указ от 19 марта 1608 г., ущемлявший интересы владельцев старинных холопов, он «велел ... отставити» и попытался удовлетворить их притязания новым указом, в котором, помимо других вопросов, рассматривалась судьба и документально не оформленных холопов (см. № 62).

[1] Поэтому мнение В. И. Корецкого «об аннулировании старинного холопства, не оформленного крепостями», указом от 19 марта 1608 г. (*Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 333) не может быть принято. Давая такую интерпретацию указа, В. И. Корецкий приходит к вытекающему из нее выводу об уступке холопам, проявившейся в данном законодательном акте. (Там же. С. 367).

№ 61

Согласно выписке из стрелецких наказов 1608/09 г., действовали следующие правила подсудности стрельцов и взыскания с них судных и торговых пошлин.

Судебные дела о побоях и грабеже между стрельцами и посторонними лицами рассматривались головами стрелецких приказов, в которых числились стрельцы. Разбойные дела ведались в Разбойном приказе.

Судебные пошлины со стрельцов — с их исков до 12 р. и с исков к ним посторонних лиц (когда они виноваты) на сумму до 100 р. — не взимались. Пошлины со стрельцов брались лишь с тех судных дел, когда иски стрельцов составляли больше 12 р. и больше 100 р. — иски к стрельцу. Пошлины, пересуд и правый десяток брались со стрельцов по царскому указу и Судебнику 1550 г. в размере: пошлины с рубля — по гривне, пересуд с суда — по две гривны и правый десяток — по четыре денги. Предусматривались и случаи возможных злоупотреблений со стороны стрельцов при уплате судебных пошлин. Так, если посторонний человек проиграет свой иск к стрельцу на сумму до 100 р. или с постороннего человека при крестном целовании доведется взять пошлины, а стрелец с ним помирится, переведет пошлины на себя, чтобы использовать свое право их вообще не платить, то он за указанное «воровство» этих льгот лишался и с него предписывалось «те пошлины по указу взяти». Что касается стрелецких детей, братьев и племянников, живших в одном дворе и на иждивении стрельца, то они пользовались теми же льготами при уплате судебных пошлин, что и сами стрельцы.

Предоставляли наказы и льготы стрельцам в уплате торговых пошлин. Стрельцы, занимавшиеся ремеслом и торговлей, освобождались от пошлин на производимые и продаваемые ими товары при их стоимости от полтины до рубля. Если же стрельцы продавали товар больше, чем на рубль, или имели свои лавки, то они платили полавочное и другие пошлины, как и торговые люди.

№ 62

В указе 21 мая 1609 г. рассматриваются два комплекса проблем, связанных с холопством: судьба докладных и кабальных холопов и детей последних после смерти их владельцев, а также судьба беглых детей кабальных холопов; документально не оформленное холопство.

В условиях крестьянской войны начала XVII в. и иностранной интервенции, характеризующихся хаотической политикой и переплетением противоречивых тенденций в холопьем вопросе, холоповладельцы предпринимали попытки обойти либо попросту игнорировать некоторые предписания уложения 1597 г. о холопстве (см. № 47, статьи 6, 7), согласно которому, в частности, кабальные холопы должны были служить до смерти их господ и не могли являться объектом наследования.[1] Власти же во время гражданской войны не всегда были в состоянии воспрепятствовать попыткам холоповладельцев явочным порядком превратить кабальную неволю в наследственную форму зависимости.

Появление первых трех норм в рассматриваемом указе, подтвердивших те нормы о кабальном холопстве (и докладном холопстве) в уложении 1597 г., которые холоповладельцы стремились игнорировать, свидетельствовало, что лишь в 1609 г. в этом вопросе наступил перелом. Содержание данного комплекса норм допускает лишь однозначное толкование. Во-первых, подтверждается норма уложения 1597 г., согласно которой кабальные холопы и их дети, родившиеся в холопстве, подлежат отпуску на волю по смерти холоповладельца.[2] Во-вторых, подтверждается норма, сложившаяся в обычном праве и включенная в уложение 1597 г., по которой кабальная неволя является потомственной формой зависимости, иначе говоря, дети кабальных холопов, родившиеся в холопстве, принадлежат холоповладельцам, как и их родители.[3]

Из сказанного может возникнуть впечатление, что правительство пыталось сбалансировать свою политику в отношении холопов и холоповладельцев, одновременно провозгласив и наследственность кабальной неволи, и ее потомственность. Возможно, оно даже стремилось создать такую иллюзию. Но перспективы практической реализации обоих предписаний были весьма различными. Если возвращение беглых детей кабальных холопов их холоповладельцам являлось делом не только последних, но, начиная с 1607 г., инициатива передавалась, согласно уложению царя Василия Шуйского от 9 марта 1607 г. (см. № 57), государственным органам, которым поручался также сыск, то отпуск кабального холопа на волю по смерти его господина, когда потомки холоповладельца препятствовали этому, мог осуществиться принудительно лишь по жалобе самого холопа, а государственные органы только реагировали на нее, не проявляя никакой инициативы самостоятельно.

По вопросу о причинах принятия первых трех норм указа от 21 мая 1609 г. с его возвратом к нормам уложения 1597 г., относящимся к кабальному холопству, единство взглядов отсутствует. Отмеченное Б. Д. Грековым и И. С. Шепелевым в данной связи изменение положения в стране не вызывает сомнений. И действительно, к этому времени в результате освобождения большей части территории Замосковного края и Поволжья от польско-литовских захватчиков, выступления из Новгорода русско-шведских войск во главе со Скопиным-Шуйским и так далее соотношение сил значительно изменилось: Тушинский лагерь оказался ослабленным, а положение Шуйского укрепилось.[4] Естественно, что такое изменение положения в стране могло позволить Василию Шуйскому начать возврат к нормам уложения 1597 г. в полном его объеме, нарушенным в период гражданской войны как вследствие классовой борьбы холопов и сопровождавшим ее обострением внутриклассовой борьбы в среде феодалов, так и в результате действий самого правительства, побуждаемого политической конъюнктурой к лавированию и противоречивым мерам. Указ 21 мая 1609 г. и был первым шагом в этом направлении: он провозгласил восстановление всех норм уложения 1597 г., относящихся к кабальному холопству и являвшихся предметом острых столкновений при их практической реализации. Следовательно, правительство царя Василия Шуйского получило возможность возвратиться к исходному пункту нового курса в области кабального холопства, разработанного при царе Федоре Ивановиче и связанного с его политикой в крестьянском вопросе — оформлением крепостного права.

Однако в исторической литературе давно уже было высказано мнение, что связывать этот процесс только лишь с укреплением власти Василия Шуйского вряд ли основательно. Оно базируется на важном известии, сохранившемся в передаче В. Н. Татищева: «... хотя наши переводчики письма святого служитель и раб за едино поняли, что наш патриарх Иев в Истории по причине челобитья холопей, чтоб не быть рабами, изъяснил и царь Василий Иванович Шуйский для утишения великого в холопех смятения закон учинил, что пленным токмо рабами быть, доколе он свободу получит, а холопей в прежней верности оставил служить по кабале и полетной».[5]

Еще М. Ф. Владимирский-Буданов отметил, что указ 21 мая 1609 г. мог быть вызван упомянутой в ней холопьей челобитной.[6] Е. Н. Кушева выразила сомнения в достоверности ряда

сведений, сообщенных Татищевым, которые, по ее мнению, являлись результатом авторской интерпретации историка.[7] С другой стороны, упоминание о холопьей челобитной, в результате которой «царь Василий Иванович Шуйский для утишения великого в холопех смятения закон учинил», восходит, как полагает Е. Н. Кушева, к первоисточнику, т. е. к «Истории о разорении русском» Иосифа, келейника патриарха Иова. Выделив известие, заслуживающее доверия, Е. Н. Кушева поддержала мнение М. Ф. Владимирского-Буданова об указе от 21 мая 1609 г. как об ответе Шуйского на челобитье холопов.[8] Аргументация, развернутая в работе Е. Н. Кушевой, вызвала возражения И. И. Смирнова и В. И. Корецкого и поддержку В. М. Панеяха.

И. И. Смирнов вообще выразил сомнение в возможности «рассматривать как удовлетворение челобитья холопов, „чтоб им не быть рабами"», указ 21 мая 1609 г., «в числе статей которого есть предписание возвращать старым государям детей кабальных холопов, которые „бегаючи от старых своих государей, дали на себя иным кабалы"».[9]

В. И. Корецкий разделяет это сомнение («...21 мая 1609 г. никаких уступок холопам сделано не было. Напротив, в этот день были аннулированы все предшествующие уступки, содержавшиеся в указах от 7 марта 1607 г., 9 марта и 19 марта 1608 года»[10]) и склоняется к мысли, что ответом на челобитье холопов был целый комплекс указов 1608 г.: 25 февраля, 9 и 19 марта.[11]

Но отсутствие уступок в трех первых нормах указа 21 мая 1609 г., равно как и восстановление нормы уложения 1597 г. о холопской зависимости детей кабальных людей, родившихся в холопстве, не является аргументом, отрицающим возможность связи указа с выступлением кабальных людей против превращения их в наследственных рабов. Очевидно, в данном случае кабальные холопы выступали не с требованиями уступок, а с призывом к соблюдению холоповладельцами нормы уложения 1597 г. о службе их до смерти господина. Василий Шуйский же, используя укрепление своей власти, только сделал вид, что пошел на уступки холопам, возвратившись на самом деле всего лишь к связанному с закрепощением крестьян новому курсу в области кабального холопства, провозглашенному в конце XVI в.[12]

Конечно, провозглашение возврата к нормам уложения 1597 г. в сфере кабального холопства не означало, что их нарушения сразу же окажутся устраненными, а дезорганизация — преодоленной. Однако отсутствие после 1609 г. новых законодательных мероприятий (вплоть до Соборного уложения 1649 г.), призванных изменить установленный в 1597 г. статус кабального холопства либо, наоборот, укрепить его, наталкивает на мысль, что в конечном счете для проведения курса на крепостническую стабилизацию в сфере отношений, связанных с кабальным холопством, оказалось достаточным трех первых норм указа 21 мая 1609 г.

Провозгласив 21 мая 1609 г. возврат к уложению 1597 г. по вопросу о кабальном холопстве, правительство царя Василия Шуйского не решилось пока еще на аналогичный шаг в области добровольного и документально не оформленного холопства, о чем свидетельствует четвертая норма данного указа. Не связано ли это с тем, что, несмотря на некоторое укрепление правительственной власти, Василий Шуйский не чувствовал себя еще достаточно уверенно? Но тогда, быть может, и возврат к статьям о кабальном холопстве уложения 1597 г. был вызван не только изменением положения в стране, но и ускорен таким фактором, каковым являлось требование холопов.

В четвертой норме указа царь был вынужден вернуться к рассмотрению вопроса о документально не оформленных старинных холопах. В результате указ от 19 марта 1608 г. (см. № 60), ущемлявший интересы владельцев старинных холопов, он «велел ...отставити» и попытался удовлетворить их притязания.

Формулировка четвертой нормы указа 21 мая 1609 г. страдает некоторой неопределенностью. Это обстоятельство привело к тому, что ее непосредственно связывали с отменой указа 7 марта 1607 г.[13] Полагаем, однако, что она прямо связана с другим указом — от 19 марта 1608 г. О том свидетельствует отсылка в момент отмены последнего к указу 21 мая 1609 г.: «...велел сесь приговор отставити. А как государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии про тое холопью статью указал, как ей впредь быти, и тот государев указ записан в сем же Судебнике впереди, 117-го маия в 21-м числе» (см. № 60). Но тогда четвертую норму указа следует понимать как предписание пересмотреть все дела, решенные уже в соответствии с указом 19 марта 1608 г., в пользу владельцев служилых кабал и вернуть прежним господам старинных документально не оформленных холопов, прослуживших у них не менее пяти лет; прослужившие же менее этого срока должны были остаться у новых холоповладельцев, взявших на них служилые кабалы.

Таким образом, под напором владельцев старинных холопов власти вынуждены были попытаться хотя бы частично и временно удовлетворить их интересы, сломав сложившуюся уже практику решения спорных дел при столкновении документально не оформленной «старины» и крепостного холопьего акта в пользу последнего и в то же время внеся в хотя и невыполнявшуюся, не-

абсолютно ясную норму уложения 1597 г., запрещавшую документально не оформленным холопам покидать своих господ, новый критерий — пятилетнюю службу.

Но, помимо своего прямого предназначения, рассматриваемая четвертая норма указа 21 мая 1609 г. могла иметь и более общие последствия. Холоповладельцы получили теперь основание не только возвращать своих бывших документально не оформленных старинных холопов, прослуживших не менее пяти лет (даже если на них другими господами была уже оформлена служилая кабала), но и задерживать у себя добровольных холопов (вопреки указу 7 марта 1607 г.) с тем же сроком службы впредь до общего узаконения о добровольных холопах. Дело в том, что в четвертой норме отсутствует термин «старинное холопство» и вместо него, в отличие от указов 7 марта 1607 г. и 19 марта 1608 г., говорится в обобщенной форме о холопах, которые «служат безкабално», а ими могли быть в равной мере и старинные, и добровольные холопы.

Терминологическое новшество четвертой нормы указа 21 мая 1609 г. и возможность трактовать его на практике расширительно дают основания утверждать, что власти начали отступление от норм о добровольном холопстве указа 7 марта 1607 г. Это было еще не полное возвращение к уложению 1597 г. с его разрешением брать служилую кабалу на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, ведь в данной статье указа речь шла о пятилетнем сроке, а не о полугодовом и не давалось разрешения насильственно оформлять служилые кабалы даже и на тех документально не оформленных холопов, которые прожили у господина от пяти лет и более.[14] Однако власти встали уже на путь пересмотра всего комплекса мероприятий по данному вопросу, вызванных классовыми битвами периода крестьянской войны, предполагая завершить его впоследствии. Это последнее обстоятельство и объясняет временный характер меры, предусмотренной в четвертой норме указа 21 мая 1609 г., и намерение царя окончательно решить вопрос о добровольном холопстве в ближайшем будущем совместно с боярской думой: «... до своего государева указу. А о том рекся государь говорить з бояры». Вскоре указом от 12 сентября 1609 г. это намерение было реализовано (см. № 63).

[1] См.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 189—193.

[2] Трудности в толковании первой нормы указа связаны со ссылкой на прежний указ царя Василия Шуйского («... по прежнему своему государеву указу»). Еще М. Ф. Владимирский-Буданов отметил, что «такого указа ц. Василия Шуйского мы не имеем» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 92). Б. Д. Греков, согласившись с М. Ф. Владимирским-Будановым, заметил, что «по духу этот закон тесно примыкает к указу 9 марта 1608 г.» (*Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 897). И действительно, последний, хотя и не употребляет термины «кабальный холоп» и «служилая кабала», но запрещает оформлять такие «записи на вольных людей», которые предусматривали бы их службу «до своего живота» (см. № 59). Не это ли запрещение подтверждалось в указе от 21 мая 1609 г.? Ведь длительность службы кабального холопа определялась в уложении 1597 г. смертью холоповладельца, а не холопа. Служба без каких-либо оговорок по смерть холопа могла означать наследственность его неволи, так как в этом случае кабальный холоп не подлежал бы отпуску на свободу наследниками умершего холоповладельца, а должен был продолжать службу у них до конца своей жизни. Впрочем, возможно и другое объяснение обращения в указе от 21 мая 1609 г. к «прежнему своему государеву указу». В XVI—начале XVII в. не исключались случаи восприятия закона, принятого при предыдущих государях, как исходящего от нынешнего (*Панеях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения: (по поводу книги В. И. Корецкого)//История СССР. 1972. № 1. С. 161).

[3] В. И. Корецкий считает, что именно во второй норме указа от 21 мая 1609 г. «был „отставлен" указ 19 марта 1608 г., легализовавший побеги старинных холопов, давших на себя кабалы» (*Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 62). Однако согласиться с этим утверждением трудно. В указе 19 марта 1608 г. речь идет о старинных холопах, на которых отсутствуют холопьи крепости (см. № 60); напротив, в указе 21 мая 1609 г. — о детях кабальных холопов, чья зависимость была оформлена служилой кабалой на их родителей. Указом 21 мая 1609 г. действительно отменяется указ 19 марта 1608 г., но не во второй, а в четвертой норме, где речь идет о старинных документально не оформленных холопах.

[4] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 900; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 160.

[5] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 361.

[6] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Вып. 3. С. 93.

[7] В частности, Е. Н. Кушева приводит ряд соображений, ставящих под сомнение фразы: «...закон учинил, что пленным токмо рабами быть, доколе он свободу получит» и «...а холопей в прежней верности оставил служить по кабале и полетной» (*Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI—начале XVII веков//ИЗ. 1945. Т. 15. С. 78—79).

[8] Там же. С. 79—80.

[9] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 108.

[10] *Корецкий В. И.* К истории формирования крепостного права в России//Вопр. истории. 1964. № 6. С. 94. Ср.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 50, 51, 62, 333, 367.

[11] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 59—61.

[12] *Панеях В. М.* Холопство. С. 218.

[13] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... . С. 162; *Корецкий В. И.* К истории формирования крепостного права в России. С. 94; ср.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 62—63.

[14] Б. Д. Греков связывал челобитье холопов, о котором шла речь выше, с четвертой нормой указа 21 мая 1609 г. Добровольных холопов, живших «безкабально» у своих господ «лет пять, или шесть, или десять и болши», по мнению Б. Д. Грекова, царь «приказал оставить в покое до своего государева указа» (*Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 897). Это последнее утверждение неверно по существу, поскольку смысл четвертой нормы не в том, чтобы оставить в покое документально не оформленных холопов, а в предписании «отдавати» прослуживших более пяти лет «старым

их государем, у ково они живут». Если же учесть, что данное распоряжение пришло на смену ряду других, в которых в нарушение уложения 1597 г. ставилось под сомнение право холоповладельцев оформлять служилые кабалы на документально не оформленных холопов, прослуживших более полугода, то тогда нет никакой возможности связывать эту статью указа с челобитьем холопов, «чтобы не быть рабами».

№ 63

Боярским приговором 12 сентября 1609 г. завершается процесс отмены всего комплекса мероприятий по вопросу о добровольном холопстве, проведенных в период крестьянской войны и интервенции. Этот процесс был начат четвертой нормой указа 21 мая 1609 г. (см. № 62), и уже тогда царь Василий Шуйский намечал обсудить с боярами данную проблему для окончательного ее разрешения. Боярский приговор, состоявшийся 12 сентября 1609 г., и явился результатом такого обсуждения.

В тот день было принято решение «тот прежний приговор» (от 7 марта 1607 г.; см. № 56) «отставить» и возвратиться в вопросе о добровольных холопах к уложению 1 февраля 1597 г. (см. № 47, ст. 11) в полном его объеме. Это означало прежде всего, что восстанавливалась норма, согласно которой холоповладелец имел право взять в любой момент служилую кабалу на добровольных холопов, если мог доказать, что они жили у него не менее полугода. Тем самым отменялись указы от 7 марта 1607 г., 19 марта 1608 г. (см. № 60) и относящаяся к бескабальной службе четвертая норма указа от 21 мая 1609 г. Отныне документально не оформленное старинное холопство вновь утрачивало свой особый статус, установленный указом 7 марта 1607 г., а затем дважды на протяжении двух лет видоизменявшийся, и подпадало под общие нормы статьи о добровольном холопстве уложения 1 февраля 1597 г.

Что же касается еще одной нормы уложения 1 февраля 1597 г. (предписание в срочном порядке перевести всех добровольных холопов, прослуживших к моменту реализации уложения не менее полугода, в категорию кабальных холопов), то она к этому времени и устарела, и оказалась невыполненной в процессе практической реализации закона.[1] Поэтому, надо думать, при восстановлении 12 сентября 1609 г. норм статьи о добровольных холопах уложения 1 февраля 1597 г. власти ее и не имели в виду. Это привело к фактической легализации добровольного и документально не оформленного старинного холопства.

[1] См.: *Панеях В. М.* Холопство. С. 220—229.

№ 64

Указ 1610 г. царя Василия Шуйского о переводе части поместья в вотчину сохранился в отрывке в челобитье Захария Ляпунова королю Сигизмунду 1610—1611 гг. Верность правительству, выразившаяся в «неотъезде» служилого человека к вору, т. е. к Лжедмитрию II, вознаграждалась переводом части его поместья в вотчину ему же. Приговор 30 июня 1611 г. Первого ополчения подтвердил эту норму, постановив вознаградить всех дворян «за осадное сидение» в Москве при Василии Шуйском пожалованием в вотчину части поместной земли.[1] Как показала последующая практика, норма перевода в вотчину, установленная в указе, была 20 четвертей на 100 четвертей поместного оклада.[2] Перевод поместий в вотчины времен Шуйского и первых десятилетий правления Михаила Федоровича вносил существенные изменения в общую картину феодального землевладения и привел к увеличению вотчинного землевладения. Особенно это проявлялось в южных уездах. Так, например, в Каширском уезде до начала XVII в. землевладение было исключительно поместным, а в 1627—1629 гг. в уезде была уже 101 вотчина.[3] В фонде вотчин выслуженные вотчины становятся преобладающими. Так, по данным Е. Д. Сташевского, у московских дворян к 1632 г. было 43 % вотчин выслуженных, 31 % вотчин купленных, полученных в виде заклада, приданого и завещания, 14 % — родовых, 12 % — смешанного характера.[4] Рост фонда выслуженных вотчин свидетельствовал об укреплении феодальной земельной собственности.

30 ноября 1628 г. царь и патриарх приказали Якову Михайловичу Боборыкину провести сыск о всех случаях челобитий, об утрате жалованных грамот «за царя Васильево Московское осадное сидение» путем опроса свидетелей: действительно ли челобитчики «в осаде ... сидели»? Сыск проводился и в том случае, если у служилого человека жалованная грамота сохранилась.[5]

О. А. Шватченко, опираясь на данные писцовых книг 20—30-х гг. XVII в., показал масштабы реализации указа 1610 г. Автор раскрыл широкий диапазон служб 1606, 1608—1610 гг., подпадавших под понятие «осадного сидения», за которые служилые люди могли получить часть поместья в вотчину, выявил количество розданных по указу 1610 г. вотчин в 34 уездах Замосковного края (599 вотчин) и, наконец, установил социальный состав вотчинников. Оказалось, что основная масса «вотчинной земли сосредотачивалась во владениях думных чинов, стольников, стряпчих и дворян московских». Политический смысл указа О. А. Шватченко усматривает в том, чтобы «консолидировать дворян и детей боярских замосковных городов для борьбы с восставшим крестьянством и самозванщиной».[6]

См. также № 70, 102, 111.

[1] См.: *Забелин И.* Минин и Пожарский: Прямые и кривые в смутное время. 4-е изд. М., 1901. С. 270.

[2] Именно из этого расчета были переведены поместья в вотчину Ст. Караулову в Муромском уезде (17 мая 1610 г.), Ст. Головкину в Зубцовском уезде (9 июня 1610 г.), Е. Баскакову в Смоленском уезде (11 июля 1610 г.), Ю. Ф. Потемкину в Костромском уезде (16 июля 1610 г.) (Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядной приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества/Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. № 291, 292, 295, 269). Этой же нормой руководствовались Первое и Второе ополчения (Там же. № 301, 307, 309, 314) и правительство царя Михаила (ГПБ, Основное собрание грамот, № 10, 11, 72, 126, 138, 144—150).

[3] *Соколова И. И.* Служилое землевладение Каширского уезда в конце XVI—первой трети XVII в.//Вестн. Моск. ун-та. История. 1975. № 1. С. 87.

[4] *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911. С. 19.

[5] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 60—61.

[6] *Шватченко О. А.* Распространение выслуженной вотчины в России первой половины XVII в. и эволюция форм светского феодального землевладения//Проблемы исторической географии России: Материалы государственной территории России. М., 1982. Вып. I. С. 120—131.

№ 65

При всяком новом наделении поместьем (в том числе и при каждой новой прибавке) правительству приходилось иметь в виду общий оклад служилого человека, наличие за ним вотчин, поместную дачу, если она уже была. Все эти данные устанавливались обычно по документам Поместного приказа. В приговоре боярской думы 1612/13 г. предусматривается случай, когда в Поместном приказе «старых их вотчин и поместных дач сыскать будет нечем» и предписывается челобитчикам давать тогда за своими подписями «скаски» о количестве вотчинных земель и поместных дач. Если же кто-то утаит имеющиеся за ним вотчинные и поместные земли и это будет открыто («хто ... обыщет») доведено до сведения правительства, то утаенные поместья и вотчины передаются доносителю. Закон имел актуальное значение не только в непосредственно послесмутное время, когда поместная документация могла быть утрачена и приходилось особенно часто прибегать к сказкам служилых людей, но и в последующее время.

См. также № 93, 94, 108, 234 (ст. 3), 253.

№ 66

В указе не ранее 26 февраля 1613 г. — не позднее июля 1615 г. рассматривается вопрос о лицах, поступивших в казаки до избрания Земским собором в начале 1613 г. на царский престол Михаила Романова («до государева обиранья») и бывших в прошлом стрельцами, пушкарями, посадскими людьми, боярскими холопами или другими какими-нибудь «всяких чинов людьми». Судьба их теперь была определена общим решением: такого рода казаки получили право возвратиться «в старые свои чины». Даже обвинение в «воровстве», т. е. в антиправительственной деятельности, не могло служить препятствием для реализации данного постановления. На заподозренных «в воровстве» только предписывалось предварительно составлять поручные записи. Гарантией выполнения указа должны были служить разосланные памяти (по приказам) и государевы грамоты (в городе к воеводам), «чтоб их (казаков. — *Авт.*) нигде насилством не неволили ни в чем».

В указе специально оговорено, что под его действие подпадают и те холопы, которые, «отходя от бояр своих, были в казакех при боярех под Москвою». Здесь имеются в виду казацкие таборы, оставшиеся под Москвой после распада Первого ополчения (август 1611 г.) и действовавшие под руководством правительства бояр-воевод кн. Д. Т. Трубецкого и казачьего атамана И. М. Заруцкого вплоть до подхода сюда Второго ополчения (август 1612 г.).[1]

Указ, дошедший в составе памяти, направленной из Казачьего приказа в Приказ Холопьего суда 18 сентября 1620 г., сохранился не полностью (отсутствует его конец) и в изложении дьяков Казачьего приказа. Поэтому из самого его текста неясно, разрешено ли было холопам, ставшим казаками в казацких таборах под Москвой, возвращаться только к своим господам или они получили право, игнорируя прежних владельцев, давать на себя холопьи крепости любому лицу по собственному выбору. Судя по тексту приказной памяти, не только излагавшей смысл данного указа, но и отразившей содержание запроса из приказа Холопьего суда, бывшим холопам предоставлена была возможность как возвращаться к старым господам, так и «ис казачества» бить челом вновь «в холопи», давая «на себя служилые кабалы мимо прежних своих бояр». В последнем случае служилые кабалы должны были оформляться в Казачьем приказе, откуда ежегодно было «велено давати памяти ... в Холопей приказ, хто кому казак бьет челом вновь».[2]

Переход различных слоев населения в казачество был в конце XVI — начале XVII в. строго регламентирован. Существовало, в частности, общее правило, согласно которому разрешалось брать в казаки «из вольных людей, а не из холопства и не с пашни».[3] Поэтому всего только разрешение (а не строгое предписание!) правительства царя Михаила Федоровича восстанавливать доказачий статус и особенно предоставление бывшим холопам возможности поступать по своему усмотрению следует расценить как существенную уступку новым казакам, нанесшую ущерб прежде всего старым холоповладельцам. Она свидетельствует о том, что казачество и при новых властях оставалось важной для них и в то же время опасной силой.[4]

Указ 1613—1615 гг. отражает острейшие классовые столкновения, и предшествовавшие воцарению Михаила Романова, и не прекратившиеся после него, являясь фактически их результатом. В этом отношении наиболее важной уступкой беглым холопам оказывается не разрешение им и «всяких чинов людям», ставшим казаками до 1613 г., восстанавливать свой прежний статус и даже не разрешение таким бывшим холопам давать на себя служилые кабалы не обязательно бывшим господам, прямо провозглашенные в указе, а подразумеваемое и даже не ставящееся в нем под сомнение их право остаться в числе казаков.

Подпадавшие под действие указа 1613—1615 гг. казаки реализовывали на практике все три открывшиеся перед ними возможности: одна их часть оставалась в казаках, другая — восстанавливала свой доказачий статус, возвращаясь в стрельцы, пушкари, на посад или на дворы к прежним господам, третья — давала на себя служилые кабалы новым владельцам. Процесс практической реализации данного указа, по-видимому, затянулся, о том свидетельствует переписка между Казачьим и Холопьими приказами в 1620 г., о которой уже шла речь. Холопий приказ, в частности, был озабочен тем, почему, хотя «во 121-м, и во 122-м, и во 123-м, и во 124-м году и ыных прошлых годех ... казаки ис казачества били челом вновь в холопи и давали на себя служилые кабалы мимо прежних своих бояр», однако «памятей об них в Холопей приказ ис Казачья приказа ... не присылывано».[5]

Если в отношении беглых холопов, ставших казаками до «государева обиранья», правительство царя Михаила Романова вынуждено было пойти на уступки, то, как справедливо отметил В. А. Фигаровский, холопам, влившимся в казачьи станицы после него, право выбора не предоставлялось.[6] По смыслу указа, они подлежали возврату их прежним владельцам. Естественно, это вызвало протест со стороны казаков и лишь обострило их борьбу в период восстания 1614—1615 гг. и казацкого движения 1615—1618 гг. При этом властям не удалось вызвать раскол в самом казачестве, на что они, возможно, возлагали надежды. Даже казацкая верхушка, представителям которой не грозил переход в холопство, была заинтересована в сохранении в составе станиц всех казаков, как старых, так и новых. Поэтому все попытки реализовать ту часть указа, которая подразумевала возвращение прежним владельцам тех холопов, которые стали казаками после воцарения Михаила Романова, наталкивались на единодушное сопротивление казачества, провозгласившего готовность, если бы «государь велел ... розбирать, которые были в казаках боярские люди или крестьяня», «за то померети всем за один».[7]

В условиях казацких волнений и продолжающейся борьбы с интервентами правительство вынуждено было пойти на уступки. Так, делегация, посланная в 1617 г. из Москвы на Север для того, чтобы уговорить казаков вернуться на государственную службу, не имела, как полагает А. Л. Станиславский, полномочий возвращать холоповладельцам беглых холопов, а лишь просила, «чтобы они вновь холопей боярских и посадцких людей, и с пашен с тягла крестьян в станицы себе не примали».[8] Однако даже это минимальное требование не выполнялось казаками. Их станицы продолжали интенсивно пополняться, в том числе за счет беглых холопов.

Лишь в 1618 г. между казаками и московскими властями был достигнут компромисс. Под угрозой объединения сил казаков правительство еще раз пошло на уступки, согласившись оставить в станицах всех «всяких людей». Однако впредь без государева указа запрещалось принимать кого-либо в казаки. На основе этого соглашения составлялись специальные списки казаков, ко-

торые являлись основанием для невыдачи беглых холопов их прежним владельцам.[9] Как видим, указ 1613—1615 гг. в той его части, которая касалась холопов, поступивших в казаки после воцарения Михаила Федоровича, оказался фактически невыполненным.

[1] О его деятельности см.: *Долинин Н. П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков. 1958.

[2] АИ. Т. III. № 92, 1; ПРП. Вып. 4. С. 381.

[3] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 371.

[4] *Станиславский А. Л.* Правительственная политика по отношению к «вольному» казачеству (1612—1619 гг.)//История СССР. 1984. № 5. С. 66—79.

[5] АИ. Т. III. № 92, 1; ПРП. Вып. 4. С. 381. Случаи реализации указа 1613—1615 гг. см. также: *Яковлев А. И.* Холопство. С. 100; *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня//Вопр. истории. 1978. № 5. С. 116.

[6] *Фигаровский В. А.* Крестьянское восстание 1614—1615 гг.//ИЗ. 1963. Т. 73. С. 216.

[7] *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. ... . С. 120—121.

[8] *Станиславский А. Л.* Казацкое движение 1615—1616 гг.//Вопр. истории. 1980. № 1. С. 108—109.

[9] Там же. С. 116; Челобитная вольных казаков царю Михаилу Федоровичу и боярские приговоры 1618 г./Публикацию подготовил А. Л. Станиславский//Советские архивы. 1985. № 1. С. 59—62.

№ 67

Первая норма указа не ранее 26 февраля — не позднее 31 августа 1613 г. устанавливает ограниченный 7121 и 7122 гг. срок подачи явок на исчезнувшие во время «московского разорения» холопьи крепости, закреплявшие зависимость старинных холопов. Поскольку указ не мог быть дан ранее 26 февраля 7121 (1613) г., когда от имени царя Михаила начали писаться указы (скорее всего, датируется более поздним временем), а конец 7122 г., т. е. 31 августа 1614 г., определен как предельный срок, постольку оказывается, что срок, отведенный для подачи таких явок, немногим превышал один год.

Явки на утраченные холопьи документы подавались без каких-либо ограничений сроков как до данного указа, так и после его реализации. В. И. Корецкий, в частности, установил, что еще в 1571 г. был издан специальный указ о порядке восстановления сгоревших документов, обязательным элементом которого была подача явок.[1] Этот указ частично был использован при составлении не дошедшего до нас указа 1593 г., подтвержденного уложением 1 февраля 1597 г. о холопстве (см. № 47). Документально засвидетельствована подача явок и после указа 1613 г., не связанная с делами о холопьих крепостях, утраченных в период «московского разорения», и не обязательно на старинных холопов.[2] Следовательно, новость указа 1613 г. состояла только в введении ограниченного срока подачи явок лишь для определенной категории дел.

По всей видимости, ограниченный срок подачи явок на пропавшие в период «московского разорения» старинные холопьи крепости выдерживался.[3]

В указе 1613 г. термин «московское разорение» не связывается с каким-либо одним конкретным событием. Им охватывается целая хронологическая полоса, предшествовавшая 7121 (1612/13) г., т. е. период оккупации Москвы интервентами, кульминацией которого являлись сожжение Москвы и массовое избиение москвичей поляками 19—20 марта 1611 г.

Вторая норма указа состоит в том, что поданные на утраченные старинные холопьи крепости «в указные годы», т. е. в ограниченный указом для определенной категории дел срок, явки служат основанием для решения суда о возвращении старинных холопов их владельцам. При этом время возбуждения таких исков о возвращении холопов в указе не ограничивается. Судебные дела по ним, следовательно, могли возникнуть на любом хронологическом отдалении от указа 1613 г., лишь бы в архиве были обнаружены старые явки, но данные в установленный срок. Такие явки об утрате холопьих крепостей в период «московского разорения», безусловно, подавались, а иски возбуждались.[4]

Третья норма указа определяет судьбу спорных холопов, если холоповладельцы не успели в установленный указом срок подать явки об утрате в период «московского разорения» холопьих крепостей. В этом случае предписывалось провести расследование и, опираясь на показания свидетелей, отдать холопов тем господам, «у кого обыскные люди в старинном холопстве кого знали».

Почему правительство пошло на столь необычную меру, фактически означавшую отказ для определенной категории дел от введенного уложением 1597 г. старинного холоповладения только на основании документальных подтверждений, не вполне ясно. Ведь любой холоповладелец, и не имевший документальных оснований для удержания у себя старинных холопов, а потому и не подавший явок об их утрате, мог теперь, ссылаясь на данный указ, требовать проведения обысков и закрепления за собой на их основе документально не оформленных старинных холопов.

Симптоматично, что правительство нового царя в одном из первых своих указов попыталось проявить заботу об интересах холоповладельцев, лишившихся холопов в период классовых битв и интервенции.

[1] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 222—223.
[2] См.: *Яковлев А. И.* Холопство. С. 86, 328, 329. Сохранились и специальные книги, куда вносились записи о таких явках (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 1185, 1186; Архив ЛОИИ, кол. 2, № 30; АОЮБ. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 90—94).
[3] См.: *Яковлев А. И.* Холопство. С. 366.
[4] Там же. С. 92.

№ 68

Указ 22 августа 1613 г. регламентирует размер пошлин, взимаемых с вотчинников при выдаче им жалованных грамот на выслуженные вотчины и с помещиков украинных городов при получении ими грамот на поместья. При этом величина пошлины и способ ее исчисления различны в зависимости от характера оформляемого документа.

Если землевладелец получал повторную жалованную грамоту на прежнюю вотчинную дачу «при царе Василье», то с него взималась полтина.[1] Если грамота выдавалась впервые на новую дачу или неоформленную старую дачу (полученную еще при царе Василии Шуйском), то тогда величина пошлины исчислялась в зависимости от величины дачи — «с чети».[2] Помещикам южных уездов давалась льгота — беспошлинная выдача грамот на прежде назначенные поместья; в случае новой дачи поместья пошлина исчислялась также «с чети».

Указ был фактически отменен указом 8 октября 1614 г. (см. № 75).

[1] На жалованной грамоте 19 августа 1613 г. А. Н. Шушерину на вотчину «за осадное сиденье» в Казанском уезде дана «полтина», означающая, видимо, пошлину (ГПБ, Основное собрание грамот, № 11).
[2] Какую пошлину брали «с чети», неизвестно. По жалованным грамотам от 27 мая 1616 г. и от 26 марта 1619 г., на которых помечена величина уплаченных пошлин, в первом случае получается 0.7 денги с чети, во втором — 1.8 денги (ГПБ, Основное собрание грамот, № 72, 126).

№ 69

Боярский приговор не позднее 27 ноября 1613 г. запретил поместья иноземцев отдавать кому-либо, кроме иноземцев. Поместье иноземца-помещика в случае его смерти переходило жене, детям или родственникам («роду» и «племяни»). Если ни жены, ни детей, ни родственников у иноземца не оставалось, то поместье отписывалось на государя и поступало в раздачу лишь при наличии челобитий со стороны иноземцев. Таким образом создавался особый круг земель, которые могли обращаться лишь среди иноземцев.

О том, кто считался иноземцем, можно судить по жалованной грамоте П. Ф. Данилову, в которой сказано, что село Спасское в Романовском уезде роздано «разных городов иноземцом», «литве и немцом, и черкасом, и волошеном за брянское сидения в поместя».[1]

См. также № 70, 90, 198, 224.

Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи, вып. 7//Чтения ОИДР. 1913. Кн. 4. С. 2.

№ 70

В боярском приговоре 30 ноября 1613 г. разрешался вопрос о том, как поступать со служилыми людьми, находившимися в Тушинском лагере, но получившими обманным путем вотчины за «осадное сидение» и за «очищенье», т. е. наравне с теми служилыми людьми, которые были в осаде вместе с царем Василием Шуйским и принимали участие в освобождении Москвы от польских захватчиков. Указ предписывает объявить («кликать») по городам (через биричей), что в случае, если кто (бывший тушинец) представит местным властям (воеводе) свою вотчинную грамоту, т. е. сам сообщит о незаконности получения вотчины, то такая вотчина должна быть записана за ним же в поместье. У того бывшего тушинца, кто утаит факт обманного получения вотчины (грамоту не принесет), а на него донесут, вотчины отписывались бесповоротно в пользу доносителя. Правитель-

ство придавало важное значение исполнению этого постановления. 20 сентября 1616 г. был издан боярский приговор о посылке воеводам новых грамот с предписанием «прокликать» о переписке ложно полученных вотчин тушинцами им же в поместья при условии добровольного сообщения их об этом местным властям (в приговоре указан точный срок) или отобрать вотчину при отсутствии такого сообщения.[1] Сохраняя за тушинцами земли, власти преследовали политические цели — сплочение господствующего класса феодалов — опоры новой династии. Перевод выслуженной вотчины в поместье как наказание за политические преступления обусловил особый контроль правительства за фактическим разделением вотчинных и поместных земель в одном имении. Так, в жалованной грамоте 7 августа 1613 г. А. К. Сухотину читаем: « ... и как поедут наши писцы или большие мерщики и они вотчинную землю с помесною землею размежуют: ямы покопают и грани потешут и всякие признаки учинят — вотчинную землю сряду с одново, а поместную потому ж». Такие официальные разводы были поводом к новым расследованиям о правомерности владения того или иного служилого человека вотчиной. Например, в 1628 г. писец и мерщик Семен Усов установил незаконность владения вотчинами коломенских служилых людей, в результате чего особым указом (от 10 января 1628 г.) их вотчины были обращены в поместья.[2]

См. также № 64, 127, 167.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 40—41.
[2] Там же. С. 89—91.

№ 71

Из указа 1613/14 г. неясно, какая служба под Смоленском имеется в виду. Вероятно, это военные действия против польского короля Сигизмунда III, осаждавшего в 1610—1611 гг. Смоленск. В указе речь идет, конечно, не о «всех» служилых людях, а лишь о тех, кто был назначен под Смоленск. Неявка на службу по этому указу влекла за собой конфискацию половины поместья, а бегство из действующего войска — третьей части.[1] Однако вотчины оставались во владении виновного, он обязан был с них (и, конечно, с оставшейся части поместий) нести службу.

Указ приведен полностью в спорном деле вологодских помещиков Шестака Олешева и Петра Брянченинова 1626—1630 гг. Брянченинов, ссылаясь на отписки воеводы Д. М. Черкасского 21 декабря 1613 г. и 5 марта 1614 г., в которых Семен Олешев (брат Шестака) записан «в нетех ис под Смоленска», бил челом и получил вологодское поместье смоленского нетчика 28 февраля 1615 г. Хотя Шестак Олешев в допросе 1626 г. и говорил, что «по государеву де указу, у кого взято за смоленские неты, поворачиваны (поместья. — *Авт.*) назад старым помещикам», однако это не помогло, земли, взятые Брянчениновым у нетчика Олешева в 1615 г., оставлены были по решению Поместного приказа в 1628 г. за его сыном Косткой Брянчениновым.[2]

См. также № 74, 82, 83.

[1] Конфискация земли у «нетчиков» дворян и детей боярских, бежавших из-под Новгорода и Смоленска, производилась в июне 1614 г. (*Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII—начале XVIII в. М., 1974. С. 60—61).
[2] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. № XX. С. 298, 299, 312. За ослушание идти с М. Б. Шеиным под Смоленск были отписаны поместья и вотчины у В. В. Волынского (Акты Московского государства/изд. Академией наук под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. С. 273, 374, 383).

№ 72

В 1638 г. Разрядный приказ обратился в Патриарший разряд за справкой о сроке сыска крестьян, бежавших в Троице-Сергиев монастырь и из него. По-видимому, требуемый указ не был найден, поэтому в ответ на основании судных дел была составлена выпись из указа или, возможно, нескольких указов. В ней сказано, что крестьяне, бежавшие во владения Троице-Сергиева монастыря, подлежат возврату прежним владельцам, если они прожили за монастырем не более пяти лет или и более пяти лет при своевременной подаче явки в течение пяти лет, пока они «из лет не вышли». Беглые крестьяне, прожившие в вотчинах Троице-Сергиева монастыря более пяти лет, закреплялись за монастырем. Крестьяне, бежавшие из вотчин Троице-Сергиева монастыря, подлежали возврату в монастырь, если со времени побега прошло не более девяти лет.

Установить, был ли дан один указ 1613/14 г. о крестьянах, бежавших в Троице-Сергиев монастырь и из него, или эти постановления содержались в двух разных указах, на основании приказной выписки не представляется возможным. В выписи Патриаршего разряда нет и даты данных постановлений. Относительно права Троице-Сергиева монастыря на девятилетний срок сыска беглых крестьян имеется точное указание в грамоте от 10 марта 1615 г.: указ был дан в 122 (1613/14) г. (см. № 77). Между тем в приказной выписи Патриаршего разряда сказано, что девятилетний срок сыска введен «по ... указу и уложенью» царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета (который стал соправителем царя с 1619 г.). Очевидно, либо, употребив привычную формулу, приказные ошиблись, либо указ был подтвержден позднее царем с патриархом.

Что касается постановления о пятилетнем сроке сыска крестьян, бежавших в Троице-Сергиев монастырь, то выпись Патриаршего разряда не дает ответа на ряд вопросов. Неясно прежде всего, как отмечалось выше, был ли один указ о беглых в Троице-Сергиев монастырь и из него или это были два разных указа, а также относился ли указ о пятилетних урочных годах только к крестьянам, бежавшим в Троице-Сергиев монастырь, или он имел более широкое применение; если был издан отдельный указ о пятилетних урочных годах, то как его следует датировать.

Г. Н. Анпилогов оспаривает общепринятую дату издания этого указа. Он полагает, что как постановление о девятилетнем сроке для крестьян, бежавших из вотчин Троице-Сергиева монастыря, так и о пятилетнем сроке для крестьян, бежавших в вотчины монастыря, не могли состояться ранее осени 1619 г.[1]

Относительно девятилетнего срока сыска крестьян, бежавших из монастыря, Г. Н. Анпилогов основывается на грамоте 1615 г. в Троицкий монастырь (см. № 77). В ней упомянуты жалобы дворян и детей боярских на власти Троице-Сергиева монастыря, которые вывозят их старинных крестьян, живших за ними 20 и более лет. Но из того, что на подобные действия монастырских властей подана жалоба, очевидно, что они действовали в нарушение закона. Помимо этого, в той же грамоте 1615 г. постановление о девятилетнем сроке вывоза крестьян Троице-Сергиева монастыря, как сказано выше, точно датируется 1613/14 г.

Что касается пятилетнего срока сыска крестьян, бежавших в Троице-Сергиев монастырь, то Г. Н. Анпилогов также считает, что срок этот не мог быть введен ранее осени 1619 г. В подтверждение Г. Н. Анпилогов приводит ряд аргументов. В одном из семи сохранившихся списков статейного списка 23 июля 1641 г., в изложении челобитной дворян и детей боярских имеется следующее добавление: «... а как де бояре по сто дватцать осмой год в полате сидели, и им о своих обидах и о всяких делех бити челом было невозбранно» (см. № 287). Следовательно, полагает Г. Н. Анпилогов, в то время (т. е. до возвращения Филарета в 1619 г.) дворяне и дети боярские могли подавать челобитные о бессрочном сыске беглых крестьян «и получать соответствующие царские грамоты для производства бессрочного сыска и суда о беглых крестьянах».[2]

Но право подавать челобитные абсолютно не говорит о том, что просьбы, в них изложенные, непременно разрешались в положительном смысле. Да и в приведенном добавлении к челобитной 1641 г. акцентируется лишь бо́льшая доступность правительственного аппарата для рядовых служилых людей до того, как во главе правительства стал патриарх Филарет.

Более убедительной представляется подборка судных дел за разные годы о беглых крестьянах, сделанная Г. Н. Анпилоговым для доказательства того, что пятилетний срок сыска беглых крестьян был введен в 1619 г. В приведенных Г. Н. Анпилоговым грамотах 1613—начала 1619 г. не упоминаются урочные лета, а начиная с осени 1619 г. во всех приводимых делах ссылки на пятилетние урочные лета имеются. Правда, в этих делах нет и указаний на бессрочный сыск беглых или на какой-либо иной срок сыска.

Ценность сделанной Г. Н. Анпилоговым подборки в том, что она с большой долей вероятности говорит о времени установления пятилетней давности сыска беглых крестьян во всем государстве. Однако она не исключает того, что пятилетние урочные годы для крестьян, бежавших в Троице-Сергиев монастырь, могли быть в виде пожалования предоставлены монастырю и в более раннее время, если даже как общая мера этот срок и был введен позднее. То, что в выписи пятилетние урочные годы специально и подробно оговорены, свидетельствует, вероятно, о том, что этот срок не стал к тому времени общей нормой. В судах еще могли быть незаконченные дела о сыске беглых крестьян согласно соборному уложению 9 марта 1607 г. (№ 57).

И. Л. Андреев высказал мысль, что «события „Смутного времени“ — обострение классовой и внутриклассовой борьбы — расшатали ... еще не окрепший порядок сыска». Крестьяне, по сути дела, восстановили выход: землевладельцы не имели реальной возможности этому воспрепятствовать. После Смуты указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска, «видимо ... не был подтвержден законодательно». Только в 1619 г. «правительство сделало окончательный выбор, направив грамоты с указом о пятилетних урочных летах».[3]

В. И. Корецкий не согласен «с утверждениями тех историков (А. А. Новосельский, Г. Н. Анпилогов), которые полагают, что в 10-х гг. XVII в. сплошь осуществлялся бессрочный сыск». Он считает, что осуществлению такого сыска мешали и отсутствие точной фиксации населения в писцовых книгах, и массовые перемещения сельского населения во время Смуты. Восстановление пятилетних урочных лет в 1619 г. надо рассматривать в системе реставрационных мероприятий правительства Филарета; «в коротких урочных летах на том этапе было заинтересовано и южное дворянство, стремившееся удержать за собой поток беглецов из центральных уездов».[4]

Вполне возможно, что общая норма о пятилетних урочных годах стала применяться с 1619 г. Но это не исключает того, что а) девятилетний срок вывоза троице-сергиевых монастырских крестьян являлся привилегией одного этого монастыря и прошло почти четверть века, пока этот срок стал применяться и к крестьянам других владельцев; б) пятилетний срок вывоза крестьян из монастыря и главное — укрепление их за монастырем по истечении пяти лет могли быть второй привилегией, данной монастырю значительно раньше, чем это стало общей нормой.

Очень возможно, что специального указа о восстановлении пятилетних урочных лет издано не было. Во всяком случае ссылок на такой указ нет ни в делопроизводстве, ни в позднейших дворянских челобитных, в которых перечислены указы об урочных годах.

Добившись указа о девятилетнем сроке сыска своих беглых крестьян, власти Троице-Сергиева монастыря энергично, с помощью специальных свозчиков, присланных из Приказа Большого дворца, взялись за розыск и вывоз беглых крестьян. Документальный след этих розысков сохранился в свозных книгах монастыря за 1614 г.[5]

О толковании и выполнении указа 1613/14 г. узнаем из грамот, разосланных по городам в феврале 1615 г. До нас дошла одна из таких грамот, посланная на Белоозеро,[6] о том, что для исполнения указа 1613/14 г. из Приказа Большого дворца были посланы «по городам» дворяне и дети боярские для вывоза бежавших после 1 сентября 1604 г. крестьян Троице-Сергиева монастыря. Тем самым мы получаем недостающие в выписи из комментируемого указа данные о том, что девятилетний срок сыска беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря исчислялся с этой даты, что подтверждается и грамотой Троице-Сергиеву монастырю 10 марта 1615 г. (см. № 77). Вывозу подлежали крестьяне, которые поселились либо на дворцовых и черных землях, либо за частными владельцами, поступив в крестьяне и кабальные или полные холопы; вывозить было предписано крестьян с семьями, имуществом и хлебом, «стоячим и с земляным». Операция по массовому вывозу беглых троицких крестьян не дала, однако, желаемых результатов: некоторые из числа новых владельцев не отпустили крестьян; другие, отпустив, не дали им вывезти хлеб, вследствие чего «те крестьяне к ним к хлебу и опять выбежали»; наконец, третьи вновь «насильством» вывезли тех же крестьян. На это жаловались власти монастыря. В ответ на их жалобу и были посланы воеводам и дьякам по городам грамоты, возлагавшие на них сыск беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря и привлечение к ответственности лиц, не подчинившихся указу.

Таким образом, в помощь властям Троице-Сергиева монастыря по вывозу их беглых крестьян предоставлялся государственный аппарат, между тем как помещики такой помощи не получали. В сущности это было третьей привилегией, данной монастырю.

Впервые обязанность содействовать владельцам в сыске и возврате беглых крестьян была возложена на представителей администрации соборным уложением 1607 г. (см. № 57). Однако, согласно этому уложению, приказным людям было вменено в обязанность лишь следить за появлением «пришлых» людей, взыскивать штрафы за подговор и укрывательство беглых и т.п. Роль администрации по выполнению указа 1613/14 г. рисуется гораздо более активной. Представителям ее, воеводам и дьякам, вменяется в обязанность в первую очередь «сыскивать» «по городам» беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря, «вывозить» их назад, высылать ослушников «за поруками» в Москву. И, что особенно показательно, для выполнения этих заданий им рекомендуется в распоряжение «обыщиков» давать рассыльщиков, пушкарей, затинщиков и стрельцов, «сколько человек пригоже». Иными словами, в помощь Троице-Сергиеву монастырю в его борьбе за крестьян предоставлялся не только административный аппарат, но и воинская сила в требуемом количестве.

И наконец, четвертая привилегия: закон имел обратную силу, позволяя вывозить не только тех крестьян, которые выбегут после его издания, но и бежавших в прошедшие годы.

[1] *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI—первой половине XVII в.//История СССР. 1972. № 5. С. 173.

[2] Там же.

[3] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 142, 144.

[4] *Корецкий В. И.* Закрепостительное законодательство после первой крестьянской войны в России//Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: Тез. докладов и сообщений 18-й сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М., 1980. С. 251, 252.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв./Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. 1. С. 185—260.
[6] ДАИ. Т. 2. № 35.

№ 73, 74

Оба указа (не позднее 1 июля 1614 г. и 8 августа 1614 г.) о поместьях смолян предписывают передавать поместья убитых или умерших на службе смолян их беспоместным или малопоместным родственникам, но не отдавать служилым людям других городов. Передача земель смолян облегчалась тем обстоятельством, что смоляне после потери Смоленска в 1611 г. были выведены в другие уезды государства и испомещены здесь среди служилых людей других городов. Например, в 1613 г. на Белоозере были испомещены 230 смолян, а наряду с ними волоцкие, иосифовские и погорелогородские сидельцы (клиняне, можаитяне, звенигородцы), новгородские служилые люди, иноземцы и т. д.[1] Сохраняя устойчивый комплекс земель за смолянами в новых районах их испомещения, правительство преследовало цель сохранить боеспособность крупного отряда поместного войска.

См. также № 71, 82, 83.

[1] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 73.

№ 75

Указ 8 октября 1614 г. освобождает дворян и детей боярских от уплаты подписных и печатных пошлин при совершении сделок в Поместном приказе. Этот указ фактически отменяет действие закона от 22 августа 1613 г. (см. № 68). Привилегия предоставлялась, видимо, наиболее разорившейся в годы интервенции и крестьянской войны части господствующего класса. В законе не упомянуты ни бояре, ни другие представители московской знати, для них, вероятно, оставался старый порядок.

Указ, видимо, имел временное действие, потому что на сохранившихся жалованных грамотах второй половины 1610-х и начала 20-х гг. пометы об уплате пошлин детьми боярскими очень часты.

№ 76

Постановляющая часть приговора боярской думы 1614/15 г. неясна. Какие челобитчики имеются в ней в виду: первые, которые получили изменничьи поместья и часть их перевели в вотчину, но утеряли вотчинные грамоты, или вторые, которые бьют «челом о своих поместьях о повороте», т. е. бывшие изменники? В первом случае постановление может быть понято как разрешение закреплять вотчины за владельцами (при утрате грамот) лишь по челобитьям, поданным до 1615 г., во втором — бывшие изменники могли «поворотить», т. е. получить обратно, прежнее поместье (пусть хоть оно стало вотчиной другого) также лишь по челобитьям до 1615 г.

Снисходительное отношение правительства к изменникам уже во время царствования Василия Шуйского видно из челобитья царю Захария Ляпунова. Он писал, что царь его пожаловал изменничьими поместьями и вотчинами «на Рязани, которые тебе, государю, изменили и в Тушино отъезжали», а потом покаялись, «вины свои к тебе, государю, принесли» и получили обратно свои поместья.[1] О возврате старых поместий изменникам сказано и в других законах (см. № 70, 127).

[1] АИ. Т. 2. № 286. С. 347.

№ 77

Указ 10 марта 1615 г. тесно связан с указом 1613/14 г. о девятилетнем сроке сыска и вывоза крестьян Троице-Сергиева монастыря (№ 72). В 1613/14 г., следовательно, подлежали вывозу те крестьяне, которые бежали из монастыря не более чем за девять лет, начиная с 1 сентября 1604 г. Монастырские власти пытались принять эту дату как постоянную для сыска в сле-

дующие годы и тем самым подменить девятилетние урочные годы сыска своих беглых крестьян постоянной датой, начиная с которой подлежали бы возврату все беглые крестьяне, независимо от того, сколько лет прошло после их побега.

Правительство и в этом вопросе пошло навстречу монастырю, продлив срок вывоза беглых монастырских крестьян до 10 и 11 лет, но лишь на ближайший год. Об изменении урочных лет в дальнейшем должен был быть издан новый указ.

Обычно дело о возвращении беглых крестьян начиналось с подачи челобитной, после чего суд принимал то или иное решение. Но Троице-Сергиев монастырь был, по-видимому, освобожден и от этой процедуры. Основанием для возвращения бежавших из монастыря крестьян служили именные росписи «за келарскою печатью», составленные монастырскими приказчиками. И лишь встретив сопротивление вывозу крестьян со стороны их нового владельца, монастырь мог перенести спорное дело в Приказ Большого дворца.[1]

Сыск и вывоз беглых крестьян монастырь начал сразу же по получении указа 1613/14 г. Из Приказа Большого дворца были присланы специальные свозчики. В каждой монастырской вотчине сведения о ходе вывоза регистрировались в свозных книгах, в которые заносили данные как о вывезенных крестьянах, так и о тех, кого вывезти не удалось.[2]

Как показал А. Г. Маньков, из вывезенных в 1614 г. крестьян 28 % приходится на бежавших в 1605 г., 15.3 — в 1606 г., 20 — в 1607 г., 12 — в 1608 г., 13.2 — в 1609 г., с 1610 г. процент бежавших резко снижается, составляя в следующие годы от 4 до 1.[3] Наибольшее число побегов, естественно, имело место в годы неизжитых последствий голодных лет, похода Лжедмитрия I, крестьянской войны, осады Троице-Сергиева монастыря.

В течение 1614 г. монастырским властям удалось вывезти далеко не всех бежавших с 1 сентября 7113 г. Новые владельцы во многих случаях отказывались выдать поселившихся за ними крестьян, «учинялись сильны». Потому-то монастырские власти и добивались сохранения в последующие годы права вывоза беглых с 1 сентября 1604 г., что им в некоторой мере удалось.

Неизвестно, был ли издан обещанный новый указ. Во всяком случае 10- и 11-летние сроки сыска беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря остались временной мерой. В дальнейшем соблюдался девятилетниий срок. Об этом свидетельствуют, например, указы 20 февраля 1637 г. (№ 238) и не позднее 27 января 1639 г. (№ 262).

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв./Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. 1. С. 202.

[2] Там же. С. 185—260.

[3] *Маньков А. Г.* Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1-й четверти XVII в.//Учен. зап. ЛГУ. Серия истор. наук. 1941. № 80. Вып. 10. С. 50—51.

№ 78

Поместные раздачи и другие пожалования феодальной верхушке нерусских народностей, вошедших в состав Русского государства, преследовали политические цели — укрепление власти феодального государства в присоединенных районах. Закрепление приговором боярской думы от 2 июля 1615 г. за татарскими и мордовскими служилыми людьми их земельных приобретений (фактически захватов) и объявление их неприкосновенными способствовали консолидации господствующего класса.

См. также № 69, 79, 90.

№ 79

Приговор боярской думы 1615/16 г. предписывает сохранить поместья иноземцев, розданные русским помещикам при царе Василии Шуйском, за этими помещиками. Вместе с тем приговор подтверждает норму указа не позднее 27 ноября 1613 г. о запрете давать вымороченные иноземцевы поместья «мимо иноземцев» (№ 69). Сохранение дач времени Василия Шуйского объясняется, вероятно, исключительностью обстановки, в которой они проводились, и поводом, в связи с которым поместья тогда давались, — за «осадное сидение».

См. также № 78, 90.

№ 80

Указная книга Разбойного приказа 1616/17 г. представляет собой законодательный памятник сложного состава. В основе ее — законодательные нормы, сформулированные в период издания губных грамот и наказов 50-х гг., т. е. в период первоначального оформления нового губного права. Большинство статей указной книги текстуально или по существу непосредственно связано с этими нормами. Вместе с тем книга отражает определенную эволюцию губного права в последние десятилетия XVI в. Ряд ее статей вносит более или менее важные коррективы в губное право 50-х гг., отвечая новым моментам в истории феодального государства. Особенностью указной книги является включение в ее состав как старых, уже фактически отмененных, так и новых статей. Это говорит не столько о недостаточном внимании кодификаторов, сколько о самом принципе их работы: они стремились, по-видимому, наиболее полно отразить все известное им законодательство о губных делах.

Ст. 1. Почти все содержание статьи является пересказом норм законодательных актов 50-х гг., в частности приговора 18 января 1555 г. (№ 6) и Медынского губного наказа 25 августа 1555 г.[1] Статья вносит только некоторые уточнения и дает более обобщенные формулировки. Так, например, в приговоре (статьи 2, 3) и наказе (ст. 2) предусмотрен случай, когда оговоренный человек в обыске назван «лихим» и подвергается пытке. Статья указной книги вносит уточнение: человек, опознанный языком на очной ставке, может бить челом об обыске, тогда его дают «за пристава, а про него» предписывается «обыскати болшим повалным обыском». Если он будет на этом обыске «облихован» — идет под пытку. Таким образом, по точному смыслу указной книги, обыск проводится по челобитью оговоренного человека. Еще пример: в ст. 2 приговора речь идет об «оговорном» и «облихованном» человеке, который, однако, на пытке отрицает свою вину. Аналогичное положение содержится и в наказе (ст. 3). Этот человек предается смертной казни. Статья указной книги рассматривает другой случай: оговоренный и «облихованный» человек на пытке свою вину признал (и тоже предается казни). Из этих примеров видно, как ст. 1 указной книги логически дополняет положения законов 50-х гг., не внося в них ничего нового по существу.

Ст. 2 также восходит в основном к соответствующим статьям приговора 18 января 1555 г. и Медынского губного наказа 25 августа 1555 г., однако вносит некоторые уточнения. Так, наказ (ст. 3) говорит о выдаче «на чистые поруки» «оговорных» людей, одобренных на обыске. Рассматриваемая статья указной книги раскрывает содержание понятия «чистая порука»: она сопровождается записью «в том, что ему впредь не красть» (и т. д.). Уточнение содержится и по вопросу о судьбе взятого на поруки человека, если на него «прибудет в разбое какое лихо». По приговору (ст. 5) и по наказу (ст. 6) такой человек предается смертной казни. Указная книга говорит об этом осторожнее: «... указ ему чинить до чего доведетца». Это, конечно, не противоречит приговору и наказу, но вносит в их положения большую широту и гибкость.[2]

Ст. 3 по существу примыкает к предыдущему постановлению. Она рассматривает случай, когда взятый на поруки стал, вопреки записи, заниматься «воровством» (предыдущая статья имела в виду, вероятно, другой казус: вскрылись новые обстоятельства, подтверждающие участие оговоренного человека в старых разбоях). По букве и духу эта статья полностью соответствует нормам приговора 18 января 1555 г. и Медынского губного наказа 25 августа 1555 г.

Ст. 4. Оговоренный человек, опознанный «языком» на очной ставке, оказывается «бродящим», не бьет челом об обыске и заявляет, что «ево нигде не знают». Приговор 1555 г. вообще не предусматривал такого казуса. Аналогичные персонажи Медынского губного наказа (ст. 8) сами бьют челом, «чтоб про них послали в те места обыскати, где они преж того жили». Как свидетельствует тот же наказ, этот обыск мог привести к плохим для оговоренных людей последствиям: во-первых, их могли назвать «в обыску лихими людьми»; во-вторых, могли сказать, «что их не знают». Казус ст. 4 указной книги логически связан именно с этими случаями. Ясно, что персонаж статьи, если он пользовался дурной репутацией, не имел оснований бить челом об обыске и предпочитал назвать себя «бродящим». Представляет интерес сама категория «бродящего» человека, признаваемая законом. Она косвенно свидетельствует о развитии во второй половине XVI в. миграционных процессов, в более широком смысле — явлений распада старых территориально-общинных связей, несомненных признаков нарастающих качественных изменений в самых глубинах феодального общества. В 50-х гг. XVI в., накануне опричного кризиса, оговоренный человек не мыслился без той или иной апелляции к своему «миру». Теперь отказ от такой апелляции — бытовое явление. В целом ст. 4, не формируя по существу никаких новых норм по сравнению с законодательством 50-х гг., отражает, по-видимому, более позднюю практику губного дела в условиях 60—80-х гг.

Ст. 5. Согласно нормам приговора 1555 г. (ст. 4) и Медынского губного наказа (статьи 7, 9), оговоренный человек подвергается пытке только после обыска и на основании его результатов. Рассматриваемая статья вводит новое и более жесткое правило: теперь пытка оговоренного предшествует обыску и обусловливается только «язычной молкой» пытаемых «языков». Обыск же назначается только при запирательстве оговоренного на пытке. Эта же статья вводит квалификацию пыток оговоренных людей: их, как видно из текста, пытают не менее трех раз «накрепко». Итак, ст. 5 указной книги, не расходясь в принципе с приговором и наказом, в то же время ужесточает и квалифицирует их нормы. Ужесточение следственного процесса находится, вероятно, в связи с общим обострением социально-политической обстановки в стране в условиях кризиса 60-х — начала 80-х гг.

Ст. 6 фактически повторяет в обобщенном виде предыдущую статью. Тексты статей не дают возможности согласиться с А. Г. Поляком, увидавшим разницу между статьями 5 и 6 в том, «что в первой оговорщики признают себя виновными ..., а во второй — отрицают свою вину».[3]

Ст. 7 воспроизводит содержание соответствующих норм приговора 1555 г. (ст. 5) и Медынского губного наказа (ст. 6). Единственное отличие от них — введение санкции в отношении попов (последняя часть статьи). Эта санкция отражает, видимо, практику применения норм губного права, сформулированного в 50-х гг.

Ст. 8 также восходит к нормам приговора 1555 г. (ст. 4) и Медынского губного наказа (ст. 7), добавляя к ним упоминание о «пене» попов. Как и ст. 7, она косвенно свидетельствует о стойкости норм губного права и о их применении на практике.

Ст. 9, в отличие от всех предыдущих статей, является законодательной новеллой 1584—1598 гг. Она отражает работу над уголовным законодательством после окончания правления Ивана IV. Боярский приговор вводит важную новость, смягчая участь оговоренных людей, не признавших себя виновными. Едва ли можно присоединиться к мнению А. Г. Поляка, что появление ст. 9 «связано с обострением классовой борьбы ... накануне крестьянской войны».[4] В боярском приговоре следует скорее видеть результат определенного смягчения общей обстановки в стране во второй половине 80-х—начале 90-х гг. в связи с начавшимся преодолением острого экономического кризиса и некоторой (временной) политической стабилизацией. Содержание статьи вместе с тем не дает оснований говорить, как это делает М. Ф. Владимирский-Буданов, о мягкости и равенстве уголовной ответственности.[5]

Ст. 10 также является законодательной новеллой (1598—1605 гг.). Она вводит квалификацию разбоев и соответственно кары за них. От смертной казни по этому закону освобождаются лица, участвовавшие хотя бы и в повторном разбое, но не совершившие тягчайших преступлений — убийства и поджога. А. Г. Поляк объясняет появление статьи тем, что «в обстановке роста численности разбоев в конце XVI в. правительство вынуждено было несколько видоизменить старое постановление о казни всех разбойников».[6] Эта мотивировка представляется несколько искусственной. Рост числа разбоев должен был, казалось бы, привести к обратным явлениям — к ужесточению (а не смягчению) наказаний за них. Думается поэтому, что ст. 10 была сформулирована не в канун крестьянской войны, а в период краткой относительной стабилизации примерно до 1601 г.

Ст. 11 в основном воспроизводит нормы Медынского губного наказа (ст. 8), излагая их своими словами.

Ст. 12 тоже в основном исходит из норм Медынского губного наказа (ст. 9), рассматривая тот же казус: «языки» на очной ставке не узнали «оговорных». Однако если по наказу оговоренные люди, даже не опознанные на очной ставке, но «облихованные» обыском, предаются смертной казни независимо от признания своей вины, то, согласно рассматриваемой статье, непризнание под пыткой спасает от смертной казни. В сущности это та же норма, которая была провозглашена в ст. 9 на основе боярского приговора при царе Федоре.

Как и многие другие статьи, ст. 12 свидетельствует об огромной роли общественного мнения (выявляемого путем повального обыска) в следственном процессе и в судьбе обвиняемого. Одобрение обыском освобождает оговоренного и опознанного человека от пыток и наказаний (последняя часть статьи). Как и в других подобных случаях, общество, «мир» ставится на службу государству, превращаясь как бы в часть государственного механизма. В этом одна из характерных черт губного права второй половины XVI—XVII в.

Ст. 13 восходит в основных чертах к Медынскому губному наказу (ст. 4), меняются только терминология и некоторые несущественные детали. Так, в наказе фигурировали «князи и дети боярские» и не упоминались приказные люди. Изменение терминологии соответствует перемене в составе господствующего класса после 50-х гг.: повывелись князья, возросли удельный вес и политическое значение приказной бюрократии. Сам принцип политической ответственности господ за своих людей является одной из черт феодального судебного иммунитета и имеет корни в глу-

бокой (для XVI в.) старине. Изъятие уголовных дел из юрисдикции феодалов, прослеживаемое в жалованных грамотах XIV—XV вв., приводит во времена централизованного государства к обязанности владельцев обеспечивать явку своих людей перед органами суда и следствия.

Ст. 14 воспроизводит (с терминологическими изменениями) соответствующий текст Медынского губного наказа (ст. 4). Включение статей 13 и 14 в указную книгу свидетельствует о живучести соответствующих норм губного права 50-х гг.

Ст. 15 носит в сущности негативный характер, констатируя отсутствие нормы, гарантирующей формальные юридические привилегии представителей господствующего класса.

Ст. 16 восполняет этот пробел. Боярский приговор при царе Федоре определяет нормы уголовной ответственности феодалов и следственную практику по отношению к ним. Единственной их привилегией (крайне сомнительной) является предварительная пытка принадлежавших им людей. Как известно, следственный процесс с применением пыток широко использовался по отношению к представителям господствующего класса, уличенным в политических преступлениях. Боярский приговор распространяет эту практику и на уголовные преступления, что, вероятно, лишь отражает уже бытующее явление. В русском феодальном государстве огромные политические привилегии феодалов не перерастали в их формальную юридическую независимость от органов государственной власти.

Ст. 17 говорит об одной из важнейших политических привилегий феодалов. Они могут по своей инициативе возбудить уголовный процесс против подвластных им людей. Обвинение со стороны господина приравнивается к обыску и исключает проведение его. Эта норма — один из наиболее ярких показателей феодальной классовой природы Русского государства XVI—XVII вв.

Ст. 18 в своей основе восходит к нормам приговора 1555 г. (ст. 3) и Медынского губного наказа (ст. 5). В отличие от них она вводит как будто некоторое смягчение участи «облихованных» людей: они заключаются в тюрьму не «на смерть», а только «до ... указу». Впрочем, может быть, это только терминологическая разница.

Ст. 19. Новелла царя Федора вносит важное уточнение в практику уголовного суда: устанавливается, что следственный (сыскной) процесс может возбуждаться только при наличии достаточных оснований (поличное, «язычная молка», «облихование» обыском). При отсутствии этих оснований происходит, видимо, обычный состязательный процесс. Эта новелла порождена, очевидно, накопленным за несколько десятилетий опытом ведения следственных процессов.

Ст. 20. Новая, не известная в законодательстве 50-х гг. Уточняет и разъясняет практику сыскного процесса, исходя, видимо, из уже имеющегося опыта.

Ст. 21, как и предыдущая статья, посвящена деталям сыскного (следственного) процесса. Оговор (или, напротив «сговор») со стороны языков, идущих на казнь, в расчет не принимается: предполагается стремление «языков» любой ценой смягчить свою участь.

Ст. 22. Поличное — старая категория русского уголовного права. В данном случае его наличие служит достаточным основанием для применения пыток. В известном законодательстве 50-х гг. эта норма прямо не сформулирована, но по существу своему она представляется, очевидно, связанной с самими основами сыскного процесса.

Ст. 23 непосредственно примыкает к предыдущей. Допускается возможность злостного квалифицированного навета («ополичнили силно»), что в свою очередь дает основание для применения сыскного процесса. Здесь имеет значение отсутствие пристава — официального представителя власти, что и создает обстановку, в которой оказываются возможными насильственные, неправомерные действия по отношению к обвиняемому.

Ст. 24 продолжает рассмотрение вопросов о поличном. Имеет в виду случай сопротивления обвиняемого с применением силы: он не дал вынуть поличное или отнял его. Отражает, по-видимому, явления, имевшие место в реальной действительности. Сопротивление властям при обыске известно древнерусскому праву. Так, аналогичный казус предусматривается в ст. 57 Псковской судной грамоты. По ее нормам, для доказательства самоуправства обвиняемого необходимо поставить двух или трех свидетелей. Указная книга требует обыска понятыми и сторонними людьми, т. е. в сущности тех же действий.

Ст. 25. Содержание статьи вполне соответствует нормам губного права 50-х гг. XVI в., хотя в дошедших до нас законодательных актах того времени подобные формулировки не встречаются.

Ст. 26 связана с древнейшими институтами круговой поруки, взаимной помощи и другими атрибутами территориальной общины — «мира». Обязанность оказывать помощь соседям при разбойных нападениях на них — общая черта средневекового права. В условиях централизованного государства, подчинявшего себе и использовавшего в своих целях старинные правовые институты, неисполнение этой обязанности влечет за собой имущественное взыскание.

Ст. 27 восходит к древнему «сочению следа», известному еще Русской Правде. Обращает на себя внимание живучесть подобных правовых норм. Однако в новых условиях старые понятия наполняются новым историческим содержанием. В отличие от времен Правды в развитом феодальном государстве конца XVI в. люди, не отведшие от себя следа, подвергаются пыткам по нормам губного права.

Ст. 28. Статья неизвестна в губных документах 50-х гг. XVI в., однако логически тесно с ними связана. Это — тот же институт круговой поруки, коллективной ответственности за преступников и преступления, которым проникнуто все уголовно-политическое право развитого феодального государства.

Ст. 29 развивает ту же идею коллективной ответственности — круговой поруки.

Ст. 30. Законодательная новелла 1584—1598 гг. Фактически отменяет круговую поруку в татьбе и разбое. В этом нельзя не видеть веяния нового времени — ослабления территориально-общинных связей в местных маленьких мирках, роста миграции населения, — обусловленном в конечном счете развитием общественного производства и обмена, развитием найма и т. п.

Ст. 31. Речь идет о пристанодержательстве. Содержание статьи восходит в общих чертах к приговору 18 января 1555 г. (ст. 6), Медынскому губному наказу 25 августа 1555 г. (ст. 1), а также и к старейшей из сохранившихся губных грамот — Белозерской грамоте 23 октября 1539 г. (ст. 3).[7]

Ст. 32 тесно связана с предыдущей. Борьба с разбоями включает в качестве одного из важных моментов борьбу с соумышленниками и пособниками разбойников, к которым в первую очередь относятся пристанодержатели.

Ст. 33 тоже относится и к тем людям, которые хранят добытое разбойниками имущество. Об этом сюжете говорилось и в приговоре 18 января 1555 г. (ст. 6). Рассматриваемая статья решает вопрос о держателях поклажи примерно так же, но текстуально не совпадает с приговором.

Ст. 34 продолжает тему о поклаже. Близка по смыслу к приговору 1555 г. (ст. 6), но дополняет его по содержанию, предусматривая случай, когда «языки» говорят о поклаже «за чисто», т. е. поклажедержатель не знает, что держит краденое.

Ст. 35. Третий сюжет пособничества разбойникам (татям) — продажа разбойного (татиного). Это один из древних казусов, известный еще Русской Правде и всем последующим кодексам. Указная книга решает его по-своему, в нормах губного права, с применением поруки или тюремного заключения при отсутствии поруки.

Ст. 36. Продолжение того же сюжета. Фиксируемый порядок — старый институт, известный еще Судебнику 1550 г. (ст. 93).

Ст. 37. Статья, формулирующая одно из основных начал губного права. «Чтоб всяким людем безстрашно было, воров имая, в губу приводить», показаниям задержанных, направленным против тех, кто их задержал, не придается значения.

Ст. 38—40 рассматривают вопрос о квалификации татьбы — рецидиве. Он стоял в законодательстве и раньше — и в Псковской судной грамоте, и в Судебниках. В отличие от этих старых кодексов губное право предусматривает членовредительное наказание — отсечение руки — в отношении двукратного татя. Но это не новость, такое наказание ввел губной наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря 27 сентября 1549 г.[8]

Ст. 41. Вопрос о церковном тате решается в старых традициях феодального права.

Ст. 42. В соответствии с давней традицией (прослеживаемой еще в Двинской уставной грамоте 1397 г.) губное право исключает возможность мирного, полюбовного решения дел о разбоях. Понятие уголовного преступления как общественно-опасной акции в развитом феодальном обществе осознается уже достаточно четко (см. также № 312).

Ст. 43 представляет собою дальнейшее развитие норм 30—50-х гг., отраженных в Белозерской губной грамоте (ст. 3), крестоцеловальной записи губных старост[9] и Судебнике 1550 г. (ст. 60). Согласно этой статье, губные старосты обязаны не только карать за уже совершенные преступления, но и принимать превентивные меры, не допуская появления в своих округах потенциальных преступников. Норма статьи близко подходит к указу о татебных делах 28 ноября 1555 г. (№ 10, ст. 3). Выполнение этого предписания требует высокой осведомленности и большой активности губных старост. Фактически под их контролем должны находиться все жители данного города или губы. Практическое применение этой статьи возможно при наличии хорошо налаженного и разветвленного полицейского аппарата.

Ст. 44. Новелла 1598—1605 гг. логически близка к ст. 21. Как и указанная статья, она исходит из недоверия показаниям языков, стремящихся задним числом смягчить свою участь или запутать следствие.

Ст. 45 определяет порядок удовлетворения частных исков в разбойных делах. Этот вопрос был, видимо, весьма актуальным и не раз служил предметом внимания законодателя второй по-

ловины XVI в. Приговор о губных делах 22 августа 1556 г. (№ 16, ст. 18) устанавливал общий принцип: «... которых людей тати покрадут или розбойники розобьют, и те б люди однолично иски писали прямые без прибавки». По-видимому, истцы, как правило, значительно преувеличивали размеры своих потерь, отсюда и норма рассматриваемой статьи: «... исцом ... указывать в полы их исков».

Ст. 46. Уже приговор о губных делах 22 августа 1556 г. проявляет большое внимание и доверие к показаниям разбойников, данным под пыткой. Новелла царя Федора идет значительно дальше, придавая таким показаниям решающее значение. Этим самым фактически отменяется ст. 45, за исключением случаев, когда разбойники не называли размеры похищенного.

Ст. 47 окончательно отменяет положения ст. 45. Она выделена, очевидно, под влиянием боярского приговора, отраженного в предыдущей статье. Отныне истцы-челобитчики удовлетворяются в размере одной четверти своего иска. На практике эта мера не могла не привести к чрезвычайному завышению исковых претензий.

Ст. 48 состоит фактически из двух не связанных между собой частей. Первая часть логически продолжает мысль предыдущей статьи. Вторая часть — об оценке убитой головы — относится скорее к тексту, включенному в ст. 49. Соединение этих частей в одной статье — явная ошибка кодификаторов.

Ст. 49 устанавливает размеры компенсации за имущество. Представляет большой интерес в социально-экономическом плане. Любопытно для сравнения, например, что по Судебнику 1589 г. бесчестье доброго боярского человека оценивается в 5 р. (ст. 48), молодчего — в 1 р. (ст. 51); честь пашенного крестьянина оценивается в 1 р. (ст. 50). Указная же книга (ст. 48) оценивает жизнь боярского человека и крестьянина одинаково — в 4 р., т. е. масштаб оценки в губном законодательстве значительно ниже, чем в черносошном Судебнике.[10]

Статьи 50—51 продолжают тему компенсации за ущерб.

Статьи 52—53. Как и в губной Белозерской грамоте 1539 г. (ст. 9),[11] частные иски подлежат первоочередному удовлетворению из разбойничьих «животов». Все остальное идет на государя.

Ст. 54 имеет принципиально важное значение, определяя порядок выбора и структуру губных органов. Первая из известных губных грамот — Белозерская 1539 г. — формулирует общие основы выбора губных властей: «И вы бы, меж собя свестясь все заодин, учинили собе в тех своих волостях в головах детей боярских в волости человекы три или четыре ... да с ними старост и десятцких и лутчих людей крестиян человек пять или шесть» (ст. 3).[12] Таким образом, целовальники еще не известны. Медынский губной наказ 1555 г. называет двух губных старост и упоминает губных целовальников и дьяков (ст. 1),[13] но не говорит, кто и как их выбирал. Указная книга обобщает более или менее длительный опыт функционирования губных учреждений, отчего ее постановления отличаются ясностью и четкостью. Губные старосты по городам и губам должны быть «по выбором всяких людей». Надо полагать, что под «всякими людьми» имеются в виду обычные адресаты губных грамот: от «князей и детей боярских» до «всех без смены, чей хто нибуди». Это не значит, конечно, что губные старосты действительно выбирались всем населением города или губы, включая вотчинных и помещичьих людей (по терминологии Белозерской губной грамоты). Фактически выбирали губных старост верхи местного общества: дети боярские и «лучшие» представители посада и черной волости, тем не менее формально губные старосты рассматривались как представители всего населения и «всяких людей».На них и распространялась власть губных старост. Губные целовальники, напротив, выбираются только сошными людьми, т. е., надо полагать, людьми, положенными в сохи и платящими государственные повинности. Сюда, по-видимому, не попадают представители господствующего класса, а также оброчные и прочие люди, не связанные с постоянным тяглом. Целовальники выбирались из числа «лучших» крестьян соответствующей округи, при этом участие в выборе означало как бы круговую поруку сошных людей за избранного выборщиками целовальника. Третья категория губных должностных лиц — дьячки. Они тоже выбирались «всякими людьми». Их функции — видимо, делопроизводство. В состав губного аппарата входили также сидельцы в губной избе и тюремные сторожа. Это те люди, о которых упоминает приговор 18 января 1555 г. (ст. 13): они расписаны «по месяцом на год. А как те люди у тюрем год поживут, ино их оменяти, а выбрати иных людей». Указная книга разъясняет, что это за люди — именно те, за кого особыми записями поручились сошные люди. Итак, низшие представители губного полицейского аппарата — выходцы из крестьян и посадских, обязанные нести свою тяжелую службу «за поруками».[14]

Ст. 55 устанавливает подсудность губных людей. Во главе всей системы губных учреждений — Разбойный приказ. Предусматривается и третейский суд — участие в разборе жалоб на губные органы губных старост «иного города».

Ст. 56 вводит важное разграничение между двумя системами власти — общеадминистративной (низшие представители ее — недельщики) и уголовно-полицейской (губные старосты).

Указная книга Разбойного приказа 1616/17 г. является наиболее полным систематизированным сводом губного (уголовного) права, отражающим широкую практику его применения во второй половине XVI в. Губное право XVI в. сохраняло всю свою актуальность и после Смуты, отсюда внимание к указной книге, проявленное в тщательной реставрации ее.

Первым этапом создания новой указной книги Разбойного приказа была, по-видимому, кодификация указных статей 50—60-х гг. XVI в., проведенная дьяком Разбойного приказа. Тогда и возникла та указная книга, «которая ... была в Разбойном приказе за приписью дьяков Василья Щелкалова да Мясоеда Вислова». Константин Семенов Мясоед Вислово — приказный деятель 30—60-х гг., в 1569/70 г. он сделал большой вклад в Кирилло-Белозерский монастырь и вскоре был казнен.[15] Василий Яковлевич Щелкалов упоминается впервые в 1568/69 г.[16] Следовательно, указная книга была составлена, скорее всего, где-нибудь в конце 60-х гг. В дальнейшем работа над указной книгой продолжалась. В нее были включены статьи, отражавшие законодательство царя Федора и Бориса Годунова; не исключено, что при этом были откорректированы и некоторые старые статьи. Во всяком случае указная книга приобрела новую редакцию. Авторами ее были, по-видимому, дьяк Третьяк Корсаков и подьячий Микита Постников, упоминаемые в Уваровском списке указной книги. Клементий Третьяк Григорьевич Корсаков известен в 1603/04—1625/26 гг., как дьяк Разбойного приказа он упомянут в 1621 г.[17] Никита Васильевич Постников упоминается с конца 1620-х гг. как подьячий Разбойного приказа.[18] Фактически Третьяк Корсаков и Никита Постников, видимо, начали служить в Разбойном приказе раньше, с 20-х гг. — вскоре после освобождения Москвы и восстановления государственного аппарата после Смуты. В их распоряжении была указная книга конца 1560-х гг. В. Щелкалова и М. Вислого и ряд позднейших указов. На основании этих материалов они и «зделали тое книгу» в 1616/17 г., т. е. составили новую редакцию указной книги.

[1] ПРП. Вып. 4. С. 179—185.

[2] Комментируя эту статью, М. Ф. Владимирский-Буданов находит, что «полицейские обязанности обыскных людей искажали ... значение повального обыска в процессе» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 49). В доказательство он ссылается на свидетельство В. Н. Татищева, относящееся ко времени Петра Великого. (Там же. С. 8). Однако это свидетельство не может быть принято безоговорочно. Повальный обыск генетически связан с мнением общин и мира; этот институт, нормально функционировавший в XVI в., к началу XVIII в. мог прийти в упадок в связи с новыми социально-экономическими и политическими условиями.

[3] ПРП. Вып. 5. С. 244.

[4] Там же. С. 245.

[5] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Вып. 3. С. 52.

[6] ПРП. Вып. 5. С. 246.

[7] ПРП. Вып. 4. С. 176—177.

[8] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства/Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. 66—67.

[9] ПРП. Вып. 4. С. 186—188.

[10] Вместе с тем трудно представить, чтобы с точки зрения владельца потеря холопа или крестьянина расценивалась ниже, чем утрата коня. Поэтому, вероятно, М. Ф. Владимирский-Буданов прав, предполагая, что «здесь разумеется еще и право родственников на вознаграждение за убитого» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Вып. 3. С. 65).

[11] ПРП. Вып. 4. С. 178.

[12] Там же. С. 176.

[13] Там же. С. 180.

[14] Для характеристики процедуры выборов губных органов представляет большой интерес грамота от 13 июня 1606 г., посланная из Разбойного приказа на Белоозеро губным старостам Ивану Медведеву и Стефану Трусову (см.: *Носов Н. Е.* Белозерская губная изба в начале XVII в.: К вопросу о составе и формировании губного аппарата// Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 50—53).

[15] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 93.

[16] Там же. С. 588.

[17] Там же. С. 264.

[18] Там же. С. 427.

№ 81

Крестьянская война и интервенция начала XVII в. привели к сильному оскудению государственной казны. Значительную часть бюджета Русского государства XVII в. составляли косвенные налоги, в том числе и таможенные сборы. Поэтому правительство царя Михаила Федоровича пыталось улучшить финансовое положение в стране, в частности путем уничтожения привилегий в уплате торговых пошлин, отменив тарханные грамоты, которыми обладал ряд крупных монастырей, отдельные иностранные купцы и некоторые русские торговые корпорации. Отсюда и указ не позднее 16 июня 1617 г.

На практике же этот указ не соблюдался: по-прежнему продолжались как подтверждение старых тарханных грамот, так и выдача новых. Пересмотр тарханных грамот в 1624—1625 гг. проводился в Приказе сыскных дел, где их подписывал дьяк П. Пахирев; подписанные им грамоты были объявлены утратившими силу, так как Пахирев допускал многие злоупотребления.[1] Отзвуки этого можно найти в грамоте от 1 июня 1634 г. в Соль Вычегодскую таможенному голове С. Елисееву о взымании с тарханщиков, не предъявивших «послушных грамот», таможенной пошлины по прежнему указу и уставной грамоте.[2] Здесь имеется в виду комментируемый указ. Правительство Алексея Михайловича во главе с Б. И. Морозовым, предприняв новую попытку упрочить финансы и пополнить государственную казну, в числе других мероприятий издало в августе 1645 г. новый указ (№ 306).

[1] *Веселовский С. Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах//Чтения ОИДР. 1907. Кн. 3. С. 25.
[2] Чтения ОИДР. 1903. Кн. 3. Смесь. № 2. С. 46—47.

№ 82

Боярский приговор не ранее 1 сентября 1617 г. касается поместий смолян, переданных московским дворянам после указа от 8 августа 1614 г., который такую передачу воспрещал (№ 74). Норма закона — «поворачивать» в таких случаях «у московских дворян» половину в пользу родственников умерших смолян, с оставлением другой половины в руках московских дворян — норма новая, противоречащая закону от 8 августа 1614 г., по которому родственникам умершего смолянина передавалось все его поместье. Этому последнему соответствовала и практика. В докладе, предпосланном боярскому приговору, приведено пять дел 1616—1617 гг. о «повороте» поместий умерших смолян братьям родным, братьям двоюродным, племянникам. В четырех случаях «повороту» подлежала вся земля, лишь в одном — половина.[1]

В докладе к приговору сообщается, что в какой-то период существовал запрет придавать поместную землю, происходящую из дворцовых земель, помещикам, получившим поместье из дворцовых же земель, но что этот запрет был снят (видимо, в первые годы Романовых): «... как учали дворцовые села к дворцовым же давать».[2] Этот правительственный указ не сохранился.

См. также № 71, 83, 211.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 44—45.
[2] Там же. С. 43.

№ 83

Беляне, подобно смолянам, получили по указу 15 декабря 1617 г. ту же привилегию: их поместья не могли быть переданы служилым людям других городов, а лишь родственникам умерших или при отсутствии родственников белянам же. В. Н. Сторожев считает, что правительство преследовало стратегические цели. Город Белый — пограничный город, он нуждался в постоянной защите, «а потому и в людях, привыкших сидеть на боевой окраине».[1] В годы интервенции начала XVII в. г. Белый подвергался осаде со стороны Речи Посполитой и перешел к ней по Деулинскому перемирию 1618 г. Пример передачи последовательно нескольким белянам одного поместья имеется в делах по Пошехонскому уезду в 1617 г., куда беляне были испомещены и владели здесь особым фондом земель.[2]

См. также № 71, 73, 74, 85.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 177.
[2] Там же. С. 46.

№ 84

Указ 10 февраля 1618 г. о порядке восстановления крепостей на вотчины отражал классовые интересы феодалов, стремившихся закрепить свои права на землю и крестьян. В годы интервенции и крестьянской войны («в московское разорение») многие вотчинники утратили свои вот-

чинные грамоты. Новые жалованные царские грамоты давались на все вотчины независимо от того, были ли это вотчины родовые («родственные»), пожалованные («прежних государей жаловалные»), купленные («купчие») или «приданые» (полученные в качестве приданого при заключении брака). Указ предусматривал два случая: 1) когда права вотчинника подтверждались официальными правительственными документами (писцовыми, дозорными и платежными книгами), жалованная грамота выдавалась сразу же; 2) когда претензия вотчинника книгами не подтверждалась, указ предписывал те вотчины «сыскивать в городех всякими людми», и если была доказана справедливость претензии вотчинника, то он получал царскую грамоту. Указом 1623/24 г. порядок сыска о вотчинах был изменен: теперь предписывалось не посылать особых царских грамот о сыске в каждом отдельном случае, а сыск проводить писцам, посылаемым в города.

№ 85

Указ 27 августа 1618 г. устанавливал общие правила, которыми надлежало руководствоваться при определении судьбы поместий служилых людей, которые погибли на войне. Эти поместья следовало передавать семье погибшего (жене и детям), а при их отсутствии — родственникам погибшего («давать в оклады и в додачю роду их и племяни»); при отсутствии же тех и других — служилым людям того города, к которому принадлежал погибший. Закрепление поместья за родом свидетельствовало о тенденции сближения поместий с вотчиной. Закрепление выморочных поместий за городом отвечало экономическим интересам служилых людей. Они могли получить вдобавок к своему поместью земли, расположенные недалеко. Кроме того, постановление о сохранении поместного фонда уезда помогало уездным дворянам защитить поместья от захватов крупных феодалов — думных и других столичных чинов. Правительство же, ограничивая обращение земель между землевладельцами разных городов, преследовало цель укрепления уездных корпораций служилых людей как основы организации поместного войска.[1]

См. также № 39, 83.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 144.

№ 86

В формуляре жалованной вотчинной грамоты, введенной указом 1618/19 г., полнее, чем жалованных грамотах прежних лет, изложен объем прав вотчинников на пожалованные верховной властью вотчины. Этот вопрос приобрел большую актуальность для помещиков, особенно с начала XVII в., так как многие из них тогда стали и вотчинниками в результате массового перевода поместий в вотчину (по 20 четей со 100 четей поместного оклада) после разгрома Тушинского лагеря («за царя Васильево московское осадное сидение»), в 1612/13 г. — после освобождения Москвы («за очищение»), в 1619/20 г. — после отхода Владислава («за московское осадное сиденье королевичева приходу»). Превращение пятой доли земли в вотчину во многих и многих поместьях (в военных действиях первых двух десятилетий XVII в. принимала участие, а значит, и имела право на вотчины основная масса помещиков) свидетельствовало о дальнейшем укреплении феодальной земельной собственности. Но росло не только количество выслуженных вотчин, увеличивался и объем прав вотчинников. В ранних жалованных грамотах на вотчины, данных «за царя Васильево московское осадное сидение», не фиксировалось полное право вотчинника распоряжаться ими. По признанию правительства, высказанному в грамоте от 1 ноября 1621 г., «те вотчины по цареву Васильеву уложению написаны не крепко». Эта «некрепкость» состояла в том, что «в тех жалованных грамотах, за ту царя Васильеву осаду, что ему (т. е. вотчиннику. — *Авт.*) та вотчина продать и заложить и в приданые и в монастырь по душе до выкупу дать не написано; а написано только, что та кому вотчина за службу дана и дети и внучата его вольны, а в кой мере та воля написана и вольно им те вотчины продать и заложить и в приданые и в монастырь по душе до выкупа дать — и о том ни о чем в царя Васильевых грамотах имянно не написано».[1] Все эти права «имянно» и были написаны в формуляре грамот «за королевичев приход», вводимом указом 1618/19 г. В нем говорилось, что лица, получившие вотчины «за королевичев приход», а также их дети, внуки и правнуки могут эти вотчины продать, заложить, дать в приданое и вложить в монастырь «по душе». Оговаривались

права на владение выслуженной вотчиной и бездетной вдовы: она может ее продать, заложить, дать в монастырь. Лишь при выходе ее замуж вотчина переходила в поместный фонд и могла быть дана новому мужу. Таким образом, право распоряжения вотчинника выслуженной вотчиной приближалось к праву распоряжения вотчиной родовой. В. Н. Сторожев считает, что формула «а в монастырь та вотчина по прежнему государеву уложенью не крепка», включенная в грамоту, имеет в виду соборный приговор 1580 г.[2] (№ 40).

Формуляр, вводимый указом, читается полностью в жалованной грамоте А. Г. Шепелеву от 26 марта 1619 г. на вотчину в Белозерском уезде.[3] Однако наряду с грамотами нового формуляра встречаются грамоты и со старым формуляром. Например, грамота братьям Есиповым на вотчину в Нижегородском уезде 6 марта 1620 г., братьям Александровым — на вотчину в Каширском уезде 9 марта 1620 г., стольнику В. И. Стрешневу — в Ярославском уезде 14 апреля 1620 г.[4]

См. также № 92, 100, 124, 159, 174.

[1] Чтения ОИДР. 1909. Кн. 4. Смесь. С. 13.
[2] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 183.
[3] ГПБ, Основное собрание грамот, № 126.
[4] Там же. № 144, 145, 149.

№ 87

Соборный приговор не позднее 3 июля 1619 г. носит характер широкой правительственной декларации. Официально объявляется о поставлении Филарета патриархом всея Руси, этому событию придается в первую очередь не церковное, а государственное значение, подчеркивается инициатива патриарха в постановке важнейших политических вопросов: прежде всего описание и дозор всех земель для повсеместного восстановления феодального порядка и упорядочения податных поступлений. В качестве конкретных мер предусматривается ликвидация закладничества, возвращение беглецов на места прежнего жительства, частичное наделение их льготами («смотря по разоренью»), сыск в обидах на «силных людех», точный учет денежных и хлебных запасов и т. д. Тем самым фактически провозглашается новая правительственная политика, направленная прежде всего на восстановление пришедшего в упадок феодального государственного организма, «чтобы пришли все в достоинство». Правительство патриарха Филарета намеревается проводить свою политику, по существу консервативную, в интересах основной массы феодалов с частичным учетом интересов посадских верхов, при ограничении власти и произвола наиболее крупных представителей феодальной аристократии. Инструментом этой политики призван служить созываемый Земский собор, на котором, в отличие от Собора 1613 г., не должны были быть представлены черные крестьянские волости.

№ 88

Устанавливая разницу между разбоем и военной добычей, боярский приговор 10 июля 1619 г. идет навстречу интересам широкой массы служилых людей и верных правительству казаков, участников боевых действий на последнем этапе борьбы с польской интервенцией. В содержании приговора можно проследить характерные черты правительственной политики Филарета: тенденцию к строгой государственной регламентации (обязательная запись захваченного имущества в соответствующих приказах) и стремление избежать обострения социальных конфликтов.

Согласно приговору, «по поличному, по лошадям и по платью» суд дается только тем людям, которые пострадали до войны 1617—1618 гг. Преступления против этих людей и их имущества рассматриваются как разбой и татьба и наказываются по суду на основе существующих законов.

В другом положении оказываются люди, пострадавшие во время военных действий 1617—1618 гг. (имеется в виду, вероятно, последний этап польской интервенции, закончившийся Деулинским перемирием в декабре 1618 г.). Если поличное, за которое «поимаются» истцы, окажется военной добычей, своевременно зарегистрированной в Казачьем приказе, то новые владельцы освобождаются от всякой ответственности, «потому что война о ту пору была, а не розбой, да и в книгах у них то поличное писано». Если же военная добыча не была своевременно записана в книги, то она подлежала конфискации и продаже в пользу государства,

«потому что в книги не записали». Сами же новые владельцы, как и в первом случае, освобождались от ответственности за разбой и по той же причине («была война, а не розбой»).

Указ дает повод считать, что правительство брало на себя защиту имущественных прав граждан только в условиях мирного времени; в зоне же военных действий каждый должен был заботиться о своем имуществе сам.

№ 89

Посадская тяглая община отбывала все повинности в порядке круговой поруки, поэтому она была кровно заинтересована в сохранении своих тяглецов и в увеличении их числа. Между тем, с одной стороны, громадное перемещение населения и сокращение посадского населения, вызванные событиями начала XVII в., не уменьшились и в первые годы царствования Михаила Романова, а с другой — тяжесть повинностей, лежавших на тяглецах, и их рост в течение всей первой половины XVII в. вызывали стремление у посадских тяглецов избавиться от посадского тягла путем перехода в «закладчики», отдачи себя под покровительство сильных духовных и светских феодалов.

Запрещение выхода с посадов, по мнению Н. Шаховской, нельзя считать делом XVII в., ибо уже в грамоте царя Федора Ивановича 1595/96 г. написано: «...которые посадские люди вышли с посаду с черных тяглых дворов жить на поляны, покиня тяглые дворы впусте, не хотя наших податей с посадскими людьми платить ... и тех посадских людей, сыскав всех с женами и детьми и со всеми их животы, вывести на посад, в старые их тяглые дворы и тягло им велено тянуть с посадскими людьми ровно».[1] Особенно же сильной была эта тяга в закладчики в первой половине XVII в.[2] Посады настойчиво и упорно боролись с закладничеством. Они неоднократно просили правительство организовать сыск закладчиков и возвратить их на посады. В ответ на эти обращения правительство не только поручало сыск закладчиков отдельным приказам, но и создавало специальные сыскные приказы, которые занимались розыском и возвращением закладчиков на посады. Систематическую борьбу с запустением посадов правительство Михаила Федоровича предприняло с 1619 г., с образования специального Приказа сыскных дел.[3]

В мероприятиях правительства по сыску и возвращению на посады разбежавшихся и заложившихся тяглецов не было никакой системы. Не было общих по всему государству распоряжений, а были отдельные указы, издававшиеся каждый раз по челобитным отдельных посадских миров. В большинстве случаев грамоты о возвращении давались по челобитным посадских людей, реже — по отпискам воевод и еще реже — по инициативе самих властей. Это были частные меры, поэтому они давали только частные результаты. Правительство не сумело выработать твердых и ясных принципов возвращения на посады старых тяглецов. Частое повторение запрета «впредь уходить с посадов и закладываться» указывает, как пишет Е. Сташевский, на то, что он не соблюдался, а правило о невыходе с посадов не было строгим и допускало исключения.[4] Ответственность за уход тяглецов возлагалась на посадский мир и его представителей, но они были не в состоянии с этим бороться. Правительство, по словам Е. Сташевского, не столько боролось с теми, кто принимал закладчиков, сколько с самими закладчиками,[5] поэтому принимавшие беглецов не только ничем не рисковали, но и оказывали противодействие сыскной деятельности властей. Безответственность лиц, принимавших закладчиков, П. П. Смирнов объясняет тем, что правительство не хотело утеснять интересы сильных людей, за которыми селились закладчики.[6] Сыск в таком виде не мог удовлетворить посад.[7]

Деятельность первого Приказа сыскных дел была малоуспешной.[8]

Комментируемый приговор не позднее 27 июля 1619 г. относится ко времени деятельности первого Приказа сыскных дел. Он содержал требование вернуть всех закладчиков, не плативших тягла на новом месте, на старые тяглые места, а с тех людей, за которыми они жили, взять подати за все годы; срок сыска устанавливался «до московского разоренья» — 1609 г. Сравнивая соборный приговор 1619 г. и грамоту, посланную в Соль Вычегодскую, П. П. Смирнов справедливо считал, что в этой грамоте «круг подлежащих сыску и возвращению закладчиков» сужен, а эффективность приговора снижена из-за того, что сыск был поручен не специальным сыщикам, а воеводам.[9] И, как писал далее П. П. Смирнов, «из торжественного всенародного дела розыска государевых тяглецов сыск обращался ... в узкосословную фискальную операцию по увеличению доходов». Целью всех этих видоизменений соборных решений П. П. Смирнов считал только желание правительства Филарета «предохранить от утеснения на местах сильных людей, на землях которых селились закладчики».[10]

См. также № 87, 143, 242, 249, 250, 255, 275, 293.

[1] *Шаховская Н.* Сыск посадских тяглецов в первой половине XVII в.//ЖМНП. 1914. № 10. С. 262; ср.: *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Т. 1. С. 138; *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 158.

[2] По данным Е. Сташевского, количество тяглецов в Твери за три года (1617—1619 гг.) сократилось на 204 тяглые семьи (*Сташевский Е.* Очерки... . С. 135).

[3] ААЭ. Т. 3. № 105.

[4] *Сташевский Е.* Очерки... . С. 140.

[5] Там же. С. 143—144.

[6] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 375.

[7] Там же. С. 375.

[8] Там же. С. 377.

[9] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 373.

[10] Там же. С. 375.

№ 90

Указ 18 августа 1619 г. отражает заботу об охране интересов иноземцев-помещиков, приглашенных на русскую службу (см. № 69, 79). Боярский приговор 1615/16 г. закреплял поместья, ранее принадлежавшие иноземцам, за теми, которым они даны при царе Василии Шуйском и «при боярах», и запрещал впредь раздачу поместий иноземцев (№ 79).

См. также № 198, 224.

№ 91

Указ 1619/20 г. означал расширение прав помещика по распоряжению поместьем. Вдовы и дочери служилых людей, получившие на прожиток часть поместий своих мужей и отцов, могли, согласно этому закону, передавать свои земли при выходе замуж мужьям. Возражения родственников умершего служилого человека («родимцы мужей их, братья или двоюродные») в данном случае не принимались в расчет, и прожиточные поместья «справлялись» за мужьями. Таким образом, поместье приобретало черты, сближавшие его с вотчиной. Законодательное подтверждение прав вдов и девиц передавать свои прожиточные поместья при выходе замуж своим мужьям представляло собой существенное нововведение. Поместные акты конца XVI и начала XVII в. зафиксировали большое число случаев, когда прожиточное поместье поступало в раздачу, если вдова или девица выходили замуж.[1] Однако изредка в документах встречаются случаи и обратного порядка. Так, в декабре 1605 г. помещик Кузьма Семенов сын Фаладин просил «справить» за собой прожиточное поместье своей невесты, которое ему уступала полюбовно мать невесты.[2] В 1611 г. получение вторым мужем вдовы ее поместья рассматривалось как незаконная дача.[3]

См. также № 14, 109, 110.

[1] Арзамасские поместные акты: (1578—1618 гг.)/Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915. № 105, 124, 160, 183, 186, 239.

[2] Там же. № 193.

[3] Там же. № 285.

№ 92, 124

Указ 1619/20 г. (№ 92) ограничивал землевладельческие права казаков в отношении вотчин, полученных ими за «московское осадное сиденье королевичева приходу». Хотя при пожаловании вотчины казакам давались грамоты по формуляру указа 1618/19 г. (см. № 86) («И по нашему царскому жалованию в той вотчине он... и ево дети, и внучата, и правнучата вольны, и вольно ему и ево детям и внучатам и правнучатам та вотчина продать и заложить и в приданое дать и в монастырь по душе до выкупа дать»),[1] указ 1619/20 г. не предоставлял казаку прав распоряжения вотчиной, какие получал служилый человек по указу 1618/19 г. Во-первых, казаку запрещено было продавать вотчину, во-вторых, запрещено было кому бы то ни было в городах покупать вотчины атаманов и казаков, в-третьих, при потере казаком своего статуса (пойдет в служки, в холопы, ударится в торговлю) его поместья и вотчины вообще отписывались на государя. Это было полным отступлением от норм указа 1618/19 г., в котором служилому

человеку, получившему вотчину за «королевичев приход», давались права наследования, выкупа, распоряжения по типу родовых вотчин.

Указ 1622/23 г (№ 124) продолжает линию указа 1619/20 г. В нем в категорической форме запрещается атаманам и казакам продавать свои вотчины, закладывать, давать в монастыри, хотя вотчина и закрепляется за родом казака-вотчинника. Стремление правительства поставить под контроль казачье землевладение здесь явно. Казак не мог сдать поместье, продать вотчину. Он должен был служить с ним сам, как заявлено в указе 1619/20 г.

[1] ЦГАДА, ф. 1209, стб. 18207, л. 90—93; стб. 34615, л. 18—22.

№ 93

Экземпляр соборного приговора от 12 марта 1620 г. уцелел в царских хоромах и передан был в Поместный приказ 26 октября 1626 г. для включения в новую указную книгу. Однако некоторые постановления этого приговора приказ извлек из сохранившихся поместных дел, а именно из дела А. Селиверстева (указ о лишних землях, возникших в результате распахивания землевладельцем невозделанных земель (лесов, лугов) внутри границ своих дач),[1] из памяти Ямского приказа (указ об отобрании лишних земель, взятых владельцами в вотчину из поместий и утаивших старые писцовые книги),[2] из поместного дела Безобразовых (указ о записке земли за владельцами по новым писцовым или дозорным книгам).[3] Ссылки на постановления приговора в делопроизводстве показывают, что они входили в сгоревшую указную книгу.

Соборный приговор начинается с изложения причин, побудивших правительство поставить вопрос о лишних землях. Оказывается, что многие землевладельцы завладели лишними землями различными способами: путем исчисления земель при правительственных дачах по новым дозорным книгам, в обход старых писцовых книг; путем учета земель при дачах через особых подкупных дозорщиков и отдельщиков; путем прямых захватов соседних земель. Юридические казусы, возникшие при таких злоупотреблениях, и рассматриваются в приговоре.

Первая норма. Если вотчинные дачи времен царя Василия Шуйского и царя Михаила («за осадные сидения») производились по старым писцовым книгам, что подтверждалось со стороны вотчинника представлением выписей из старых книг, то обнаруженные лишние земли записывались за ним в вотчину по вотчинным дачам, а излишек — в поместья. Лишь превышавшие оклад земли отдавались посторонним.

Вторая норма. За вотчинником, безусловно, закрепляются такие излишние земли, которые появились в старых родовых и выслуженных вотчинах в результате распахивания невозделанных земель в границах вотчины. Это важное постановление, так как ранее «помещик или вотчинник без боязни лишения мог владеть только таким количеством пашни, какое записано за ними писцами. Раз количество пашни у него увеличивается, если даже и за счет его собственных угодий, то это является некоторого рода нарушением межевых установлений».[4] Теперь приобретение «земли в поместье или вотчину посредством приращения» становится законным, что свидетельствует о расширении прав феодального собственника на землю.

Третья норма. Предписывалось из вотчин, полученных из поместий «по новым дозорным или по отдельным книгам», где указывалось меньшее количество земли, чем в старых писцовых книгах (т. е. земля утаивалась), брать лишнюю землю на государя, ибо вотчинники в результате этих махинаций «имали неправдою многие земли за малые чети».

Четвертая норма. Если в новых дозорных книгах земли будет числиться больше, чем в старых, руководствоваться при земельных раздачах следует ими.[5]

Пятая норма. При наличии челобитья землевладельца, что он имеет больше четей, чем за ним числится, так как дача производилась по новым дозорным книгам, лишние земли отписывались лишь с указа царя, в чем нельзя не усмотреть поощрения за честность. Если обнаружится, что владелец распахал земли в границах вотчины, то они не отнимаются, а переводятся ему в поместье, с изъятием у владельца такого же количества земли в другом месте.

Шестая норма предусматривает ситуацию, когда сам землевладелец бьет челом, что за ним больше земли, чем числится по дачам, а старых писцовых книг нет. В таком случае предписывается измерение земли, а обнаруженные лишние земли не отбираются, если они не превышают оклада.

Седьмая норма. Если излишние земли, открытые челобитьями посторонних людей, документально подтверждаются старыми писцовыми книгами или выписями из них, они остаются за владельцами и записываются за ними, за исключением земель, превышающих оклад. Если

же таких документов нет, то земли измеряются. Излишние, но не сверх оклада, остаются за владельцем.

Восьмая норма. Повторение второй нормы, но с ее распространением на старое поместье, которое также могло быть «приращено» за счет разработанных угодий в его границах.

Главные положения, пронизывающие все постановления приговора, — запрещение владения землей кому бы то ни было сверх оклада и без записки, а также определение частных случаев, когда лишние земли могут быть записаны за владельцем (в вотчину, в поместье) — преследовали цель регулировать поземельные отношения господствующего класса и укреплять земельную собственность феодалов.

См. также № 120, 253.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 34.
[2] Там же. С. 38.
[3] Там же. С. 41.
[4] Там же. С. 167.
[5] Там же.

№ 94

Указ 20 марта 1620 г. предусматривал ответственность служилых людей за утайку старых отцовских поместий при челобитьях о новых поместьях. У лиц, виновных в утайке старых поместий, отнимались новые поместья, которые им удавалось получить. Утайка старого поместья не могла быть оправдана разорением и запустением поместья. Однако если в результате разорения старого поместья стало невозможно нести службу, то, согласно указу 20 марта 1620 г., помещик по усмотрению властей мог получить новую придачу к старому поместью. О широком распространении практики утайки разоренных поместий свидетельствует доклад Поместного приказа по делу жильца Назара Алексеева. В нем отмечается, что дворяне и дети боярские наиболее разоренных пограничных областей (Новгород, Псков, Торопец, Ржева Пустая и др.) не записывают себе в оклад старые отцовские поместья, «потому что пусты и служить не с чево», а «бьют челом государю о иных поместьях, а пишутца беспоместны». Такого рода утайку и стремился пресечь указ. Утайка старого отцовского поместья запрещалась, так как она противоречила давно установившемуся правилу: при отказе поместья обеспечивать прежде всего сыновей предыдущего помещика. А этот обычай подсказывался, по словам Ю. В. Готье, «выгодами государственного хозяйства».[1]

См. также № 65, 108, 132, 234 (ст. 3), 253.

[1] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 263.

№ 95

С. Б. Веселовский,[1] изучая источники гл. XVIII о печатных пошлинах Уложения 1649 г., привел несколько запросов Печатного приказа (от 11 и 24 апреля, 11 июня и 18 июля 1624 г.) о том, какие пошлины следует брать при приложении печатей к различным актам: к грамотам поместно-вотчинным, к жалованным грамотам гостям и торговым людям, к актам на каменные лавки, к откупным грамотам на бани и мельницы, рыбные ловли и перевозы, к грамотам иноземцам, к сотным выписям, к правым грамотам, к грамотам проезжим и к другим делопроизводственным документам. На каждый запрос следовала царская резолюция: «впредь имать потому же» или «ныне имать государь не велел». Царские постановления, как видим, регламентировали канцелярское делопроизводство. Но С. Б. Веселовский, кроме комментируемого указа от 6 апреля 1620 г., привел несколько указов об откупах, имеющих общее значение (см. № 123, 131, 139).

Указ от 6 апреля 1620 г. запрещает отдавать на откуп кабаки в городах, дворцовых селах и черных волостях представителям чиновной знати, дворянам и их вотчинным крестьянам. Бояре, окольничие и думные люди могли содержать кабаки, если они были даны владельцу вместе с селом.

[1] *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913. С. 37.

№ 96

Издание апрельского указа 1620 г., восстанавливающего прежние нормы местничества (см. № 2), вызвано, видимо, упадком поместного ополчения в годы интервенции и крестьянской войны. Указ следует рассматривать в русле общей реставраторской политической линии правительства Филарета. Несмотря на то что в годы интервенции поместное ополчение показало низкие боевые качества, правительство Филарета продолжало рассматривать его как важную составную часть войск (проводя одновременно подготовку к военной реформе). Действительно, к 1630 г. удельный вес поместного ополчения в системе вооруженных сил страны составил (по численности) около 30 % (27 тыс. из 92 тыс.).[1]

[1] *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 125, 130.

№ 97

События первого десятилетия XVII в., особенно польско-шведская интервенция, привели к расстройству всей финансовой системы страны, в том числе и к тяжелым последствиям для русского денежного дела, полностью разрушив русскую монетную систему. С воцарением Михаила Романова денежное дело перешло в руки нового правительства, деятельность которого была направлена на восстановление русского денежного обращения. Весной 1613 г. в Москве был открыт постоянный денежный двор, а в 1617 г. восстановлена деятельность денежного двора в Новгороде,[1] приступивших к чеканке новых денег. Однако до конца второго десятилетия XVII в. денежное обращение в Русском государстве протекало далеко не в нормальной обстановке.[2]

Чеканка новых денег в России, не имевшей собственных драгоценных металлов, началась при крайне ограниченном поступлении в страну серебра, поэтому правительство пошло по пути переделки старых тяжеловесных монет в новые, более легковесные монеты, что привело к изменению стопы, она из трехрублевой превратилась в четырехрублевую,[3] что было выгодно правительству.

В первой половине XVII в. в Русском государстве обращалось много разнообразных денег, чеканившихся как сменявшимися правительствами, так и польскими, и шведскими интервентами. После заключения Столбовского мира, с 1617 г. в общерусское денежное обращение хлынула масса монет, чеканенных шведами, а с 1619 г. — «деннинг» — копеек, чеканившихся в Дании для торговли в Россией в пограничных областях. Монеты с согласия русского правительства чеканились в Дании по образцу русских монет и были абсолютно тождественны русским, но качество серебра в них было хуже, чем в русских. Народ называл датские копейки «корелки худые». Вес их также был ниже, чем вес русских. Соглашание 1619 г. о чеканке «деннинг», по мнению А. С. Мельниковой, было проявлением политики меркантилизма, задача которой сводилась к привлечению в страну денежного материала.[4]

Разрешение чеканить русские деньги за границей привело к распространению в русском денежном обращении фальшивых денег, с одной стороны, и к спекуляции русскими «старыми» деньгами — с другой. Иностранные купцы, пользуясь тем, что в России в первой четверти XVII в. происходила замена тяжеловесных старых денег (трехрублевой стопы) на более легковесные (четырехрублевой стопы), скупали русские тяжеловесные деньги и в обмен давали под видом легковесных денег изготовленные за границей фальшивые деньги. Поэтому указ не позднее 3 мая 1620 г. строжайше, под страхом смертной казни, запрещал расплачиваться с иноземцами за взятый у них товар старыми деньгами, менять старые деньги на новые иностранного происхождения и принимать от иностранцев сделанные ими деньги.[5] Этот указ неоднократно повторялся как при Михаиле Федоровиче, так и при Алексее Михайловиче.

Наличие весовой пестроты, сложившейся в русском денежном обращении в результате замены трехрублевой стопы четырехрублевой, привело к обилию в Русском государстве первой половины XVII в. «воровских» денег, которые подделывались под старые монеты трехрублевой стопы из хорошего серебра, но имели более низкий вес. Подделывали их с тем, чтобы обменивать на новые деньги с «наддачей». По определению А. С. Мельниковой, многие фальшивые деньги сделаны профессионально, поэтому она считает, что их делали денежные мастера Московского денежного двора.[6] О широком распространении «воровских» денег свидетельствует ряд документов [7] (см. № 236, 313).

[1] Деятельность провинциальных денежных дворов в Новгороде и Пскове была прекращена в 1627 г., как думает В. Л. Янин, в целях максимальной централизации денежного дела (*Янин В. Л.* Новые материалы о новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче//ВИД. 1983. 14. С. 100).

[2] *Спасский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. Т. 3. С. 336.

[3] Первое незначительное понижение веса монет произошло в начале 20-х гг. XVII в.; второе понижение веса монет относится к 1626 г.; следующее, вызванное неудачей в Смоленской войне 1632—1634 гг., — ко второй половине 30-х гг. XVII в. (*Мельникова А. С.* Систематизация монет Михаила Федоровича//АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 79—81).

[4] *Мельникова А. С.* Систематизация... . С. 84.

[5] И. И. Кауфман и С. Б. Веселовский, исходя из текста указа 1620 г., полагали, что правительство Михаила Федоровича считало «старые денги» «заповедными» и подлежащими сдаче в казну (*Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 92—94; *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 16). И. Г. Спасский справедливо не соглашается с ними, ибо вывоз русских денег за границу всегда преследовался законом, поэтому запрещение вывоза «старых денег» за границу не является новшеством. Указ 1620 г. не запрещал их хождение внутри страны. Он, по мнению И. Г. Спасского, был направлен против злоупотреблений и спекуляции, возникшей в связи с обращением в государстве разновесных денег (*Спасский И. Г.* Денежное обращение... . С. 354).

[6] *Мельникова А. С.* Систематизация... . С. 88.

[7] Там же. С. 87—88.

№ 98

Указ не позднее 10 августа 1620 г. — в русле политики правительства Филарета (см. № 87), стремившегося к сохранению и поддержанию существующего феодального порядка. В то же время издание указа свидетельствует о частых нарушениях этого порядка со стороны «сильных людей», в данном случае представителей феодальной власти на местах. Всеобщее распространение воеводского управления способствовало усилению связи местных центров с Москвой, но в то же время вывод воевод и их приказных людей из-под какого-либо контроля на местах давал им возможность для злоупотреблений властью. Указ решительно осуждает подобные злоупотребления и пытается бороться с самовольством воевод и их аппарата. Эффективность этой борьбы весьма сомнительная, так как одной из главных причин городских восстаний конца 40-х — начала 50-х гг. были именно злоупотребления воеводской администрации.

№ 99

Боярский приговор 13 октября 1620 г. устанавливает более высокую шкалу оценки скота, чем это было определено ст. 49 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (№ 80). Увеличение приговором цены скота почти в два раза отражало, видимо, его реальную рыночную стоимость, скорее всего, в Москве.

№ 100

Указ 28 ноября 1620 г. предписывал заменить жалованные грамоты на выслуженные вотчины старого формуляра (как они писались при даче вотчин «за царя Васильево московское осадное сиденье») грамотами с формуляром, введенным указом 1618/19 г. (№ 86) в связи с пожалованиями вотчин служилым людям за участие в войне против королевича Владислава.

Служилые люди должны были представить старые вотчинные грамоты в Поместный приказ для переписки их по новому формуляру — по типу грамот «за королевичев приход» (формуляр новых грамот, определяющий права вотчинников, см. № 159). Примером новой жалованной грамоты, выданной в соответствии с указом 28 ноября 1620 г., может служить грамота царя Михаила помещику Френеву от 1 ноября 1621 г., подтверждающая жалованную грамоту царя Василия Шуйского.[1] Выдача новых грамот производилась еще и в 1626 г. Так, в деле о выдаче жалованной грамоты Ф. Н. Шереметеву 1629 г. отмечено, что и «ныне» «переписывают грамоты по новому государеву уложению» и печатают «большою государевою печатью в Печатном приказе безпошлинно».[2] В указе 28 ноября 1620 г. устанавливалось именно беспошлинное печатание вновь выдаваемых грамот.

См. также № 174.

[1] Чтения ОИДР. 1909. Кн. 4. Смесь. С. 13.

[2] Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897. № 12.

№ 101

В. Н. Сторожев считает, что указ 1620/21 г. дошел «в испорченном несколько виде». Он предлагает конъектуру: «До московского разоренья написано было в Судебнике выкупать вотчину с продажи. А [в нынешнем во 129-м году велено тот указ отставить и] давать на выкуп» и далее, как в сохранившемся тексте.[1]

Если принять эту реконструкцию, то выходит, что до оккупации интервентами Москвы был издан не дошедший до нас указ, по которому выкупная цена определялась купчей. Указом 1620/21 г. он отменялся. Четыре разряда выкупных цен, установленных указом 1620/21 г., по мнению В. Н. Сторожева, обусловливаются тем, «в каком отдалении от Москвы находилась выкупаемая отчичем у чужеродца вотчина», в каком направлении от Москвы она находилась, и, «вероятно, качеством земли». И действительно, выкупная цена удешевлялась по поясам по мере удаления от Москвы: в подмосковных уездах — 1р. за четверть, в городах, отстоящих на 200 верст, — 1 р. за $1^1/_2$ четверти, в дальних городах — полтина за четверть. Относительно высокая цена в Рязани — 2 р. за четверть — объясняется, вероятно, высоким качеством земель этого района. То же можно сказать о цене земли в заокских городах, она выше потому, что земли здесь были, несомненно, более высокого качества, чем в Ярославле или Костроме. В. Н. Сторожев отметил, что этот указ «не мог иметь безусловного применения во всех случаях родового выкупа», так как «указные цены могли быть несколько ниже нормальной стоимости земли».[2] Указ 12 августа 1646 г. восстанавливает прежний порядок: выкуп производится по «продажной цене» плюс оплачиваются все капиталовложения временного владельца (см. № 316) — и, следовательно, отменяет указные цены выкупа у чужеродцев 1620/21 г. Отметим, что выкупная цена вотчин у монастырей — по полтине за четверть — устанавливается примерно в это же время, она проставлена в формуляре жалованной грамоты 1618/19 г. (см. № 86).

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 75.
[2] Там же. С. 163—165.

№ 102

Разрядный приказ как учреждение, ведающее служилыми людьми, всегда давал справки Поместному приказу об окладах при производстве поместных дел. Специальный указ 1620/21 г. об установлении окладов в Разряде относится к делам по переводу поместий в вотчины за «Васильево московское осадное сиденье», т. е. к делам более чем 10-летней давности. Служилые люди, числившиеся в осадном списке, в начале 20-х гг. требовали осуществления их права. Указ не признает данных об окладах, полученные в Разряде путем сыска сразу же после разорения, т. е. после 1612 г., а предписывает новый сыск. Если обнаружится, что из-за неточности старых данных об окладах кто-либо получил лишние земли, их передавали или челобитчикам (если они открыли нарушения), или в пользу государства.

См. также № 64, 111.

№ 103

Указ 1620/21 г. является первым из сохранившихся указов, посвященных вопросу об отчуждении тяглыми посадскими людьми своих дворов, дворовых мест, лавок и других торговых и промысловых помещений. Он запрещал все виды перехода (покупку, заклад, вклад, дачу в приданое) тяглых посадских дворов и дворовых мест в черных слободах и сотнях Москвы беломестцам. Указ был дан по челобитным сотских и старост московских черных сотен и слобод, подававшихся царю в 1620/21 г., в которых они в связи с запустением черных сотен и слобод просили запретить все виды перехода к беломестцам посадских дворов и дворовых мест. Все последующие подобные указы (№ 115, 116, 136, 137, 158, 163, 214, 295) были лишь расширением и уточнением комментируемого указа.

№ 104

Указ 1620/21 г. запрещает раздачу ямских земель в поместья и вотчины и предписывает розданные земли вернуть ямским слободам. Фонд ямских земель образовался во второй половине XVI в., когда по важнейшим дорогам Русского государства строились ямские слободы, обязанные

обслуживать ямскую гоньбу. Правительство каждой слободе выделяло усадебные, пашенные и луговые земли. Если земли, прилегавшие к ямской слободе, принадлежали феодалам, то обычно они выменивались правительством и отводились ямским охотникам. В пору больших земельных раздач государственных земель (дворцовых, черносошных) в первые годы царствования Михаила Федоровича помещики сумели захватить и ямские земли. Это препятствовало восстановлению дезорганизованной за годы интервенции ямской гоньбы. Стремясь вновь наладить эту важную отрасль государственной службы, правительство пошло на решительную меру — на восстановление всего фонда ямских земель в его прежнем виде.

№ 105

Указ 1620/21 г. был дан по челобитной московских и других городов ямских охотников. Он восстанавливал и дополнял старый указ, который не сохранился (см. о нем № 20), существовавший еще «до московского разорения», о сроках суда по искам к ямщикам и о наказании за перегрузку ямских лошадей. Новый указ по сравнению со старым усилил ответственность «гонцов», увеличил плату за павшую по вине «гонца» лошадь и использование ямских подвод не по назначению.

№ 106

События начала XVII в. тяжело отразились на такой важной отрасли государственной службы, как ямское дело. Ямские охотники разбежались, и ямские слободы запустели. Новое правительство Романовых сразу же приступило к налаживанию ямской гоньбы. Эти мероприятия правительства носили случайный характер, удовлетворявший потребности дня (см. № 105, 152, 154, 170, 179, 184, 187). Законодательство нового правительства в отношении ямского дела базировалось на старых указах и грамотах, регламентировавших жизнь ямских слобод еще в XVI в. Указы, касающиеся ямской гоньбы, составили, как писал И. Я. Гурлянд, «особое ямское законодательство, служившее основанием для решений по всем делам».[1]

Права и обязанности ямщиков, определенные в отдельных указах, были зафиксированы в специальном уложении о ямской гоньбе и ямских слободах не ранее 1620/21 г. Уложение использовало все предыдущие указы о ямской гоньбе, появлявшиеся по частным поводам, и дополнило их рядом постановлений. Так, оно установило срок сыска беглых ямщиков с 1612/13 г., штраф за содержание их и наказание беглецов кнутом, наделило ямских охотников пашенной и сенокосной землей и освободило ямщиков от платежа пошлин за купленный «на себя» хлеб, фураж и строительный лес. Кроме того, ямские охотники освобождались от суда воевод и приказных людей и должны были быть судимы в Ямском приказе, они не платили таможенных пошлин и имели право «курить на себя» вино.

Согласно же предшествующим указам, население ямских слобод не должно было платить никаких податей и «ни в какие подати тянуть и никакова изделья делать» «с посацкими и уездными людми» (см. № 20), а за «бесчестье» ямского охотника уплачивался штраф в 5 р., равный штрафу за «бесчестье» «среднего» посадского человека.[2]

Таким образом, ямские охотники были выделены в привилегированную группу населения, единственной обязанностью которой было «гонять ямскую гоньбу». Положение ямских слобод, по мнению И. Я. Гурлянда, аналогично положению слобод, населенных мастерами-специалистами, работавшими на государя вместо несения податей и повинностей, как например Колесная слобода в Мусецком погосте Шелонской пятины[3] или Кадашевская слобода в Москве.

[1] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 263. Он считал, что дела Ямского приказа не сохранились (с. 322), но это неверно.
[2] Там же. С. 268.
[3] Там же.

№ 107

Дошедший отрывок указа 1620—1622 гг. — одна из мер правительственной регламентации, характерной для политики Филарета. Для понимания реального смысла указа следует иметь в виду особенности счета времени дня в допетровской Руси. Начало дня определялось восходом

солнца; в переводе на теперешний счет времени «со второго часу да по семой час дни» для сентября—октября в Москве соответствовало приблизительно 7 ч. 35 м. — 13 ч. 35 м.[1] Такое важное, с юридической и моральной точек зрения, действие, как крестное целование, должно было обязательно проводиться в утренние часы, что вызвано было, вероятно, представлением о том, что именно в эти часы человек в наибольшей мере владеет своими духовными и физическими способностями.

[1] *Каменцева Е. И.* Хронология. М., 1967. С. 106—108, табл. 13.

№ 108

Утайка детьми в челобитных об отцовском поместье хотя бы части земли влекла за собой, по указу 1620—1622 гг., наказание — передачу поместья посторонним лицам. Незаконным было и владение без оформления его в Поместном приказе. Следовательно, передача поместья по «здаточной памяти» одного лица другому не являлась законной. Не имела крепостного значения и запись за кем-либо поместья в дозорной книге без грамоты, т. е. без вводящего во владение документа верховной власти (жалованной грамоты) или ввозной грамоты Поместного приказа.

См. также № 65, 93, 94, 253.

№ 109

Указ 1620—1622 гг. запрещал передачу кому-либо поместья «в пожить». Переданные «в пожить» (иногда «поджить», «пожитье», «поджитье») поместья обозначались в некоторых случаях без добавления термина «в пожить», тогда в документах говорилось, что такому-то дано поместье «под» таким-то или «под» такой-то. Эти случаи позволяют раскрыть значение термина. Получение поместья «в пожить» означало наделение того или иного служилого человека (в придачу к его поместью) прожиточным поместьем вдовы, девицы или отставленного от службы служилого человека. Однако лишь со смертью владельца прожиточного имения (или выхода замуж вдовы или девицы) лицо, получившее поместье «в пожить», становилось фактическим его обладателем. Например, в 1614 г. прожиточные поместья сестер Ульяны и Аксиньи Назимовых (у той и другой по 48 четей) были даны «в поджить» служилым людям Юсупову и Едевлетову. Вскоре Ульяна Назимова умерла. Тогда Иван Юсупов просил о справке за собой Ульянина поместья, полученного им за год до этого «в пожить».[1] Любопытный случай владения поместьем «в пожить» «под» мачехой сообщают раздельные книги 1586—1594 гг.[2] Практика давать поместье «в пожить» находилась в прямом противоречии с правом вдов и дочерей передавать свои прожиточные поместья женихам (см. № 91). Поэтому указ 1620—1622 гг. запрещает даже челобитья о поместье «под кем в пожить».

См. также № 110.

[1] ДАИ. Т. II. № 40. Хотя дело происходило на территории, занятой шведами, но отражало практику русскую.
[2] Арзамасские поместные акты: (1578—1618 гг.)/Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915. № 21.

№ 110

Указ 1620—1622 гг. направлен против злоупотреблений родственников, получивших прожиточные имения вдов и девиц. Если родственники не выполняют принятых на себя обязательств — их (вдов и девиц) «не кормят, и замуж не выдают, и ис тех поместей выбивают вон»,—то прожиточные поместья возвращаются обратно во владение вдов и девиц. При этом нарушение записей, которые на себя вдовы и девицы давали, «что им о тех поместьях не бить челом государю», не ставилось им в вину.

См. также № 91, 109.

№ 111

Указ 20 февраля 1621 г. разрешает вопрос о том, как поступать с вотчинами, которые были даны Поместным приказом за «осадное сиденье» при царе Василии Шуйском лицам, не числившимся в осадном списке. Из докладной выписки к указу видно, что Поместный приказ сам распорядился

по предварительному сыску наделять таких лиц вотчинами. Указ царя и пресекает эти действия, предписывая отписать на государя вотчины, розданные лицам, не состоявшим в осадном списке. Однако «отписка» не означала еще для служилого человека полного лишения вотчины, а лишь являлась поводом к более тщательному расследованию его прав на нее, т. е. к выяснению вопроса, действительно ли он был в осаде с царем Василием Шуйским. Сыск облегчался подчас тем, что с момента отписки земля обычно становилась объектом просьб со стороны других служилых людей. Закон предписывает этих новых челобитчиков ставить «с очей на очи» с теми служилыми людьми, от которых вотчина отписана, и если после повторного сыска окажется, что прежний владелец «в осаде не сидел, а взял вотчину ложно», тогда вотчина у него отнимается окончательно и раздается другим.

Позднее, когда осадный список сгорел в пожаре 3 мая 1626 г., положение с дачей вотчин за «осадное сиденье» еще более осложнилось.

См. также № 64, 102.

№ 112

Указ 30 мая 1621 г., запрещающий местнические счеты в посольской службе, относится к числу мероприятий по укреплению и упорядочению государственного аппарата. Развитие международных отношений Русского государства и оживление дипломатической деятельности после Смуты имели одним из своих следствий попытки усиления местнических счетов в посольской службе по образу и подобию таких счетов в военной. Указ подчеркивает новизну и вред этого явления. Решительно запрещая местнические счеты «мимо прежние обычаи» между лицами, назначаемыми разновременно на дипломатическую службу в разные государства, указ в то же время признает старинный обычай таких счетов, если «кого пошлют с кем вместе, а быти не мочно». Таким образом, отношение правительства к местничеству двоякое. Стремясь ограничить местнические счеты, оно в то же время в принципе признает их правомерность в дипломатической службе, как и в военной (см. № 96). В этом нельзя не видеть известной классовой ограниченности правительства Филарета, вынужденного в своей политике считаться с верхами класса феодалов, заинтересованными в сохранении местничества.

№ 113, 114

В указе правительственным чинам, проводившим разбор 1621/22 г., было заявлено, что если дети боярские не явятся к разбору сами или не объявят своих детей-недорослей соответствующим комиссиям, то те и другие впредь верстаться не будут и их в службу не возьмут (№ 113). Однако эту угрозу правительство в жизнь не провело. «После розбору 130-го году» по челобитьям тех, кого вышеприведенная угроза коснулась, не ранее 1621/22 г. был принят закон, по которому детям боярским, не явившимся на разбор, разрешалось служить «з городы» с их прежних поместий, а неверстанным детям боярским — служить с отцовских поместий (№ 114). Закрепление за сыновьями отцовских поместий в указе произведено формулой отрицания, а именно констатирования того, что в Разряде нет указа об отнятии у сыновей отцовских поместий и их раздаче.

Разбор 1621/22 г. и включал в себя не только общий смотр служилых людей Русского государства, но и проверку их служебной годности и дисциплинированности в несении службы. Сыновья помещиков, достигшие 15-летнего возраста, при разборе записывались («верстались») на службу, при этом особая комиссия окладчиков определяла их поместный и денежный оклад. Составлялся также список недорослей, т. е. дворянской молодежи, не достигшей 15 лет. Вероятно, в результате смотра был составлен «сметный список 139 году, сколько служилых людей в Московском государстве», согласно которому на службе состояло тогда 66 690 человек.[1]

См. также № 162.

[1] Временник ОИДР. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 18—51.

№ 115

В указе не ранее 1621/22 г. сделано разъяснение к указу 1620/21 г. (№ 103), запрещавшему всякое отчуждение тяглых дворов и дворовых мест беломестцам, о том, что возвращению подлежат только те дворы посадских людей, которые были записаны в писцовых книгах 1620/21 г.

тяглыми дворами; дворы же, приобретенные беломестцами и записанные за ними в тех же книгах, возвращению в посад не подлежат; деньги, полученные продавцами за дворы и за дворовые строения, построенные после покупки двора, велено отдавать покупателям (беломестцам) и тем, кто их строил. Таким образом, указ защищает интересы как посадских тяглецов, так и беломестцев, чаще всего влиятельных людей.

См. также № 116, 136, 137, 158, 163, 195, 214, 250, 295.

№ 116

Указ не ранее 1621/22 г. уточняет указ 1620/21 г. (№ 103), запретивший все виды отчуждения посадских черных дворов и дворовых мест беломестцам. Согласно комментируемому указу, все дворы и дворовые места, записанные в писцовых книгах 1620/21 и 1621/22 гг. за посадскими людьми и «ныне» принадлежащие беломестцам, должны быть возвращены «в посад в тягло», а дворы и дворовые места, записанные в тех же книгах за беломестцами, а «ныне» принадлежащие посадским людям, должны быть возвращены беломестцам «всяких чинов». Этот указ интересен тем, что закрепляет дворы не только тяглецов, но и беломестцев.

См. также № 115, 137, 158, 163, 214, 295.

№ 117

Большой сыск о поместных и денежных окладах служилых людей всех городов, введенный указом 23 февраля 1622 г., имел целью устранить те злоупотребления в поместном землевладении, с которыми столкнулось правительство Романовых. Многократные повышения окладов и массовые раздачи поместий служилым людям при Василии Шуйском и в ополчениях под Москвой, нарушение строгого делопроизводства по поместным делам в едином центральном учреждении и утрата документов в условиях длительной войны — все это способствовало созданию неразберихи в поместных делах вообще и в частности в вопросе определения окладов служилых людей и законных прав их на фактическое владение поместьями. Этой неразберихой пользовались многие служилые люди, добиваясь путем ложных доводов пожалования им новых поместий.

По свидетельству указа 23 февраля 1622 г., правительство, не полагаясь на правильность показаний просителей и соседей-землевладельцев, производило новые поместные раздачи обычно с оговоркой «до болшаго сыску». Формула «до большого сыска» имеется в значительном числе поместных документов 1613—1621 гг. Задачей большого сыска 1622 г., по мнению правительства, было установление путем проверки сохранившихся документов или с помощью опроса широкого круга свидетелей поместного оклада и фактического владения каждого служилого человека.[1]

[1] *Зерцалов А. Н.* О верстании новиков всех городов 7136 г.: (1627—1628 гг.)//Чтения ОИДР. 1895. Кн. 4. С. 6—7.

№ 118

В соответствии с каким-то прежним указом в указе не позднее 12 апреля 1622 г. предписывалось не давать суд, т. е. не возбуждать дел о взыскании имущества («поклажи»), данного на хранение до оккупации Москвы интервентами, а также дел о побоях и грабежах, случившихся до этого срока. В отношении взыскания долгов по кабалам подтверждается 15-летний срок давности (см. № 45). Свыше этого срока возбуждать дело по долговой кабале допускалось, если об этом долге было заявлено в правительственном учреждении, что отмечалось на кабале («подписана»).

№ 119

Указ не позднее 16 июля 1622 г. направлен на то, чтобы полностью исключить совместное проживание мусульман-татар, являвшихся помещиками или вотчинниками, и принадлежавших им холопов-православных, как русских, так и крещеных пленников-латышей. Для практической

реализации этого замысла власти фактически разделили всю холопью массу, находившуюся в собственности некрещеных татар, на две неравные части, предусмотрев в отношении каждой из них не во всем совпадающие меры. Общим для таких холопов являлся безусловный запрет проживать в господских дворах. Люди, относившиеся к низшей части холопьего контингента, названные в указе, в противоположность служилым холопам, пашенными, могли с непременного их добровольного согласия быть поселенными вместе с крестьянами за господскими дворами в специально поставленных для этого отдельных дворах. Что же касается небольшой группы служилых холопов, то ими татарам владеть запрещалось вовсе, безотносительно к месту их проживания. Предусмотренное указом отличие в подходе к пашенным холопам и холопам служилым объясняется тем, что в походной военной службе невозможно избежать совместного проживания и трапезы православных служилых холопов и некрещеных их господ.

Предписания указа фактически означали, что некрещеным татарам запрещалось отныне владеть холопами, большинство которых, за исключением пашенных холопов, добровольно согласившихся поселиться за господскими дворами, подлежало отпуску на волю. Однако этот вывод лишь вытекает из смысла указа, но не содержится в его дошедшем тексте. Правда, в указе говорится о том, что «от татар велено русских всяких людей освободити на волю», но остается неясным, относится это мероприятие к нему самому или к какому-либо предшествующему указу. Отмеченная неясность объясняется тем, что комментируемый указ сохранился лишь в форме памяти.

Вызванный религиозным фанатизмом и нетерпимостью, указ был подготовлен, вероятно, под влиянием патриарха Филарета. Запрещение некрещеным татарам владеть холопами преследовало, кроме своих прямых целей, еще и цель побудить феодалов Поволжья к переходу в православие.[1]

Помимо формулирования общей нормы, указ касается частного случая, относящегося к пленным латышам, которые впредь захотели бы принять православие, и распространяет на них эту общую норму, предписывая селить таких людей, пожелавших остаться у своих господ, за дворами. Однако предусмотрено было и исключение из нее: если выяснится, что намерение креститься вызвано только желанием таким способом избавиться от холопской зависимости, крещение не должно производиться, а пленники оставляются по-прежнему в холопстве у их господ-татар.

См. также № 166.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 79.

№ 120

Указ 10 августа 1622 г., как видно из его вводной части, приведенной в памяти из Ямского приказа, подтвердил действие старого закона, изданного при царе Федоре. Закон имеет целью пресечь владение лишними землями (сверх «дач», зарегистрированных в Поместном приказе), полученными служилыми людьми в результате ложных с их стороны «сказок» о количестве просимой ими земли или использования при определении этого количества новых дозорных книг, где число четей обычно (в силу запустения) выставлялось меньше, чем в старых писцовых книгах. Вследствие этого за служилым человеком, получившим те или иные деревни и села (или части их), регистрировалось в приказной даче меньшее количество земли (в четвертях), чем это было на самом деле. Служилый человек, таким образом, владел фактически большим количеством земли, чем было указано в «даче», т. е. имел «многие чети за малые чети». Указ 10 августа 1622 г. предписывает наказывать таких владельцев отобранием лишней земли по челобитью доносчиков и в пользу последних («отдавати челобитчиком, хто за кем сыщет в поместье безповоротно»); штрафом в пользу казны в размере алтына с каждой чети и с каждого года неправильного владения («поместное владение»).

В приговоре 30 июня 1611 г. Первого ополчения было постановлено отбирать у служилых людей земли, оказавшиеся сверх законных дач, а за незаконное владение землей «доходы и владение на них доправить».[1] Указ 10 августа 1622 г. устанавливает норму, которой следовало руководствоваться при взимании «владения».

Указ процитирован в деле 1625—1626 гг. о лишних землях, обнаруженных челобитчиками за помещиками села Никольского-Заболотья, и явился основанием для отобрания лишних четвертей в пользу челобитчиков. О взятии «владения» в решении не сказано, вероятно, потому, что владельцы лишних земель, оказавшие сопротивление властям, были наказаны батогами и посажены в тюрьму в Вологде.[2]

См. также № 93, 234 (ст. 12).

[1] *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 270.
[2] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. С. 27, 40.

№ 121

Указ 10 августа 1622 г. дан в несколько иной редакции, чем указ о лишних землях того же числа (№ 120). Под «лишними землями» подразумевались четверти, оказавшиеся у служилого человека сверх фактических дач или сверх его поместного оклада. Эти чети отнимались, а провинившиеся платили штраф — «поместное владение». Отличия в формулировке закона при сохранении нормы — результат деятельности приказного делопроизводства, подводившего формулу закона под соответствующий казус.

№ 122

Указ 27 августа 1622 г. издан по поводу нарушений соборного приговора 1580 г. (№ 40). В исторической литературе неоднократно отмечалось, что приговор 1580 г., запрещавший духовенству приобретать земельные владения, выполнялся недостаточно строго. Обход этого закона облегчался тем, что в нем допускалась дача земли в монастырь при условии возможности выкупа ее родственниками.[1] Правительство царя Михаила в указе 27 августа 1622 г. подтвердило по существу соборный приговор 1580 г., но внесло в него некоторые смягчения.[2] Так, если о выкупе вотчины, поступившей в монастырь, не было подано челобитья до 1613 г., то она оставалась навсегда за монастырем на том основании, что «те вотчины застарели в монастырех многими леты». Тем самым нарушалось постановление соборного приговора 1580 г. о 40-летнем сроке для выкупа вотчины родственниками. Если же челобитье о выкупе было подано до 1613 г., то дело все-таки решалось царской властью.

По указу 1622 г. под действие приговора 1580 г. попадали лишь вотчины, поступившие в монастырь после 1613 г. В этом случае родственники (даже дальние: «хотя хто и далеко в роду») имели право на выкуп, а при отсутствии последних (в расчет не принимались те родственники, которые «словут иными роды») вотчина выкупалась на государя с выплатой денег монастырю из казны. Есть основания предполагать, что указ о запрещении отдавать земли в монастыри издан правительством царя Михаила ранее 1622 г. Так, в данной грамоте Матрены Красновой Троице-Сергиеву монастырю на село Володимирово (Переяславский уезд) 1620 г. говорится об указе царя, патриарха и бояр, по которому «вотчин в монастырь давати не велено и та вотчина велено продати ценою или ... роду и племени выкупить».[3]

Однако правительство само не соблюдало указанных постановлений: оно щедро раздавало дворцовые земли монастырям [4] и даже в известной мере поощряло служилых людей передавать свои земли монастырям. В формуляре жалованной грамоты на выслуженные вотчины, введенном указом 1618/19 г. (см. № 86), это право служилых людей прямо оговаривалось. В 1636 г. царь санкционировал передачу боярином Б. М. Лыковым его выслуженной вотчины в Пафнутьев Боровский монастырь.[5] Рост задолженности вотчинников монастырям обусловил в первой половине XVII в. усиленный приток земель во владение церковных учреждений.[6] В челобитной всяких чинов людей 1648 г. об отобрании у духовенства земель, приобретенных после приговора 1580 г., прямо указывается на нарушение этого приговора как правительством, так и служилыми людьми: вотчины давались в монастыри «по государевым указом и по подписным челобитным и без государевых указов собою».[7]

[1] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 116—119.
[2] В указе приговор датирован ошибочно 1581 г. (см. комментарий к № 40).
[3] *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 289—290.
[4] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 220—221.
[5] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 113—114.
[6] *Готье Ю. В.* Замосковный край... . С. 232—235.
[7] ААЭ. Т. 4. № 33.

№ 123

Указ 16 декабря 1622 г. разрешает давать на откуп сбор таможенных доходов, всевозможных мытов и торговых пошлин по торжкам только посадским людям и волостным крестьянам, запрещая откупы правительственным чинам, дворянам и их крестьянам. В указе сказано, что это постановление касается тех доходов, которыми ведает Большой приход, т. е. управление дворцовое, но норма, сформулированная в указе, включена в Уложение 1649 г. (гл. XVIII, ст. 23), что свидетельствует о ее общем значении.

См. также № 95, 131, 139.

№ 124

См. с. 136—137.

№ 125

Указ 1622/23 г. имеет целью упорядочить делопроизводство по земельным делам. Челобитчик, возбудив дело, обязан его вести и прежде всего добиваться документальных справок от официальных учреждений о предмете челобитья, которые в делопроизводстве имели название «выписок».

№ 126

Указ 2 февраля 1623 г. преследовал те же цели, что и указ 23 февраля 1622 г. о сыске окладов на поместных землях (см. № 117): ликвидировать злоупотребления, которые в годы Смуты были совершены церковниками для увеличения земельных владений. Вместе с тем выдача новой жалованной грамоты от имени царя Михаила монастырю, владыке, церкви на основании прежних жалованных грамот или при утрате последних (в результате розыска) вело к укреплению феодальной земельной собственности церкви.[1]

В отрывке сохранившегося доклада, следующего за указом, сообщается, что выдача новых жалованных грамот производилась в Сыскном приказе со 2 февраля 1623 г. по март 1625 г. Подобные грамоты сохранились в большом количестве. Например, по Важскому уезду грамоты были выданы 24 июня 1623 г. Богословскому монастырю, 7 сентября — Введенской Уздренской пустыни, 31 октября — Агапитовой пустыни, 7 января 1624 г. — Шидровской пустыни, 1 марта— Клоновскому монастырю. В формуляре этих грамот обязательно указаны прежние жалованные грамоты или сказано об их утрате (в последнем случае приводятся документы, подтверждающие вотчинные права феодала), а далее после фразы «... и мы ... велели им те прежние жаловальные грамоты по нашему государскому указу и по уложению переписать вновь на наше государское имя и велели им дати сю нашу государскую жаловальную новую грамоту» идет текст новой грамоты.[2] Если прежних жалованных грамот нет, то в формулу включается указание на документ, послуживший основанием для дарования новой грамоты. Как видим, формуляр грамоты построен в соответствии с комментируемым указом.

[1] В жалованной грамоте Ладожскому Васильевскому монастырю излагается челобитье старцев, из которого очевидно, что монахам было выгодно получить подтверждение их привилегий по «новому уложению», т. е. по указу 2 февраля 1623 г. Была де у них, пишут старцы, грамота 1619/20 г., а теперь они просят «ту прежнюю нашу жаловальную грамоту переписать вновь, по ... государскому новому уложению, а по ... государскому указу с тое их монастырские вотчины ... никаких податей, денежных всяких поборов, и казначеевых хлебных запасов и кормов, с сошными людьми не давати, опричи ямских денег и стрелецких хлебных запасов, и городового и острожного дела» (АИ. Т. 3. № 129. С. 201).

[2] Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. № 218, 220, 221, 224, 226.

№ 127

Сохранение по указу 10 июля 1623 г. за тушинцами, вернувшимися в правительственный лагерь, старинных и купленных вотчин имело целью сплотить господствующий класс. Этими же соображениями руководствовался законодатель, предписывая оставлять у новых владельцев

вотчины, отнятые у служилых людей, ушедших в Тушино, и розданных верным правительству помещикам еще при Василии Шуйском. Поместья и вотчины, полученные в антиправительственных лагерях (в Тушине, под Смоленском, в Новгороде при шведах, у королевича), подлежали секвестру.[1] Служилые люди пользовались этим обстоятельством: сохранились многочисленные челобитья о даче земель, полученных их владельцами в антиправительственных лагерях.

См. также № 70, 76.

[1] *Бибиков Г. Н.* Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции XVII в.//Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 2, вып. 1. В грамоте старорусскому воеводе Я. Боборыкину предлагалось «отписать на царя» поместья, розданные из дворцовых сел и черных волостей Якобом Делагарди (РИБ. 1878. Т. 5. № 4).

№ 128

Указ 19 декабря 1623 г. восстанавливает положение, существовавшее до оккупации Москвы интервентами, когда, согласно указу 1608/09 г. царя Василия Шуйского (№ 61), стрельцы освобождались от уплаты судебных пошлин при предъявлении исков, исходивших от стрельцов, до 12 руб., и стрельцам — до 100 руб.

№ 129

Запрещение по указу 1623/24 г. покупать, принимать в дар и насильственно крестить татар мужского и женского пола безотносительно к их возрасту, проживавших в Сибири и в районе Астрахани, было связано, по-видимому, с общим политическим курсом, проводимым центральным правительством в первой половине XVII в. по отношению к нерусскому населению, незадолго до того вошедшему в состав Русского государства. В частности, запрещалось взимание ясака правежом, прекратилась насильственная христианизация населения и т. д. Цель такого обращения с восточными народами страны заключалась в стремлении «не ожесточить» их, «не отогнать от государевой милости». Кроме того, массовое превращение ясачного населения в холопов сократило бы поступление ясака. Данная норма при ее проведении в жизнь, во всяком случае в Сибири, охватывала не только собственно татар, но и вообще все нерусское население.[1]

[1] См.: АИ. Т. 4. № 184. С. 339; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII века. М., 1972. С. 70.

№ 130

Указ 1623/24 г. дошел в кратком изложении в составе памяти из Приказа Холопьего суда от 3 июля 1639 г. в Московский судный приказ. Руководители Московского судного приказа столкнулись с тем, что холоповладельцы при подаче челобитных о сыске бежавших людей не предъявляли одновременно с этим исков о краже господского имущества, заявляя, «что животов будут искать в ту пору, как в тех людех государев указ будет, и как тех людей по государеву указу исцом или ответчиком отдадут». Только «после той люцкой отдачи» они «бьют челом в сносе о суде». В связи с этим Московский судный приказ и запросил Приказ Холопьего суда, «по государеву указу на тех людей на исцов или на ответчиков в сносных животах суд давать велено ль, или суда давати не велено».[1]

В памяти из Приказа Холопьего суда в Московский судный приказ со ссылкой на царский указ и были сформулированы: а) общая норма, согласно которой судебные разбирательства по холопьим делам должны вестись в соответствии с нормами, действовавшими до «московского разоренья» (т. е. до оккупации Москвы интервентами в сентябре 1610 г.); б) норма, являющаяся прямым ответом на запрос, в соответствии с которой иски о краже беглыми холопами господского имущества должны предъявляться и рассматриваться одновременно с возбуждением и рассмотрением исков об их бегстве.

Ссылка в указе 1623/24 г. на нормы, действовавшие до «московского разоренья», практически означает, что судьям предписано было руководствоваться всей совокупностью законодательных

актов по холопьему вопросу от соответствующих статей Судебника 1550 г. до уложения 1597 г. (см. № 47), действие которого было восстановлено указом 12 сентября 1609 г. (см. № 63), и ряда указов начала XVII в., не отмененных последним. Напоминание в 1623/24 г. о необходимости вершить холопьи дела в соответствии с законодательными нормами, выработанными в основном до начала Смуты, свидетельствует о том, что дезорганизация в сфере отношений между холоповладельцами и холопами, вызванная гражданской войной и интервенцией, давала о себе знать и через десять лет после избрания на царский престол Михаила Федоровича Романова.

Что же касается нормы, предписывавшей предъявлять и рассматривать иски о краже холопами господского имущества одновременно с возбуждением и рассмотрением исков об их бегстве, то в сохранившемся законодательстве, предшествовавшем указу, она не содержится. Ее появление, по-видимому, следует связать с осознанием законодателем того факта, что предъявление иска о краже имущества может привести к возбуждению выигравшим дело холоповладельцем ложных исков проигравшему ответчику-холоповладельцу, поскольку первый получал неограниченные возможности для принуждения находившегося теперь в его руках холопа к даче ложных показаний.

Несмотря на предписание отказывать в приеме таких отдельно поданных исков, руководители Московского судного приказа даже через 15 лет после этого, в 1639 г., столкнулись с тем, что холоповладельцы при подаче челобитных о сыске бежавших людей по-прежнему не предъявляли исков о краже господского имущества.

[1] *Назаров В. Д.* Указная книга Московского судного приказа//АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 479.

№ 131

Указ от 25 февраля 1624 г. предусматривает право правительственных органов обязать откупщика, отказавшегося от откупа до срока, продолжать исполнять обязанности откупщика на прежней сумме «без наддачи» при условии, что данная откупная статья не могла быть сдана «на веру», т. е. поручена сбором местному населению или отдельным лицам без уплаты строго определенной суммы.

См. также № 95, 123, 139.

№ 132

Утайка служилыми людьми старых поместий при возбуждении ходатайств о новых поместных дачах запрещалась указом 20 марта 1620 г., согласно которому утаенное поместье передавалось доносителю (см. № 94). Указ 9 марта 1624 г. смягчал постановление прошлого закона. За лицами, которые сами сообщали («доводили») об утайке ими старого поместья хотя бы за один день до доноса, утаенное поместье сохранялось, конечно, если при этом не превышался установленный оклад служилого человека. В практике дел о лишних землях время челобитья сторон имело большое значение. Например, в приговоре Поместного приказа от 11 сентября 1626 г. владельцы лишних земель теряли их потому, что доносители, обнаружившие лишние земли по старым писцовым книгам, подали челобитья о них ранее, чем «довели» об этом сами владельцы. «А только бы (владельцы лишних земель. — *Авт.*) о той лишней земле били челом государю сами на себя ... хотя б за один день, и тою б лишнею землею государь пожаловал их».[1]

См также № 65, 93, 94, 234 (ст. 3), 253.

[1] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. С. 42.

№ 133

От времени феодальной раздробленности в Русском государстве сохранились различные меры сыпучих тел, создававшие трудности не только в торговле, но и наносившие ущерб интересам фиска. Центральная власть боролась с этим. Уже правительство Ивана IV решило устра-

нить это неудобство: сохранилась грамота на Двину от 21 декабря 1550 г. об отправке двинским старостам, сотским и целовальникам новой медной меры — осмины, а за пользование старыми мерами устанавливался штраф.[1] В грамоте подчеркивалось, что введение новых мер является общегосударственным мероприятием.[2]

Комментируемый указ 1624 г. преследовал цель ввести во всех городах Русского государства единообразие в меры сыпучих тел. За образец была взята московская медная осмина. По образцу присланной из Москвы медной осмины велено было в городах сделать осмины, полуосмины и четверики и «запятнать их таможенным пятном». Н. В. Устюгов считал, что новая мера отличалась от ранее употреблявшихся,[3] и ссылался при этом на грамоту новоторжскому воеводе Пятому Гаврилову Мусину от марта 1624 г.[4] Н. В. Устюгов писал, что именно в это время был увеличен размер казенной четверти до 6 пудов ржи и 5 пудов ржаной муки.[5]

[1] ДАИ. Т. 1. № 45.
[2] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1965. С. 68.
[3] Там же. С. 91.
[4] ААЭ. Т. 3. № 151.
[5] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. С. 91.

№ 134

Первое указание на запрещение отчуждать черные земли монастырям и церквам под страхом смертной казни находится в памяти «заказному» целовальнику от 25 февраля 1621 г.[1] Несмотря на это запрещение, отчуждения продолжались.[2] Последовал новый указ (1623 г.), который запрещал не только отчуждение земли в монастыри и церкви, но и все сделки с землей между крестьянами.[3] В ответ на него последовала челобитная земских властей и всех посадских людей и крестьян Устюжского уезда о том, чтобы им «по-прежнему» покупать и закладывать «деревни свои и всякие угодья» «меж себя друг другу ... как у них изстари повелось». В ответ на челобитную последовал комментируемый указ, который начинается с изложения этой челобитной.

Указ не позднее 12 мая 1624 г. восстанавливает исконное право посадских людей и крестьян Устюжского уезда распоряжаться своими деревнями и угодьями, но вводит два ограничения: во-первых, запрещение продавать и закладывать угодья отдельно от деревень; во-вторых, запрещение продавать их и закладывать монастырям и другим нетяглецам. За невыполнение этих условий земля могла быть отобрана на государя.

Оба ограничения вызваны стремлением оградить интересы казны: при переходе земли нетяглым владельцам она, естественно, выходила из тягла; при отдельной продаже или закладе угодий деревня, к которой они принадлежали, обесценивалась и владельцу ее становилось труднее нести тягло.

Отмену запрещения поземельных сделок в крестьянской среде А. И. Копанев связывает с крестьянской борьбой за сохранение права на землю как одного из сословных прав черносошного крестьянства.[4] В дальнейшем, в течение всей первой половины XVII в., крестьяне продолжали совершать сделки с землей не только в своей среде, но и отчуждать свои земли монастырям, церквам и другим беломестцам.

См. также № 303, 327.

[1] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 12.
[2] О самой широкой земельной мобилизации среди черносошного крестьянства XVI и XVII вв. свидетельствуют сотни документов — купчих, закладных, духовных и др. (*Копанев А. И.* 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 14, 45 и др.; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 24).
[3] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 12—13.
[4] Там же. С. 13.

№ 135

Тяжелые условия Деулинского перемирия (1618 г.) привели к ухудшению положения русских людей в отошедших к Польше землях. Как и на шведской границе, это имело следствием массовое бегство крестьян и посадских людей из-за рубежа в Россию, что приводило к нежелательным политическим осложнениям с Польшей, требовавшей выдачи беглецов, а также могло способствовать проникновению в страну вражеских лазутчиков. Имели место и случаи бегства холопов и крестьян от их владельцев за рубеж, что было прямым следствием усиления крепостни-

ческих отношений, и их возвращения обратно с требованием воли как беглецам из-за рубежа.

Рассматриваемый указ не ранее 14 мая 1624 г. тесно связан с другим, текст которого И. Л. Андреев обнаружил в грамоте 1624 г.: «От которых дворян и детей боярских люди их и крестьяне, выбежав за рубеж и пожив за рубежом лет по 5 и по 6, и по 10 и выйдут опять из-за рубежа, и тех велено в побеге расспрашивать, да кто дойдет до пытки, и тех велено пытать, и, пытав, отдавать тем же дворяном и детем боярским, кто у кого служивал и по них имати поручные записи».[1] Естественно, что к владельческим крестьянам, бежавшим за рубеж и вернувшимся на родину, не применяются статьи Судебника 1550 г. об освобождении за «полонское терпение» (Судебник имеет в виду только холопов, а не крестьян). Существенно, что на них не распространяется и пятилетняя урочная давность (на что обратил внимание И. Л. Андреев). Более того, указ характеризуется крайне настороженным, подозрительным отношением к этим выходцам из-за рубежа: они должны подвергнуться тщательному расспросу об обстоятельствах своего побега, а в случае необходимости — и пытке. Эта настороженность понятна: напряженное положение на русско-польской границе, традиционно враждебное отношение к России правительства Сигизмунда III делают вполне вероятным использование польскими властями русских выходцев во враждебных целях.

Вопрос о выходцах из-за рубежа был, по-видимому, достаточно актуальным в 20—30-х гг. в условиях отторжения от России части ее земель. И. Л. Андреев приводит ссылку в грамоте 1626 г.: «Выходцам ... давати воля, кто где похочет жить, только б от рубежа сажати в дальних местах ... а меньши 50 верст не сажати».[2] Как видим, в данном случае вопрос о выходцах решается в духе комментируемого указа. В 1628 г. было подтверждено право предоставлять выходцам волю, «где кто похочет жить, только б не близко [от] литовского рубежа, а неволею их старым помещиком отдавать не указано».[3] На основании этого предписания в 1631 г. решено было дело по челобитью помещика С. Лихарева о его крестьянине, вышедшем из-за рубежа: «Государь пожаловал, будет тот крестьянин ево, и к нему из воли похочет, отдавать ему и по нем взять крепкие поруки».[4]

Таким образом, вопрос о крестьянах — выходцах из-за рубежа после Деулинского перемирия — решается в законодательстве 20-х гг. по-разному. Согласно правдоподобному предположению И. Л. Андреева, рассматриваются два основных казуса: 1) крестьянин (или холоп) бежал от своего владельца за рубеж, а потом вернулся обратно; 2) крестьянин (или посадский человек) оказался за рубежом не по своей воле (был пленен, вывезен, оказался на утраченной Россией территории). Отношение законодателя к этим двум категориям выходцев из-за рубежа принципиально различно. В первом случае применяются жесткие меры комментируемого указа и другого указа 1624 г., процитированного И. Л. Андреевым: в лучшем для себя варианте, «будет до ково изменное дело не дойдет», крестьяне или холопы возвращаются прежним владельцам независимо от срока пребывания за рубежом. Во втором случае крестьяне и посадские люди в принципе получают волю, опять же, по-видимому, вне зависимости от числа лет, вынужденно проведенных за границей. Единственное ограничение их свободы — поселение не ближе 50 верст от рубежа. Под властью прежнего владельца такой крестьянин, или посадский человек, или холоп может оказаться только тогда, когда сам «к нему из воли похочет». Впрочем, известная бдительность соблюдается и по отношению к этим добросовестным выходцам из-за рубежа: на них берутся поруки, «что им государю не изменять».

Эти две тенденции отчетливо проявились и были обобщены в указе 9 октября 1634 г., также обнаруженном И. Л. Андреевым: «Которые боярские люди и крестьяне бегают от бояр своих, иманы в полон ... а после того ис полону ... выходили, и таких боярских людей и крестьян по-прежнему в холопство и в крестьянство отдавать велено».[5] Было подтверждено также, что сельское население, оказавшееся в плену в результате военных действий, получает свободу. На основании дел, сохранившихся в Приказном столе Поместного приказа, И. Л. Андреев говорит о недовольстве феодалов освобождением крестьян — выходцев из плена и о судебной практике возвращения их прежним владельцам исходя из крепостнического правил»а „крепок по старине“ и писцовым книгам».[6]

См. также № 322.

[1] *Андреев И. Л.* О происхождении отдельных статей XI главы «Суд о крестьянех» Соборного уложения 1649 г.// История СССР. 1980. № 4. С. 127.
[2] Там же. С. 127.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 127—128.
[5] Там же. С. 128.
[6] Там же.

№ 136

Указ 4 июня 1624 г. подтверждает запрещение указа 1620/21 г. (№ 103) давать вкладом в монастыри тяглые посадские дворы и вводит новый по сравнению с этим указом момент о запрещении давать вкладом и закладывать в монастыри и монастырским служкам не только дворы, но и лавки; при желании дать вкладом двор или лавку последние должны быть проданы тяглому посадскому человеку, а в монастырь отданы деньги. Этот указ, как и предшествующие, преследовал цель невыхода из тягла дворов и торговых помещений.

См. также № 134.

№ 137

Указ 28 июня 1624 г., данный вскоре после указа 4 июня 1624 г. (№ 136), существенно от него отличается. Так, в настоящем указе устанавливается срок запрета — с 1623/24 г. Кроме того, в нем отсутствует требование продажи тех дворов и лавок, которые подлежали вкладу в монастырь, только посадским людям.

См. также № 134.

№ 138

Боярский приговор 14 октября 1624 г. является дополнением к ст. 13 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (№ 80) и устанавливает материальную ответственность феодалов за уголовные преступления («воровство»), совершенные их людьми. При установлении по розыску вины боярских людей (холопов) их владельцы обязаны были платить за них «выти», даже если последние умрут до окончания следствия. Исключение делалось лишь в отношении «задворных людей» — боярских людей, живших на барском задворье и имевших свое хозяйство (видимо, речь шла преимущественно о пашенных холопах). Задворные люди сами платили «выти», а в случае их смерти в покрытие «вытей» шло их имущество.

№ 139

Указ 20 октября 1624 г. был издан в связи с укоренившейся практикой давать откупы в обход указа 6 апреля 1620 г. (№ 95) боярским и дворянским крестьянам, засвидетельствованной в отписках четвертей и Казанского дворца. Так, Казанский дворец сообщал, что при недостатке откупщиков из посадских людей и волостных крестьян «откупы дают в откуп и боярским, и дворянским крестьянам, потому, — только те откупы собирать на веру верным целовальникам, и у верных целовальников во всяких сборах имеется недобор». [1] Указ 20 октября 1624 г. предписывает отдавать на откуп доходы вотчинным крестьянам лишь тогда, когда откупа «не возьмут» «посадцкие и волостные государевы крестьяне». Итак, правительство рассматривало сдачу откупов вотчинным крестьянам как крайнюю меру. В ст. 23 гл. XVII Уложения 1649 г. подобной оговорки нет. Норма ее сформулирована в соответствии с указом от 16 декабря 1622 г. (№ 123). Правовое и экономическое положение крепостного крестьянина, зависимого полностью от вотчинника, не внушало к нему доверия как к платежеспособному лицу.

См. также № 131.

[1] *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913. С. 38.

№ 140

Боярский приговор 17 февраля 1625 г. определяет ответственность феодалов за неумышленное убийство (в драке или по пьяному делу) их холопами и крестьянами или ими самими крестьян и холопов, принадлежавших другим владельцам.

По приговору решающими доказательствами в определении факта неумышленного убийства были показания обвиняемого на пытке. Характер наказания и форма возмещения за убийство холопа и крестьянина ставились в зависимость от социального положения убийцы. Имелись в виду следующие казусы.

Неумышленное убийство чужого холопа (боярского человека) совершил холоп. Такого боярского человека следовало пытать, бить кнутом и отдать в холопство вместе с женой и детьми тому владельцу, у которого он убил человека. Жена и дети убитого холопа оставались у прежнего владельца. Возмещение долгов убитого запрещалось. Приговор не устанавливал, кто должен их погашать.

Неумышленное убийство чужого зависимого человека совершено самим феодалом, его приказчиком либо его сыном или племянником, не имеющим своего поместья и живущим у своего родственника. В этом случае убийц также пытали, а вместо убитого ими человека предписывалось отдать его владельцу из поместья виновного или его родственника «лутчего крестьянина» с женой, детьми и со всем имуществом. Жена и дети убитого оставались, как и в первом случае, у прежнего владельца. Взыскание долгов запрещалось. Что же касается самого убийцы (феодала), то он не подвергался битью кнутом, а сажался в тюрьму до царского указа.

Владельческий крестьянин неумышленно убил крестьянина другого владельца. Здесь следовало поступить, как в случае с холопами (первый казус).

Классовый смысл указанных постановлений выражен предельно четко: всемерная охрана интересов дворян-крепостников — холопо- и крестьяновладельцев.

См. также № 276.

№ 141

Новая государственная печать, употреблявшаяся после указа не позднее 25 марта 1625 г., в своем рисунке и надписи отразила процесс развития феодальной монархии: во-первых, включением надписи «самодержец» в титул царя на печати, во-вторых, изображением короны между головами орла как символа власти.

№ 142

Указ не позднее 31 марта 1625 г. регламентирует порядок приведения к присяге на суде. Имеются в виду гражданские дела, касающиеся преимущественно тяжб о холопах и по другим крепостным делам. Но сами правила носили, видимо, общенормативный характер и применялись при других судных делах в московских приказах. Устанавливались образец креста (запрещение целовать медные кресты) и место приведения к присяге: при исках между русскими людьми — церковь Николы Старого (Николы Гостунского) в Кремле, при исках между русскими и иностранцами — в помещении приказов. Для пресечения лжесвидетельства запрещалось холопам, приносившим присягу от имени и по поручению своих господ, целовать крест более трех раз, нельзя было и приводить к присяге холопов моложе 20 лет. В этих случаях истцы и ответчики (холоповладельцы) должны были сами целовать крест. Лица, не имевшие холопов, могли приводиться к присяге и в возрасте до 20 лет.

См. также № 223.

№ 143

Указ не позднее 11 сентября 1625 г. сохранился не полностью. Вследствие этого исследователи либо ограничивались его цитированием, [1] либо отмечали его неясность.[2]

[1] *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 229.
[2] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 387.

№ 144

Указ не позднее 11 сентября 1625 г. имеет целью предотвратить переход оброчных земель в постоянное владение монастырей и приходских церквей. Переоброчка — средство против этого, ибо переход земли в другие руки с наддачей оброка не позволит церковникам завладеть оброчной

землей «в вотчины самоволством». Указ и предписывает проводить переоброчку, если кто-либо будет бить челом об этом, указывая на земли монастыря или приходской церкви. Указ рекомендует церковному старосте «церковное всякое строение» вести на собранные с прихожан деньги.

Однако в противоречие с указом правительство разрешало монастырям владеть оброчными землями без переоброчки. Такое право было предоставлено в 50-х гг. XVII в. старым двинским монастырям.[1]

См. также № 145.

[1] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 40.

№ 145

Указ не позднее 11 сентября 1625 г. в первой части устанавливает право черносошного крестьянина выкупать заложенную им или его предками землю или перешедшую в другой род по духовному завещанию в течение 40 лет, т. е. применяет норму ст. 85 Судебника 1550 г., относящуюся к вотчинным землям.

Вторая часть указа имела целью пресечь попытки крестьян черносошных районов распространить право собственности на оброчные земли, освоенные (в силу давности владения) крестьянами. Переоброчка оброчных земель, заявленная указом, должна была обеспечить срочность владения оброчными землями. Однако предписание указа оставлять за крестьянином оброчную землю, если он ее держал более 40 лет, свидетельствует об устойчивости владения оброчными землями в черносошной среде и неэффективности практики переоброчек. Применяя норму о родовом выкупе заложенных и проданных вотчин и к оброчным землям, находившимся в руках крестьян, правительство признавало вотчинный характер права крестьян в черносошных районах на их землю. О купле-продаже и закладе земель на Севере свидетельствуют многочисленные акты XVII в.[1] Правительство признавало правомочность сделок на оброчные земли, что подтверждается многочисленными случаями их фиксации в писцовых книгах 20-х гг. XVII в. в качестве основания владения.[2]

См. также № 144, 146.

[1] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 20—21.
[2] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 69.

№ 146

Указ не позднее 11 сентября 1625 г. устанавливает льготу при уплате оброчных денег. Как бы длительно ни было владение оброчными землями, оброк предписывалось брать лишь за последние 13 лет (с 1613 г.). Опасаясь «ожесточети» плательщиков-крестьян, правительство рекомендовало рассрочить платеж оброчных денег для бедных «на два или три срока». Указ свидетельствовал о распространенности пользования крестьянами угодьями «безоброчно», «самовольством», что на Севере было возможно, так как крестьяне могли легче найти «угодья», чем правительство их учесть.

Издав указ о «льготе», правительство, вероятно, надеялось расширить номенклатуру угодий, подлежавших обложению оброком.

Осуществление указа не подтверждается источниками.

См. также № 145.

№ 147

Согласно многочисленным указам, нетчики наказывались отнятием части поместья и жалованья. Указ 1 ноября 1625 г., предусматривая это, кроме того, определяет и меры общественного порицания, а именно исключение нетчика из того списка, в который он был включен, внесение его в более низкий список: из «выбора» — в «дворовый», из «дворового» — в «городовой». Так как списки «по выбору» и «дворовый» составлялись в Разряде при верстании новиков, «сыскивая по родству» и «по службе», то исключение нетчика из его списка было бесчестием для него.

См. также № 44.

№ 148

Указом 8 марта 1626 г. подтверждается 15-летний срок для взыскания денег по кабалам, установленный еще в 1588 г. (№ 45), а вторично предписанный указом не позднее 12 апреля 1622 г. (№ 118), на который, очевидно, ссылается законодатель в комментируемом указе, и запрещается при взыскании долгов взимать проценты, превышающие сумму долга. Законодатель исходит из обычного для того времени «роста» — 20 % годовых. Именно потому предписывается «рост имать на пять лет»: за этот срок величина процентов достигает величины «истины», т. е. занятой суммы.

№ 149

Указ 8 августа 1626 г. приравнивал патриарших стольников к царским стольникам в отношении размеров подмосковного поместья. По указу 1586/87 г. (№ 44) стольникам полагалось по 100 четвертей. Указ отразил высокое положение патриарха Филарета — отца и соправителя царя Михаила Федоровича.

№ 150

Указ не позднее 29 января 1627 г. предписывает найденных лошадей по прошествии 5—6 дней продавать, а деньги брать на государя. М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что «находка не признается допетровским правом за способ приобретения права собственности». Найденная вещь по прошествии известного срока поступает в собственность государства, а «находчик» не получает никакого вознаграждения.[1]

«Конская площадка» в XVII в. находилась в Москве на Болотной площади.

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 134.

№ 151

Указ 26 февраля 1627 г., запретивший отчуждать дворцовые земли, вызван был тем, что в результате усиленной раздачи дворцовых земель в 1612—1625 гг. значительно сократились доходы дворцового хозяйства. Ю. В. Готье на основании писцовых книг установил, что раздача дворцовых земель распространилась на 22 уезда Замосковного края и охватила очень большие волости. Только в 1612—1613 гг. думным и московским чинам, участвовавшим в освобождении Москвы от польских интервентов, роздано не менее 45 500 десятин дворцовых земель.[1]

Политика раздачи дворцовых земель, осуществленная правительством царя Михаила, имела целью укрепить экономическую мощь господствующего класса путем передачи ему наименее разоренных земель государства. И лишь когда весь состав служилых людей оказался более или менее обеспеченным землей и крестьянами, расходование дворцовых земель было ограничено. Запрещение раздавать дворцовые земли в указе мотивировалось нуждами дворцового ведомства. Однако указ 26 февраля 1627 г., несмотря на категоричность содержавшегося в нем запрещения раздавать впредь дворцовые земли, не соблюдался. Раздача дворцовых земель, хотя и не в таком большом объеме, как раньше, проводилась еще в 30—40-х гг. XVII в.[2]

В сложном по социальному составу Первом ополчении (в нем наряду с дворянами и казаками были и черносошные крестьяне) существовало мнение о недопущении расхищения дворцовых и черносошных земель. В приговоре 30 июня 1611 г. было постановлено отписать дворцовые и черные земли у захвативших их.[3]

См. также № 144, 145.

[1] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 207—210.
[2] Там же. С. 213.
[3] *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 269—270.

№ 152, 154, 170, 171, 179, 184, 187

Количество подвод для отдельных лиц было суммарно определено в уложении о ямской гоньбе и ямских слободах не ранее 1620/21 г. (№ 106).

Ямской «разгон» был велик, поэтому правительство в указе 8 марта 1627 г. (№ 152) разработало специальную инструкцию о числе подвод, причитающихся каждому лицу, исходя из его сана, родовитости и служебного положения. Вскоре указ был дополнен новым распоряжением от 23 января 1628 г. о количестве подвод при зимних и летних перевозках (№ 171). В том же году 14 апреля царь «пожаловал столников, и стряпчих, и московского списку дворян и дьяков», увеличив количество причитающихся им ямских подвод (№ 179); таким образом, указ от 8 марта 1627 г. (№ 152) был дополнен. Новое дополнение указа № 152 последовало 10 сентября 1628 г., когда в Ямской приказ был направлен указ о даче подвод стрелецким пятидесятникам (№ 184). В развитие и уточнение отдельных частей этих указов в промежутках между ними был сделан ряд распоряжений. Так, 12 мая 1627 г. было предписано не давать подводы приказным людям, едущим в Москву и из нее без именных указов, кроме едущих в Сибирь, Астрахань, Кольский острог и на Терек (№ 154). Такого же характера были и указ от 21 января 1628 г. о количестве подвод, причитающихся под запас воеводам и приказным людям, едущим в Сибирь (№ 170), и указ от 21 октября 1628 г., устанавливавший, до каких городов воеводы и приказные люди могут получать ямские подводы (№ 187).

См. также № 272.

№ 153

Указ 10 мая 1627 г. определяет процедуру дачи помещикам земель разных категорий: порозжие земли, т. е. давно оставленные помещиками, мог давать воевода, согласуясь с данными писцовых книг и с теми размерами, какие обозначены были в поместных документах — в дачах прежних помещиков. Раздача земли должна была производиться не выборочно, а сплошной площадью.[1] Это правило имело целью пресечь попытки составить поместье из добрых земель путем исключения плохих участков.[2]

Только с разрешения царя могли быть даны в поместье земли, изъятые у других помещиков, как земли «вылганные» (незаконно захваченные), «утаенные» (т. е. не зарегистрированные за помещиками при оформлении документов на дачи), «примерные» (не записанные в писцовой книге, но фактически обрабатываемые помещиком) и «выморочные» (освободившиеся вследствие смерти владельца при отсутствии наследников). Обязательность царского разрешения предопределяет процедуру таких поместных дел: они должны начинаться с челобитья царю, сопровождаться проверкой обоснованности просьбы и фактического состояния просимой земли. Возникало делопроизводство, осложняемое тем, что об одной и той же земле били челом десятки, сотни служилых людей.[3] Такая процедура усиливала правительственный контроль в важной области государственного хозяйства.

[1] Это правило существовало и ранее. Имеются многочисленные жалобы на его нарушения в XVI в. Например, в 1572 г. помещик Мокеев жаловался, что ему отвели земли «не сряду и не смежно по недружбе» «через деревни верст за 15 и за 20 не сразу и не с одного» (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 110—111).

[2] Дача из порозжих земель оформлялась, конечно, в Поместном приказе. В. Н. Сторожев привел 36 приговоров — помет дьяков Поместного приказа о даче порозжих земель помещикам в Вологодском уезде в 1627—1630 гг. (*Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. С. 351—358).

[3] Так, о поместье, отписанном у дьяка Ивана Булыгина, было подано в 1626 г. 43 челобитных от 30 лиц, а о поместье Путилы Рязанова в 1627 г. — 93 челобитных от 103 лиц (*Сторожев В. Н.* Материалы... . С. 51, 71—73).

№ 154

См. выше.

№ 155

Запрещение указом 23 мая 1627 г. сходиться «на безлепицу» на Старое Ваганьково в Москве А. А. Зимин объясняет боязнью правительства народных сборищ, которые могли перерасти в бес-

порядки.[1] Правильнее рассматривать это запрещение как борьбу церкви с пережитками язычества [2] (ср. № 164).

[1] ПРП. Вып. 5. С. 400—401.
[2] См.: Стоглав//Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 309—310, 367—371.

№ 156

Указ ранее 11 июля 1627 г. приведен в приговоре Поместного приказа по поводу обмена служилыми людьми Великого Новгорода и Вологды своими поместьями.[1] Приказ, утверждая эту мену, оговаривает, что она «иным не в образец», так как по царскому указу служилые люди, служащие «с городом», не могут иметь поместья в других городах.

См. также № 39, 85, 211.

[1] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. С. 181—182.

№ 157

Указ не позднее 13 июля 1627 г. подтверждает запрещение приезда иностранных купцов для торговли в Москву без специального разрешения правительства.

Иностранные купцы были заинтересованы в русском рынке, по мнению К. В. Базилевича, по двум причинам: изобилие дешевого сырья, необходимого для развивающейся промышленности Западной Европы; большая поглощательная способность русского рынка на иностранные товары.[1] Наиболее сильные в первой половине XVII в. представители западного торгового капитала — англичане и голландцы — стремились стать единственными посредниками в снабжении Западной Европы русским сырьем. Русское правительство, предоставляя льготы иностранным купцам, хотело ограничить их торговые операции как в отношении продажи привозимых ими иностранных товаров, так и в отношении товаров, закупавшихся иностранцами в России. Иностранные же купцы пытались захватить в свои руки скупку русских товаров на местных рынках, используя для этого как посредников русских торговых людей и своих приказчиков. Развитие торговых операций иностранных купцов привело к столкновению русского и иностранного капитала в борьбе за русский рынок. Распространение иностранного капитала на внешнем и внутреннем рынках России больше всего затрагивало интересы русских крупных торговцев, возивших товары для сбыта их на пограничных рынках и стремившихся захватить в свои руки весь торговый обмен с заграницей. Поэтому во главе движения против иностранных купцов стояли крупные московские «капиталисты», лично заинтересованные в архангелогородской и новгородской торговле, такие, как К. Босой, В. Шорин, Н. Светешников и др.[2]

В борьбе за внутренний рынок русский торговый капитал оказался бессильным перед лучше организованными и более мощными английским и голландским капиталами. Иностранные купцы полностью захватили в свои руки весь обмен с заграницей, совершенно исключив из него русских экспортеров. «Средства экономической борьбы, — писал К. В. Базилевич, — оказались недостаточными и пришлось стать под защиту правительства».[3] Отсюда неоднократная подача коллективных челобитных. Сохранилось несколько таких челобитных русских торговых людей, первые из сохранившихся относятся к 1627 г., затем следуют челобитные 1635, 1637, 1646, 1649 гг.[4] В своих челобитных русские торговые люди вполне последовательно развивали одну и ту же программу требований. Главным требованием их была высылка иностранных купцов из России. Челобитная 1627 г.[5] успеха не имела, хотя правительством и предпринимались более строгие меры против пребывания в Русском государстве и торговли тех иностранных купцов, которые не имели на то специальных жалованных грамот. Первый существенный шаг в удовлетворении требований высшего слоя русских торговых людей был сделан по челобитной 1646 г. (см. № 309, 314).

[1] *Базилевич К. В.* Коллективные челобитные торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в.//Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 2. С. 93.
[2] Там же. С. 122.
[3] Там же. С. 109.
[4] Все они рассматриваются в названной работе К. В. Базилевича, а также в работах П. П. Смирнова (*Смирнов П. П.* 1) Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев 1627 г.//Чтения в историческом обще-

стве Нестора-летописца. Киев, 1912. Кн. XXIII. Вып. 1. Отд. II. С. 3—32; Прилож. С. 97—104; 2) Посадские люди. Т. I. С. 394—395).

[5] В ответ на нее и был дан не позднее 13 июля 1627 г. комментируемый указ.

№ 158

Указ не позднее 19 июля 1627 г. дан в ответ на челобитную сотских и старост черных московских сотен и слобод. Челобитчики просили, согласно указу 1620/21 г. (№ 103), запретить продажу и заклад тяглых дворов и дворовых мест беломестцам, которые проданные тяглые дворы обеливают, а по просроченным «по стачке» кабалам в заложенных дворах требуют деньги с посадских миров, что приводит к запустению слобод и сотен. Настоящий указ подтверждает указ 1620/21 г. о запрещении всех видов отчуждения тяглых посадских дворов беломестцам и содержит требование составить роспись черным землям и дворовым местам, перешедшим к ним, с указанием, как давно эти дворы перешли к беломестцам, и доложить об этом государю. Повторяющееся издание указов, запрещающих отчуждение тяглых дворов и дворовых мест беломестцам, свидетельствует о том, что отчуждение, с одной стороны, было распространенным явлением, а с другой,— что указы правительства не выполнялись. Комментируя указ не позднее 19 июля 1627 г., М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что «обращение взыскания с членов общин к целым общинам — сотням и слободам и их представителям доказывает всего лучше, что, по общему тогдашнему взгляду, сотня или слобода составляла одну общину, которой принадлежат на правах собственности заложенные участки».[1]

См. также № 115, 116, 137, 163, 212, 214, 227, 231, 295.

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 131.

№ 159

Указ 28 августа 1627 г., постановив подписывать жалованные вотчинные грамоты только царским именем без подписи дьяков, восстанавливал делопроизводственную практику XVI в. — времен царей Ивана IV и Федора. Отмена дьячьих подписей, появившихся в начале XVII в., диктовалась, видимо, стремлением отразить в формуляре грамоты факт абсолютной власти царя в праве земельного пожалования.

См. также № 86, 100, 174.

№ 160

В числе «служб», отбываемых посадскими людьми, было и несение таможенной службы. Для сбора таможенной пошлины выбирались специальные «верные» таможенные головы и целовальники. В крупных таможнях — московской, архангельской, — где собирались значительные суммы таможенных пошлин, таможенную службу несли гости и торговые люди гостиной и суконной сотен. Таможенные и кабацкие головы выбирались, как правило, из наиболее состоятельных слоев посадского населения. Голов и целовальников выбирали на год, в течение которого они были обязаны «безотлучно быть у государева дела» и «за своими торгами и промыслами не ходить». По окончании срока службы голова должен был отчитаться в соответствующем приказе, представив таможенные и кабацкие книги. Если голове и целовальникам не удавалось собрать сумму, назначенную по окладу, и представить удовлетворительное объяснение причин недобора, они должны были покрыть недобор из своих собственных средств.

Таможенная служба была крайне обременительной и разорительной для посадских людей, особенно взыскание с них «недобора». Они, вероятно, неоднократно били челом государю о снятии с них недоборов, и эти дела рассматривались в приказе Большой казны. На основе составленного по этому вопросу доклада 16 октября 1627 г. последовал указ о том, чтобы в каждом отдельном случае производился «обыск про недоборные деньги» и при установлении удовлетворительных причин недобора «недоборные деньги» с голов и целовальников не взимались и из «оклада» исключались.

№ 161

Как видно из доклада, статейный список 3 декабря 1627 г., лишивший жен права владеть родовыми и выслуженными вотчинами после смерти их мужей, издан по инициативе патриарха Филарета. Патриарх возбудил этот вопрос о ненаследовании женою вотчины, сославшись по принятой формуле на правило «святых апостол и святых отец». Поместный приказ увидел противоречие между мнением Филарета о ненаследовании жен и формуляром жалованных грамот царя Михаила, данных на вотчины «за московское осадное сиденье королевичева приходу» (а именно по формуляру этих грамот надлежало переписывать вотчинные грамоты царя Василия Шуйского по указу 1618/19 г. — см. № 86), в которых зафиксировано совершенно неограниченное право вдовы распоряжаться выслуженной вотчиной мужа: она могла дать ее в монастырь, продать и заложить и т. д. На запрос приказа, чем ему руководствоваться в вопросах наследования вотчин вдовами — формуляром жалованных грамот или мнением патриарха Филарета, и последовал указ 3 декабря 1627 г. Согласно указу, бездетная вдова не наследовала вотчин умершего мужа, а получала лишь четвертую часть его имущества («четверть живота») и приданое, т. е. все то, что она принесла с собой при выходе замуж. Родовые и выслуженные вотчины передавались родственникам умершего, а если родственников не оказывалось, то вотчины отписывались на государя и шли в поместную раздачу. Тем самым, по справедливому мнению О. А. Шватченко, юридический статус выслуженной вотчины определялся порядком ее наследования, аналогичным порядку наследования родовой вотчиной.[1]

В частных постановлениях, изложенных в виде дьячих помет, в ответах на запросы Поместного приказа предписывалось: а) впредь жалованные грамоты на вотчины «за московское осадное сиденье королевичева приходу» писать не по старой, а по новой форме, которая прилагалась к указу; в этой жалованной грамоте статья о вдове исключалась вообще; б) женам вотчинников, не имевших поместий, после смерти мужей давать прожиточные поместья из иных земель; в) в случаях, когда вдовы, получившие выслуженные вотчины умерших мужей, продали эти вотчины или отдали в заклад, с вдов взимать деньги и передавать покупателям, а вотчины «отписати на государя»; если вдовы, продавшие вотчины, сами умерли или постриглись в монастыри (следовательно, взыскать деньги было не с кого), то тогда оставлять вотчины за покупателем; г) если у владельца выслуженной вотчины оставались внучки, правнучки и племянницы, а также замужние дочери и сестры, то вотчину передавать им «по родству»; следовательно, закон 1627 г. признавал право наследования выслуженных вотчин за лицами женского пола; д) если вдовы, продавшие вотчину или отдавшие ее в заклад, заявят, что «теми денгами мужей своих поминали, и милостину по ним подавали, и сами тем питаютца» (опять-таки деньги взыскать с продавца нельзя), то проданную вотчину оставлять за покупателем, если ее не выкупят родственники; е) у постригшихся до данного статейного списка в монастырь вдов вотчины не отнимать до их смерти, но при условии, что они эти вотчины не будут продавать, закладывать, отдавать по духовной (последнее предписание имело только обратную силу).

Проведение в жизнь статейного списка 3 декабря 1627 г. вызвало большие затруднения, поэтому он был вскоре отменен (см. № 202).

См. также № 205, 218.

[1] *Шватченко О. А.* Распространение выслуженной вотчины в России первой половины XVII в. и эволюция форм светского феодального землевладения//Проблемы исторической географии России: Формирование государственной территории России. М., 1982. Вып. I. С. 121.

№ 162

По указу 8 декабря 1627 г. размер вотчинных дач служилым людям за «осадное сиденье в королевичев приход» устанавливался в зависимости от записанных за ними в десятнях того времени окладов (норма перевода поместных земель в вотчины была та же, что и за «царя Васильево осадное сиденье», т. е. 20 четей со 100 четвертей оклада — см. № 64). При отсутствии старых десятен в Разряде указ разрешил руководствоваться при этих расчетах окладами, записанными за служилыми людьми в разборных списках 1621/22 г. Указ запрещал принимать в расчет «сыскные оклады», под которыми, вероятно, имелись в виду оклады служилых людей, установленные в результате «большого сыска» 1622 г.

См. также № 113, 114, 120.

№ 163

Указ 19 декабря 1627 г. свидетельствует о том, что распоряжение, сделанное в указе не позднее 19 июля 1627 г. (№ 158) о составлении росписи беломестцев — владельцев черных дворов в Москве, было выполнено. Дело о тяглых дворах было доложено царю 19 декабря 1627 г., в результате чего и последовал указ об оставлении за беломестцами приобретенных ими «старинных черных» дворовых мест в Белом городе, вместо которых предписывалось отвести тяглым посадским людям соответствующее количество земли «в Деревянном городе», а впредь «без ... государева имянного указу черных мест беломестцом продавать, и закладывать, и в книги записывать, и в монастыри отдавать не велели». Этот указ, содержащий исключение из установленного еще в 1620/21 г. (№ 103) запрещения всех видов отчуждения тяглых дворов, как и указы от 18 марта 1634 г. (№ 212) и 17 октября 1635 г. (№ 227), имел, вероятно, своей целью увеличить количество «лучших» дворовладельцев в Белом городе, одну треть населения которого составляли дворяне.

См. также № 115, 116, 137, 231, 295.

№ 164

Указ патриарха Филарета от 24 декабря 1627 г., запрещавший святочные переодевания, колядки и народные игры, развивал постановление Стоглавого собора 1551 г.,[1] направленное на борьбу с народными играми, старинными обрядами и скоморохами. Борьба с народными обрядами и играми, а также и со скоморошничеством вменялась в обязанность попам и церковным старостам и в указе преемника Филарета — патриарха Иоасафа, сохранившемся в памяти 1636 г.[2] Позднее, в грамоте царя Алексея Михайловича от 1648 г., разосланной по городам, категорически запрещались народные игрища, увеселения, пение «бесовских песен» и прием в дома скоморохов и медвежьих поводырей.[3]

Борьба церкви и правительства с народными обычаями, играми и скоморохами была малоуспешной. Скоморохов можно было видеть не только на деревенских праздниках и городских ярмарках, но и в боярских хоромах, и даже царских палатах.[4] Причины усиления борьбы со скоморохами позднее, в первой половине царствования царя Алексея Михайловича, лежали не только в религиозности Алексея Михайловича, но и в росте народных волнений, в которых скоморохи, по-видимому, принимали активное участие. Тесную связь между обострением классовой борьбы и усилением интереса к скоморохам в 1648 г. отмечает и А. А. Белкин.[5]

[1] Стоглав//Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 309—310, 367—371.

[2] ААЭ. Т. 3. № 264.

[3] *Иванов П.* Описание государственного архива старых дел. М., 1850. С. 296—299; *Фаминцын А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889. С. 141, 182; Владимирские губернские ведомости. 1842. № 47; 1839. Часть неоф., № 33.

[4] *Петухов В. И.* Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI—XVII вв.//Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. М., 1961. Т. 16. С. 409—419.

[5] *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975. С. 54.

№ 165

Указ 28 декабря 1627 г. запрещает возбуждать поместные дела, решенные «до московского пожару», т. е. до большого московского пожара 3 мая 1626 г., когда сгорел архив Поместного приказа.

См. также № 233.

№ 166

Указом 1627/28 г. неправославным иноземцам запрещается владеть православными людьми, живущими в господских дворах. При этом предписывается уже находящихся у некрещеных иноземцев во дворах православных людей отпустить на волю. В ст. 70 гл. XX Соборного уложения 1649 г., включающей указ 1627/28 г., приводится и мотивировка данного решения: царю Михаилу

Федоровичу и патриарху Филарету стало известно о службе православных людей у некрещеных иноземцев, ведущей к несоблюдению христианских обрядов. Из контекста той же статьи Соборного уложения можно заключить, что составители указа имели в виду равным образом и службу холопов, оформленную какими-либо крепостями, и службу добровольных холопов.

Указ 1627/28 г. не следует расценивать в качестве полного и абсолютного запрета некрещеным иноземцам владеть холопами. В нем речь идет лишь о холопах, живущих в одних дворах с неправославными господами. Здесь развивается идея, сформулированная применительно к некрещеным татарам-землевладельцам в указе не позднее 16 июля 1622 г. (см. № 119). Очевидно, и применительно к любым некрещеным иноземцам оставалось в силе разрешение селить православных пашенных холопов по их согласию за дворами. Что же касается служилых холопов, то и в отношении их судьи, по-видимому, должны были руководствоваться нормами указа 1622 г.

№ 167

Указ 10 января 1628 г., изданный в связи с челобитьем коломенских служилых людей, распространяет постановления боярского приговора 30 ноября 1613 г. (№ 70) на тех служилых людей, которые целовали крест, т. е. служили вору (Лжедмитрию II) по принуждению. Их выслуженные вотчины, полученные за «осадное сиденье», давались им же в поместье.

№ 168

Указ ранее 11 января 1628 г. устанавливал, что после месячного стояния на правеже дворы и имущество обвиненных по суду должников (истцов или ответчиков) должны были быть оценены и переданы в погашение исков истцов. Если это невозможно было сделать из-за отсутствия у должников имущества («оплатитца им нечем»), то они отдавались истцам в холопство до выплаты долга.

См. также № 7.

№ 169

Статейный список 11 января 1628 г. определяет отдельные стороны судопроизводства.

Материальную ответственность за неявку на суд устанавливает ст. 1. За неявку в первые два срока, определенные поручными и зазывными грамотами, сторона возмещает расход, понесенный из-за этого явившейся стороной («проесть» и «волокита»), и деньги, затраченные на посылку грамот («зазывных»). За неявку в третий раз сторона обвиняется и удовлетворяет полностью иск. Сроки явки, установленные на местах воеводами, во внимание не принимаются, так как законодатель подозревает корысть.

По ст. 2 отъезд истцов или ответчиков из Москвы после судебного разбирательства, но до вынесения окончательного решения влек за собой взимание с уехавшего или с поручителя «проестей» и «волокиты», но суд вершился и без сторон, однако стороны должны были находиться в Москве, если они в ходе судебного разбирательства прибегали к общей ссылке или обыску.

По ст. 3 истец обязан был в течение недели со дня подачи челобитной на кого-либо явиться в суд. Если это не произойдет, то ответчик получает особую память, освобождающую его от ответственности за неявку в суд. Отказ от поруки, которую требуют судебные власти, влечет уплату пошлины и особого наказания.

Ст. 4 определяет процедуру вызова в суд служилых людей, окончивших активную военную службу. Существовало правило, по которому служилый человек должен был явиться в суд в Москву спустя месяц после окончания похода («как воеводы с конь ссядут»). Неявка в суд в этот срок не ставится служилому человеку в вину, а предписывается отправить ему зазывную грамоту; если же он не явится ко второму указанному в грамоте сроку, то платит «проести» и «волокиту» и доплачивает какой-то штраф.

Согласно ст. 5, дела русских людей с иноземцами должны решаться в соответствии с нормами русского права, в частности с применением обыска, в том числе и повального. Довод иноземца, что русская сторона (в статье имеются в виду высокие чиновные люди и московские дворяне) любой обыск может подстроить в свою пользу, по смыслу статьи отвергается.

Ст. 6 рассматривает ситуацию, когда стороны не придут к соглашению о количестве «животов», подлежащих возвращению вместе с беглым крестьянином его хозяину («а запрутца в них»). Тогда хозяин беглого получает по 4 р. за голову и за имущество 5 р. («глухие животы» — условное имущество). Претензии на имущество более этой суммы решаются судом. Присяга владельца, что он беглого не принимал, оказавшаяся ложной, влекла наказание, а обнаруженный беглый крестьянин выдавался хозяину.

Ст. 7 повторяет нормы, касающиеся правежа, сформулированные в указах 5 мая 1555 г. (№ 7) и ранее 11 января 1628 г. (№ 168). Повторение нормы указа 80-летней давности свидетельствует о неизменности правил взыскания с неисправных должников их долгов.

Ст. 8 распространяет действие ст. 7 на служилых людей. Хотя служилый человек мог выставить на правеже своих людей, однако неуплата долга влекла за собой и для служилого человека выдачу истцу «головой до искупу», в соответствии с нормами, процитированными в ст. 7. Об отличии отданного «головой до искупу» от холопа см. комментарий к № 25.

№ 170, 171

См. с. 157.

№ 172

Указ 27 января 1628 г. отвергает просьбу комнатных ближних людей, т. е. лиц царской прислуги высшего ранга, о написании их имен в челобитных и в жалованных грамотах с «вичем» (в отчествах). Почетное право писаться с «вичем» давалось только придворным высшего ранга, занимавшим высокие государственные посты.

№ 173

Указу 7 февраля 1628 г. в указной книге Поместного приказа предпосланы перечневые списки с писцовых книг Московского уезда 1623—1624 гг., охватывающие все земли уезда и все формы землевладения.[1] Из списков видно, что порозжих земель (земель, числившихся в составе служилых, но никем не занятых в момент описания) было в Московском уезде свыше 10 %. По данным Ю. В. Готье, в северных и западных станах Московского уезда процент порозжих земель поднимался до 27.6, а по таким пограничным уездам, как Ржевский, — до 59, Новоторжский — до 70.[2] Фонд порозжих земель образовался за счет поместий, возвращавшихся государству вследствие смерти или ухода со службы их владельцев, а также за счет выморочных и заброшенных вотчин. Раздача поместий и вотчин в 1610—1625 гг. производилась главным образом из дворцовых и черных и в незначительной степени из порозжих земель. Поэтому в 20-х гг. XVII в. наряду с раздачей порозжих земель правительство, стремясь пополнить государственную казну, практикует продажу порозжих земель в вотчины.

Указ 7 февраля 1628 г. повторяет нормы указа царя Ивана IV 1572/73 г. (№ 38) и в отношении территории, где продажа допустима (Московский уезд), и в отношении цены (по 1 р. за 3 четверти), и в отношении вотчинных прав приобретателей. Они ограничены: вотчинник не мог отдать вотчину в монастырь, в случае бездетной смерти вотчинника земля не переходила в род умершего, а выкупалась государством. Родственники получали те «прямые денги», которые некогда за нее были заплачены. Круг покупателей указом 7 февраля 1628 г. определялся так же, как и в законе 1572/73 г.: земли могли купить не только служилые люди, но люди неслужилые — «мочные гости».

См. также № 175, 177, 194, 234 (ст. 2).

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 76—79, 187—189.
[2] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 254.

№ 174

Указ 16 февраля 1628 г. издан в результате челобитных служилых людей — покупателей порозжих земель — о расширении вотчинных прав. Купленная земля переходила не только к жене и детям, как это установлено указом 1572/73 г. (№ 38), но и при бездетной смерти приобретателя —

в его род. Если после умершего вотчинника не оставалось жены и детей или родичей, было предписано вотчину отписывать на государя, а из казны по монастырям давать деньги «на помин души». Таким образом, наследование купленной из казны вотчины, как и выслуженной, стало доступно лицам женского пола. Расширяя права вотчинников, купивших земли из казны, правительство шло навстречу требованиям служилых людей.[1] Однако пожелания служилых людей о включении в купчие положения о неограниченных правах распоряжения вотчиной в указе обойдены молчанием.

См. также № 86, 100, 159, 177.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 83—84.

№ 175

Указ 16 февраля 1628 г. определяет более широкую территорию, где допускалась продажа порозжих земель в вотчину. Помимо Московского уезда, продажу порозжих земель разрешалось производить в Дмитрове, Рузе, Звенигороде, т. е. примерно в том районе, который определяется как Подмосковье еще указом 1550 г. об испомещении «тысячи» (№ 4). Продажная цена на порозжие земли оставалась той же.

См. также № 173, 178.

№ 176

Указ 2 марта 1628 г. освобождал думных дьяков от уплаты пошлин за предъявленные в Поместный приказ документы (купчие, закладные, данные) при оформлении соответствующих сделок. Привилегию не платить пошлины правительство давало часто отдельным учреждениям (например, в 1613 г. Троице-Сергиеву монастырю).[1]

[1] ААЭ. Т. 3. № 1.

№ 177

Указ 10 марта 1628 г. вводит новый формуляр купчей на земли, приобретенные из порозжих земель, в котором определялись более широкие права вотчинников, приобретших землю, а именно их право передавать вотчину в приданое. Образец купчей, составленной с учетом норм всех указов, приведен в качестве приложения к указу. В купчей говорилось, что продавцы (представители правительства — 2 боярина и 3 дьяка Поместного приказа) продали Лаврентию Булатникову, его жене и детям в вотчину из порозжих земель пустошь, и подтверждалось в соответствии с указами правительства право купившего: «волно ему та вотчина и в приданые дати (см. № 38 и комментируемый указ 10 марта 1628 г. — *Авт.*), а в монастырь та вотчина не отдавати (см. № 38. — *Авт.*). А будет Лаврентия не станет, а после ево останетца жена и дети, и та вотчина жене ево и детем (см. № 38, 174. — *Авт.*). А будет после Лаврентья жены и детей не останетца, и та вотчина в род ево Лаврентьев (см. № 174. — *Авт.*). А будет роду не останетца, и та вотчина взяти на государя в поместные земли, а денги в монастырь по ево душе за ту вотчину велит государь дати из своей государевы казны, смотря по устроенью» (см. № 38, 174. — *Авт.*). Приведенная заключительная часть купчей с указанием в скобках законодательных актов, из которых соответствующие нормы взяты, позволяет проследить развитие прав вотчинника на купленную у государства землю — от права передачи ее лишь в семью (жене и детям) до права передавать ее в род купившего.[1] Продажа порозжих земель в вотчину была одной из причин непрекращающегося роста в XVII в. вотчинного землевладения.[2]

См. также № 173, 175.

[1] Формуляр купчей строго выдерживался. Например, купчая грамота 1 ноября 1633 г., в которой зафиксирована продажа дьяками порозжей земли подьячему Спиридону Степанову сыну Второву в Рузском уезде, повторяет всю нормативную часть образцовой купчей указной книги Поместного приказа (БАН, 16.18.12, л. 133 об.—135).

[2] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 258—259.

№ 178

Указ 11 марта 1628 г. предписывает взимать пошлину при оформлении в Поместном приказе передачи земли новым владельцам по данным и духовным грамотам в зависимости от количества пашни — по 3 денги с четверти пашни. При наличии денежной оценки земли, включенной в данную или духовную грамоты, пошлина бралась в зависимости от ее величины.

№ 179

См. с. 157.

№ 180

Указ 23 мая 1628 г. устанавливает, что вотчины наследуют только сыновья, а дочери получают лишь прожиточные поместья. Однако в случае смерти братьев или отсутствия сыновей у умершего вотчины наследуются дочерьми. Указ вновь подтвердил старинное правило, зафиксированное в Пространной Русской правде (ст. 91), в Судебнике 1497 г. (ст. 60) и в Судебнике 1550 г. (ст. 92), что сестра при брате не вотчинница.

См. также № 190.

№ 181

Приговор боярской думы 25 июня 1628 г. устанавливает ответственность лица, поручившегося поставить оговоренного разбойником человека на следствие «к языку на очную ставку». Поручитель обязан уплатить иск полностью, а также разыскать оговоренного. Если поручителем выступает феодал, который отказывается взять обязательство по розыску оговоренного («записи по себе не даст»), то тогда из его вотчины или поместья предписывается взять дворового человека или крестьянина (в зависимости от того, к какой категории принадлежал оговоренный) «к языку на очную ставку» для выяснения на пытке, прячется или сбежал оговоренный человек.

Вряд ли правильно трактовать этот приговор лишь как закон, устанавливающий ответственность господ за явку на суд подвластных им оговоренных людей, как делает А. Г. Поляк.[1] Поручителем мог быть и не феодал.

[1] ПРП. Вып. 5. С. 279—282.

№ 182

Из доклада к приговору боярской думы от 25 июня 1628 г. очевидно, что норма статей 94 и 95 Судебника 1550 г. об обязательной регистрации сделок на лошадей распространилась в XVII в. на другое имущество. «Поличное», т. е. имущество, обнаруженное старым хозяином у нового владельца, последним может быть приобретено покупкой или в результате обмена, но с обязательным оформлением сделки купчей или записью в книги у местных властей. Если факт добросовестного приобретения новый владелец доказать не сумеет, то предписывается подвергнуть его пытке для выяснения принадлежности «поличного», пытке подвергается и продавец, если таковой будет указан. Оба они оплачивают «исцов иск».

№ 183

Указ 14 июля 1628 г. об отдаче дворовой земли в Белом городе, населенном на одну треть московскими дворянами, превышавшей размер дачи служилых людей, тем, кто обнаружил излишки, свидетельствует, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, о том, что дворовая земля

дворян и детей боярских в городах составляла собственность казны, как и поместная земля в уездах.[1] Н. Д. Чечулин и Н. П. Загоскин также считали, что дети боярские владели своими дворами в городах не на праве полной частной собственности, а на праве поместном.[2] М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что распоряжений, подобных тому, какие имеются в комментируемом указе, в отношении тяглой дворовой земли не было.[3]

См. также № 212.

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 141.

[2] *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 161; *Загоскин Н. П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Казань, 1877. С. 20.

[3] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Вып. 3. С.141.

№ 184

См. с. 157.

№ 185

Согласно дошедшему до нас отрывку, указом не позднее 15 сентября 1628 г. введен 10-летний срок вывоза крестьян, бежавших как из дворцовых сел и слобод, так и в дворцовые села и слободы.

Полный текст указа и точная дата его до нас не дошли. Имеется лишь незаконченная память от 15 сентября 1628 г., посланная из Дворцового приказа в Устюжскую четь по конкретному казусу — притязаниям ржевского посада на бывшего ржевского бирича, живущего 15-й год в московской Бронной слободе и ссылающегося в своей челобитной на этот указ. Поскольку указ приведен не полностью, неизвестно, ограничивался ли он постановлением о дворцовых крестьянах или распространялся также на крестьян черносошных.

Указ об удлинении урочных лет для сыска беглых черносошных крестьян не сохранился, но зафиксированы случаи применения этого срока. Так, в грамотах 1625 г. в Устюг и Соль Вычегодскую по поводу ухода ряда черносошных крестьян в Сибирь содержится предписание о вывозе их на прежние места, кроме тех, которые «вышли ... болши десяти лет».[1]

В 1629 г. в грамоте чердынскому воеводе о сыске беглых черносошных крестьян и посадских людей велено «по нашему указу» вернуть на прежние участки тех крестьян, которые бежали не более как за 10 лет, если они на новом месте не внесены в писцовые книги.[2] Здесь, как видим, черносошные крестьяне приравнены к посадским людям и 10-летние урочные годы применены к тем и другим.

Наконец, в отрывке указа, приведенном в грамоте 1625 г., речь идет о вывозе крестьян, вышедших «из наших дворцовых сел и черных волостей» (№ 143).

Комментируемый указ — самый ранний, трактующий специально вопрос об урочных годах для крестьян государственных.

Правила Судебников о крестьянском выходе воспринимались как относящиеся в равной мере к крестьянам владельческим и черносошным. В 1555 г. выборные головы пусторжевских черных станов жаловались на детей боярских, которые вывозят крестьян из черных деревень «не по сроку по вся дни безпошлинно».[3]

Заповедные годы, наложившие запрет на свободный дотоле выход тяглого населения, по всей вероятности, распространялись и на черносошных, и на дворцовых крестьян. Возможно, что к этим разрядам крестьянства ограничения выхода стали применяться раньше, чем к крестьянам владельческим. Видимо, очень рано правительство, соблюдая фискальный интерес, требовало от местных властей наблюдения за тем, чтобы не пустели тяглые участки. Так, двое крестьян, вышедших из Шуйского погоста Обонежской пятины, «а в свое место жилца не оставя», были вывезены назад писцами в 1563 г.[4]

В указах 1594 и 1597 гг. (см. № 46, 48), установивших пятилетние урочные годы для сыска беглых крестьян, речь идет исключительно о крестьянах владельческих. В грамоте 1621 г. в Чердынь о возврате беглых крестьян срок сыска не упоминается.[5] Можно полагать поэтому, что 10-летний срок сыска беглых черносошных крестьян был введен между 1621 и 1625 гг. и, вполне вероятно, одновременно со сроком сыска беглых крестьян из дворцовых сел и волостей.

Но правительство, вынужденное считаться с интересами разных слоев феодалов, могло значительно раньше удлинить урочные годы в отношении крестьян государственных, нежели крестьян владельческих.

А. И. Копанев связывает стремление удержать черносошное население на месте прежде всего с финансовыми соображениями: «Уход черносошных крестьян приводил к повышению налогов с оставшихся на местах тяглецов, что вызывало не только массовые жалобы, но и дальнейший разброд населения». Сыск черносошных крестьян сначала проводился по отдельным уездам, о чем свидетельствует грамота чердынскому воеводе.[6]

[1] ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу, № 10, л. 220; ф. 141, 1626 г., № 1, л. 21.
[2] АИ. Т. 3. № 160.
[3] ДАИ. Т. 1. № 56.
[4] Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. С. 117.
[5] АИ. Т. 3. № 286.
[6] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 59.

№ 186

Указ не позднее 9 октября 1628 г. предписывал помещикам принимать участие в обысках и назначал наказание («пеню») уклоняющимся. Обыск как форма следствия с привлечением местных жителей мог быть небольшим по охвату населения, но мог быть и повальным. В последнем случае привлекалось все взрослое мужское население. Например, истец Никита Бестужев в конце 20-х гг. XVII в. слался по поводу «сносу» своих людей «на Кинешму на посад и на Кинешемский уезд на дворян и на детей боярских и на всяких людей».[1]

О процедуре обыска см. № 16 (ст. 1—6).

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 88.

№ 187

См. с. 157.

№ 188

Статейный список 17 ноября 1628 г. определяет отдельные стороны судопроизводства в основном по заемным делам.

Ст. 1, признавая законной практику судебного представительства за ответчика (родней и даже людьми, т. е. холопами), предписывает самому ответчику и его представителям находиться в Москве, если по делу будет решено провести обыск или оно может быть решено общей ссылкой («опчей правдой»). Постановление соответствует ст. 2 статейного списка 11 января 1628 г. (№ 169). Удаление тяжущихся сторон из района обыска, по мнению А. Г. Поляка, устраняет возможность влияния на обыскных людей во время обыска.[1]

Ст. 2 разрешает ответчику и истцу выставить для крестного целования по одному их человеку, но обязательно при согласии противоположной стороны. Бытовавшая на практике присяга при большой сумме иска нескольких человек отвергается.

Ст. 3 развивает постановления ст. 1. Лица, которые представительствуют в суде по делам кого-либо, обязаны, дав на себя поруку, остаться в Москве до вершения дела. Однако если по делу необходим обыск, то в этом случае в Москву должны прибыть и доверители.

Ст. 4 устанавливает срок явки служилым людям после окончания активной военной службы («как воеводы с конь ссядут») в зависимости от расстояния от Москвы — «поверстный срок». В судебном деле 1629 г. указан «поверстный срок», «где у ково поместья, на ста верст по недели»[2] (ср. статьи 69 и 75 Судебника 1550 г. и № 24). Статья дополняет ст. 4 статейного списка 11 января 1628 г., где о «поверстном сроке» не говорится.

Ст. 5 развивает постановления ст. 2 статейного списка 11 января 1628 г.: выезд из Москвы истца и ответчика, вопреки данным ими суду обязательствам не съезжать до вершения дела, определенным образом влияет на окончательное решение дела — «дело вершить съездом, обинить съездом». Обвинение съездом предполагает наложение каких-то санкций на уехавших. Оговорка доклада: «... а по тому делу обыску меж их не будет», — когда присутствие сторон в Москве обязательно, позволяет предполагать, что дело, несмотря на отъезд сторон, все-таки вершится по суду (см. ст. 2 статейного списка 11 января 1628 г. и статьи 1, 2 комментируемого статейного списка). А. Г. Поляк усмотрел в ст. 5 отмену положения ст. 2 того же закона, разрешавшей заочное рассмотрение судебного спора.[3] Но, кажется, А. Г. Поляк не оценил приведенной формулы доклада об обыске.

Ст. 6 предписывает обязательное участие сторон при «третьей ставке» у крестного целования, которым решалось то или иное дело. Если «третья ставка» не состоялась из-за отсутствия одной из сторон, то две предыдущие ставки теряли силу доказательности и неявившаяся сторона проигрывала дело.

Ст. 7, определяя, кто должен подписывать кабальные грамоты и другие договоры вместо неграмотных контрагентов — отцы духовные и люди «ближнего» «роду» (братья или племянники), — отражает издавна существующую практику в отношении духовных отцов, а в отношении ближних родичей вводит новую норму. Однако постановление о ближних родичах, как показывают подписи на сохранившихся актах XVII в., не выполнялось. Во-первых, родичи не всегда были у места составления грамоты, во-вторых, они могли быть тоже неграмотными. Подписывались за неграмотных, как правило, посторонние люди.

Ст. 8 определяет порядок выплаты заимодавцем кредитору долга по кабале. Уплачиваются сумма, указанная в кабале («истина»), проценты («рост») и убытки кредитора, определяемые судом. Убытки, указанные в ст. 8, по мнению А. Г. Поляка, являются так называемой утраченной выгодой. Именно из-за возмещения утраченной выгоды возникали споры, поскольку ее размер в тексте заемной кабалы не определялся («убытки пишут глухо»).[4] Однако анализ формуляра заемных кабал позволяет понимать под убытками кредитора те расходы, которые он нес при востребовании долга. В кабалах обычно заимодавец обязывается «убытка» кредитору при получении долга «не довести» (см. также № 148).

Ст. 9 дополняет прежнее законодательство о истребовании искомых сумм через правеж (ст. 7 статейного списка 11 января 1628 г.). Предписывается иски о долгах к феодалу возлагать на людей и крестьян его поместья и вотчины. Законодатель исходил из положения, что крестьянин, живущий на земле феодала, материально ответствен за долги владельца. Все это свидетельствует о далеко зашедшем процессе закрепощения крестьян.

Ст. 10 дополняет ст. 2 статейного списка 11 января 1628 г. Убытки поручителя, возникшие оттого, что лицо, за которое он ручался, съедет вопреки его поруке из Москвы, восполняются за счет нарушителя. Однако статья отвергает право поручителя требовать бесчестья с нарушителя, видимо, потому, как замечает А. Г. Поляк, «что поручитель должен знать моральные качества лица, за которого он ручается».[5]

Ст. 11 предписывает обвинить истца, если он, взяв «зазывные грамоты», где указан срок явки на суд ответчику, сам на суд не является в течение недели после истечения срока. Иск такого истца аннулируется.

Ст. 12 предоставляет право жалобщику, написавшему в своей жалобе два имени — имя господина и его человека, — требовать именно этого человека для принесения присяги, если дело дойдет до присяги.

В статейном списке также предписывается направить в города как данный статейный список, так и статейный список 11 января 1628 г., что означало введение закона в действие на территории всего государства.

[1] ПРП. Вып. 5. С. 294.
[2] Там же. С. 296.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 297.
[5] Там же. С. 298.

№ 189

Указ 1628/29 г. подтверждает норму указа 8 марта 1626 г. (№ 148) о взимании процентов по заемным кабалам только на протяжении пяти лет (см. № 148; ср. № 188, ст. 8). Отменяется норма боярского приговора от 8 февраля 1588 г. (№ 45), запрещавшего давать суд по «выданным» (т. е. переуступленным другим лицам) кабалам: по настоящему указу «выданные» кабалы приравниваются к обычным. Этим самым облегчаются заемные операции (в рамках краткосрочного кредита).

№ 190

Указ патриарха 1628/29 г. подтверждает существующее издавна правило, согласно которому родовые и выслуженные вотчины наследуются сыновьями, при их отсутствии — дочерьми, а при

отсутствии и тех, и других — родственниками. Купли же принадлежат жене с правом полного распоряжения ими. Это тоже исконное право жен.

См. также № 180.

№ 191

Указ 26 февраля 1629 г. устанавливает порядок продажи поместий в вотчину — только по именному указу царя. Указ издан в связи с челобитьем дьяка Ямского приказа Андрея Подлесова о продаже ему в вотчину его подмосковного поместья (жеребей села Битяговского). Санкционируя в данном случае сделку, указ разрешает в будущем продажу поместных земель каждый раз лишь по особому царскому указу и устанавливает правило, по которому купивший свое подмосковное поместье в вотчину лишался права получить другое поместье под Москвой. Цена — 1 р. за четверть — совершенно произвольна. Она превосходила в три раза цену, взимавшуюся государством при продаже порозжих земель, в два раза — цену, назначенную при аналогичных сделках других лиц (приказных Федора Лихачева, Якова Боборыкина, братьев Маховых и Ивана Пустынникова), — «по полтине за четверть».[1]

Продажа поместий в вотчины, по мнению Ю. В. Готье, «составляла весьма нередкое явление в первое время царствования Михаила».[2] Она свидетельствует о далеко зашедшем процессе сближения поместья и вотчины. Поместье в первой половине XVII в. воспринимает ряд черт, «первоначально свойственных только вотчине».[3] Как массовое пожалование поместий в вотчины, так и продажа поместий в вотчины отвечали стремлениям класса феодалов укрепить феодальную собственность на землю.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 94—97.
[2] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 257.
[3] Там же. С. 256.

№ 192

Указ не позднее 23 марта 1629 г. изменяет норму ст. 44 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (№ 80). По последней не следовало доверять показаниям-оговорам разбойников, если они пробыли в тюремном заключении более года, а по данному указу этот срок сокращен до полугода.

№ 193

Указ 15 апреля 1629 г. направлен на обеспечение противопожарных мероприятий Земского приказа, одной из обязанностей которого была борьба с пожарами в Москве.

№ 194

Указ 2 июня 1629 г. обязывает всех купивших земли в вотчину из порозжих земель приносить купчие в Печатный приказ для приложения печатей. Правительство стремилось этим самым упорядочить делопроизводство и не упустить доход, так как приложение печатей сопровождалось взиманием печатной пошлины.

См. также № 173, 175.

№ 195

О ярославских тяглых дворах, отчужденных беломестцам, известны три указа. Первый из них — 1629—1637 гг. (комментируемый) — сохранился в «ярославских столпех», из которого в 1637/38 г. была сделана выпись в связи с тяжбой о ярославских закладчиках, проводимой во

Владимирском судном приказе.[1] Согласно этому указу, дворы ярославских посадских людей, записанные за ними в дозорных и писцовых книгах 1613/14, 1627/28 и 1628/29 гг. и затем проданные или заложенные беломестцам, должны были быть возвращены в посад в тягло, стоимость их должна была быть выплачена беломестцам продавцами их или поручителями, а не земскими старостами и посадскими людьми; дворовые же строения, возведенные на этих дворах беломестцами, отдавались им.

Второй указ от 5 января 1638 г.[2] был более жестким по сравнению с первым, так как не предписывал возвращения покупателям-беломестцам денег за отобранные у них дворы.

Третий указ датируется не ранее 5 января 1638 г. (см. № 250).

[1] Указ аналогичного содержания не ранее 1621/22 г. предусматривал отобрание у беломестцев посадских дворов Нижнего Новгорода (см. № 115).

[2] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 450—451; см. также комментарий к № 250.

№ 196

Указ 19 марта 1630 г. предписывает одабривать поместные земли служилого человека, если при описании в его владении обнаружатся «примерные земли», т. е. участки земли сверх поместной дачи. Ю. В. Готье указывает, что такие «примерные земли» могли образоваться за счет хозяйственного освоения (распашки) земли внутри границ поместья и за счет присвоения помещиками прилегающих земель, оставшихся «при размежевании за правительством», но не имевших самостоятельного значения и поэтому очень легко захватывавшихся «соседними землевладельцами». Образовывались «примерные земли» и в результате прямой «примерки» писцами за взятки земель служилым людям сверх поместных дач. Эти приписки и захваты помещиками прилегающих к их поместьям земель, а также обнаруживавшаяся писцами 20-х гг. XVII в. прибыль пашни по многим уездам позволили Ю. В. Готье заключить, что «вокруг частновладельческих имений в XVII в. существовал еще запас земель, не находившихся de jure ни в чьем твердо обоснованном владении».[1] Это обстоятельство позволяет оценить закон от 19 марта 1630 г. как важную меру по укреплению феодального землевладения, поскольку путем требования об одабривании своей поместной дачи помещик мог реально увеличить земельные владения.

Норма одабривания (наддача для средней земли 25 %, для худой — 50 %) установилась еще в XVI в. и приведена в докладе к указу 19 марта 1630 г.[2] Одабривание позволяло выражать разнокачественные земли однообразно — в четвертях доброй земли — и тем самым устанавливать примерно равные по доходности поместья на разных по качеству землях.[3]

Оценка земли («добрая», «середняя», «худая», а иногда и «добре худая») употребляется в писцовых книгах XVI—XVII вв. Какой критерий лежал в основе подобных оценок, установить трудно. Одни исследователи (А. С. Лаппо-Данилевский,[4] Ю. В. Готье [5]) считали таким основанием доходность земли, другие (Н. А. Рожков [6]) — состав почвы. Но в действительности при оценке земли, вероятно, принимались в расчет и урожайность, и состав почвы, и расположение пахотных земель, так как значение всех этих факторов выявлялось вековым опытом крестьянина, привлекаемого по этому вопросу писцами.

Однако иногда оценка была, несомненно, субъективной и зависела от условий, в которых проходило описание. Это можно заметить, сопоставляя данные писцовых книг разных писцов, относящихся к одной местности.[7]

[1] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 78—81.

[2] Ранний пример одабривания авторы коллективного труда по аграрной истории Северо-Запада России видят в установлении в 1560-х гг. разного количества земли в обже в Каргополе в зависимости от ее качества: 10 четвертей доброй земли, 12—14 — средней и 14—16 — худой земли (Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины/Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 15). П. Н. Милюков применением одабривания считает «различение размеров сох разных качеств земли» (*Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 109).

[3] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 233—237.

[4] Там же. С. 223.

[5] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. С. 74—76.

[6] *Рожков Н. А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг//Древности: Труды Археограф. комиссии Моск. археол. об-ва. СПб., 1898. Т. 1, вып. 2. С. 191—192.

[7] См. такое сравнение по имениям семи замосковных уездов у Ю. В. Готье (Замосковный край в XVII в. С. 75), по Белозерскому уезду у А. И. Копанева (История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 11—12).

№ 197

Указы 19 марта и 10 ноября 1630 г., 8 января и 21 апреля 1631 г. устанавливают количество крестьянских и бобыльских дворов на живущую четверть поместной, вотчинной и монастырской земли. В. Н. Сторожев заметил, что в их текстах есть указания на не дошедшие до нас указы по тому же предмету.[1] И действительно, С. Б. Веселовский обнаружил в источниках ссылки на указы: 1619/20 г., по которому в восьми замосковных городах (Вологда, Кинешма, Кострома, Пошехонье, Романов, Ростов, Шуя и Ярославль) было определено на четь в служилых землях по 4 крестьянских и 3 бобыльских двора, а в церковных — по 3 крестьянских + 3 бобыльских; 1622/23 г., по которому в 32 уездах устанавливалось количество дворов на четь по четырем разрядам: от 2 крестьянских + 2 бобыльских до 4 крестьянских + 2 бобыльских в служилых землях и от 3 крестьянских и бобыльских дворов до 3 крестьянских + 2 бобыльских в монастырских; 1625/26 и 1626/27 гг., по которым в 14 городах устанавливалось число дворов на четь в два-три раза более высокое, чем в прежних указах.[2] То же увеличение количества дворов на четь видно и из сохранившихся полностью указов. Если указ 19 марта 1630 г., по заключению С. Б. Веселовского, подтверждает для 69 городов «старые нормы», то указ 10 ноября того же года для 13 городов значительно повышает количество дворов на четь (в пяти городах — Брянске, Воротынске, Карачеве, Лихвине и Перемышле — это повышение достигает пятикратного размера), а указы 8 января и 21 апреля 1631 г. распространяют это повышение на все города.[3] В результате 5 низших прежних разрядов (по классификации В. Н. Сторожева,[4] 6 — по классификации С. Б. Веселовского [5]) исчезают, а остаются лишь 2 высших разряда. Оклады в первом из них были установлены по 8 дворов крестьянских + 4 бобыльских для служилых земель и по 6 + 3 для монастырских, а во втором — соответственно по 12 + 8 и 9 + 6.[6] Увеличение числа дворов на четь, проведенное указами 1630 и 1631 гг., С. Б. Веселовский рассматривает как уступку правительства требованиям землевладельцев облегчить нормы оклада, на которую оно пошло в преддверии Смоленской войны.[7] Чем больше на четверти дворов, тем легче был оклад.

В литературе комментируемые указы 1630—1631 гг. вызвали различные толкования. С. Б. Веселовский вслед за П. Н. Милюковым оспорил мнение А. С. Лаппо-Данилевского (к которому присоединились М. А. Дьяконов, а впоследствии Ю. В. Готье) о том, что «живущая четь» или «живущая четверть» (само введение этого термина С. Б. Веселовский считает «недоразумением» и предлагает название «дворовая четь») означает новую единицу обложения, служащую «переходом к подворному обложению».[8]

Б. Д. Греков особенно подчеркнул признаваемый всеми исследователями факт, что включение в «живущую четверть» наряду с крестьянами и бобылей подтверждает «мысль о том, что частновладельческий крестьянин и бобыль близки друг другу по своей хозяйственной природе и по своему отношению к хозяину».[9] С. Б. Веселовский видит главную цель дворовой чети не в разрушении сошного письма, «а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма».[10]

В указанной статье Л. В. Милова и в монографии Л. В. Милова, М. Б. Булгакова и И. М. Гарсковой убедительно показано, что «термин „живущая четверть пашни“ к пашне не имела отныне никакого отношения. Это лишь дань традиции, поскольку „живущие четверти“ пересчитывались по-прежнему в выти и сохи».[11] С введением «живущей четверти» «наиболее ответственной задачей» писцов «отныне была фиксация „живущих“ крестьянских и бобыльских дворов».[12]

Свои положения авторы обосновывают источниковедческим изучением писцовых книг 20—40-х годов. Выявив три класса писцовых книг: оптимальный вариант, деформированный вариант и книги «с нераздельной пашней», авторы показали, что «писцы и подьячие, создававшие их, считали „живущую четь“ и ее доли дворовым окладом и, несмотря на вынужденную необходимость пользоваться терминологией сошного письма ... не путали оклады „живущей чети“ с крестьянской пашней».[13] Употребление терминологии сошного письма авторы назвали «своего рода мимикрией», которая привела С. Б. Веселовского к ошибочным выводам об «отрицании разрушительной роли для „сошного письма“ указов 1620—1632 гг. о введении „живущей“ или „дворовой“ чети».[14] Для комментируемых указов материал коллективной монографии важен, так как отражает историю проведения реформы «живущей чети» и вводит новые числовые определения «живущей чети» в разное время и в разных уездах.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 197.

[2] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 660. Необычна формулировка указа, приведенного Ю. В. Готье (Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 77), где в живущую четь положено по 12 крестьян и по 8 бобылей, т. е. живущая четь была сочетанием числа душ, а не дворов.

[3] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. С. 661.

[4] *Сторожев В. Н.* Указная книга... . С. 198—200. Классификацию В. Н. Сторожева принял и А. С. Лаппо-Данилевский, повторив им составленную таблицу (*Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 530—531).
[5] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. С. 489.
[6] Л. В. Милов по писцовым книгам 1621—1625 гг. Арзамасского уезда привел примеры отклонений этих нормативов: «живущая четь» составляла здесь то 1 крестьянский двор, то 1 крестьянский и 2 бобыльских двора, то 2 крестьянских двора и 1 бобыльский, то 3 крестьянских двора и т. д. (*Милов Л. В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг: (О концепции С. Б. Веселовского)//История СССР. 1978. № 2. С. 128).
[7] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. С. 488.
[8] Там же. С. 483.
[9] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 758.
[10] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. С. 481.
[11] *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 105.
[12] Там же.
[13] *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития... . С. 146.
[14] Там же. С. 105.

№ 198

Указ не позднее 8 мая 1630 г. запрещает продавать и обмениваться землями иноземцам между собой и с русскими служилыми людьми. То и другое допустимо только со специального разрешения верховной власти и оформляется через Иноземский и Поместный приказы.

Актовый материал подтверждает устойчивость обращения земель среди иноземцев. О выморочных землях иноземцев обычно подают прошения только иноземцы. Так, после смерти иноземцев Янковских в 1631 г. на их поместья подали челобитья четыре иноземца, после смерти иноземца Ариста Тильбекова — тоже четыре иноземца. После переписки с Иноземским приказом Поместный приказ присудил земли в обоих случаях иноземцам.[1] Иноземцы Закревские опротестовали челобитье жильца Г. Ф. Беседного о поместье умершего их брата на том основании, что он (Беседный) «в своем челобитье не сказал, что мы (Закревские. — *Авт.*) иноземцы», а ведь, пишут они далее, «тех иноземцевых поместий дворяном и детем боярским давати не велено».[2]

См. также № 69, 78, 90, 224, 234 (ст. 7).

[1] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1. С. 447—449.
[2] Там же. С. 437.

№ 199

Обращает на себя внимание, что указ 21 мая 1630 г. дан по челобитью холопов, сидящих в московских тюрьмах по приказам и дожидающихся в течение многих лет решений о том, кому они должны принадлежать — истцам или ответчикам. Введение единого для всех приказов порядка, согласно которому содержание спорных холопов в тюрьме должно было обеспечиваться обеими тяжущимися сторонами на паритетных основах, положило начало выработке более подробных правил на этот счет, которые были кодифицированы составителями Соборного уложения 1649 г. (см. гл. XX, статьи 59, 94, 102, 112).

Судя по ст. 94 гл. XX Соборного уложения, в указе 1630 г. речь, по-видимому, идет о двух денгах с каждого из тяжущихся из-за холопа, т. е. о четырех денгах в день на одного холопа.

№ 200

Указ 3 июля 1630 г. изложен в выписи настолько лаконично, что невозможно составить о нем сколько-нибудь полное представление. Известно лишь, что было запрещено оформление служилых кабал на крестьян и крестьянских детей. Однако непосредственно из указа неясно, идет ли здесь речь о чужих крестьянах или о запрещении превращать в кабальных холопов своих собственных крестьян и их детей, а также содержались ли в указе ссылки на предшествующее законодательство.

Впрочем, в гл. XX Соборного уложения 1649 г. есть статья (ст. 113), ссылающаяся на государев указ, по которому «никому на крестьян своих и на крестьянских детей кабал имати не велено».

Почти полное совпадение этого текста с сохранившимся текстом комментируемого указа может склонить к выводу о том, что в ссылке на государев указ в Соборном уложении имеется в виду данный указ. Но тогда содержание его следует сводить к запрещению владельцам крестьян брать, а государственным органам оформлять служилые кабалы на своих собственных крестьян.

Можно указать и на случай практической реализации указа 1630 г. 19 января 1649 г., т. е. более, чем через год после оформления в Полужской половине Водской пятины служилой кабалы, она была аннулирована новгородскими властями, поскольку выяснилось, что холоповладелец брал ее на своего же крестьянина и вынудил его, как видно, скрыть это обстоятельство. Человеку, ставшему объектом похолопления, предписывалось быть «во крестьянех по-прежнему».[1]

А. И. Яковлев опубликовал судное дело 1622 г., из которого следует, что аналогичный указу 1630 г. указ действовал «до королевичева приходу за два года» (т. е. уже в 1616 г.): «... по государеву указу крестьян своих в холопи и крестьянок своих в рабы никому имати не велено».[2] До этих запрещений практика перевода собственных крестьян и их детей в кабальные холопы посредством взятия служилых кабал имела место и была санкционирована властями, вносившими такие кабалы в кабальные книги.[3]

Что же касается права превращения в кабальных холопов чужих крестьян и крестьянских детей, то следует предположить, что оно было несовместимым с запрещением кабалить своих крестьян. Однако достоверно неизвестно, существовало ли это право вообще и если существовало, то когда было отменено. В Соборном уложении 1649 г. прямое запрещение кабалить чужих крестьян и бобылей, крестьянских и бобыльских детей (гл. XX, ст. 6) сформулировано без ссылок на предшествующее законодательство и применительно только к беглым.

Однако в середине XVI в. признавалось, согласно ст. 88 Судебника 1550 г., право крестьян продаться с пашни в холопы не в срок и без уплаты «пожилого» — лишь бы была обеспечена уплата царевой подати.[4] Правда, речь в ней идет об оформлении полной грамоты, а не служилой кабалы, и потому неясно, признана ли была на практике законность взятия на чужих крестьян именно служилых кабал даже при соблюдении условий, изложенных в ст. 88. В самом начале XVII в., в указе 1 февраля 1606 г., крестьян, ставших кабальными холопами до «голодных» лет, предписано было «по крестьянству ис холопей отдавати» (см. № 55). Эта мера может расцениваться как отмена de facto той нормы ст. 88 Судебника 1550 г., в которой идет речь о продаже с пашни в холопы. Нельзя, впрочем, быть уверенным в том, что часть этого указа, которая признавала беглыми всех крестьян, поступивших в холопы к другим господам, выполнялась скрупулезно и повсеместно.[5]

Исследование этой проблемы свидетельствует о том, что и после введения крепостного права существовала легализованная практика перехода крестьян и бобылей именно в кабальные холопы вопреки введенному уже запрету на их выход.[6] Этим, очевидно, и было вызвано появление указа 3 июля 1630 г., который, возможно, подтверждал какой-то из предшествующих указов. Однако его реализация в полном объеме встретилась с рядом трудностей,[7] почему этот запрет был впоследствии вновь повторен (см. № 286).

Указ направлен был на соблюдение фискальных интересов государства, получавшего налог именно с крестьян, и объективно способствовал сокращению, хотя и незначительному, источников пополнения сословия холопов.

[1] ЦГАДА, ф. 1144, оп. 1, кн. 29, л. 360—361.
[2] *Яковлев А. И.* Холопство. С. 350.
[3] *Панеях В. М.* 1) Холопство. С. 178—179; 2) Из истории закрепощения крестьян в конце XVI—первой половине XVII в.//История СССР. 1981. № 5. С. 166—167.
[4] См. комментарий Б. А. Романова к ст. 88 Судебника 1550 г. в кн.: Судебники XV—XVI вв. С. 322—325.
[5] См.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 189.
[6] Там же. С. 184—187.
[7] Там же. С. 190—191.

№ 201

Из среды посадских людей и уездных крестьян, разбогатевших на торгах и промыслах, комплектовались привилегированные торговые корпорации — гостей, гостиная и суконная сотни. Члены этих корпораций были заинтересованы в увеличении числа членов своих корпораций, поэтому они очень внимательно следили за ростом материального благосостояния посадских людей и уездных крестьян. Интересы торговых корпораций сталкивались с интересами тяглых людей, стремившихся к сохранению в своей среде экономически сильных тяглецов. Вследствие этого возникали конфликты между торговыми корпорациями и тяглыми мирами, тем более что часто такие

переведенцы продолжали владеть в старых местах жительства дворами и торгово-промышленными помещениями. Указ 1630 г. — 27 февраля 1642 г. как раз и дан в разъяснение такого случая. В нем предписывалось взимать с их дворов, торговых помещений и угодий, находившихся на старых местах их жительства, оброчные деньги. «Тягла» же с тех дворов, торговых помещений и угодий вместе с «мирскими людми» им «платить не велено».

См. также № 303, 335.

№ 202

Указ 21 апреля 1631 г. отменяет постановление статейного списка от 3 декабря 1627 г. (№ 161). Последний, лишив бездетных вдов права владеть выслуженными вотчинами мужей, имел обратную силу, т. е. вотчины, уже полученные вдовами после мужей, отнимались у их владельцев. Это постановление, вероятно, приводило на практике к большой путанице в земельных отношениях. Поэтому 21 апреля 1631 г. в связи со спорным земельным делом между вдовой Ириной Текутьевой с дочерью-девицей, с одной стороны, и пасынком ее Дмитрием Текутьевым — с другой, было предписано оставлять во владении вдов и дочерей выслуженные вотчины, перешедшие к ним еще до статейного списка 3 декабря 1627 г.: «тем вотчинам» быть «за женами их и за детьми по прежнему своему государеву указу и по вотчинным грамотам». В. Н. Сторожев замечает, что «о таком странном порядке наследования, какой дозволен в вотчине Текутьева, едва ли мог быть указ».[1] Однако в указе 1631 г. имеется в виду государев указ, который нашел отражение в формуляре жалованных грамот на выслуженные вотчины, даваемые «за царя Васильево московское осадное сиденье и в королевичев приход». В тех жалованных грамотах указывалось на полные права вдов по распоряжению вотчиной. Формуляр жалованной грамоты «за царя Васильево московское осадное сиденье и в королевичев приход» был изменен в соответствии с указом 3 декабря 1627 г. Поскольку указ 21 апреля 1631 г. отменял постановления статейного списка 3 декабря 1627 г., то вполне закономерно и предписание его о правах жен на выслуженные вотчины в соответствии с прежними (выданными до статейного списка 3 декабря 1627 г.) жалованными грамотами.

См. также № 205.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 104.

№ 203

Указ 31 августа 1631 г. дает право обвиняемым требовать повторного обыска, потому что во время первого обыска окольные люди «облиховали» их «по недружбе». Если во время повторного обыска большинство опрошенных (превосходящее меньшинство на 15—20 человек) снимут обвинение с «облихованных» по первому обыску, то дело решается по второму обыску. Закон предусматривает, однако, после первого обыска пытку обвиняемых, которая не приводила к признанию обвиняемых в преступлении. Значит, обвиняемый может требовать повторного обыска, если он выдержит пытку и отвергнет приписываемое ему обвинение.

№ 204

Указ 3 октября 1631 г. ограничивает отсрочку явки на суд 1 декабря 1631 г. всем тем, кто прежде получил отсрочку с оформлением поручных грамот, и устанавливает тот же срок явки в суд служилым людям, находившимся в 1630/31 г. на государевой службе.

См. также № 169 (ст. 4), 188 (ст. 4), 207.

№ 205

Указ 5 февраля 1632 г. вводит общее правило, сформулированное ранее в указе 21 апреля 1631 г. (№ 202) по частному случаю, о возвращении вдовам вотчин, отнятых у них в соответствии со статейным списком 3 декабря 1627 г. (№ 161). Возврат вотчин мотивируется здесь тем, что вотчины

были даны вдовам еще до «государева указу и уложенья до 136-го году декабря до 3-го числа», т. е. до статейного списка 3 декабря 1627 г. Однако вдовы, согласно указу 5 февраля 1632 г., не получают никаких прав распоряжения этими вотчинами: не могут их продать, заложить или дать в монастырь; после смерти бездетной вдовы вотчина переходит в род мужа. Следовательно, указ 5 февраля 1632 г. идет дальше по пути ограничения владельческих прав бездетной вдовы в отношении выслуженной вотчины мужа, чем указ 21 апреля 1631 г., в котором еще сохранено право полного распоряжения вотчиной за вдовой.

№ 206

Указ не позднее сентября 1633 г. направлен на удержание служилых людей под Смоленском во время Смоленской войны 1632—1634 гг. Отъезд из-под Смоленска карался отпиской четверти поместья, а неявка служилого человека к армии, осаждавшей Смоленск, — конфискацией всего поместья. Освободившиеся таким образом поместные земли предписывалось раздавать лишь тем помещикам, которые действительно участвовали в боевых действиях под Смоленском. Особо это подчеркивается своеобразной процедурой раздачи: она должна производиться не в Москве, а в Смоленске. Кара за бегство из-под Смоленска смягчалась, если район, где находилось поместье беглеца, подвергся татарским нападениям. Поместная земля в таком случае не отбиралась, служилому человеку предписывалось только немедленно выехать в армию. Указы имеют в виду татарские нападения летом 1632 и 1633 гг. Воспользовавшись отвлечением русских сил на смоленский фронт, татары разорили в 1632 г. до 10 южных уездов (Ливенский, Мценский, Орловский, Елецкий и др.), а в 1633 г. — приокские уезды.[1]

См. также № 211, 225.

[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 212—214, 220—221.

№ 207

Указ 22 октября 1633 г. распространяет обычную норму — отсрочку всех судебных дел служилых людей до конца похода — на участников Смоленской войны 1632—1634 гг.

См. также № 169 (ст. 4), 188 (ст. 4), 204.

№ 208

Указ 29 ноября 1633 г. освобождает вдов от поставки даточных людей, т. е. дополнительного контингента в армию из крестьян и холопов их вотчин и поместий, если мужья их погибли в ходе Смоленской войны. Это была существенная привилегия для вдов, которые вели хозяйство своих мужей после их гибели на войне.

№ 209

Указ 22 декабря 1633 г. запрещает воеводам, дьякам и приказным людям покупать вотчины у служилых людей во время боевой службы — в походах, в районах военных действий. Судя по мотивировке указа, согласно которой такие сделки разлагают действующую армию, запрещение имело всеобщий характер. Совершать сделки на вотчины в походах запрещалось не только командному и приказному составу войска, но и всем служилым людям.

Указ издан по частному случаю — челобитью рязанца Е. Гвоздева о возвращении ему вотчины, отданной во время Смоленской войны (1632—1634 гг.) дьяку А. Дурову.

№ 210

Употребление табака — «богомерзкого зелья» — в Русском государстве было запрещено под страхом сурового наказания, что и нашло свое отражение в указе не ранее 1633/34 г. Несмотря на суровые кары вплоть до смертной казни за употребление табака, само правительство продавало

его в Сибири; так, в 1646 г. туда был послан табак из Приказа Большой казны с указанием продажной цены на «сырой» и «тертый» табак. Сеять табак и торговать им могло только государство, частным же лицам это строго запрещалось.[1] Табачная монополия возбуждала особенное негодование духовенства, но она была сохранена и после отмены в 1647 г. соляной монополии.

[1] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3, № 124 и 128.

№ 211

Указ 19 февраля—21 марта 1634 г. издан вскоре после отступления 19 февраля 1634 г. русского войска из-под Смоленска и имел целью урегулировать поземельные дела в семьях погибших во время Смоленской войны (1632—1634 гг.) служилых людей. В соответствии с нормами поместного права вдовы и малолетние дети обеспечивались прожиточными поместьями. Но передача излишних земель, оставшихся после выдела прожиточных поместий, родственникам погибшего («отдавати братьям их и племяни в род») выходила, строго говоря, за рамки поместного права и свидетельствовала о сближении поместья и вотчины не только в обычае, но и сознании законодателя. Характерно, что закон дважды употребляет термин «родовое поместье». Закон сохраняет основные нормы ранее изданных указов о поместьях служилых людей, участвовавших в смоленском походе: выморочные поместья могут быть переданы лишь лицам, участвовавшим в войне под Смоленском (№ 206); поместья, безусловно, отбирались у тех, кто бежал из действующей армии (№ 206). Указ определяет точно время: «до отходу», т. е. до 19 февраля 1634 г. («приезд» мог быть и разным по времени). Как и прочие указы (см. № 74, 82), закон запрещает передавать земли участников войны московским служилым людям. В реальной жизни, видимо, московские дворяне, используя свое столичное положение, умели урвать себе поместья.

См. также № 225.

№ 212

Указ 18 марта 1634 г. предусматривает возможные сделки с «даными» дворами, дворовыми и огородными местами, отведенными дворянам, детям боярским и другим служилым людям в Москве. «Даную» им землю настоящий указ категорически запрещал «без государева указу» продавать и закладывать, а сделки как незаконные записывать в Земском приказе.[1] Проданные и заложенные уже земли предписывалось отбирать у прежних владельцев и пускать их в новую раздачу (ср. № 183). В то время как тяглые дворы и дворовые места можно было свободно продавать, закладывать, давать в приданое тяглым же людям, «даную» землю можно было отчуждать только по государеву указу.

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 154—155; *Загоскин Н. П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Казань, 1877. С. 20.

№ 213

Указ 31 июля 1634 г. издан в связи с челобитьем архимандрита Чудова монастыря Кирилла о выплате монастырю денег из казны за выслуженную вотчину мещеренина Елисея Первого Ульянова, данную Елисеем в монастырь «по душе» и взятую у монастыря для раздачи помещикам. Указ предписывает в этом частном случае выдать монастырю деньги по определенной цене — по полтине за четверть (четверть равняется $^1/_2$ десятины).

Указ вместе с тем устанавливает общее правило об отписании на государя выслуженных вотчин в случае, если вотчинники, не имея законных наследников («а вотчичев не будет»), завещают эти вотчины в монастырь. При этом монастырю выплачиваются из казны деньги из расчета установленной за землю цены — по полтине за четверть. Выкупленные таким образом земли шли в раздачу служилым людям в качестве поместий. Указ 31 июля 1634 г. имел целью ограничить рост церковного землевладения за счет выслуженных вотчин и тем самым сохранить фонд поместных земель, из которого выслуженные вотчины и давались.

Имеются факты прямого нарушения этого закона. Так, 23 августа 1636 г. специальным указом царь дозволил князю Борису Лыкову отдать его выслуженную вотчину в Ржевском уезде Рождественскому монастырю и записать ее в Поместном приказе.[1]

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 113—114.

№ 214

Несмотря на запрещение отчуждать черные дворы и дворовые места беломестцам (см. № 103, 115, 116, 137, 158, 163), подобные сделки продолжались. В 1634 г. сотские и старосты московских погоревших черных сотен и слобод обратились к царю с челобитной, в которой просили запретить тяглецам закладывать свои дворы, дворовые места и «хоромы» дворянам, детям боярским и «всяким людем мимо черных тяглых людей», которые (дворяне и другие) тягла не тянут, а сами посадские люди «с тягла бредут розно», в результате чего черные сотни и слободы пустеют, выкупать же заложенные черные дворы и дворовые места посадские общины не могут, так как заложены они «большим закладом».

В ответ на эту челобитную последовал указ 19 августа 1634 г., не только запрещавший продавать и закладывать тяглые дворы, дворовые места и «хоромы» беломестцам, но и впервые в законодательстве предписавший возвращать их в сотни и слободы «безденежно», а продавцов—тяглых людей, совершивших продажу или заклад после настоящего указа, «syскивая, бить кнутом». Комментируя этот указ, М. Ф. Владимирский-Буданов замечает, что «право собственности на тяглую землю принадлежало общине — сотне; отсюда право сотни на безденежное получение таких земель, отчужденных владельцами в руки лиц, не принадлежавших к общине. Что же касается до зданий (дворов), выстроенных на этой земле, то хотя дворы и составляли собственность частных лиц, но настоящим законом и они обращаются в общинную собственность, так как покупавшие и принимавшие их в залог обыкновенно приобретали их не на снос, а овладевали ими для пользования на месте ... осваивали участки земли, на которых они стоят, и, наконец, обеливали их».[1]

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 154—155, примеч. 64.

№ 215

Указ не позднее 13 сентября 1634 г. подтверждает нормы указа не позднее сентября 1633 г. (№ 206) и распространяет их действие на неявившихся на службу в Ржев, Можайск и Калугу летом 1634 г.: у тех и у других отнимаются все поместья и раздаются участникам Смоленской войны (1632—1634 гг.), бывшим в армии до «отхода». Указ уменьшает наказание беспоместным служилым людям, бывшим под Смоленском вместе с отцами и братьями, а потом бежавшим после гибели отцов и братьев: они получают поместья погибших, но им снижается оклад на 50 четей и содержание на 2 р. Бегство из рейтарского полка вело также к отнятию поместья. Рейтарский полк, формировавшийся в июне 1632 г., комплектовался, в отличие от солдатских полков, преимущественно из дворян. Помимо хорошего содержания, рейтары сохраняли за собой и поместья, поэтому бегство из действующей армии рейтара влекло за собой отобрание поместья. Земля передавалась тем рейтарам, у которых не было поместий или их было мало.[1]

См. также № 219, 241.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 442—444.

№ 216

Указ от сентября 1634 г. касается двух групп плененных холопов. Небеглых холопов, попавших в плен во время Смоленской войны 1632—1634 гг. непосредственно в бою или при каких-либо других обстоятельствах, лишь косвенно связанных с военными действиями, и вышедших из польского плена, было предписано отпускать на свободу вместе с их женами, остававшимися у их господ. Что касается детей этих холопов, родившихся после похолопления их родителей или оформивших ранее свою неволю служилой кабалой, то они отпуску на волю вместе с отцами не подлежали, а должны были оставаться у своих господ.

В отношении же беглых холопов, попавших в плен после бегства от их господ — вне зависимости от того, оказались ли они в момент пленения в казачьих отрядах или на службе у других холоповладельцев, — было установлено общее правило, связанное не только со Смоленской войной, а с пребыванием на любых государевых службах. Такие вышедшие из плена холопы подлежали обязательному возвращению их прежним владельцам.

В общей форме норма, определяющая судьбу возвратившихся из плена холопов, была сформулирована еще в Судебнике 1550 г. (ст. 80). Она была подтверждена в Соборном уложении 1649 г. (гл. XX, ст. 34). Если ст. 80 Судебника не дает ответа на вопрос о том, как следовало поступить с женой и детьми отпущенного на свободу холопа, то ст. 34 гл. XX Соборного уложения 1649 г. предписывает их отпустить вместе с самим холопом. Это, однако, не свидетельствует о том, что по Судебнику на свободу отпускался лишь вернувшийся из плена холоп, по указу 1634 г. — он вместе с женой, а по Соборному уложению — он вместе с женой и детьми. Ю. И. Гессен был прав, когда предположил, что Судебник 1550 г. ничего не говорил о жене и детях холопа, выбежавшего из плена, потому что «их судьба сама собой подразумевалась»[1] и они должны были отпускаться вместе с главой семьи. Симптоматично и включение незначительно отредактированного указа 1634 г. в состав Соборного уложения 1649 г. (в качестве ст. 66 гл. XX), в котором сосуществуют две нормы: общая, предусматривающая отпуск на свободу холопов с женами и детьми (ст. 34), и частная, предусматривающая отпуск на свободу взятых в плен во время Смоленской войны 1632—1634 гг. и вышедших из него холопов только с их женами (ст. 66). Отсюда следует, что из общей нормы, действовавшей по крайней мере с 1550 г. и предусматривавшей отпуск на свободу вернувшегося из плена небеглого холопа вместе с женой и детьми, в 1634 г. было сделано изъятие для детей тех холопов, которые попали в плен именно в период Смоленской войны.

Особые условия, в которых велась Смоленская война, вызвали к жизни и норму, касающуюся холопов, бежавших от их господ и ставших казаками. В военных действиях против поляков приняли участие под командованием крестьян, донских и яицких казачьих атаманов (Ивана Балаша, Анисима Чернопруда, Ивана Теслева) самостоятельные казачьи отряды, очень скоро вышедшие из-под контроля правительства. В такие отряды и стекались массы беглых холопов, причем происходило это не только в районе военных действий, но и в самой Москве, куда казаки приходили для доставки пленных поляков, в Брянске и многих других местах. Движение (получившее по имени своего первого предводителя название «балашовского») приобрело явно антифеодальную окраску, почему и в указе речь идет о холопах, бежавших к казакам и участвовавших в «воровстве».[2]

Именно такие холопы, попавшие в плен к полякам, равно как и беглые холопы, оказавшиеся в момент пленения на службе у новых холоповладельцев, в случае их возвращения из плена и подлежали передаче первым их владельцам. Однако этой норме, хотя и возникшей в результате Смоленской войны и сопровождавшего ее «балашовского» движения, все же, как было отмечено, в отличие от предыдущей нормы данного указа, был придан не временный и частный, а общий характер.

[1] *Гессен Ю. И.* Источник одной из статей Уложения 1649 г.//Проблемы источниковедения. 1940. Т. 3. С. 394.

[2] О «балашовском» движении во время Смоленской войны подробнее см.: *Поршнев Б. Ф.* 1) Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны//История СССР. 1957. № 5. С. 112—140; 2) Развитие «балашовского» движения в феврале—марте 1634 г.//Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 225—235; *Андреев И. Л.* Движение балашовцев// Вопр. истории. 1977. № 6. С. 116—128.

№ 217

Норма указа 15 октября 1634 г. «Хто к вотчине ближе в роду, тот и вотчичь» приведена в спорном деле о вотчине Ивана Измаилова между его дочерью и племянниками — детьми двух других замужних дочерей. Поместный приказ, ссылаясь на вышеприведенную формулу, присудил вотчину дочери, так как «она к той вотчине в роду ближе», а племянникам отказал, поскольку они «к той вотчине в роду дале».

Царь отменил этот приговор Поместного приказа и повелел разделить вотчину на три части, по числу дочерей вотчинника. В результате был сформулирован новый указ — 15 октября 1634 г.[1] (см. № 218).

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 124—125.

№ 218

Указ 15 октября 1634 г. издан в связи со спорным делом о вотчине Ивана Измаилова, которая Поместным приказом была присуждена его дочери в обход его внуков от двух замужних дочерей. Аннулировав это решение, законодатель подтверждает норму статейного списка 3 декабря 1627 г. (№ 161), по которой племянницы, внучата и правнучата женского пола являются наследницами «по родству», и отменяет норму, сформулированную в указе 15 октября 1634 г. (№ 217). Указ 15 октября 1634 г. в общей форме гарантирует права внуков и правнуков, независимо от пола, при наследовании дедовских и бабкиных старинных вотчин.

№ 219

Еще указом, изданным не позднее 13 сентября 1634 г. (№ 215), неявка на службу с воеводой Д. М. Черкасским наказывалась отнятием поместья, но в этом указе имелись в виду служилые люди, взявшие «государево жалованье». Указ 17 октября 1634 г. распространяет эту норму и на тех служилых людей, которым «довелось» быть «на государеве службе без жалованья». Отсутствие жалованья, т. е. денежной дачи, не должно быть оправданием для неявки на службу.

См. также № 241, 253.

№ 220

Обычай поощрять военную активность служилого человека придачей поместной земли и денег в соответствии с числом убитых им неприятельских воинов идет издавна. Известно, например, что царь Василий Шуйский вознаграждал земельными и денежными придачами помещиков, участвовавших в боях против Болотникова, между прочим и «за убитых мужиков», т. е. за убитых лично помещиком болотниковцев.[1] Указ ранее 30 декабря 1634 г. определяет норму придачи служилым людям — участникам Смоленской войны 1632—1634 гг.: 50 четвертей земли за 10 или 7 убитых людей и по 1 р. за убитого человека, причем число убитых помещиком людей должно было быть официально подтверждено послужным списком, который велся в воинских отрядах.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. М., 1951. С. 399, 401.

№ 221

Текст указа 1634/35 г. не сохранился. Его содержание лишь частично воссоздает ст. 105 гл. XX Уложения 1649 г. Опираясь на нее, определенно можно утверждать, что указ 1634/35 г. запретил давать боярским людям, т. е. холопам, служилые кабалы на вольных людей.

Однако восходят ли другие предписания, включенные в данную статью Уложения, к указу или они были сформулированы позднее, неясно. В частности, остается открытым вопрос, когда было разрешено холопам взамен взятия на вольных людей служилых кабал оформлять жилые записи («по записям на урочные годы») — еще в 1634/35 г. или по указу не позднее 30 мая 1641 г. (см. № 286). То же можно сказать и относительно предписания аннулировать старые служилые кабалы: если оно содержалось еще в указе, то тогда незаконными следует признать все принадлежавшие холопам служилые кабалы, выданные как до, так и после 1634/35 г.; если же эта мера была проведена в Уложении 1649 г., то незаконными оказываются только те служилые кабалы, которые оформлялись после 1634/35 г.

Отказ холопам в праве оформлять служилые кабалы на других людей означал, что власти встали на путь запрещения холопам владеть другими холопами. И хотя речь шла о владении только кабальными холопами, и запрет не распространялся на владение старинными (потомками полных и докладных холопов) и добровольными холопами, норма указа 1634/35 г. отражала, по-видимому, существенные изменения как в структуре самого сословия холопов, так и в политике властей по вопросу о путях формирования класса феодалов.

И действительно, до этого времени, особенно в XV и XVI вв., некоторая часть холопов, являвшаяся привилегированной по сравнению с их низшими собратьями по сословию, выполняла

по поручению своих господ судебно-административные, делопроизводственные, хозяйственные и военные функции. Некоторые из холопов становились помещиками.

Теперь введение запрета, согласно которому холопы утрачивали право похолоплять посредством служилой кабалы других лиц, могло косвенно свидетельствовать о том, что значение привилегированных слуг упало, их статус претерпел изменения и само сословие холопов становилось более однородным, не являлось больше одним из источников формирования сословия служилых землевладельцев. Указ 1634/35 г. являлся не только порождением этих процессов, но и призван был способствовать их ускорению.

№ 222

Указ 17 января 1635 г. имеет частный характер — возвращает поместья служилым людям, не явившимся на смотр в Можайск, видимо, устроенный в связи с приездом царских послов.

№ 223

Указ не позднее 12 апреля 1635 г. предписывает приведение на суде истцов и ответчиков к крестному целованию по каждой челобитной в отдельности, даже если дело разбирается на одном судебном заседании.

См. также № 142.

№ 224

Указ не позднее 30 апреля 1635 г. продолжает ту линию законодательства по охране поместных земель, числившихся за иноземцами, которая намечена рядом предыдущих указов — приговором боярской думы от 2 июля 1615 г. (№ 78), указом от 18 августа 1619 г. (№ 90), указом не позднее 8 мая 1630 г. (№ 198). Хотя комментируемый указ запрещает московским служилым людям приобретать лишь земли татар, однако в свете предшествующего законодательства можно утверждать, что он имел и общее значение, т. е. относился к землевладению и других иноземцев.

В докладе к указу излагаются причины его принятия: отчуждая земли русским служилым людям, татарские мурзы «избывают» этим воинской службы.

См. также № 69, 234 (ст. 7).

№ 225

Рекомендация нетчикам приискивать себе новые поместья и добиваться поместий службой, выраженная не позднее 1 мая 1635 г. в резолюции на челобитной группы служилых людей, позволяет заключить, что законодатель не считает справедливым объявление служилого человека нетчиком, если он не участвовал в походе из-за поисков корма и фуража или пропустил смотр по болезни; не считает обязательным возвращение «родственного поместья» наследникам служилого человека, если оно поступило в раздачу после гибели владельца на Смоленской войне. Последнее противоречит предшествующему законодательству (см. № 206, 211).

№ 226

Указ не позднее 7 июля 1635 г. решительно выступает против сделок, не оформленных письменным актом. Это продолжение и развитие старой тенденции, проявившейся еще в Псковской судной грамоте с ее предпочтением письменной сделки перед бесписьменной. В этой тенденции

нельзя не видеть усиления контроля и регламентации, характерных для развивающейся бюрократической системы. Тем же вызвано и предписание зарегистрировать прежние бесписьменные сделки.

См. также № 328.

№ 227

Указ 17 октября 1635 г. запрещал продажу дворов в Китай-городе иноземцам, подьячим и «всяких чинов мелким людем». Такие сделки считались незаконными и не должны были записываться в книги в Земском приказе. Указ имел целью сохранить состав дворовладельцев в Китай-городе, не допустить уменьшения в нем числа «лучших» дворовладельцев. В течение второй половины XVII в. шло постепенное вытеснение из центра Москвы непривилегированного населения.[1]

См. также № 212, 231, 269.

[1] История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 475.

№ 228

Текст указа 20 октября 1635 г. дошел в составе памяти, отправленной 2 апреля 1639 г. из Приказа Холопьего суда в Московский судный приказ, в ответ на запрос о том, имеется ли в предшествующем законодательстве норма, согласно которой, «если исцы и ответчики бьют челом государю о безвесных крестьянех и холопех об сыске», то «на сколько в сыску сроку велено давать, или им велено срок поверсной давать, в котором городе их скажут, и на сколко дней срок поверсной велено давать».[1] Ответ Приказа Холопьего суда сводится к следующему. При решении спорного дела между двумя холоповладельцами, претендующими на одного холопа, в случае бегства его от ответчика до предъявления иска, для розыска беглого предоставляются четыре последовательных срока: обычный срок, исчисленный из расчета по семь дней на каждые 100 верст (см., например, статьи 69 и 75 Судебника 1550 г.), если известно, где находится беглец; последовательно 3 месяца, 6 месяцев и, наконец, один год, если местонахождение беглого холопа неизвестно, причем последний срок дается только для поисков «в далних городех». Обращение к ст. 50 гл. XX Уложения 1649 г., излагающей первую часть того же указа, делает очевидным, что «сыскивати» «чужого беглого холопа» велено было «ответчику».

Приказная память не упоминает о предписании, вытекающем из нормы о сроках сыска ответчиком чужого беглого холопа, в двух его возможных вариантах: если поиски увенчались успехом и если они по истечении всех разрешенных сроков закончились неудачей. Та же ст. 50 гл. XX Уложения 1649 г. содержит предписание «поставити» найденного холопа «в Холопье приказе, а ис Холопья приказу того холопа отдати тому, у кого на него крепость будет старее». Эта норма, если она была включена еще в указ 1635 г., и должна была применяться в случае поимки холопа в установленный срок. Если же поиски заканчивались неудачей, то, согласно ст. 51 гл. XX Уложения 1649 г. в несколько отредактированном виде (изменены сроки сыска чужого холопа), также восходящей к указу 1635 г., было предписано с ответчиков «взяти денгами по государеву указу, за всякого человека по пятидесяти рублев, и отдати исцу. А будет ответчик того человека сыщет, и того человека отдати исцу, а денги пятьдесят рублев, взяв у исца, отдати ответчику». Ссылка при формулировании этой нормы на государев указ может являться свидетельством того, что и она содержалась еще в указе 1635 г.

Очевидная неполнота при изложении приказной памятью указа 1635 г. объясняется, повидимому, тем, что в ней содержится только ответ на прямо поставленный вопрос Московского судного приказа о сроках сыска ответчиком чужого холопа.

Указ 1635 г. дополняет ст. 3 статейного списка от 25 февраля 1608 г. (см. № 58). В этой статье речь шла о решении спорных дел между двумя холоповладельцами, претендующими на одного холопа, если ответчик заявит о бегстве от него спорного холопа после начала разбирательства и до истечения законного срока для доставки его в суд. Теперь оба закона, взятые в совокупности, охватывали все случаи бегства от ответчиков тех холопов, которые являлись объектом судебного разбирательства между двумя холоповладельцами, вне зависимости от того, бежали эти холопы до начала судебной процедуры или во время суда.

[1] *Назаров В. Д.* Указная книга Московского судного приказа//АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 477—478.

№ 229

По указам 15 декабря 1635 г. служилые люди, посланные на воеводство, получают тем самым отсрочку от суда по гражданским делам. Но эта отсрочка не относится к их людям (холопам) и крестьянам; последние подлежат суду на общих основаниях. Указ распространяет на них норму судопроизводства, сформулированную в 1628 г. (см. № 169, ст. 1), согласно которой троекратная неявка на суд в установленные сроки служит основанием для признания их вины.

№ 230

Указ 7 марта 1636 г. распространяет на белозерцев действие постановлений, запрещающих передачу выморочных вотчин и поместий «мимо ... города» (см. № 85). Указ издан в связи с челобитьем белозерцев о том, что многие вотчинные и поместные земли розданы боярам, окольничим и другим приказным московским людям. Утверждая уже произведенные раздачи, так как, по словам доклада, они «в Поместном приказе ... росписаны», указ запрещает впредь служилым людям других городов каким-либо способом (путем пожалования, купли, мены) приобретать земли белозерцев и предписывает давать «выморочные поместья и вотчины» только белозерцам, т. е. оставлять во владении служилых людей «города».

Под белозерцами М. Ф. Владимирский-Буданов понимает «не помещиков Белозерского уезда, а особый класс служилых людей, испомещенных преимущественно близ Северской Украины».[1] В комментарии к указу 7 марта 1636 г. А. И. Копанев связал термин указа «белозерцы» с Белоозером, где в 1613—1615 гг. были испомещены служилые люди из Смоленщины и других окраинных районов.[2] Однако это утверждение оказалось ошибочным. Исследованиями А. Л. Станиславского доказано, что «белозерцы» — это фиктивная корпорация, под которой разумелись казаки, испомещенные в разных уездах Русского государства и не только «близ Северской Украины», как думал М. Ф. Владимирский-Буданов, но и в северных (Вологда, Белоозеро, Суздаль и др.) и центральных (Рязань, Кашира, Алатырь, Вязьма и др.) уездах.[3] А. Л. Станиславский аргументированно связал появление термина «белозерцы» с потребностями делопроизводства — объединить большую группу помещиков-казаков как корпорацию, приурочив ее условно к тому городу, где такой городской корпорации не существовало. Действительно, испомещенные после Смуты на Белоозере смоляне, иосифовские, погорелогородские и волоцкие «сидельцы», клиняне, можаитяне, звенигородцы, группы иноземцев и так далее не слились в единую корпорацию, а ведались в делопроизводственном плане по прежним городам и службам. Но наряду с ними на Белоозере были испомещены казаки и черкасы. Их-то в делопроизводстве сначала и называли «белозерцами», так как они не принадлежали ни к какому городу. Позднее этот термин перенесли на испомещенное казачество в других уездах (например, в писцовой книге Шацкого уезда 1616/17 г. казаки записаны как казаки, а в переписной книге 1645/46 г. — уже как белозерцы).

А. Л. Станиславский установил, что указу 7 марта 1636 г. предшествовали указы 1619/20 и 1622/23 гг. (№ 92, 124), запрещавшие казакам поместья «сдавать» и вотчины продавать, закладывать, давать в приданое, давать вкладом в монастыри.[4] Челобитная перемышльских помещиков Сидора Заварзина, Ивашки Белавина и Томилки Хоботовского (все они упомянуты в писцовых книгах 1628—1629 гг. как казаки, получившие владения в 1620 г.), приведенная в докладе к указу 7 марта 1636 г., свидетельствовала об активной мобилизации казачьих земель[5] (см. также № 245, 332).

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия. Киев, 1889. Вып. 3. С. 237.

[2] ПРП. Вып. 5. С. 469—470, 513—514.

[3] *Станиславский А. Л.* 1) Правительственная политика по отношению к «вольному» казачеству: (1612—1619 гг.)//История СССР. 1984. № 5. С. 66—79; 2) Законодательство о верстанном казачестве в XVII в.//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 168—173; А. А. Новосельский белозерскую корпорацию назвал «фиктивной». Она, по его словам, была создана в 1612—1613 гг. «из группы казаков подмосковного ополчения и других категорий служилых людей, испомещенных на дворцовых и черных землях Белозерского уезда» (*Новосельский А. А.* Распад землевладения служилого города (по десятням)//Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 233). А. Л. Станиславский расширил значение термина «белозерец» на всех испомещенных казаков.

[4] *Станиславский А. Л.* Законодательство... . С. 165—166.

[5] А. Л. Станиславский привел большое число фактов распоряжения казаков своими поместьями и вотчинами.

№ 231

Указ не позднее 10 апреля 1636 г. преследовал две цели: пополнение тяглецами черных московских сотен и освобождение центра города «от мелкой чети людишек».

См. также № 212, 227.

№ 232

Приговор боярской думы от 10 сентября 1636 г. подтверждает норму ст. 5 статейного списка 17 ноября 1628 г. (см. № 188) в отношении ответчиков, но, в отличие от прежнего закона, дает ответчикам льготные три дня, лишь по истечении которых предписано было их «съездом винити».

См. также № 326.

№ 233

Указ 12 декабря 1636 г. подтверждает постановления указа 28 декабря 1627 г. (№ 165) о запрещении возбуждать вновь поместные дела, решенные до московского пожара 3 мая 1626 г., и распространяет эту норму также и на дела, решенные после пожара, но до смерти патриарха Филарета — соправителя царя Михаила. Филарет умер в 1633 г.

№ 234

В комментарии к статейному списку 17 декабря 1636 г. В. Н. Сторожев указывает, что он «представляет любопытный образчик того, как шла внешняя законодательная деятельность московского правительства, как обсуждались и принимались законы, какова была техническая сторона думского делопроизводства».[1]

Статейный список вырабатывался боярской думой по указу царя, но в его отсутствие. Приговоры бояр, представляющие собой формулировки отдельных статей, утверждались царем («государь царь и великий князь... всеа Русии указал: быть той статье так, как бояре приговорили»). В одном случае бояре отказались составить приговор (по вопросу о том, можно ли вотчины, купленные из порозжих земель, продавать и закладывать), считая себя заинтересованными людьми («им бояром ... о том приговаривать не мочно, потому что за ними за самими такие вотчины»).

Статейный список о поместьях и вотчинах 1636 г. регулирует различные стороны феодального землевладения. Большая часть статей посвящена вопросам поместного землевладения, и лишь четыре статьи касаются вотчин.

Ст. 1 запрещает служилым людям менять свои поместья на свои же вотчины и расписывать в Поместном приказе вотчинную землю в поместную, а поместную — в вотчинную. Домогательства помещиков об обмене своих поместных земель на свои же вотчинные земли стали, вероятно, обычным явлением в 30-х гг. XVII в. В результате перевода части поместных земель в вотчины у лиц, отличившихся в войне, в «осадном сиденье» и т. д., вотчинные земли большинства служилых людей оказались внутри бывших поместий. Иногда те и другие земли находились в одних полях без точного разграничения. Так, например, дьяк Федор Лихачев в деревне Дурневе имел 25 четей в качестве выслуженной вотчины, а 35 — в качестве поместья. В своей челобитной он писал, что «в межеванье той ево вотчины с поместною землею смутно потому, что вместе в одних полях и в десятинах, а отхожие пустоши нет, где б особно от вотчинной земли поместная земля отделить и отмежевать».[2] В таких условиях разрешение обменов поместной земли на вотчинные земли могло быть использовано помещиками для перевода себе в вотчины лучших земель из поместий, а в поместья — худших вотчинных земель. Подобные злоупотребления и хотело пресечь правительство, запрещая обмены.

Ст. 2 расширяет права вотчинников по распоряжению вотчинами, купленными из порозжих земель и из своих собственных поместий, позволяя их продавать и закладывать. По указу 7 февраля 1628 г., разрешающему продажу порозжих земель, покупатель не имел права закладывать и продавать приобретенные таким способом вотчины (№ 173). Однако на практике владельцы

купленных вотчин начали продавать и закладывать их наравне с вотчинами родовыми, а также обращались в Поместный приказ с просьбой записать эти сделки. Следовательно, постановление ст. 2 шло навстречу интересам землевладельцев-феодалов и в законодательной форме закрепляло за ними те права распоряжения купленными вотчинами, которыми они фактически уже пользовались.

Ст. 3 запрещает отнимать прожиточные поместья у вдов за то, что вторые мужья их, закрепляя за собой при женитьбе их прожиточные поместья, утаили свои старые поместья, перешедшие к ним от отцов. По указу 20 марта 1620 г. (№ 94) утайка служилыми людьми старых отцовских поместий при получении новых поместий влекла за собой отобрание последних. Из ст. 3 следует, что сдача вдовами своих прожиточных поместий при повторном замужестве была прочно установившейся практикой.

Ст. 4 вводит ограничение сдачи прожиточного поместья вдовой второму мужу. При наличии у вдовы малолетних детей от первого брака и при незначительных размерах поместья вдовы, с которым она вышла замуж за второго мужа, поместье предписано возвращать в ее род детям первого мужа. Такой «поворот» прожиточного поместья производился даже в том случае, если новый муж оказался беспоместным или малопоместным.

Ст. 5, регулируя вопрос о судьбе поместий лиц, попавших в плен, устанавливает 10-летний срок «поворота» сыновьям-полоняникам розданных отцовских поместий. Если со времени раздачи отцовского поместья прошло более 10 лет, то вернувшийся из плена сын не имел права на «поворот» поместья, а получал поместные дачи в первую очередь, ранее других челобитчиков. Из ст. 5 неясно, как следовало поступать с личным поместьем дворянина, попавшего в плен и вернувшегося из плена.

Ст. 6 запрещает возвращение прожиточных поместий, перешедших при выходе замуж вдов и девиц во владение их мужей, обратно в род жены в случае ее смерти (см. также № 91).

Ст. 7 регламентирует сдачу новым мужьям вдовами иноземцев прожиточных поместий при их повторном замужестве на русских (дворянах и детях боярских) при условии беспоместности последних. Таким образом, законодатель в ст. 7, предусматривая одно исключение, в общем стоит на позициях прежнего законодательства, воспрещающего передачу земель иноземцев русским (см. № 69, 78, 90, 198, 224).

Ст. 8 предписывает давать прожиточные поместья вдовам и дочерям тех умерших служилых людей, которые, не будучи лично верстаны поместными окладами, служили с поместий своих отцов. В таких случаях размер прожиточного поместья вдовы или дочери предписывалось определять в зависимости от того, при каких обстоятельствах умер муж или отец: если он умер при исполнении службы, то прожиточное поместье давалось «против новичной болшой и середней статьи», если дома — то «против середней и меншой статьи». Новичные оклады были весьма различны. В 1628 г. при верстании новиков в Ливнах для служилых новиков устанавливались оклады по пяти статьям от 200 до 50 четвертей, а для неслужилых новиков — от 150 до 40 четвертей. В Лебедянской десятне 1627—1628 гг. оклад для неслужилых новиков определялся также по пяти статьям — от 100 до 40 четвертей.[3] Из постановлений ст. 8 очевидно, что в тот период существовало определенное соотношение между окладом служилого человека и прожиточным поместьем вдовы и дочерей. В. Н. Сторожев, основываясь на докладе, предпосланном указу 16 августа 1644 г. (№ 299) (в докладе упоминался государев указ, определявший норму прожиточного поместья вдов, мужья которых погибли под Смоленском: вдовам со 100 четей оклада — 20 четей, а дочерям их со 100 четей — по 10 четей),[4] полагает, что закон о величине прожиточного поместья издан приблизительно в 1634—1635 гг. По этому закону прожиточные поместья вдовам и дочерям лиц, убитых под Смоленском, давались с поместного оклада убитого: первым — 20 %, вторым — 10 %.[5]

Ст. 9 определяет порядок решения споров между младшими братьями, за которыми «справлены» отцовские поместья, и старшими братьями, которые были записаны отцами «в отвод», т. е. не получили отцовских поместий. При челобитьях старших братьев о разделе отцовских поместий между всеми братьями поровну ст. 9 предписывает производить такой раздел лишь в том случае, если старшие братья не получили поместий от казны. Если же за ними были «новые дачи», то раздел запрещался. Таким образом, закон лишал отца права полностью устранить старших сыновей от наследования поместья наравне с младшими.

Ст. 10 повторяет норму о непередаче поместий одного города в руки владельцев из другого города (см. № 39, 71, 82, 83, 85, 156, 211; см. также № 271, 320). Даже прожиточные поместья вдов и девиц не должны были переходить служилым людям других городов. Ст. 10 предлагает приискивать невест в своих городах. Право получения поместья не в своем городе оговаривается лишь за служилыми людьми «по выбору». Последние иногда получали земли по месту своей постоянной службы. Например, служившие в Москве имели право на подмосковное поместье.

Боярин и воевода М. Б. Шеин за неудачу в Смоленской войне был в 1634 г. объявлен изменником и казнен. Земельные владения его как «изменничьи» были пущены в раздачу.[6]

Ст. 11 разрешает раздачу в Рыльске, Путивле и Белгороде порозжих бортных ухожаев (пригодных для пчеловодства лесов) служилым людям в их «оклады за четвертную пашню», причем в каждом случае факт порозжего состояния бортных ухожаев устанавливался путем «большого сыска» — опроса местного населения. Раздача бортных ухожаев взамен пахотных земель объяснялась недостаточным земледельческим освоением степных просторов в окраинных южных уездах Русского государства. Одновременно ст. 11 воспрещает дачу в поместье оброчных земель и бортных ухожаев на оброчных землях, что разрешалось в прежнее время — в XVI в.[7] Правительство стремилось сохранить фонд оброчных земель как источник дохода государственной казны.

Ст. 12 направлена на то, чтобы пресечь злоупотребления при раздаче выморочных поместий. Они заключались, во-первых, в том, что искатели выморочных поместий в челобитных обманом утверждали, что жен и детей умерших (чьи поместья они хотели получить как выморочные) не осталось, и, во-вторых, в ложных показаниях местных людей о выморочности поместий, о которых были поданы челобитья. Статья предписывает впредь брать с челобитчиков, желающих получить выморочные поместья, поручные записи, «что их челобитье не ложное», а также устанавливает штраф за ложные показания при обыске. Поместья, попавшие как выморочные в раздачу в результате обмана, предписано возвращать вдовам или детям умершего, причем с незаконно завладевших такими поместьями детей боярских в пользу законных наследников берется «владенье» — определенная плата с четверти земли за каждый год ее использования (см. № 120).

Ст. 13 предписывает подавать челобитные о выкупе вотчин не в Поместный, а в Судный приказ.

Ст. 14 запрещает монастырям обменивать свои земли на поместные и вотчинные даже в том случае, если этот обмен преследовал цель более удобного распределения земель, т. е. был выгоден обеим сторонам. Этот категорический запрет вызван стремлением правительства лишить монастыри возможности таким путем увеличивать свои земельные владения.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 204.

[2] Там же.

[3] *Зерцалов А. Н.* О верстании новиков всех городов 7136 г.: (1627—1628 гг.)//Чтения ОИДР. 1895. Кн. 4. С. 10—11. Служилыми новиками считались верстанные дети боярские, не прослужившие еще пяти лет, а также неверстанные, находившиеся на службе свыше пяти лет. Неслужилые дети боярские — впервые занесенные в десятню или разборные книги (*Важинский А. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.: (по материалам южных уездов в XVII в.). Воронеж, 1974. С. 110).

[4] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 130.

[5] Там же. С. 209.

[6] ААЭ. Т. 3. № 251, 388.

[7] АИ. Т. 1. № 232.

№ 235

Освобождение населения ямских слобод от несения повинностей и уплаты платежей, взимаемых с тяглого посадского населения, а также наличие у ямских слобод привилегий (см. № 106) привлекали в них «сторонних людей». Указ 1636/37 г. категорически запрещал «во всех городех в ямских слободах» продавать и закладывать ямские дворы иноземцам, стрельцам и посадским людям. При нарушении закона купленные дворы «отписывались на государя ... безденежно», а продавцов предписано было бить батогами и сажать в тюрьму. Физическое наказание применялось и в отношении продавцов — черных посадских людей, продавших или заложивших свой двор беломестцам (см. № 214).

№ 236

Указ не позднее 10 февраля 1637 г. свидетельствует о широком распространении в стране фальшивых монет, подрывающих курс денег, выпускаемых правительством, и о жестокой борьбе с фальшивомонетчиками. Указ снова вводит смертную казнь, которая применялась «в прежних летех при прежних ... государех» и не применялась в нынешнее царствование, и конфискацию имущества фальшивомонетчиков. К смертной казни предписано приговаривать, кроме того, укрывателей фальшивомонетчиков и лиц, торгующих медными деньгами.

См. также № 97, 313.

Окончательно сформулированный указ о девятилетнем сроке исков о беглых крестьянах дворян и детей боярских украинных и замосковных городов нам неизвестен. Имеется лишь помета на челобитной о том, что челобитчики решением царя от 20 февраля 1637 г. уравниваются в отношении срока сыска беглых крестьян со сроком сыска, действующим для Троице-Сергиева монастыря (№ 237). Для последнего в это время существовал девятилетний срок исков о беглых (см. № 72). Помета на челобитной, по-видимому, послужила основой не для указа, а для жалованной грамоты челобитчикам. Последняя, правда, не сохранилась, но в памяти из Разряда в Московский судный приказ о получении Разрядом памяти из Патриаршего двора от 17 июля 1638 г. снова упоминается то же пожалование и в соответствии с предписанием, включенным в № 237 «справитца во Дворце и на Патриаршем дворе» «о указных летех», установленных для Троице-Сергиева монастыря, дается справка, согласно которой разрешенный срок исков для возвращения беглых крестьян этого монастыря равен девяти годам (№ 238). В виде «пожалования» оформлено и данное в 1639 г. служилым людям—иноземцам право подачи исков о беглых крестьянах за девять лет (см. № 262).

Установление права «пожалованием», а не указом объясняется, можно полагать, тем, что девятилетние урочные годы вводились не для всех помещиков и вотчинников и даже не для всех служилых людей.

Несколько необычна и сама формула пометы на челобитной дворян и детей боярских украинных и замосковных городов: им велено давать суд о беглых крестьянах, «за сколко лет отдают в Троицын Сергиев монастырь». Едва ли можно допустить, что, увеличивая почти вдвое срок исков о беглых крестьянах для значительной группы владельцев, правительство не знало, каков этот срок. Но такая формулировка открывала возможность проволочки при введении нового срока сыска.

Действительно, справки во Дворце и Патриаршем разряде о том, за сколько лет выдают беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря, были наведены лишь более чем через год после вынесенного решения по челобитной.[1] К тому же, пойдя на значительную уступку челобитчикам, правительство отнюдь не полностью удовлетворило их пожелания: урочные годы не были отменены полностью; не была осуществлена и судебная реформа, которой они добивались. Все это свидетельствует о том, как неохотно шло правительство, состоявшее из крупных феодалов, из тех самых «сильных» людей, на которых жаловались в своей челобитной дворяне и дети боярские украинных и замосковных городов, на меры, которые существенным образом затрагивали их интересы. Уступка, очевидно, была вынужденной. Должна была существовать достаточно серьезная причина, заставившая пойти на нее и увеличить для челобитчиков урочные годы сыска беглых крестьян с пяти до девяти лет.

Челобитная исходила от тех служилых людей, которые несли службу по охране южной границы государства.

Вопрос о том, как дворяне и дети боярские украинных и замосковных городов смогли объединиться для подачи коллективной челобитной, получил в литературе неоднозначное объяснение. С. В. Рождественский установил, что в конце 1636 г. были посланы грамоты в ряд городов Замосковья и Украины о присылке в Москву от каждого города по шесть выборных от дворян и детей боярских «для государева земсково дела». Челобитная 1637 г., по мнению С. В. Рождественского, «могла исходить от этих выборных».[2]

П. П. Смирнов полагает, что эта и следующие коллективные челобитные 1641, 1645 и 1648 гг. могли быть составлены на южной границе, куда ежегодно выезжали десятки тысяч дворян и детей боярских замосковных городов. Там они вступали в контакт со служилыми людьми украинных городов: «...служба детем боярским Украйных городов ежегод, а к ним в прибавку Замосковные городы».[3]

И. Л. Андреев высказывает предположение, что первое коллективное обращение помещиков с требованием отмены урочных лет (ответом на каковое и был рассматриваемый указ) последовало во время работы Земского собора.[4]

После заключения в 1634 г. Поляновского мира с Польшей южная граница оставалась наиболее уязвимой. Татары в своих неоднократных набегах доходили до самой Москвы. Для укрепления южной границы в 1636 г. вдоль нее был построен ряд новых городов: Чернавск, Козлов, Тамбов, Ломов, возобновлен Орел.[5] Оборона границы была усилена и людьми.

В начале 1637 г. донские казаки готовились к взятию Азова, ссылаясь по этому поводу с Москвой,[6] чем значительно осложнили отношения с Турцией и Крымом. Приходилось опасаться серьезных военных столкновений на южной границе. Действительно, в 1637 г. крымские татары опустошили Украину.[7]

В этих условиях правительство не могло не посчитаться с настойчивым требованием служилых людей, оборонявших южную границу.

Борьба за прикрепление крестьян, принявшая с конца XVI в. форму борьбы за отмену урочных лет для сыска беглых крестьян, в течение первой половины XVII в. остается центральной проблемой крестьянского вопроса. Она связана с внутренней борьбой различных групп феодалов за рабочие руки.

Крупные феодалы, обладавшие значительными возможностями привлекать беглых крестьян на свои земли, предоставляя им льготы и ссуды, и затем «ухоранивать» их в своих отдаленных поместьях и вотчинах до истечения урочных лет, были заинтересованы в возможно кратких урочных летах. Средние и мелкие феодалы по причинам, ясно изложенным ими в челобитной, поданной в 1637 г. и повторенным в челобитных 1641 и 1645 гг., добивались полной отмены или по крайней мере увеличения урочных лет. Соотношением сил этих групп феодалов объясняются колебания правительственной политики в вопросе об урочных годах. Опираясь на крупных феодалов, правительство не могло не считаться и с интересами служилых людей. Указ 1637 г. об увеличении срока исков о беглых крестьянах некоторых служилых людей до девяти лет является первой их победой в этом вопросе.

На таком половинчатом решении, являющемся не общим узаконением, а привилегией части служилых людей, дело не могло, конечно, остановиться. Девятилетний срок сыска беглых крестьян не удовлетворил ни тех украинных и замосковных служилых людей, на крестьян которых он распространялся, ни тем более остальных служилых людей. Те и другие добивались полной отмены урочных лет.

Девятилетний срок, отсчитанный от 1637 г., приводит к 1628 г. — времени окончания составления писцовых книг 1626—1628 гг. Они, очевидно, и легли в основу нового срока сыска беглых крестьян.

Возможно, что на практике указ 1637 г. получил более широкое толкование, нежели было предусмотрено его составителями; в выписке из одного судебного дела, начатого в 1638/39 г., сказано: «...и на то есть государев указ: на которой земли крестьяне живут за девять лет, по той земли крестьяне помещику и крепки».[8] Какое-либо упоминание о том, что указ относится лишь к крестьянам помещиков украинных и замосковных городов, здесь отсутствует.

Таким образом, урочные годы стали рассматриваться не только как срок сыска беглых крестьян, но и как срок, закрепляющий крестьян за владельцем, иначе говоря, как одно из оснований крестьянской крепости.

[1] См.: *Сташевский Е.* К истории дворянских челобитных: Коллективная челобитная 3 февраля 145 г.//Сб. статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 118.

[2] *Рождественский С. В.* Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII в.//Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 155—156.

[3] *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.//Чтения ОИДР. М., 1915. Кн. 3. С. 4; АИ. Т. 2. № 355. С. 425.

[4] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 147.

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 283.

[6] Там же. С. 215—217; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 477.

[7] *Соловьев С. М.* История России... . С. 217.

[8] *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 229.

№ 239

Установленный указом 1 апреля 1637 г. список городов, в которых запрещалось «всяких чинов московским людем» обзаводиться земельными владениями путем ли поместной дачи или мены и покупки, отражал ту политику покровительства правительства детям боярским южных уездов, которая, по мнению А. А. Новосельского, последовательно проводилась в 30—60-х гг. XVII в.[1] А. М. Важинский ставит в связь с этой политикой ликвидацию крупного землевладения московской знати во втором десятилетии XVII в., когда в южных уездах на имя царя были отписаны поместья князей Волконских, Черкасских и других представителей знати.[2] Политика ограждения землевладения детей боярских южных уездов преследовала военно-политические цели — усиление обороны южной границы государства. В. И. Корецкий обнаружил, что до указа 1637 г. имелся более ранний указ о запрещении «всяких чинов московским людем» приобретать земли в уездах юга и юго-запада России и в Поволжье.[3] А. Л. Станиславский, основываясь на материалах Поместного, Разрядного и Печатного приказов, пришел к выводу, что указ был издан в 1619 г. до 11 июня.[4]

[1] *Новосельский А. А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.//Истор. записки. 1938. Т. 4. С. 22—23.
[2] *Важинский А. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.: (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 78.
[3] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 361—362.
[4] *Станиславский А. Л.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г.//Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 72—77.

№ 240

Указ 4 мая 1637 г. определяет порядок расчета по посеянной ржи при передаче поместья нетчика в другие руки: новый помещик из урожая ржи получает только то количество семян, которое высеяно было при старом помещике; все, что будет получено сверх семян, отдается старому помещику. Обеспечение нового помещика семенами — важное условие нормального хозяйственного развития поместья.

№ 241

Указ 7 мая 1637 г. дополняет постановления указа, изданного не позднее 13 сентября 1634 г. (№ 215). Майским указом разрешается давать родственные выморочные поместья беспоместным служилым людям, бежавшим из-под Смоленска и вследствие этого наказанным по указу 1634 г. сокращением оклада на 50 четей и на 2 р. денежной дачи, и нетчикам, у которых были отняты их поместья.Наименование поместий родственными и сохранение их в случае выморочности в родовом владении даже тогда, когда претендентом выступает нетчик, свидетельствуют о сближении поместья с вотчиной.

См. также № 219, 253.

№ 242

Указ 9—27 мая 1637 г. относится к тому времени, когда сыском посадских тяглецов занимался Владимирский судный приказ во главе с кн. И. А. Голицыным. Сыск, проводившийся этим приказом, протекал в напряженной общественно-политической обстановке, создавшейся в результате выступлений поместной армии и посадских людей в конце 1636/37 г.[1] Указ был дан в ответ на челобитную посадских старост и сотских всех московских черных слобод и сотен от 9 мая 1637 г.,[2] содержавшую требование возвращения в тягло всех ушедших из посадского тягла людей, заложившихся за беломестцев. К челобитной были приложены заручные росписи закладчиков по каждой сотне и слободе с указанием, за кого они заложились и где они проживают. Всего было перечислено 448 человек, что, по подсчетам П. П. Смирнова, составляло 36 % от всех черных дворов.[3] Московские тяглые люди оказались закладчиками патриарха, московских монастырей, бояр.

Указ 1637 г. касался только Москвы. По сравнению с предшествующей практикой он ввел следующие нововведения: 1) значительно увеличил срок сыска: 25 лет вместо 10; 2) расширил круг лиц, подлежавших сыску и возвращению в тягло; теперь, кроме тяглых людей и их детей, возвращению подлежали также наймиты и сидельцы; 3) следовало подсчитать, «хто за кем сколко лет жил, и сколко кому податей на год платил, и то приказал государь выписывать и править на тех людех, за кем они сколко лет жили», что могло составить у отдельных лиц значительную сумму; 4) были упрощены система сыска и процедура возвращения на посад, так как для доказательства посадской старины не требовалось никаких документов, кроме заручных росписей, поданных старостами и сотскими.

Голицын уже 5 июня 1637 г. докладывал царю о результатах сыска. За это время он сыскал и вернул 34 человека.[4] В ответ на этот доклад последовало распоряжение от 5 июня 1637 г. о взятии в черные сотни и слободы Москвы тех людей, которые жили у торговых людей и от них торговали, а также из «пушкарей, стрельцов и садовников».[5] Через месяц, 10 июля 1637 г., Голицын снова доложил царю о новых итогах сыска закладчиков из всех московских черных сотен и слобод, кроме Конюшенных слобод. Теперь из 448 человек было сыскано и возвращено в тягло уже 173 человека, что, по справедливому мнению П. П. Смирнова, свидетельствует, каким трудным и часто безнадежным делом было возвращение закладчиков из-за сильных людей.[6] В ответ на этот новый доклад Голицына последовало новое распоряжение от 10 июля 1637 г., согласно

которому 10 дворян должны были переписать в Москве в Китай-городе, и Белом городе, и по слободам у патриарха, митрополита, бояр, окольничих и других лиц, а также и на монастырской и церковной земле всех рукодельных, промышленных и торговых людей, которые им платят оброк, и доложить об этом царю.[7] Это распоряжение, как отметил П. П. Смирнов, явилось «признанием недостаточности средств Владимирского судного приказа для борьбы с сильными людьми из-за закладчиков и расширением задач сыска князя И. А. Голицына передачей в его руки начатого Разрядом в 1636 г. уничтожения церковных слобод в Кремле и Китай-городе на основании ... указов о запрещении держать более одного ... дворника на владельческих дворах, которые идут с конца XV в.»[8] (см. № 231). По мнению П. П. Смирнова, «очевидно, намечалась ... полная ликвидация промышленных слободок в городе Москве, независимо от того, был ли посадский закладчиком, т. е. тяглым человеком, живший в такой слободке человек».[9]

Возвращение закладчиков Конюшенных слобод удалось Голицыну еще меньше, чем розыск закладчиков черных слобод и сотен; из 140 человек было возвращено в Конюшенные слободы только 25.[10]

Несмотря на незначительные успехи сыска закладчиков в Москве, пример борьбы и даже частичной победы над сильными людьми черных сотен и слобод не мог не возбудить такое же движение за возвращение закладчиков и в остальных городах Русского государства, где сыск проводился отдельными четвертями в подведомственных им городах. Так, летом 1637 г. во Владимирский судный приказ обратились с челобитной старосты города Ярославля, из которого ушли в закладчики в Ярославский Спасский монастырь и к боярам 370 ярославских тяглецов. Таким образом, Владимирский судный приказ перенес свою деятельность из Москвы в Ярославль,[11] которым дело, очевидно, не могло ограничиться.

См. также № 89, 249, 250, 255, 275, 293.

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 424—429.
[2] Там же. С. 427—428.
[3] Там же. С. 433.
[4] Там же. С. 435.
[5] Там же. С. 436, примеч. 1.
[6] Там же. С. 438—439.
[7] Там же. С. 439—440.
[8] Там же. С. 440.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 444—445.
[11] Там же. С. 449.

№ 243

Клеймение преступников, предписанное указом 19 мая 1637 г., не было новостью в русском законодательстве. Оно зафиксировано в ст. 5 Двинской уставной грамоты 1397 г. Имеются частные распоряжения о клеймении, например, фальшивомонетчиков.[1] Клеймо выделяло преступника, что способствовало наблюдению за ним. Установление указом конкретных рамок вины — «средняя» и «малая» — ограничивало в какой-то мере произвольные решения судей о тяжести преступления.

[1] ААЭ. Т. 3. № 266. С. 406—408.

№ 244

Указ 19 мая 1637 г. устанавливал, что предание смертной казни беременных женщин должно производиться через шесть недель после рождения ребенка. Предусматривалась передача новорожденного после казни матери ее родным или, если их не было, на год кормилице по найму.

№ 245

Указ 15 июня 1637 г. говорит о допустимости обращения казачьих земель лишь между казаками и запрещает выход земель за пределы этой группы служилых людей. В челобитье от 8 марта 1637 г. белозерцы-помещики жаловались на своих «товарищей белозерцев», обвиняя их в том, что

они, желая избежать службы, продают, меняют свои вотчины и поместья, вопреки указу 7 марта 1636 г. (№ 230), запретившему это. Указ 15 июня 1637 г. фактически подтверждает постановления указа 7 марта 1636 г., т. е. имеет общее значение. Земли белозерцев не могли выходить «из города».

Толкование термина «белозерцы» см. в комментарии к № 230.

См. также № 332.

№ 246

Указ 7 июля 1637 г. принят по челобитью губных старост о том, что местные вотчинники и помещики, а также церковные власти (на патриарших, митрополичьих и монастырских землях) уклоняются от обязанности участвовать в строительстве тюрем, выбирать губных целовальников и содержать губной аппарат (тюремных сторожей, губных дьячков, палачей), которую они несли в прошлые годы, ссылаясь на имеющиеся у них тарханные грамоты, освобождающие их от несения расходов на содержание губных органов. Новый указ отменяет все предшествующие льготы и предписывает обязательное участие в губной повинности всего посадского и уездного населения — «со всяких земель, и с торханщиков» — по повытной разверстке, в соответствии с прежней практикой. Предоставление новых тарханных грамот с подобными льготами запрещалось.

Указ был разослан Разбойным приказом губным старостам со специальной инструкцией о порядке его выполнения на местах. Так, в царской грамоте от 15 сентября 1637 г., адресованной губному старосте Мурома, излагалось содержание указа и пояснялось, что все губные расходы собираются «по розвытке со всех, по сошному письму, с живущего, с чети пашни, поровну; а которые тарханщики учнут к тебе приносить тарханные грамоты, и ты б тем тарханщиком в том во всяком губном деле вперед отказывал». О всех «непослушных» было приказано губным старостам доносить в Москву, а на местах вести строгий учет собранных и израсходованных губных денег: расписки о полученных с населения деньгах отдавались «сошным людям», а сами приходные и расходные губные книги присылались в Разбойный приказ.[1]

[1] ААЭ. Т. 3. № 271. С. 416.

№ 247, 270

Для сбора таможенных пошлин и кабацкой «прибыли» правительство практиковало систему откупов. Откупщик обязывался уплатить сумму, определенную в качестве оклада для данного города на данный год, и «наддачу», т. е. некоторое небольшое превышение оклада по сравнению с предыдущим годом. Когда откупщиков не находилось, правительство отдавало сбор таможенной пошлины и кабацкой прибыли «на веру», без определенных размеров сбора, и включало его в разряд служб, отбываемых тяглым населением в пользу государства. Распространение «в недавних летех»[1] откупов и дач «на веру» на мелкие промыслы, ранее бывшие «безоброчными», больно ударило по посадскому населению, особенно разорительной оно было для «молотчих» посадских людей, которые «розбрелись врознь, и в городех посады стали пусты».

Указу не позднее 31 июля 1637 г. (№ 247), вероятно, предшествовала челобитная посадских людей, в результате чего из Разрядного приказа в Устюжскую четверть была направлена память, в которой и содержался указ. Цель указа — вернуть посадских людей к брошенным ими под влиянием откупов промыслам, с которых они положены в сошное письмо и тянут тягло.

Не позднее 27 июня 1639 г. был издан новый указ (№ 270), которым нормы указа 1637 г. были распространены на города Новгородской четверти.

[1] До 1631 г. мелкие промыслы обложению не подвергались. В 1631 г. правительство, готовясь к Смоленской войне, обложило пошлиной решительно все рыночные сделки и стало отдавать на откуп продажу сусла, кваса, сенной трухи и т. д.

№ 248

По указу не позднее 18 сентября 1637 г. запрещается содержать в тюрьме вместе с разбойниками и татями лиц, привлеченных к ответственности «в холопстве и во крестьянстве» (т. е. беглых холопов и крепостных крестьян), а также по иным гражданским искам. Лиц, задержанных

по гражданским искам (включая холопов), было приказано держать не в тюрьме, а за приставами. Поскольку дошедший до нас список указа адресован муромскому губному старосте, а в самом указе упоминаются воевода и приказные люди, то, следовательно, на всех указанных должностных лиц падала ответственность за выполнение его на местах.

№ 249

Отрывок указа 1637—1641 гг. содержит исключение из общего правила о выводе посадских беглецов из всех городов, которое было зафиксировано в указе от 9—27 мая 1637 г. (№ 242), и предписывает оставить в Новгороде бежавших туда людей «розных городов».

№ 250

Дело о сыске ярославских закладчиков началось летом 1637 г. по челобитной ярославского земского старосты.[1] Ему предшествовал указ 1629—1637 г. о возвращении в тягло дворов беломестцев, значащихся по ярославским дозорным и писцовым книгам 1613/14, 1627/28 и 1628/29 гг. за посадскими людьми (№ 195). Велось это дело во Владимирском судном приказе, возглавляемом И. А. Голицыным. По докладу Голицына от 5 января 1638 г. был дан указ о выводе закладчиков из всех купленных, вкладных и закладных дворов на посад.[2] Держатели закладчиков и их дворов, особенно Ярославский Спасский монастырь, оказали сильное сопротивление, доказывая свои права на дворы и людей. В результате не ранее 5 января 1638 г. был дан, тоже по докладу И. А. Голицына, еще один (комментируемый) указ, согласно которому посадские люди оставались за теми, за кем они были записаны в ярославских дозорных книгах 1613/14 г.; не записанные же в этих книгах люди и дворы возвращались в ярославский посад. Однако на этом дело о сыске ярославских закладчиков не закончилось и длилось еще 10 лет.[3]

См. также № 89, 242, 249, 255, 275, 293.

[1] См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 447—448.
[2] Там же. С. 450—451.
[3] Там же. С. 455.

№ 251

Указ 9 мая 1638 г. предписывает брать в солдаты наряду с вольными людьми лишь беспоместных детей боярских и старых беспоместных солдат. Наличие поместья у служилого человека — препятствие для поступления его в солдаты. Такой сын боярский или старый солдат был обязан служить в поместном войске в отряде соответствуюшего города. Первая попытка набрать в солдатскую службу беспоместных детей боярских относится к 1630 г. Однако она не была успешной, так как дети боярские, привыкшие к конному строю, шли в солдатскую службу неохотно. Тогда правительство стало принимать в солдатскую службу служилых татар, казаков, а позднее всяких «вольных охочих» людей.[1] Они-то и фигурируют в указе 1638 г. как менее привилегированная группа с уменьшенным на одну денгу в день содержанием.

См. также № 264.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 442—443.

№ 252

Указ 18 июня 1638 г. вводит единое правило, согласно которому все дела о спорных холопах между московскими служилыми людьми и городовыми служилыми людьми, если и истец, и ответчик находятся в Москве на государевой службе, должны рассматриваться именно в столичных судах, очевидно в Приказе Холопьего суда, причем истцами могли выступать как те, так и другие.

Предписание «давать суд» «в сносных животех» относится к случаю кражи спорным холопом

имущества, принадлежавшего истцу. Согласно указу 1623/24 гг., иски о краже холопами господского имущества можно было предъявлять только одновременно с возбуждением исков об их бегстве (см. № 130).

№ 253

Указ 13 августа 1638 г. развивает постановления указа 7 мая 1637 г. (№ 241) и предписывает давать нетчикам не только выморочные родственные поместья, но и земли порозжие, лишние или утаенные владельцами. Следовательно, нетчики имели теперь право «приискивать» земли, как и все другие служилые люди, и справлять их за собой.

См. также № 93, 94, 108, 132, 219.

№ 254

Указ не позднее августа 1638 г. об отмене несудимых грамот и о подсудности населения во владениях бывших грамотчиков воеводскому суду издан по челобитью вологодских помещиков Сямской волости. Челобитчики жаловались, что старосты и крестьяне из поместий Павла Волынского и Артемия Волынского, используя статус неподсудности воеводе в силу наличия у владельцев несудимых грамот, мешают нормальному ведению хозяйства в их поместьях, примыкающих к поместьям Волынских. Отменяя несудимые грамоты, правительство стремится усилить власть воевод на местах — проводников централизации.

№ 255

Непрерывный поток челобитных посадских миров о сыске закладчиков, многочисленность и сложность этих сысков, встречавших энергичное сопротивление со стороны заинтересованных влиятельных слоев населения, приводили к тому, что Владимирский судный приказ фактически не справился с этим делом (см. № 242), поэтому 12 сентября 1638 г. был восстановлен Приказ сыскных дел [1] (о деятельности первого Приказа сыскных дел см. № 89). Новый приказ имел уже свой аппарат на местах в виде специальных сыщиков и свозчиков. В восстановленный приказ было передано и все делопроизводство из Владимирского судного приказа о закладчиках.

Указ 12 сентября 1638 г. по сравнению с указом 9—27 мая 1637 г. (№ 242) был изменен и дополнен. Так, теперь закладчиков следовало сыскивать не только в Москве, но и во всех городах государства; был расширен круг лиц, обвиненных в приеме закладчиков; определен порядок сыска, а с другой стороны, в указе 1638 г. было опущено требование указа 1637 г. о взыскании с держателей закладчиков денег, полученных ими в качестве податей, и о включении в тягло наймитов и сидельцев посадских людей. Приказ приступил к сыску немедленно и уже в сентябре—октябре 1638 г. разослал по городам грамоты,[2] в которых определялся порядок сыска закладчиков на местах. Теперь воеводы должны были «ставить» перед собой земских старост, целовальников и всех посадских людей и расспрашивать их о том, кто из посадских людей и их братьев, детей, племянников и сидельцев «сшел» с 1613 г. за духовных и светских владельцев «во крестьяне» в поместья и вотчины, а также в пушкари, затинщики, воротники, казенные плотники и «во всякие службы», в котором году кто вышел и «от какие налоги», какой оброк платил, живя в тягле на посаде, сколько лет и за кем именно живет в закладчиках; следовало узнать, кто из ушедших из тягла жил на посаде в «наймех или в сидельцах», у кого именно и сколько лет. Все закладчики и беглые посадские люди должны были быть поименно включены в роспись, скрепленную посадскими старостами, целовальниками и духовенством. По всем найденным закладчикам и беглым посадским людям предписано было взять «статные поручные записи». Росписи и поручные записи следовало отправлять в Приказ сыскных дел. Кроме того, в этот же приказ воеводы должны были присылать списки с писцовых, дозорных и окладных книг и крепостей, а также расспросные речи закладчиков.

Таким образом, новым и принципиально важным в деятельности Приказа сыскных дел стало то, что он действовал теперь независимо от запросов, идущих с мест, а взял на себя инициативу сыска, т. е. сыск стал общегосударственным мероприятием.

См. также № 87, 249, 250, 275, 293.

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 455—456.
[2] Там же. С. 456; ААЭ. Т. 3. № 279; *Павлов-Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках//ЛЗАК за 1909 г. СПб., 1910. Вып. 22. С. 1.

№ 256

Указ не позднее 8 октября 1638 г., точная дата которого неизвестна, издан был, очевидно, раньше указа 20 февраля 1637 г. (№ 237, 238): в нем о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян говорится в общей форме, не делается изъятия для крестьян, принадлежавших дворянам и детям боярским украинных и замосковных городов, для которых указом 20 февраля 1637 г. был введен девятилетний срок сыска.

И в ноябрьском указе 1597 г. (см. № 48), и в последующих указах о сроке исков о беглых крестьянах (см. № 72) формулируется норма, согласно которой истечение урочных лет для сыска не лишает владельцев права на возврат беглых, если своевременно начатое дело не будет завершено в течение урочных лет.

Данный указ относится к такому частному случаю, когда затянувшееся на несколько лет дело о беглом крестьянине (вероятнее всего, вследствие нерозыска беглого) требует подачи вторичной челобитной владельца.

Таково, например, дело 1638 г. о крестьянине Афанасия Челюскина, бежавшем за девять лет до того. Ссылка бежавшего на давность побега была отведена тем, что, кроме первой челобитной, поданной владельцем через год после побега, в 1638 г. им была подана вторая челобитная, которая продлила законный срок урочных лет.[1]

Иск о беглом крестьянине мог быть предъявлен только к определенному владельцу, на земле которого проживал беглый. Вот почему сильные люди стремились «ухоронить» беглых до истечения урочных лет. Поэтому обычно владелец беглых крестьян, еще не зная, куда они бежали, подавал о них явочную челобитную, как сказано в одной из подобных челобитных, «чтоб они по твоему государеву указу из указных лет не вышли, покаместа я про них проведаю подлинно, в котором городе или в уезде живут и за кем живут, и в каких людех».[2]

Следует поэтому различать два рода челобитных о беглых крестьянах: челобитные явочные, содержащие простую заявку о побеге, и челобитные исковые с указанием местопребывания беглого и с иском к его новому владельцу.

Указ не позднее 8 октября 1638 г. — еще одна уступка мелким и средним феодалам.

«Которые за челобитьем из лет не вышли» — не просрочили срок иска о беглых крестьянах, несмотря на истечение урочных лет, потому что владельцем беглых была своевременно подана челобитная.

[1] ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, № 351, л. 361 и след.
[2] Там же. № 24, л. 442; *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 227.

№ 257

Указ не позднее 1 декабря 1638 г. устанавливает приоритет духовных грамот перед заемными кабалами: проценты по заемной кабале уплачиваются только тогда, когда эти проценты точно («имянно») указаны в духовной (имеется в виду случай, когда наследники завещателя предъявляют иск к его должникам). Вторая норма указа имеет дело со случаем, когда факт уплаты долга по кабале документально не оформлен («отпись» — не документ), хотя сам по себе, видимо, достоверен. Законодатель принимает компромиссное решение: по таким неоформленным кабалам и отписям он запрещает взыскивать проценты (а основная сумма долга, видимо, взыскивается с должника).

№ 258

Нормы указа не позднее 26 декабря 1638 г. сводятся к запрещению принимать в холопы верстанных (т. е. получивших поместные оклады) детей боярских, возвращению на государственную службу из холопства тех детей боярских, которые дали на себя служилую кабалу, утаив «свое верстанье», и введению телесного наказания за нарушение запрета поступать в холопство.

Причину поступления в холопство детей боярских законодатель видит в их стремлении избежать государственной службы. Следовательно, указ был направлен на то, чтобы воспрепятствовать похолоплению лиц, которые могли бы пополнить армию, и тем самым избежать сокращения дворянской армии. В то же время указ не запрещает холопить неверстанных детей боярских, проявляя полное безразличие к судьбе этой прослойки господствующего класса, и не исключает тем самым возможности их приобретения более удачливыми собратьями по классу с вероятным использованием в качестве военных слуг и приказных людей. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что класс феодалов не сформировался еще окончательно в замкнутую группу с единым правовым статусом.

Политика властей по вопросу о похолоплении детей боярских по существу не претерпела изменений с 50-х гг. XVI в. (см. ст. 81 Судебника 1550 г. и № 23). Следовательно, проблемы, с которыми сталкивались власти при комплектовании дворянской армии, остались прежними, как, впрочем, и способы избежать государевой службы.

См. также № 286, 287 (ст. 5).

№ 259

Срок явки в суд служилых людей определялся общими нормами, сформулированными статейными списками 11 января (№ 169, ст. 4) и 17 ноября 1628 г. (№ 188, ст. 4). Однако практиковались и отсрочки, вызванные особыми обстоятельствами (см. № 204, 207).

Судя по докладу к указу, не позднее 28 января 1638 г. была дана одна из таких отсрочек служилым людям — до 25 декабря 1638 г. — в связи с их летней службой. Указ 1638/39 г. посвящен реализации этого предписания. В отношении неявившихся без уважительной причины следовало поступать в соответствии с общими нормами. Исключение делалось для раненых и больных и то только в случае присылки ими вместо себя родственников или своих «людей» (холопов).

№ 260

Указ 1638/39 г. устанавливает, что нахождение лиц, обвиняемых в убийстве чужих крестьян и холопов, на государевой службе не может быть причиной отсрочки в привлечении их к судебной ответственности, и предписывает давать на тех убийц царские грамоты и присылать их в Московский судный приказ.

№ 261

Указ 1638/39 г. освобождает мелкие поместья и вотчины, где не более 10 дворов, от поставок даточных людей. Вопрос о нормах выставления даточных людей с феодальных поместий и вотчин имел важное практическое значение. Несмотря на начало проведения военной реформы (создание полков «нового строя»), поместное ополчение продолжало играть крупную роль в системе вооруженных сил государства. Однако роль эта постепенно снижалась как вследствие развития военной реформы, так и по причине низких боевых качеств поместного ополчения, не удовлетворявшего новым требованиям. Правительство Бориса Годунова в 1604 г. (см. № 53) впервые предприняло попытку пересмотреть старые нормы выставления даточных людей, унаследованные от середины XVI в. (см. № 11), исходя при этом, по-видимому, из фактических возможностей феодалов-землевладельцев. Массовое разорение феодальных поместий и вотчин в годы Смуты еще более понизило реальную боеспособность поместного ополчения. Однако нормы выставления даточных людей, вероятно, оставались прежними.

Указ 1638/39 г. отражает попытку правительства частично пересмотреть эти нормы. Он интересен в том отношении, что впервые в основу оценки тяглоспособности кладется не посошный оклад, а дворовое число, что отражает реформу налогообложения, проводившуюся в эти же годы (см. № 197). По буквальному смыслу указ распространяется только на чинов государева двора и столичное дворянство, нося, таким образом, характер привилегии для узкого круга столичных феодалов и игнорируя интересы основной массы провинциального служилого сословия.

№ 262

Увеличение до девяти лет срока сыска беглых крестьян дворян и детей боярских украинных и замосковных городов было введено как «пожалование» (см. № 237, 238). Также не указом, а пожалованием (как исключение) был введен не позднее 27 января 1639 г. девятилетний срок сыска беглых крестьян иноземных помещиков — тех выходцев из западноевропейских стран, которые находились на службе в Русском государстве и получали населенные крестьянами поместья.

Осенью 1637 г. крымские татары опустошили Украину и существовала прямая угроза нового большого похода татар.[1] В этих условиях иноземцы и подали свою челобитную.

Эти отдельные пожалования, данные под давлением необходимости считаться с той или иной группой служилых людей при их настойчивых домогательствах, свидетельствуют о том, что у правительства не было определенного продуманного плана постепенного увеличения урочных лет для сыска беглых, а оно шло лишь на вынужденные частичные уступки.

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 217.

№ 263

Указ 3 февраля 1639 г. преследует цель ускорить судопроизводство по искам дворян и детей боярских, вероятно в первую очередь по земельным и крестьянским делам. Правительство, видимо, пошло навстречу челобитным служилых феодалов и несколько разукрупнило гражданские территориальные судные приказы.

№ 264

Указ не позднее 8 апреля 1639 г. допускает запись в солдаты и в драгуны детей боярских, имеющих поместья с двумя-тремя крестьянскими или бобыльскими дворами. Это существенное отступление от нормы указа 9 мая 1638 г. (№ 251) — не записывать детей боярских в солдаты, если за ними «хотя малые дачи есть», — расширяло возможности комплектования полков «нового строя» социально надежным составом. Однако указ 1639 г. подчеркивает незыблемость принципа службы с земли. Дети боярские, имевшие в поместье более трех дворов, обязаны были служить «с городом», т. е. в поместном войске.

№ 265

Указ 26 апреля 1639 г. разрешает производить пытки в праздничные дни.

№ 266

Указ не позднее 16 мая 1639 г. отражает один из моментов военной реформы, постепенно проводившейся правительством царя Михаила Федоровича. Создание драгунских и солдатских полков, значительно усиливавших армию, требовало дополнительных денежных сборов с тяглого населения. Представляют интерес проводимая указом градация налогоплательщиков и высокая цифра денежного сбора. Реальный оклад существенно превышает, например, размер подушной подати, введенной много позднее при Петре Великом. По-видимому, речь идет не о постоянном налоге, а о единовременном сборе денег.

№ 267

Изменение общественно-политической обстановки (по сравнению с периодом издания указов 9—27 мая 1637 г. (№ 242)) ко времени издания указа не ранее 25 мая 1639 г., составленного «под давлением волнений в среде поместной армии и черной Москвы, в тревожный момент первого

захвата казаками Азова»,[1] и указа 12 сентября 1638 г. (№ 255) привело к тому, что содержание комментируемого указа оказалось «гораздо сдержаннее» предшествующих указов, от которых законодатель «стремится отойти ... подальше назад».[2]

В указе внимание сосредоточено на том, какие категории закладчиков — бывших тяглых посадских людей — подлежат возвращению в тягло. Безусловному возвращению подлежали «тяглых отцов дети». Возвращались также в тягло дети и братья, отцы и братья которых были записаны в тягле по писцовым книгам начиная с 1613 г., все, ушедшие в пушкари, кузнецы, воротники, затинщики, и все, ведавшиеся в Пушкарском приказе, все, записавшиеся в солдаты, но ранее бывшие сами в тягле (или если их отец был в тягле), все стрельцы, записавшиеся из тягла, которые должны были оставить в стрельцах третьего сына, если он был.

Что касается казаков, то старым казакам велено было оставаться «в службе», а новых, записавшихся после Смоленской войны, т. е. с 1634 г., и не бывших под Смоленском, предписывалось вернуть в тягло.

Тяглые люди и их дети, побывавшие в плену, от тягла освобождались. Не брали в тягло и «вольных» мужей посадских тяглых девок, но нетяглых мужей, женившихся на посадских вдовах, следовало брать в тягло.

Вопрос о «мастеровых», работавших во Дворце, Оружейной палате и других приказах дворцового ведомства, решался в каждом отдельном случае самим царем, в тягло же возвращались лишь псари.

Включению в тягло не подлежали люди, с торгов которых брали с 1613 по 1634 г. «пятую денгу», но сами они не были записаны в тягло по писцовым книгам. Не включались в тягло наймиты и сидельцы торговых посадских людей.

Изменилась и процедура сыска и возвращения в тягло. Теперь в противоположность прежней практике одних росписей было мало; для доказательства «посадской старины» закладчика следовало привлекать писцовые книги. Таким образом, процедура по сравнению с процедурой 1637 и 1638 гг. не только усложнялась, но и вела к сокращению срока сыска с 25 до 10—12 лет, ибо, как отметил П. П. Смирнов, посадские избы только в редких случаях располагали писцовыми книгами 1613 г. и практически доказательную силу могли иметь лишь писцовые книги 1626—1628 гг.[3]

Указ 1639 г. по сравнению с указами 1637 и 1638 гг. был отступлением и в вопросе о выходе из посада разного рода «вольных людей», служивших у посадских людей, поскольку указ 1637 г. закрывал для лиц этой категории выход из тягла. Если указ 1637 г. предусматривал возвращение в тягло посадских людей, записавшихся в служилые люди (стрельцов, пушкарей, дворцовых мастеровых и т. п.), то по указу 1639 г. (как и по указу 1638 г.) их можно было возвращать в тягло только согласно указу царя. Это было существенной уступкой в пользу дворцового хозяйства. Служилых приборных людей возвращали также с большой осторожностью и разбором, а срок выдачи из казацкой службы сократился с 25 до 5 лет.

Указ 1639 г. П. П. Смирнов считал отражением настроения правящей группы, оправившейся от серьезного испуга перед движением 1637 г.; феодальная верхушка выступала «против заветных притязаний горожан на выделение в средневековое привилегированное сословие с исключительными правами на городские промыслы, торговлю, посадских бедняков и т. п.».[4]

См. также № 89, 275, 293.

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 463—464.
[2] Там же. С. 464.
[3] Там же. С. 469.
[4] Там же.

№ 268

Указ не позднее 17 июня 1639 г. свидетельствует об ограниченных судебных правах воевод южных городов и о крайней централизации судебного дела.

№ 269

Дворы и дворовые места за Арбатскими воротами, населенные различными дворовыми служителями, находились в ведении Большого дворца. Указом не позднее 17 июня 1639 г. отчуждать их лицам недворцового ведомства без согласия Большого дворца было запрещено.

См. также № 212, 227, 231.

№ 270

См. с. 190.

№ 271

Указ 29 июня 1639 г. запретил давать боярам, окольничим, думным людям и другим московским чинам поместья городовых дворян и детей боярских. Запрещался также обмен поместьями и вотчинами между этими категориями землевладельцев. Закон вновь подтверждал принцип сохранения земли за служилыми людьми данного города и не допускал раздачи ее «мимо ... города» (см. № 85). Издания этого закона добивалось уездное дворянство (особенно южных уездов), опасавшееся расхищения уездных поместных земель со стороны столичной знати и ловких приказных дельцов, стоявших у кормила правления.

См. также № 234 (ст. 10), 320.

№ 272

Указ 24 августа 1639 г. о порядке оплаты прогонов гонцам дополняет указы 1627—1628 гг., касавшиеся порядка пользования ямской гоньбой (см. № 152, 154, 170, 171, 179, 184, 187).

№ 273

Указ 1639/40 г. в развитие указа от 9—27 мая 1637 г. (№ 242) вводит дополнительную норму: возвращение на посад «сшедших» посадских людей «по отцем и по братьем», записанным в посадском тягле.

См. также № 89, 143, 255.

№ 274

Выписка из указа 1639/40 г. имеет в виду нерусское население восточных районов страны. Указ связан с общим политическим курсом первой половины XVII в. по отношению к нерусским народам, незадолго до того вошедшим в состав России. Он имеет ту же направленность, что и указ 1623/24 г. (см. № 129). Помимо стремления «не ожесточить», «не отогнать от государевой милости» восточные народы, власти преследовали цель сохранить источники пополнения казны за счет тягла и ясака.

№ 275

Указ не позднее 1639/40 г. относится к тому времени, когда закладчики, особенно находившиеся на церковных и монастырских землях, со смертью в 1633 г. патриарха Филарета лишились своего защитника. Новым в указе 1639/40 г. по сравнению с указом не позднее 27 июля 1619 г. (№ 89) является распоряжение свозить закладчиков «з женами и з детми, и со всеми их животы, и с хлебом стоячим и с молоченым, и со всяким животинным кормом, и с хоромами» на лошадях тех, за кем они жили. Упоминание «хлеба стоячего и молоченного» свидетельствует о том, что указ предусматривал и тот случай, когда закладчики — посадские люди — жили «во крестьянех».

№ 276

Указ 27 июня 1640 г. дополняет боярский приговор 17 февраля 1625 г. (№ 140). С семьей крестьянина передаются не только его имущество («животы»), но и хлеб в земле, т. е. высеянный переводимым крестьянином. Для обеспечения нормального функционирования освободившегося крестьянского надела из хлеба отдаваемого крестьянина выделяются семена для будущего посева.

№ 277

Указ 29 июля 1640 г. относится, по-видимому, к тем солдатам, которые за заслуги в Смоленской войне 1632—1634 гг. были верстаны «государевым жалованьем», т. е. получили за государственную службу поместные и денежные оклады (см. № 211). К моменту издания указа выяснилось, что некоторые из таких бывших солдат добровольно дали на себя служилые кабалы. Это, безусловно, противоречило предписанию незадолго до того изданного (не позднее 26 декабря 1638 г.) указа о запрещении принимать в холопы верстанных детей боярских и возвращении на государственную службу тех из них, кто оказался в холопах (см. № 258). Теперь власти фактически сделали исключение для тех ветеранов Смоленской войны, которые хотя и были верстаны за участие в ней, но на практике оказались без поместий и вотчин — безотносительно к тому, лишились ли они их или не получили вовсе. Это означало, что такие солдаты, если не поступало челобитных о насильственном их похолоплении, подпадали под действие не общего закона 1638 г., а данного указа и оставались в холопстве.

№ 278

Правильно организованной санитарной службы в Москве и других городах в XVII в. не было. При появлении эпидемий борьба с распространением их в Москве вменялась Земскому приказу. Указ 5 августа 1640 г. относился не только к Москве, но и ко всему государству. Согласно этому указу, категорически запрещалось торговать больным скотом и снимать с павшего скота кожи. Погибший скот предписывалось зарывать вдали от населенных пунктов на пустырях. Нарушителей закона «велено бить кнутом безо всякия пощады».

№ 279

Указ 6 сентября 1640 г. сохранился в составе памяти из Приказа Холопьего суда в Разряд в ответ на запрос последнего. Руководители Разряда предписали «в Холопье приказе выписать из государева указу и из боярского приговору: которые дети боярские и всяких чинов люди ищут холопства и называют их старинными людми, и шлютца около своего поместья в повальный обыск версты по три, и по пяти, и по десяти, и болши, а крепостей никаких на них в суде не положат, и на холопей своих и на крепости во 121-м, и во 122-м, и во 123-м году по государеву указу не били челом и челобитья своего не записали, и после того на Москве и в городех в побеге на холопей своих явок не давали, и о таких людех что государев указ и боярский приговор?».[1] Как видим, память содержит не весь указ, а лишь краткую выпись из него, которая может быть понята только при учете запроса из Разряда.

В указе речь, очевидно, шла о порядке признания права холоповладельца на холопов в случаях, когда он не может обосновать своих притязаний документально, а ссылается на «старину» и просит для ее подтверждения провести около его поместья повальный обыск. Власти приняли решение обысков в таких случаях не проводить, а руководствоваться только холопьими крепостями или заменяющими их письменными явками, поданными в органы центральной либо местной администрации об утрате крепостей. Отказ от обысков аргументируется вероятностью дачи ложных показаний. По-видимому, имелось в виду, что истцы могли легко принудить или уговорить дать благоприятные для них показания тех, кто проживал в непосредственном соседстве. Таким образом, в указе получила конкретизацию принципиальная установка уложения 1 февраля 1597 г. (см. № 47) о признании законным только документально оформленного старинного холопства и приравнивании документально не оформленного старинного холопства к холопству добровольному.

Как установил В. И. Корецкий, еще в 1571 г. был издан специальный указ о порядке восстановления сгоревших документов, обязательным элементом которого была подача явок.[2] Вероятно, частично он был использован при составлении несохранившегося указа 1593 г., в котором тоже шла речь о явках (см. № 47).

Как правило, подача явок не была ограничена каким-либо сроком. Лишь указом, изданным между 26 февраля и 31 августа 1613 г. (см. № 67), для подачи явок на исчезнувшие во время «московского разоренья» холопьи крепости был установлен предельный срок — 31 августа 1614 г. Именно этот указ, очевидно, имеется в виду в цитированной памяти из приказа Холопьего суда

в Разряд, хотя в памяти вместо 31 августа 1614 г., вероятно ошибочно, упоминается в качестве предельного срока 31 августа 1615 г. (7121, 7122 и 7123 гг. вместо 7121 и 7122 гг.).

В указе, изданном между 26 февраля и 31 августа 1613 г., речь идет не только об этом, но и о судьбе спорных холопов, если холоповладельцы не успели в установленный им срок подать явки об утрате в период «московского разоренья» холопьих крепостей: было предписано «сыскивати всякими сыски накрепко» и, руководствуясь показаниями свидетелей, отдавать холопов тем холоповладельцам, «у кого обыскные люди в старинном холопстве кого знали». Однако эта норма вступала в противоречие с предписаниями указа от 6 сентября 1640 г. об отказе от обысков и решении дел о холопьей старине только по крепостным холопьим документам или явкам об их утрате. Следовательно, комментируемым указом она фактически была отменена.

[1] ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, № 260, л. 158—159; *Новосельский А. А.* Дела «о крестьянстве» как источник для изучения истории закрепощения свободного сельского населения на юге России в XVII в.//АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 148.

[2] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян. С. 222—223.

№ 280

Указ не позднее 7 декабря 1640 г., запрещающий прием в подьячие торговых людей гостиной и суконной сотен, посадских людей черных сотен и их детей, преследовал цель не допускать выхода из тягла основной массы налогоплательщиков (ср. № 235). В отношении этого указа А. Г. Поляк высказал мнение, что дворянство не было заинтересовано в пополнении государственного аппарата выходцами из других сословий, что повлекло бы ослабление влияния дворян на деятельность государственных учреждений. Положения этого указа проведены в жизнь не были.[1]

[1] ПРП. Вып. 5. С. 310—311.

№ 281

Указ 9 декабря 1640 г. о запрещении старинного русского обычая — кулачного боя в Москве — так же, как и указ 23 мая 1627 г. (№ 155), запрещавший сборища в Москве на Старом Ваганькове, был направлен на предотвращение скопления народа в одном месте, которое могло перерасти в выступления посадского населения. Обстановка в стране в это время была достаточно напряженной, нарастал новый подъем общественного движения.

№ 282

Указ 1640/41 г. устанавливает подсудность монастырских властей и их людей обычному суду приказов. Монастыри как таковые не пользуются судебными привилегиями в централизованном государстве с его развитым приказным строем.

№ 283

Верстание новиков, т. е. зачисление в службу достигших 15-летнего возраста дворянских детей (может быть, и старше, уже служивших без верстания), с назначением им определенного оклада и денежной дачи осуществлялось каждый раз по особому царскому указу. Верстание производила специальная правительственная комиссия при участии окладчиков, выбранных от служилых людей города. Окладчики, знавшие местные условия, руководствуясь «отечеством», т. е. земельным окладом, чином и «службою» главы семьи, из которой происходил новик, определяли «статью» каждого новика и назначали поземельный оклад и денежное жалованье (от 100 до 300 четвертей земли в поле и от 4 до 7 р. денег).[1] Вводя деление новиков на статьи, верстание закрепляло сложившуюся структуру дворянской корпорации города и обеспечивало позиции руководящей верхушки ее, так называемого выборного дворянства.[2]

В указе не позднее 12 января 1641 г. запрещалось категорически верстать детей «неслужилых отцов». Верстание «по отечеству» было формой укрепления монолитности класса феодалов — крепостников. Указ отражал политику правительства и пресекал всякую возможность проникновения тяглых людей (из числа приборных служилых людей или купцов) в ряды дворян.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 439—440.
[2] Там же. С. 152.

№ 284

Указ 17 февраля 1641 г. подтверждает статейные списки от 11 января (№ 169, ст. 3) и 17 ноября 1628 г. (№ 188, ст. 11). И хотя в этом предшествующем законодательстве речь шла не об ответчиках, а об истцах, именно на данные статейные списки ссылаются, по-видимому, составители закона. Поскольку в указе виновными признаются ответчики, давшие на себя в истцовых исках поручные записи и в течение недели не явившиеся на суд, то этот указ следует расценивать не только как подтверждение, но и как правительственное разъяснение к соответствующим статьям статейных списков.

См. также № 289, 300, 302, 330.

№ 285

Указ не позднее 22 марта 1641 г. устанавливает взимание с иноземцев судных пошлин в размере, наполовину меньшем, чем с русских людей. При переводе судных пошлин с русского человека на иноземца последний должен платить их полностью.

№ 286

Сохранился не сам указ не позднее 30 мая 1641 г., а приказная память, в которой кратко излагается его содержание. Этот указ отчасти имеет итоговый характер, поскольку в обобщенном виде повторяет ряд сформулированных ранее или сложившихся на практике норм, хотя, вероятно, и вводит некоторые новые.

Прежде всего в указе определяется круг лиц, которым разрешено впредь оформлять служилые кабалы, ссудные крестьянские записи и жилые записи, и лиц, на имя которых запрещалось давать служилые кабалы.

Служилые кабалы на свое имя отныне могли брать только дворяне и дети боярские, а также, по-видимому, представители верхов церкви от протодьякона и выше. Оформлять новые служилые кабалы было запрещено на имя боярских людей (холопов), всех тяглых людей (крестьян и посадских людей), стрельцов и пушкарей. Что касается исключения холопов из числа владельцев кабальных холопов, то эта норма была сформулирована еще указом 1634/35 г. (см. № 221), следовательно, в комментируемом указе она только подтверждается. В целом же все эти нормы, касающиеся права владения кабальными холопами, свидетельствуют о том, что сделан был решительный шаг в сторону превращения холоповладения в право-привилегию представителей класса феодалов.

Согласно предписанию указа, только дворяне и дети боярские могли теперь оформлять на свое имя ссудные крестьянские записи, т. е. владение крепостными крестьянами, как и владение кабальными холопами, имело тенденцию к превращению в право-привилегию.

Наконец, жилые записи на людей разрешалось оформлять всем представителям непривилегированных слоев — от попов и служилых людей по прибору (стрельцов, пушкарей и др.) до тяглых людей (посадских и крестьян) и холопов.

Указом был закреплен единый порядок оформления и регистрации в специально заведенных для того книгах воеводами и приказными людьми служилых кабал, ссудных записей и жилых записей. В то же время условия поступления в разные формы неволи естественным образом отличались друг от друга.

Для кабального холопства указ впервые в сохранившемся законодательстве вводил нормы, согласно которым, во-первых, запрещено было оформлять служилые кабалы на детей боярских, крестьян и крестьянских детей и посадских людей; во-вторых, величина денежной суммы по слу-

жилой кабале при похолоплении каждого человека должна была равняться 3 р.; в-третьих, запрещалось принимать в кабальные холопы детей, не достигших 15 лет.

Запрещение закабалять детей боярских знаменовало собой переломный момент в политике по отношению к холопам и к господствующему классу феодалов. Отныне представители класса феодалов не должны были вливаться в состав холопов, а холопство не должно было пополняться за счет феодалов. Феодалы и холопы тем самым в социальной структуре государства поляризуются полностью и окончательно.

Запрет оформлять служилые кабалы на крестьян и крестьянских детей, а также на посадских людей шел в русле крепостнической политики государства, стремившегося к сохранению тягла, поэтому в указе речь шла, очевидно, не о всех крестьянских детях, а только о тех, которые вместе со своими отцами оказались внесенными в писцовые книги.

Что касается фиксированной трехрублевой суммы, то задолго до указа, примерно с 1635 г., почти на всей территории Русского государства устанавливается именно эта единая величина. Исключением являлся Псков, где такая сумма фиксируется еще раньше — примерно с рубежа 20—30-х гг. Следовательно, есть основание предположить, что этому предписанию комментируемого указа предшествовало другое аналогичное предписание более раннего указа.[1]

Введение фиксированной денежной величины для каждого кабального холопа начиналось, однако, не с трехрублевых служилых кабал. Уже с начала 20-х гг. XVII в., как свидетельствует массовый материал, устанавливается двухрублевая сумма для одного кабального холопа, что также было, возможно, вызвано соответствующим узаконением.[2] До этого не существовало единой и обязательной величины кабальной суммы для каждого из кабальных холопов, а Судебником 1550 г. (ст. 78) был введен 15-рублевый максимум для служилой кабалы в целом, т. е. независимо от числа кабальных людей, вписанных в нее.[3]

Введение трехрублевой обязательной суммы для каждого кабального холопа привело к появлению служилых кабал на суммы, только кратные трем: начиная с 3 р. и более — в зависимости от числа холопов. В кабальных книгах зафиксированы даже служилые кабалы, оформлявшие за 30 р. кабальную неволю 10 человек. Следовательно, 15-рублевый максимум не соответствовал новым правилам, а потому и не попал в комментируемый указ. Несовместимость двух принципов определения максимальной кабальной суммы — для служилых кабал в целом и для одного кабального холопа — не была учтена А. Г. Маньковым, без должных оснований утверждавшего, что указом 1641 г., как и Соборным уложением 1649 г., было узаконено «резкое снижение выплачиваемой вступающему в кабальную зависимость суммы».[4]

Напротив, можно говорить о том, что введение трехрублевой суммы в качестве обязательной для похолопления каждого холопа, пришедшей на смену двухрублевой, безусловно, повышало траты холоповладельцев при приобретении кабальных холопов.

Эта мера лишала кабальный долг характера цены за холопа, каким он фактически являлся ранее, поскольку его величина теперь не зависела ни от конъюнктуры холопьего рынка, уровня цен на основные товары, экономического положения страны или ее частей, ни от индивидуальных качеств отдельных людей, например их возраста, пола, грамотности, пригодности к несению воинской службы вместе с господином, способности выступать в качестве доверенного лица в поместье или вотчине, имущественного положения в момент похолопления и т. д.

Запрет оформлять служилые кабалы на лиц, не достигших 15 лет, возможно, также был сформулирован в одном из более ранних несохранившихся указов. Это предположение опирается на факт резкого уменьшения с конца 20-х гг. XVII в. числа и удельного веса детей-одиночек в составе людей, дававших на себя служилые кабалы.[5]

Запрет холопить детей до их 15-летия распространялся только на несовершеннолетних одиночек и не касался тех детей, которые шли в кабальное холопство вместе с их старшими родственниками. Разрешение холопить только совершеннолетних, по-видимому, преследовало цель ограничить возможности насильственного похолопления. Объективно эта мера должна была вести к сокращению контингента лиц, идущих в кабальное холопство.

Указ впервые в сохранившемся законодательстве вводил два новых условия, обязательных при оформлении крепостной зависимости поступающих в крестьяне людей: во-первых, денежная ссуда не должна была быть меньше 5 р.; во-вторых, даваемые, сверх того, для обзаведения скот и хлеб подлежали оценке в денежных единицах. Можно предполагать, что установление минимального предела для ссуды должно было содействовать быстрейшему формированию таких крестьянских хозяйств, которые способны были бы выплачивать государево тягло.

Наконец, указ вводил условие обязательного «заряда» при оформлении «на урочные годы» житейских записей, величина которого не должна была быть меньше 10 р. Заряд-неустойка, судя по ст. 44 гл. XX Соборного уложения 1649 г. и сохранившимся жилым записям, должен был выплачиваться самим человеком, покидавшим своего господина до истечения срока службы,

или лицом, поручавшимся за него. Заряд всегда был выше той суммы, которую человек получал за работу по жилой записи.[6] Таким способом обеспечивались интересы хозяев, стремившихся гарантировать себя от потери рабочей силы.[7]

Служба по жилой записи — явление сравнительно позднее. Первая известная жилая запись датируется 1607 г.[8] В работу по ним, как правило, шли гулящие люди, обедневшие посадские люди, крестьянские дети. Держали у себя людей по жилой записи обычно посадские люди, а также крестьяне, используя их в большинстве случаев в сфере торговли и промыслов. После комментируемого указа служба по жилым записям становится единственной актовой формой привлечения непривилегированными сословиями рабочей силы. На практике возможная длительность службы по жилой записи определялась не только урочными годами, т. е. зафиксированным в грамоте сроком, но и по смерть господина, на имя которого был оформлен акт, без права передачи при этом по наследству. О жилых записях речь, возможно, шла и в указе 1634/35 г. (см. № 221).

Что же касается определения социальной сущности отношений между господином и работником по жилой записи, то в этом вопросе не достигнуто единого мнения. В. О. Ключевский и С. М. Каштанов отождествляют их с холопством.[9] Т. Н. Оберучева-Анциферова считала, что одна часть жилых записей (с урочным сроком до пяти лет) фиксирует наем «не крепостного типа», другая же часть (с урочным сроком свыше пяти лет) — крепостнические отношения.[10] Н. А. Горская обосновывает мнение, сводящееся к тому, что жилая запись фиксировала наем работника, осложненный полукабальными обязательствами, патриархальными крепостническими привесками, «которые тяготели над продавцом рабочей силы»,[11] хотя во второй половине XVII в. «отношения найма по жилой записи в какой-то мере начинают освобождаться от тяготевших над ним крепостнических привесков».[12]

Не вполне ясное упоминание в приказной памяти о воеводах и приказных людях, «которые грамоте умеют», при сопоставлении со ст. 72 гл. XX Уложения 1649 г., где оформление служилых кабал и ведение кабальных книг разрешается только грамотным должностным лицам, дает основание полагать, что данное предписание было включено впервые не в Соборное уложение, а в предшествующий ему указ не позднее 30 мая 1641 г. Приказными людьми в XVII в. назывались дьяки, подьячие, лица, управлявшие небольшими городами, которые не имели по своему рангу воевод, городовые дворяне, стрелецкие и казачьи сотники и т. д.[13] Применительно к данному указу речь может идти о первых трех категориях приказных людей.

Наиболее вероятная дата комментируемого указа — 26 августа 1640 г.[14]

[1] См.: *Панеях В. М.* 1) Утраченные указы первой половины XVII в. о величине долга по служилым кабалам//ВИД. 1983. 15. С. 112—128; 2) Холопство в первой половине XVII в. С. 95—108.

[2] См.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 101.

[3] См.: *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в.//ИЗ. 1955. Т. 52. С. 333; *Панеях В. М.* 1) Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 38—40; 2) Холопство. С. 159—165; *Алексеев Ю. Г.* Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента//Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 110—117.

[4] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 124. Аналогичного мнения применительно к Соборному уложению придерживались В. И. Сергеевич и А. С. Лаппо-Данилевский (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. 1. С. 172; *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа//Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 748). Об эволюции размеров займа по служилой кабале см. также: ПРП. Вып. 5. С. 95—96 (комментарий С. М. Каштанова).

[5] *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. С. 108—114.

[6] *Горская Н. А.* Жилые записи: (к истории найма в XVII в.)//История СССР. 1963. № 5. С. 68.

[7] Там же. С. 76.

[8] Там же. С. 60.

[9] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России//Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 301—302; ПРП. Вып. 5. С. 110—113.

[10] *Оберучева-Анциферова Т. Н.* Жилые записи//ЖМНП. 1917, февраль. С. 241—271.

[11] *Горская Н. А.* Жилые записи. С. 65—66.

[12] Там же. С. 76.

[13] *Демидова Н. Ф.* Государственный аппарат России в XVII веке//ИЗ. 1982. Т. 108. С. 127.

[14] Подробнее о комментируемом указе и его датировке см.: *Панеях В. М.* Указ, изданный ранее 30 мая 1641 г. (26 августа 1640 г.?), об условиях и порядке оформления служилых кабал, ссудных крестьянских записей и жилых записей//ВИД. 17. С. 141—155.

№ 287

Статейный список 23 июля 1641 г. дан правительством в ответ на челобитную дворян и детей боярских «розных городов».

В литературе статейный список обычно датируют 9 марта 1642 г. по дате памяти из Разряда в Земский приказ, включающей статейный список.[1] С. В. Рождественский, отметив, что в писцо-

вом наказе тотемским писцам 1646 г. (см. № 307) этот статейный список датирован 1640/41 г., полагает, что «это, очевидно, ошибка».[2] М. А. Дьяконов, основываясь на том же наказе, датирует статейный список 1640/41 г.[3] Благодаря опубликованному П. П. Смирновым новому его списку [4] и найденному Р. Б. Мюллер при подготовке текстов «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.» другому списку появилась возможность дать данному статейному списку более точную дату (см. № 287: текст, примеч. 18).

В отличие от челобитной 1637 г., поданной от лица дворян и детей боярских украинных и замосковных городов (см. № 237), челобитная 1641 г. исходит от дворян и детей боярских «розных городов». В писцовом наказе 1646 г. сказано, что челобитную 1641 г. подали дворяне и дети боярские, которые в 149 г. «для службы были на Москве».

В 1641 г. турецкая армия осадила взятый казаками Азов, и воеводы с юга доносили в Москву о намерении турок и крымцев, взяв Азов, идти на Русь. Вследствие этого половина служилых людей, не находившихся на обороне южной границы, была вызвана в Москву.[5] Видимо, это и дало возможность служилым людям сорганизоваться для составления и подачи челобитной, а угрожающая опасность обеспечила некоторый успех челобитий.

В статейном списке челобитная приведена и поделена на отдельные части, или статьи, за каждой из которых следует правительственное решение.[6] Такое расположение материала позволяет легко установить, в какой мере правительство удовлетворило запросы челобитчиков.

Ст. 1. Челобитчики жалуются на тех «силных» духовных и светских феодалов, которые предоставлением льгот и поселением беглых крестьян на вновь построенных слободах (очевидно, обеленных) стимулируют побеги крестьян, а ссудными записями на большие суммы закрепляют их за собой; по истечении же урочных лет поселяют их близ прежнего местожительства, подговаривают к бегству «и досталных людей и крестьян», а также захватывают их земли и угодья.

Эти же жалобы составляли основное содержание и челобитной дворян и детей боярских украинных и замосковных городов 1637 г. Новым в челобитной 1641 г. является упоминание об организации новых слобод для поселения беглых и жалобы на бегство не только крестьян, но и «людей» (холопов).

Приговор начинается с общего положения о том, что все дела о насильственном захвате земель, угодий, «людей» и крестьян подлежат суду. Это положение было лишь декларативным обещанием положить предел безнаказанности крупных феодалов по отношению к служилым людям.

Дальнейшая часть этой статьи — об отказе в исках по ссудным записям и кабалам на беглых крестьян — вполне конкретна. Аннулирование кабал и ссудных записей, взятых на беглых крестьян, было направлено против фиктивных актов, имевших целью закрепить этих крестьян за собою. Вместе с тем указ аннулировал и действительно выданные ссуды. Закон мотивирован: «... не приимай чюжих крестьян и бобылей, не давай им ссуды». При этом закон получал и обратную силу, поскольку ранее не было указа, запрещавшего ссужать беглых крестьян.

Ст. 2. Основными для служилых людей, как и в челобитной 1637 г., остаются вопрос о беглых крестьянах и стремление добиться отмены урочных лет для сыска их и полного прикрепления крестьян на основании писцовых книг. В челобитной сказано было при этом, что «при прежних государех в тех беглых крестьянех урочных лет не бывало».

О каких «прежних государях» идет речь в челобитной? Поскольку урочные годы были введены в конце XVI в. и с тех пор не отменялись, хотя менялся их срок, можно полагать, что под «прежними государями» разумелись предшественники царя Федора Ивановича.

С таким допущением не согласен М. А. Дьяконов. Он полагает, что, говоря о времени, когда не было урочных лет, челобитчики имели в виду ближайшие предшествующие челобитью годы. В доказательство он ссылается на ряд судных дел 1614, 1617, 1623 и других годов, по которым возвращались владельцам их старинные беглые крестьяне без упоминания срока бегства, иногда с превышением урочных лет. Делая упор на то, что в этих делах речь идет о крестьянах старинных, М. А. Дьяконов приходит к заключению: в эти годы к старинным крестьянам урочные лета не применялись, что, по его мнению, и имели в виду челобитчики, говоря о времени, когда не было урочных лет.[7]

Однако все приводимые М. А. Дьяконовым примеры относятся к годам царствования Михаила Федоровича. 1641 год, когда была подана челобитная, никак нельзя было считать временем царствования «прежних государей». А случаи, на которые ссылается М. А. Дьяконов, свидетельствуют либо о том, что беглые крестьяне возвращены не на основании общих узаконений, а по специальному пожалованию (дела 1614 и 1620 гг.), либо о применении указа, по которому подача явочной челобитной о побегах крестьян отсрочивала начало течения урочных лет (см. № 256). Упоминание «старины» во всех приведенных случаях лишь обосновывает принадлежность бежавшего крестьянина данному владельцу, а не является указанием на то, что к старинным крестьянам урочные годы не применяются и их можно искать бессрочно.

В новом, опубликованном П. П. Смирновым списке статейного списка содержится добавление, вполне разъясняющее вопрос (см. № 287: текст, примеч. 37): челобитчики просят судить в крестьянских делах «по Судебнику блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии», умалчивая о том, что по Судебнику 1550 г. хотя и не было урочных лет, но крестьяне еще имели право выхода.

В основном — крестьянском — вопросе правительство пошло лишь на незначительную уступку: урочные годы для сыска беглых крестьян были увеличены на один год и доведены до 10 лет.

Ст. 3. Как в челобитной, так и в приговоре речь идет об изменении сроков и процедуры суда с духовенством, крайне неудобных для служилых людей, и о насильственном вывозе крестьян.

В приговоре дано новое, подробно разработанное положение о суде с духовенством и устанавливается срок суда для пашенных людей с 1 октября по 1 апреля, кроме тяжелых уголовных преступлений, по которым суд мог иметь место в любое время.

Для сыска вывезенных беглых крестьян приговор вводит 15-летние урочные годы. Разница в сроках сыска беглых и вывезенных крестьян установлена этим законом впервые. В законодательстве конца XVI—начала XVII в. между выходом и вывозом крестьян не делается различия. Так, по указам 1601—1602 гг. (№ 50, 51) вывоз — это разрешенный законом переход крестьянина от одного владельца к другому. Но в статейном списке 1641 г., как в челобитной, так и в приговоре, речь идет о вывозе насильственном, нередко происходившем вопреки желанию крестьянина, сопровождавшемся грабежом и «смертным убивством». Отсюда не только значительное увеличение срока для исков о вывезенных крестьянах, но и взыскание за «владенье» вывезенными крестьянами по 5 р. за каждый год. Уплата денег за «владенье» (или «пожилого» в том понимании, какое оно имело, согласно уложению 9 марта 1607 г., — см. № 57) — плата за пользование трудом крестьянина владельцу его, лишенному этого труда.

Значительная разница в урочных годах для крестьян беглых и вывезенных могла послужить побудительной причиной выдать при подаче в суд беглого крестьянина за вывезенного, очевидно, для увеличения срока сыска и получения денег за «владенье». За такой ложный иск истец лишался крестьянина.

Челобитная дворян и детей боярских 1641 г. в той части, которая касалась крестьян, и законодательное постановление правительства — свидетельство острой борьбы за рабочие руки между рядовыми служилыми людьми, заинтересованными в полной отмене урочных лет, и крупными феодалами, стремившимися сохранить возможно короткие урочные годы.

Ст. 4. Сложившаяся еще во времена феодальной раздробленности система внутреннего таможенного обложения в первой половине XVII в. была необычайно сложна. Пошлины брались не только с самого товара, но и со сделки, и вообще практически со всех действий, связанных с провозом и реализацией товара. Особенно многочисленны были проезжие пошлины: мостовое, перевоз, весчее, носовое, костки, мыт и др. Отсутствие единого таможенного тарифа, многочисленность таможенных поборов и система откупов, широко применявшаяся правительством для сбора налогов, давали возможность для различных злоупотреблений. Дополнительную сложность создавали тарханные грамоты, освобождавшие крупных феодалов от уплаты пошлин. Настоящая статья — одна из попыток регламентации таможенного обложения и борьбы правительства с самовольством откупщиков и тарханщиков.

Статья свидетельствует о распространении особых государевых таможенных уставных грамот — основного документа, устанавливающего размеры таможенных пошлин (первый известный образец — Белозерская таможенная грамота 1497 г.). Ст. 4 освобождает от проезжих пошлин (мыта и перевоза) служилых людей и гонцов «и которые посланы будут для государевых дел» (подобная тенденция проявилась уже в Белозерской таможенной грамоте).[8] Статья отражает любопытное бытовое и социальное явление — практику учинения самовольных проезжих пошлин как предмета обогащения местных землевладельцев (прежде всего феодалов). Категорически запрещая подобную практику, правительство устанавливает высокие штрафы за такие проступки. В целом ее следует рассматривать как один из этапов подготовки общего упорядочения таможенных сборов, нашедшего свое выражение в Таможенном уставе 1653 г.

Ст. 5. П. П. Смирнов полагает, что челобитье относительно похолопленных сыновей дворян и детей боярских могло быть подано одновременно с основной челобитной, но отдельно от нее.[9] В статье рассматривается проблема, которой московские власти занимались еще в период составления Судебника 1550 г. (в ст. 81) и которая время от времени вновь становилась предметом их забот (№ 23, 258, 286) — поступление дворян и детей боярских в холопы. Однако, в отличие от ст. 81 Судебника 1550 г., в которой речь шла о детях боярских и их семьях, от указа не позднее 26 декабря 1638 г. (№ 258), имеющего в виду только самих детей боярских, и от указа не позднее 30 мая 1641 г. (№ 286), в ст. 5 данного статейного списка, как и в указе 1 сентября 1557 г. (№ 23),

зафиксированы нормы, относящиеся лишь к сыновьям и иным младшим родственникам дворян и детей боярских.

Наиболее радикальное решение касалось будущего: отныне запрещалось принимать в холопы всех без исключения родственников по нисходящей линии (сыновей, племянников, внуков), как верстанных, т. е. получивших поместные оклады, так и неверстанных или недорослей (не достигших возраста 15 лет, когда производилось верстание). Согласно дополнению одного из списков статейного списка, взятые в нарушение этого предписания холопьи крепости не признаются властями. Здесь имеет место, таким образом, существенное нововведение по сравнению со ст. 81 Судебника 1550 г., указом 1 сентября 1557 г., указом не позднее 26 декабря 1638 г. и указом не позднее 30 мая 1641 г., заключающееся в том, что в ст. 5 содержится запрещение холопить именно неверстанных сыновей детей боярских, которые прежде не интересовали государство, поскольку не могли пополнить дворянскую армию. Эта мера направлена была на консолидацию дворянства, способствовала выделению его в замкнутое сословие и связана, очевидно, с требованием самих дворян и детей боярских, зафиксированном в их челобитной.

Что же касается сыновей, братьев, племянников и внуков дворян и детей боярских, попавших в холопство до статейного списка 23 июля 1641 г., то применительно к ним в ст. 5 проводится различие между двумя группами лиц, подпадавших под действие закона.

К первой группе относятся младшие родственники, явившиеся к очередной уездной проверке служебной годности дворянства и получившие в результате этого поместный оклад; недоросли, младшие родственники, оказавшиеся на государственной службе; младшие родственники, получившие после смерти отцов, родных и двоюродных братьев, дядей и так далее их поместья и вотчины. Если они, не желая служить, бежали, покинув поместья и вотчины, и поступали в холопство посредством дачи на себя служилой кабалы и даже женились во дворах своих господ «на крепосных жонках и на девках», то закон предусматривал принудительное их освобождение вместе с новыми женами и родившимися в холопстве детьми и возвращение на прежнюю службу. Закон допускал возможность того, что не желающие служить младшие родственники детей боярских воспользуются открывавшейся для них перспективой освободиться от холопской зависимости, но не для возвращения на государственную службу, а с тем, чтобы сразу же поступить в холопство к новому господину. В отношении таких злостных дезертиров, желавших незаконным образом («воровством») сменить холоповладельцев, ст. 5 предусматривала возвращение в холопство к прежнему господину.

Ко второй группе относятся оказавшиеся к моменту издания статейного списка 23 июля 1641 г. в холопстве неверстанные, никогда не являвшиеся к разбору, не включенные в служилые списки (десятни), составлявшиеся особыми комиссиями центрального правительства по городам во время смотра служилых людей, и не имевшие поместий или вотчин дворяне и дети боярские. На основании предшествующего указа (см. № 258) таких людей предписано было на службу не брать, от их господ не освобождать и оставлять в холопстве. Как видим, судьба этих окончательно деклассированных в прошлом элементов не интересовала власти, которые решили примириться с их прежним переходом в холопы и не предприняли попыток вернуть их в состав господствующего класса.

[1] АИ. Т. 3. № 350.
[2] *Рождественский С. В.* Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII века//Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 158.
[3] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898. С. 51.
[4] *Смирнов Павел.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века//Чтения ОИДР. М., 1915. Кн. 3. С. 41.
[5] Там же. С. 12.
[6] См. № 287: текст, списки 9, 10, 17, 29. В списке № 160 материал расположен в другой последовательности (см легенду).
[7] *Дьяконов М. А.* Очерки... . С. 68.
[8] ПРП. Вып. 3. С. 176.
[9] *Смирнов Павел.* Челобитные... . С. 14.

№ 288

Указ 19 ноября 1641 г. направлен на увеличение фонда поместных земель. Те помещики, у которых фактические дачи (фактические земельные владения) значительно отставали от их окладов, могли по этому закону брать себе земли из порозжих, пустых земель «для строенья», а впоследствии перевести на себя в поместье. За 15 льготных (от всяких государственных податей)

лет помещик должен был полученную землю расчистить и распахать, обстроить и заселить крестьянами. Если взявший землю на льготу не выполнял указанных обязанностей, то на него накладывался штраф — «пеня государева, что государь укажет».

См. также № 234 (ст. 2).

№ 289

Указ не ранее 2 марта 1642 г. издан в связи со сделанной прежде для служилых людей отсрочкой рассмотрения судебных дел до 1 января 1642 г. Чем вызвана эта отсрочка, неизвестно. Однако по частному случаю в указе сформулирована общая норма. У ответчика и истца должны быть взяты поручные записи, в которых был бы указан отсроченный срок (в данном случае 1 января 1642 г.), когда служилый человек обязан явиться в приказ, «где у кого суд был». Если в указанный срок, помеченный и в поручной, истец или ответчик на суд «не станут» и «ставки» (извещения о явке) своей не запишут, то проигрывают дело. Когда на отсроченный срок поручных записей со сторон не взято, то неявка истца или ответчика к сроку в приказ в вину им не ставилась. Суд вершился по делу «до чево доведется».

В своей нормативной части указ основывается на статейных списках 11 января (№ 169, ст. 3) и 17 ноября 1628 г. (№ 188, ст. 11) и указе 17 февраля 1641 г. (№ 284).

См. также № 259, 300, 302, 330.

№ 290

Указ 22 апреля 1642 г. был дан в ответ на отписку И. Акинфова, которому был поручен сыск в Суздале беглых посадских людей и своз их на старые места в тягло. Он сообщал, что «не сысканы многие посадские люди».[1] Кроме И. Акинфова, писали в Москву и другие сыщики из разных городов. Указ отзывал из городов в Москву свозчиков, а сыск и устройство закладчиков, начатые свозчиками, предписано было продолжить местным воеводам и их аппарату. В указе обращалось особое внимание на то, чтобы возвращенные на посад люди были бы обеспечены дворами, а посаженные в тюрьму освобождены и устроены на посаде; в случае же, если они снова сбегут, то предусматривались их наказание и ссылка «в далные Сибирские городы».

[1] Архив ЛОИИ, кол. 12, оп. 2, № 311.

№ 291

Указ ранее 7 сентября 1642 г. регулирует пропуск на Русь выходцев из Польско-Литовского государства в мирное время после Поляновского мира 3 июня 1634 г. Указом предписывается не пропускать через границу «обышных» людей: мелкой шляхты и феодально-зависимых людей, тех, которые выведены из России по мирному договору, и исконных подданных Польско-Литовского государства, а также военных, стремившихся попасть на царскую службу. Что касается людей «знатных», «прожиточных», а также детей и родственников сановитых в Польско-Литовском государстве людей, вопрос о них решался в Москве по докладу с пограничной заставы. Безусловному пропуску через границу подлежали русские военнопленные.

№ 292

Указ 9 сентября 1642 г. издан по челобитью дворян-помещиков западных городов. Челобитчики жаловались, что обычай сдавать прожиточные поместья вдов своим вторым мужьям приводил к выходу земли из владения одного рода в другой. Это нарушало интересы городового дворянства, так как земля попадала иногда во владение служилых людей других городов и чаще всего во владение московских людей. Иногда родственники вдов, стремясь завладеть их прожиточными поместьями, совершали ложные сделки о сдаче вдовами (за день-два до смерти) их прожиточных по-

местий. Челобитчики просили, чтобы правительство запретило те родственные поместья передавать в чужой род.

Указ запрещал вдовам отдавать свои поместья «без имянного указу», т. е. без специального всякий раз разрешения верховной власти. Ограничение прав женщин передавать их «прожиточные поместья» в чужой род, осуществленное под давлением служилых людей, распространяло на поместья некоторые черты, свойственные вотчинному землевладению.[1]

См. также № 91, 234 (статьи 3, 4, 6, 7, 8).

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 145.

№ 293

Указ 14 сентября 1642 г. содержит решение о прекращении вывоза из Москвы тех посадских тяглецов, которых Приказ сыскных дел не успел еще разыскать и выслать из Москвы на посады до 14 сентября 1642 г. Все беглые посадские люди, живущие в Москве «в тягле» и не «сысканные», и не вывезенные из Москвы до издания настоящего указа, оставляются в Москве. Цель этого распоряжения, являвшегося отступлением от принятых норм сыска, состояла, по-видимому, в том, чтобы укрепить московский посад. На этом была закончена деятельность Приказа сыскных дел по сыску и возвращению на посады закладчиков, а «сам приказ, — как писал П. П. Смирнов, — обращался в простой архив»,[1] помещенный во Владимирскую четь.[2] С этого времени приказ не получал больше указов о сыске закладчиков, а обращаются к его архиву лишь за получением справок—выписей из указов (см., например, № 303).

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 1. С. 482.
[2] Там же. С. 474.

№ 294

Указ 27 декабря 1642 г. запрещал отдавать беломестцам в счет долгов по заемным кабалам и судным делам дворы и лавки тяглецов. Предписание продавать такие дворы и лавки только «тяглым же людем тех же сотен» с последующей отдачей вырученных денег выигравшим дело истцам-беломестцам, как и другие указы 20—30-х гг. XVII в. (см. № 103, 136, 137, 158, 163, 195, 214, 250), было направлено против отчуждения дворов и лавок тяглых посадских людей беломестцам.

№ 295

Указ 1642/43 г. вновь подтверждает и распространяет на все города Русского государства и на все категории беломестцев запрещение владеть приобретенными с 132 г., т. е. после указа 28 июня 1624 г. (см. № 137), лавками, лавочными местами, амбарами, амбарными местами и полками. Все торговые помещения, данные и проданные в монастыри, церкви и беломестцам «всяких чинов», должны у них отбираться и отдаваться тяглым торговым людям «против московских лавок», т. е. так, как это делается уже в Москве, с одним лишь требованием — стоимость их должна быть взята с тяглого продавца или закладчика, а если его нет в живых, то с нынешнего владельца, и отдана покупателю-беломестцу. За беломестцами оставались те торговые помещения, которые были им проданы, заложены или даны вкладом до указа 1624 г. По сравнению с указами от 4 июня (см. № 136) и 28 июня 1624 г. в указе 1642 /43 г. содержится ряд новых и весьма существенных моментов: 1) перечислены все торговые помещения, в том числе амбары, полки и места под ними; 2) упомянуты не только монастыри и церкви, но и беломестцы «всякого чину»; 3) введено взыскание стоимости торгового помещения с тяглых продавцов, вкладчиков или нынешних владельцев их в пользу покупателей-беломестцев. Торговые же помещения, приобретенные беломестцами до 132 г., как это предписывал уже указ 28 июня 1624 г., остаются за ними.

Хотя указ 1642/43 г. по сравнению с указом 1624 г. и запрещал беломестцам приобретение торговых помещений у тяглых посадских людей, все же, оставив за ними ранние приобретения, ограждал материальные интересы беломестцев, как правило, «сильных» людей.

№ 296

Указ не позднее 2 марта 1643 г. запрещал иностранцам приобретать дворы и дворовые места в Китай-городе и Белом городе в Москве и в московских слободах у русских людей; русским людям также запрещалось покупать и брать в заклад дворы иноземцев. Кроме того, указ предписывал сломать протестантские церкви, находившиеся вблизи православных церквей. Однако указ оставил без внимания просьбу духовенства о запрещении иностранцам держать у себя во дворах русских православных людей и о высылке иностранцев из дворов, купленных в их приходах «без государева указу».

В отношении иноземцев указ продолжал линию, намеченную указом 17 октября 1635 г. (№ 227).

№ 297

Указ 22 июля 1644 г. разрешает впредь оброчные порозжие земли давать только в поместья и мотивирует это недостаточностью фонда земель для растущего числа служилых людей.

№ 298

Указ 11 августа 1644 г. предписывает для укрепления сделок мены поместьями оформлять их в Поместном приказе. Из указа следует, что обмен поместьями по записям (документам, составленным самими участниками сделки) без укрепления в Поместном приказе действителен при жизни самих меняющихся при условии, если они подали челобитную о расписке в приказ. В случае смерти менявшихся (какой-либо стороны) оформление мены уже не разрешалось. Требуя оформления сделок мены, правительство стремилось обеспечить себе возможность контроля за движением поместного фонда и принудить выполнять прежние постановления, регулировавшие обмен.

Указ 11 августа 1644 г. законодательно закреплял право феодалов обменивать поместья. Обмен на практике совершался и неравными участками земель, и пустыми землями на населенные, при этом практиковались денежные придачи, и мена фактически превращалась в куплю-продажу поместий.[1]

См. также № 239.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 146.

№ 299

В отношении величины прожиточных поместий вдовам и дочерям служилых людей, погибших на государственной службе в понизовых и украинных городах в ходе военных действий против калмыков, ногайцев, крымцев, указ 16 августа 1644 г. сохраняет то же соотношение между окладом убитого служилого человека и прожиточным поместьем, какое было установлено в прежнем указе (см. комментарий к № 234, ст. 8) относительно лиц, убитых под Смоленском. Величина прожиточного поместья зависела как от размера оклада, так и от того, какой смертью умер служилый человек: если он убит на службе, то вдова получала с каждых 100 четвертей оклада 20 четвертей, а дочери — по 10 четвертей; если умер естественной смертью, находясь на службе, то вдова получала со 100 четвертей оклада по 15 четвертей, а дочь — по 7.5 четвертей; если умер вне службы — дома, то вдова получала со 100 четвертей оклада 10 четвертей, а дочь — 5 четвертей. О прожиточных поместьях вдовам и дочерям служилых людей, не верстанных окладами, см. ст. 8 статейного списка 17 декабря 1636 г. (№ 234).

Обеспечение поместными дачами вдов и детей умершего служилого человека означало утверждение порядка наследования поместий, близкого к порядку наследования вотчин.

19 июля 1643 г. было разрешено справлять прожиточное поместье за свекром по частному челобитью комнатного истопника Семена Лутковского.[1]

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 129.

№ 300, 302

Указ не позднее 2 января 1645 г. (№ 300) уточняет постановления статей 1—3 статейного списка от 11 января 1628 г. (№ 169) и ст. 11 статейного списка от 17 ноября 1628 г. (№ 188), а также указов 17 февраля 1641 г. (№ 284) и не ранее 2 марта 1642 г. (№ 289). Неявка истца или ответчика в установленный срок в суд по гражданским делам (земельным, заемным кабалам, делам о холопстве и «по всяким крепостям»), в отличие от предшествующей практики, не может служить основанием для признания его стороной, проигравшей процесс: истца или ответчика «указным сроком не винити». Опоздавшие на суд уплачивали убытки в пользу пострадавшей стороны из расчета один рубль за день просрочки.

Указ 8 февраля 1645 г. (№ 302) приостанавливает действие указа № 300. Отсрочка мотивируется тем, что указ не был известен в дальних городах.

См. также № 330.

№ 301

Указ 6 февраля 1645 г. предписывает производить новый передел поместий между отчимами и пасынками, дядьями и племянниками, если розыск выявит, что первые, используя малолетство вторых, захватили при разделе лучшие, жилые земли, предоставив пасынкам и племянникам худые и пустые земли.

№ 302

См. выше.

№ 303

Указ 19 апреля 1645 г. был дан в ответ на «изветную» челобитную подьячего Павла Давыдова,[1] который вместе с Михаилом Спешневым в 1638/39, 1639/40 и 1640/41 гг. был в Великом Устюге «в дозоре». Челобитная была подана в мае 1641 г. в Устюжскую четверть. П. Давыдов писал о том, что дозорщики столкнулись в Устюге на посаде и в уезде с большим количеством обеленных дворов, лавок, варниц, рыбных тонь, принадлежавших монастырям, торговым людям гостиной сотни и другим «богатым людям», а также и с торговыми крестьянами, не платящими оброков и не несущими тягла со своих больших «торгов и животов». И «от того ... — писал П. Давыдов, — многие государевы крестьяне бредут в Сибирь и в розные городы за помещики». П. Давыдов просил дать ему указание, как быть: оставлять ли лавки, варницы, тони за беломестцами или класть их в тягло?

В ответ на челобитную П. Давыдова было дано распоряжение представить «выписку» из дел, находившихся в Приказе сыскных дел. Такая выписка была сделана из нижегородских, ярославских и галицких «столпов» и устюжских и усольских книг 1622/23, 1623/24, 1624/25 и 1625/26 гг. Она содержала также копии указов не ранее 1621/22 г. (см. № 116), 4 июня 1624 г. (см. № 136), 1629—1637 гг. (см. № 195), 1630 г.—27 февраля 1642 г. (см. № 201) и 27 декабря 1642 г. (см. № 294).

На основании «выписки», представленной Приказом сыскных дел, и был составлен комментируемый указ. Он состоял из нескольких частей. Первая содержала требование об обложении податями и повинностями дворов, торговых и промысловых помещений, а также земли и угодий, принадлежавших посадским людям, взятым в гостиную сотню; вторая — о запрещении продавать, закладывать и давать вкладом тяглые дворы, торговые и промысловые помещения, земли и угодья духовным и светским беломестцам; третья — людей, живущих в покупных деревнях в качестве половников и бобылей, а ранее живших на посадах или в черных деревнях в тягле, возвращать в тягло на старые места жительства; четвертая — переселить торгово-промышленных крестьян с монастырских и церковных земель на посады и обложить «по их животам и по промыслам». Крестьян же, занимающихся «торгами и промыслами», но живущих в черных деревнях в тягле, переводу на посады и дополнительному обложению не подвергать.

Таким образом, указ впервые касался владений посадских и уездных людей, взятых в гостиную сотню, и также половников, бобылей и торгующих крестьян; кроме того, он повторял прежние запрещения всех видов отчуждения имущества тяглых людей, которые, несмотря на предшествующие указы 20—40-х гг., все время нарушались.

Комментируемый указ для второй своей части использовал содержание предыдущих указов, запрещавших все виды отчуждений тяглых дворов, лавок, амбаров, мельниц, соляных промыслов, рыбных ловель, деревень, земель и угодий. Он категорически запрещал монастырям, церквам, церковным причетникам, подьячим съезжей избы, торговым людям гостиной сотни и всяким нетяглым людям покупать, брать в заклад и вкладом посадские тяглые дворы, деревни и земли, лавки, амбары, мельницы, соляные промыслы и рыбные ловли. Незаконно проданные, заложенные и данные вкладом «с сего числа», т. е. с 19 апреля 1645 г., торговые помещения, промысловые угодья, деревни и земли впредь предписывалось государем «имати на себя ... безденежно», а нарушителей этого распоряжения следовало жестоко наказывать.

Приобретения, сделанные до 1645 г., были оставлены за их новыми владельцами-беломестцами. По сравнению с предыдущими указами, запрещавшими отчуждение, этот указ содержал два новых момента: конфискацию незаконно заложенного, проданного или данного вкладом торгово-промышленного помещения, деревни, земли и наказание виновного в нарушении указа; им, как всегда, был «слабый» человек — посадский и уездный тяглец. Этот указ — самый полный из всех сохранившихся указов, связанных с отчуждением. Он ярко отражает специфику социальной и экономической жизни европейского Севера Русского государства.

[1] ЦГАДА, ф. 141, 1646 г., № 154, ч. II, сст. 331—334.

№ 304

Указ не позднее 18 мая 1645 г. развивал и дополнял ст. 26 Судебника 1550 г., которая устанавливала штраф «за безчестье» торговых людей. Из общей массы торговых людей она выделяла только лишь гостей. Указ же 1645 г. выделил из массы торговых людей и определил размеры штрафов «за безчестье» торговых людей суконной сотни, которых в 1649 г. насчитывалось 116 человек.[1] Размеры штрафов зависели от имущественного положения членов сотни. Это свидетельствует о возросшем их значении, а дифференциация штрафа говорит о существенном имущественном неравенстве членов этой сотни.

[1] ДАИ. Т. 3. № 47.

№ 305

Указ 15 августа 1645 г. определяет оклад ростовских новиков всех пяти статей: 350, 300, 250, 200, 150 четей. Разряды, на которые по величине поместных окладов делились новики при верстании, отражали экономическое и общественное неравенство среди городового дворянства. Указ в первые две статьи предписывает вносить «лутчих людей» — стоящих, несомненно, во главе дворянской корпорации города.

№ 306

Правом беспошлинной торговли обладали крупные монастыри, иностранные купцы и некоторые корпорации русских торговых людей — гости и жители дворцовой Кадашевской слободы. Первая попытка отменить беспошлинную торговлю тарханщиков была сделана еще в 1617 г. (см. № 81), но она успеха не имела. Правительство Б. И. Морозова, предприняв попытку улучшить финансовое положение государства, в числе других мероприятий издало не ранее августа 1645 г. указ об отмене тарханов на беспошлинную торговлю, но и теперь эта мера успеха не имела.

№ 307

Указ 19 октября 1645 г. сохранился только в трех наказах писцам Московского, Тотемского и Каргопольского уездов. В первом из них утрачено начало — отсутствует дата; второй датирован «7154-го февраля ...». Этой датой — 1646 г. — в литературе обычно датируют и указ 1645 г.

Указ 1645 г. подтверждает предписание статейного списка 23 июля 1641 г. о 10-летнем сроке урочных лет для сыска беглых крестьян (см. № 287, ст. 2). Он дан в ответ на челобитье дворян и детей боярских «всех городов».

Поскольку, как сказано в наказе, челобитная была подана в 153 (1644/45) г., можно установить и более точную дату ее подачи: между 13 июля (вступление на престол Алексея Михайловича) и 31 августа (конец 153 г.) 1645 г.

Летом 1644/45 г. челобитчики находились на обороне южной границы — в Туле, где обычно стоял Большой полк, «и в иных полкех». В Москву приходили вести о намерениях татар напасть на Москву.[1] Как бывало и раньше, служилые люди использовали эту ситуацию, а также начало нового царствования.

Это третья из известных нам челобитных служилых людей об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян (см. № 237, 287).

П. П. Смирнов полагает, что в наказе, в котором приведена эта челобитная, последняя приведена не полностью, что в ней, по всей вероятности, как и в предшествующих челобитных, были еще жалобы на «сильных» людей и просьбы о судебных преобразованиях.[2]

Решению по челобитной предшествует приказная справка с выпиской из указов об урочных годах 1597 (№ 48), 1637 (№ 237, 238) и 1641 (№ 287, ст. 2) гг. Для составления этой справки в разных приказах были сделаны выписи из Судебников 47 (1538/39) и 58 (1550) гг. Насколько известно, это единственное упоминание о Судебнике 47 (1538/39) г. Поскольку оно содержится во всех трех дошедших до нас наказах писцам — московским, тотемским и каргопольским, — нельзя допустить здесь простую ошибку переписчика, как думали А. А. Зимин [3] и И. И. Смирнов.[4]

По предположению П. П. Смирнова, мог существовать не дошедший до нас Судебник.[5] Однако трудно допустить, что такой фундаментальный памятник, как Судебник, не упоминался ни в одном документе. Б. Д. Греков присоединился к мнению П. П. Смирнова. Впрочем, Б. Д. Греков, которому был известен лишь один каргопольский список, не исключал и возможности описки.[6] Н. Е. Носов высказал мысль, что ссылка на Судебник 47 г. могла относиться не к Судебнику типа известных нам Судебников 1497 и 1550 гг., а к какому-то иному законодательному памятнику, который «хотя и касался вопросов суда, но отнюдь не был судебником в полном смысле этого слова, скажем, например, то же великокняжеское уложение о сыске и суде ведомых разбойников».[7] И. И. Смирнов не считает предположение Н. Е. Носова убедительным, так как о Судебнике 47 г. говорится в связи с указом 1597 г. о сыске беглых крестьян, а поскольку дополнительные указы и статьи приписывались к тексту Судебника, следовательно, речь могла идти здесь только о Судебнике, а не о другом законодательном памятнике.[8] Однако последнее замечание И. И. Смирнова не представляется вполне аргументированным. Указы, изданные после 1550 г. (или дополнительные статьи, как их нередко называют), согласно ст. 98 Судебника 1550 г., обычно приписывались к этому памятнику. Но существуют сборники, в которых Судебнику предшествует иной материал, например Стоглав (ГИМ. Собр. Барсова, № 183), летописные отрывки, жития, разрядные записи (ГПБ. Q. XVII, 30; ГБЛ. Собр. Большакова. № 333); наконец, имеется список, в котором дополнительные указы следуют не за Судебником, а за указной книгой Разбойного приказа (ГБЛ. Собр. Уварова. № 593). Поэтому вполне допустимо предположение о существовании списка, в котором указ 1597 г. (вместе с другими указами) следовал не за Судебником, а за иным памятником.

Можно тем не менее допустить и описку, но не в трех идентичных писцовых наказах, а в датировке одного из экземпляров Судебника, из которого были сделаны выписки для наказов писцам.

В приказной справке указы об урочных годах приведены в сокращенном и не вполне точном пересказе. Примечательно то отступление от подлинного текста, которое внесено в указ 1597 г. (№ 48): хотя в этом указе речь идет о пятилетнем сроке суда и сыска тех беглых крестьян, которые «выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет», — формулировка, вызвавшая обширную полемику о том, распространяется ли пятилетний срок сыска беглых и на будущее время — в пересказе писцового наказа говорится: «... беглых крестьян ... по суду и по сыску отдавать ... за пять лет». Иначе говоря, пятилетний срок сыска беглых крестьян трактуется как постоянный. Видимо, такое толкование вполне соответствовало тому пониманию указа 1597 г., которое прочно установилось в XVII в.

В челобитной 1645 г. содержалась просьба об укреплении крестьян по писцовым книгам. Разумелись, очевидно, старые описания. Но правительство предполагало укрепить крестьян на основании новой переписи, которая и была начата в следующем году (см. № 311). Такое решение, как известно, не удовлетворило служилых людей, о чем свидетельствует восстание 1648 г.

[1] Акты Московского государства, изданные Академиею наук/Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. Т. 2. № 205 и след.; *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.//Чтения ОИДР. М., 1915. Кн. 3. С. 19.

[2] *Смирнов П. П.* Челобитные... . С. 21.

[3] ПРП. Вып. 4. С. 556.
[4] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 317—318.
[5] *Смирнов П. П.* Челобитные... . С. 21.
[6] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. С. 839.
[7] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 303.
[8] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 318.

№ 308

Указ 24 ноября 1645 г. предписывает брать пошлины с давно вершенных поместных и вотчинных дел лишь в том случае, если участники судебного дела еще живы. При переходе поместий и вотчин в другие руки взимание пошлин за прежние судебные разбирательства, касавшиеся этих вотчин, не предусматривается.

№ 309

Указ 1646 г. устанавливает порядок уплаты таможенных пошлин с товаров, купленных в Архангельске русскими купцами у иноземцев и увозимых ими в Москву и другие города, а также порядок вывоза иностранными купцами русских товаров «за море».

См. также № 157, 314.

№ 310

Правительство Б. И. Морозова для упрочения финансов и пополнения государственной казны отказалось от некоторых прямых налогов и заменило их косвенным обложением. С этой целью по указу от 7 февраля 1646 г.[1] вводилась новая высокая пошлина на соль — по 2 гривны с пуда, а для астраханской и яицкой соли, которой солили рыбу и икру, — по 1 гривне с пуда. Одновременно этим же указом отменялся сбор стрелецких и ямских денег, наиболее обременительных прямых налогов XVII в. Предполагалось, что налог на соль, необходимую всем, равномерно ляжет на все население государства.Реформа не была достаточно продумана, в частности, не были учтены те последствия, которые она могла иметь.Новая соляная пошлина, поднимая цену на соль почти втрое, явилась весьма обременительным налогом прежде всего для беднейших слоев населения, и продажа соли резко сократилась. Новая соляная пошлина пополнения государевой казне не принесла, а повлекла за собой лишь огромный дефицит в государственном бюджете, так как в период действия указа от 7 февраля 1646 г. ямские и стрелецкие деньги не взимались. Указ 10 декабря 1647 г.[2] отменил эту пошлину и восстановил сбор стрелецких и ямских денег. Это неудачное мероприятие правительства было одной из причин городских восстаний 1648—1650 гг.

[1] Указ, видимо, имел две редакции. Первая сохранилась в памяти из приказа Большой казны в Устюжскую четь, а вторая находится в грамоте, отправленной из Устюжской чети в Верхотурье. Вторая редакция приспособлена к условиям Сибири и содержит ряд дополнений, в частности о посылке в Сибирь для соляного пошлинного сбора двух торговых людей и с ними 130 пудов табаку для продажи в сибирских городах.
[2] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 2. С. 33.

№ 311

Указ не позднее февраля 1646 г. предусматривает перепись по именам мужского феодально-зависимого населения («с отцы и с прозвищи») на вотчинных и поместных землях светских феодалов и на землях церковных, а также в городах и черносошных волостях. Указ, имея в виду различные ухищрения по утайке населения, устанавливает наказание виновных: «... за утаеново за всякого человека и за утаеной за всякой двор» с виновных посадских людей и волостных крестьян «имати по сту рублев», а утаенных людей отдавать в поместную раздачу. У помещиков и вотчинников, «которые ... крестьян своих учнут таить, или из дву или с трех дворов переводить в один двор, или ... во дворех крестьян людми (холопами. — *Авт.*) своими называть», за каждого утаен-

ного крестьянина «отымать на государя по пятидесят чети ... и отдавать тем людем, хто за кем сыщет утаенных крестьян». Подобные жесткие меры вводятся впервые. В то же время указ исходит из установившейся нормы сыска за 10 лет: «... хто в котором году выбежал в указные в десять лет; а дале десяти лет не писать».

Требование точности описания диктовалось как фискальными целями (по переписным книгам собирали налоги), так и целями закрепощения крестьян: «А как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяня, и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки без урочных лет». По наблюдению И. Л. Андреева, «новые переписные книги отменяли действие старых писцовых книг, а с ними помещики теряли владельческие права на большое количество крестьян», что и вызвало новые протесты дворянства.[1] О строгости требований, предъявлявшихся к новой переписи тяглого населения, свидетельствует, например, такой факт. В октябре 1646 г. была отменена только что проведенная перепись Сольвычегодского уезда: «... усольцы, посадцкие люди и волостные крестьяне, своровали», писцов «прельстили посулами». В результате было допущено серьезное нарушение писцового наказа: «... в которых годех запустели, и сколько в них пустых дворов, и хто имяны крестьяне в тех дворех жили, а куды вышли, и того в переписных книгах не написано». Те же писцы получили распоряжение провести перепись повторно, «по прежнему ... наказу, каков ... наказ дан им за дьячьею приписью в прошлом во 154 году», в частности «дворы и в них людей по именам с отцы и с прозвищи писать сызнова».[2]

[1] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 146—147.
[2] Акты писцового дела: (1644—1661 гг.). М., 1977. № 22. С. 88—89.

№ 312

Указ 9 июня 1646 г. повторяет ст. 42 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (см. № 80).

№ 313

Указ не позднее 10 июня 1646 г. предписывает изъятие фальшивых медных и оловянных денег из собранных доходов, а также у торговых и других людей и хранение их в государственной казне.

См. также № 97, 236.

№ 314

Указ после 1 июля 1646 г. о запрещении иноземцам торговать в Архангельске, минуя таможню, дан в ответ на челобитную русских торговых людей, поданную в 1646 г. В ней они жаловались на «утеснения», чинимые им иностранными купцами, обладающими рядом привилегий, и просили отменить эти привилегии. Указ 1646 г. К. В. Базилевич считал первым существенным ограничением английской торговли в России.[1] Этот указ шел в русле финансовой политики правительства, возглавлявшегося Б. И. Морозовым, направленной на улучшение финансового положения государства, в том числе и путем отмены тарханов на беспошлинную торговлю (см. № 306).

См. также № 81, 157.

[1] *Базилевич К. В.* Коллективные челобитные торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в.//Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 2. С. 114—118.

№ 315

Указ 25 июля 1646 г. разрешает разбирать дела о «выданных» (т. е. переуступленных третьим лицам) кабалах, в то же время запрещая взыскивать по этим кабалам процент.

Указ 8 февраля 1588 г. (№ 45) запрещал переуступку долговых обязательств. В 1628/29 г. эта норма указа 1588 г. была пересмотрена (см. № 189): «выданные» кабалы приравнивались к обыч-

ным, причем срок взыскания процентов ограничивался пятью годами (см. также № 148). Указ 1646 г. делает новый шаг в смягчении обязательств по заемным кабалам, запрещая взыскивать процент по переуступленным обязательствам. Как и предыдущий указ по этому сюжету (№ 189), данный указ облегчает кредитные операции, что может косвенно свидетельствовать о росте товарно-денежных отношений.

№ 316

Указ 12 августа 1646 г. определяет условия родового выкупа тех вотчин, которые были приобретены в разоренном состоянии и приведены лицом, купившим вотчину, в надлежащий хозяйственный вид (расчищены леса, распаханы поля, построены и заселены крестьянами дворы, огорожены поля, построены мельницы, выкопаны пруды и т. д.). При установлении выкупной цены такой вотчины указ предписывает руководствоваться не количеством четей, числящихся в данной вотчине, а такими документами, как купчие и закладные, т. е. учитывать ту цену, которая была указана в них для этой вотчины.

К этой цене прибавлялись расходы покупателя на приведение вотчины в надлежащий порядок, причем размер их определялся судом и сыском: «... а вотчинное строение тем людем по суду и по сыску платить, что суд покажет». В. Н. Сторожев считает, что указ 12 августа 1646 г. возобновлял действие закона, изданного еще до Смутного времени, в котором постановлялось выкупать вотчину «с продажи», т. е. по цене, выставленной в купчей.[1] Этот указ был отменен, и в 20—30-х гг. XVII в. правительство пыталось ввести твердую цену выкупа вотчины (см. № 86, 101). Указ 12 августа 1646 г. не знает указных выкупных цен.

[1] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 164—165.

№ 317

Указ 29 ноября 1646 г. является ответом правительства царя Алексея Михайловича на челобитную посадских людей, поданную в самом конце царствования Михаила Федоровича. Указ впервые содержал требование об отписке на государя «без лет и без сыску» торговых и ремесленных слобод в Москве и других городах. Таким образом, указ устранял обязательность «сыска» и «урочных лет». Дальнейшее развитие положение о торговых и ремесленных слободах получило через 2 года — в 1648 г. (см. № 338, 341, 343).

№ 318

Выбор по указу 30 ноября—10 декабря 1646 г. «лутчих» местных людей в знаменщики и установление привилегий для них могут рассматриваться как меры по поднятию боеспособности поместного ополчения, которое в середине XVII в., несмотря на медленно и исподволь создававшиеся полки нового строя, продолжало оставаться основой вооруженных сил феодального государства. Указ, требуя назначения в знаменщики «лутчих и полных людей»,[1] стремится поднять авторитет знаменщиков, вводя для них ряд привилегий: они ходят «к государевой милости к [руке] и к столу ... наперед всех своих горожан»; в Разряде в «столповом списку» пишутся «выше всех», только они назначаются сотенными головами, их служба не подлежит местническим счетам, «честь» службы знаменщика находится под особой охраной. Челобитье знаменщиков, ответом на которое был настоящий указ, свидетельствует об укоренившейся практике недооценки службы знаменщика, вопреки прежнему указу, до нас не дошедшему.

См. также № 337.

[1] Слово «полный» здесь, очевидно, в смысле «зрелый», «достаточный», что может быть сопоставлено со словом «большой».

№ 319

В указе не позднее ноября 1646 г. обязанность военной службы распространяется и на подьячих всех приказов, которые должны держать у себя собственное вооружение. Как и указ 30 ноября—10 декабря 1646 г. (№ 318), это постановление свидетельствует о том, что правительство попрежнему придавало большое значение старому поместному ополчению и предусматривало меры по его укреплению.

№ 320

Указ 13 августа 1647 г. разрешает обмен поместьями между московскими служилыми людьми и служилыми людьми других городов и отменяет указ 29 июня 1639 г. (№ 271), запрещавший такой обмен. Указ 1647 г. разрешает раздачу выморочных поместий в городах московским служилым людям, а в Московском уезде — городовым служилым людям. Указ 1647 г. отменяет предписание статейного списка 17 декабря 1636 г. (№ 234, ст. 10) приискивать служилым людям невест (с целью получить прожиточное поместье) в своем городе, мотивируя это тем, что служилые люди одного города часто находятся в «свойстве», где брак невозможен. Следовательно, указ допускал переход поместий от одних групп служилых людей к другим в связи с заключением браков.

Отмена консервативных законов была вызвана глубокими экономическими причинами. Развивающиеся товарно-денежные отношения все более втягивали землю в торговый оборот. Этому способствовало и то, что поместье постепенно утрачивало свои специфические черты условного владения и сближалось с вотчиной. Указ 1647 г., исходя из практики, снова подтверждает право помещиков меняться землями, неравноценными по количеству и качеству.

№ 321

Указ 2 сентября 1647 г. дополняет указ не позднее февраля 1646 г. (см. № 311). Указ предписывает вотчинникам и помещикам сообщить до 1 марта 1648 г. в Поместный приказ об утаенных ими крестьянах и о вновь возникших крестьянских дворах. Если такого челобитья со стороны владельца не будет, а утаенные крестьяне и вновь поставленные дворы обнаружатся, то он в соответствии с указом не позднее февраля 1646 г. будет наказан: у него будет отнято за каждый утаенный двор 50 четвертей земли.

№ 322

Указ ранее 16 октября 1647 г. предписывает давать свободу от крепостной зависимости тем крестьянам, бежавшим за рубеж и возвратившимся обратно, которые вернулись в Россию после более чем пятилетнего пребывания в Польше. Если срок пребывания в Польше был менее пяти лет, то вернувшийся крестьянин должен был передаваться старому помещику.

Указ косвенно свидетельствует о стойкости представления о пятилетнем сроке как важном, принципиальном рубеже, определяющем юридическое положение крестьян.

Указ отражает определенную эволюцию взглядов правительства на выходцев из-за рубежа. Если по указу не ранее 14 мая 1624 г. крестьян, бежавших за рубеж, независимо от числа прожитых там лет, отдавали, как правило, прежним владельцам (см. № 135), то по новому указу именно число прожитых лет определяло дальнейшую судьбу крестьянина.

№ 323

Согласно приговору 24 ноября 1647 г., с 1648 г. выборы губных целовальников должны производиться только с больших «костей», т. е. таких окладных единиц, которые включали не менее 20 крестьян. Меньшие «кости» уплачивали подмогу, согласно договоренности между самими крестьянами («сошными людьми»). В сохе обычно было 32 кости.

№ 324

Указ 28 декабря 1647 г. принят царем по докладу Земского приказа в связи с проведенным расследованием совершенных в Москве преступлений несколькими воровскими шайками. Всего было привлечено к ответственности более 100 человек, совершивших, по данным следствия, более 50 краж и грабежей. Указ касался лиц, подозреваемых в соучастии в совершенных преступлениях, и дан в развитие ст. 32 указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. (№ 80).По указу на всех лиц, оговоренных татями на пытках, накладывались выти (штрафы). Если же оговоренные люди будут бить челом, что выти на них положены не за дело, то их предписывалось ставить на очную ставку с татями, которых при этом следовало снова пытать. Подтверждение татями обвинений на очной ставке вело к пытке оговоренных людей.

№ 325

Указ не позднее 29 декабря 1647 г. устанавливал, что с вытных денег (штрафа), взыскиваемых с оговоренных людей по уголовным делам (см. № 324), государева пошлина взимается в размере три алтына с рубля.

№ 326

Указ не позднее 1 января 1648 г., видимо, связан с распространившейся практикой отсрочек по судным делам (см. № 204, 207, 259, 289, 329). В этом конкретном случае отсрочка по делам, рассматриваемым во Владимирском судном приказе, была дана ранее до 1 января 1648 г., а указ устанавливал три добавочных льготных дня.

См. также № 232.

№ 327

Указ не ранее 19 января 1648 г. состоит из двух частей: в первой предписывается отнимать, притом безденежно, деревенские участки, проданные беглыми крестьянами Заонежских погостов; вторая часть запрещает всякие земельные сделки в Заонежских погостах на будущее время.

Сделки между черносошными крестьянами (и между посадскими людьми) были широко распространены и составляли один из устоев черносошного крестьянского землевладения. Правительство пыталось ограничить эту практику.[1] Но не позднее 12 мая 1624 г. в ответ на челобитье посадских и уездных людей оно вынуждено было восстановить исконное право посадских людей и крестьян Устюжского уезда распоряжаться своими деревнями и угодьями, хотя и с рядом ограничений (см. № 134, также № 303). Теперь правительство снова, хотя и в другой форме, возвращается к этому вопросу.

Указ 1648 г. имел чисто местное значение: действие его распространялось только на Заонежские погосты [2] в связи с введением там института «пашенных солдат». Это мероприятие, предпринятое для охраны шведской границы, состояло в формировании полков из крестьян пограничных Заонежских и Лопских погостов и Сомерской волости под командой «иноземных офицеров». «Пашенные солдаты» были освобождены от несения тягла, не получали жалованья, а содержать себя и свои семьи должны были, продолжая одновременно с военной службой вести крестьянское хозяйство.

Для осуществления широко задуманного мероприятия по организации «пашенных солдат» необходимо было прежде всего выявить наличие и хозяйственную годность местных крестьян. Выяснилось, что сотни крестьян ушли из погостов в предшествующие годы, причем благодаря тому, что черносошные крестьяне свободно распоряжались своими угодьями, многие из них при уходе продали или заложили свои участки. Специальные «свозчики», посланные для сыска и вывоза «сошлых» крестьян на прежнее место жительства, столкнулись с многочисленными случаями, когда участки их оказались проданными.[3] Тогда и был издан комментируемый указ.

Он должен был повести к коренному изменению установившихся на черносошных землях земельных отношений, но в нем заметны поспешность и непродуманность. Указ имел обратную силу и был к тому же нечетко сформулирован: в нем нет указания на срок давности, который прекращал бы действие указа, так что безденежному отнятию подлежали участки, которые были проданы за десятки лет до издания указа, если только удавалось сыскать и вернуть продавца или его детей. На подобные случаи подано было немало жалоб и запросов о том, «за колко лет те купленные и закладные учаски отнимать и назад отдавать».[4] К тому же новые владельцы деревенских участков были уже привлечены к несению солдатской службы, исправность которой должна была обеспечиваться теми же спорными участками.

Все это привело к тому, что постановлением боярской думы в сентябре 1649 г. указ был отменен: «...тем жить на купленных и на закладных участках по-прежнему, для того что они на них живут многие лета и построились, а ныне записаны в солдатцкую службу».[5] Осталось, однако, в силе запрещение земельных сделок на будущее время. А. И. Копанев отмечает, что «хотя постановление о запрете поземельных сделок в крестьянской среде было подтверждено ... но о применении его на практике мы не имеем данных».[6]

Не было у правительства и продуманного четкого решения — за сколько лет вывозить ушедших крестьян.

В ответ на жалобу дворян и детей боярских новгородских пятин на вывоз из-за них заонежских крестьян за 50 лет и больше последовало предписание от 10 октября 1647 г. о вывозе крестьян Заонежских погостов и Сомерской волости за 15 лет, причем со служилых людей не взыскивать доходов, «а с монастырей имать».[7]

По челобитной властей Соловецкого монастыря от 24 октября 1647 г. также было предписано вывозить заонежских крестьян за 15 лет.[8]

Несколько позднее, 3 мая 1648 г., каргопольскому воеводе было послано предписание: крестьян из Заонежских погостов, поселившихся на черных землях, возвращать за 15 лет, а тех, кто живет «за властми и за монастыри», вернуть немедленно, независимо от времени, протекшего с ухода.[9]

Таким образом, этими постановлениями вводились разные сроки для возвращения крестьян, ушедших из Заонежских погостов: для поселившихся на землях служилых людей или на черных землях — 15 лет, притом без взыскания «доходов» за прожитые годы; для поселившихся на монастырских землях (кроме Соловецкого монастыря) — бессрочный сыск и взыскание «доходов».

Напомним, что в то время, когда вводились эти мероприятия для черносошных крестьян Заонежских погостов и Сомерской волости — возврат беглых крестьян, сначала бессрочный, потом ограниченный 15 годами, — в остальной стране действовал закон о 10-летних урочных годах для сыска черносошных крестьян.

[1] См.: *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 12—13.
[2] Возможно, что и относительно Сомерской волости, находившейся в сходных условиях, был издан такой же указ.
[3] *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVII в. Петрозаводск, 1947. С. 126 и след.
[4] Карелия в XVII веке: Сб. документов/Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. № 45.
[5] Там же.
[6] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 16.
[7] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901. Приложение № 1.
[8] ДАИ. Т. 3. № 33/I.
[9] ЦГАДА, ф. 141, 1648 г. № 39.

№ 328

Указ 20 февраля 1648 г. категорически запрещал проводить судебное разбирательство без предъявления истцом кабал, крепостных документов и письменных челобитных. Указ фактически повторяет основные положения указа не позднее 7 июля 1635 г. (№ 226).

№ 329

Указ 22 февраля 1648 г. предоставляет губным старостам отсрочку явки на суд в Разбойный приказ до 1 января следующего, 1649 г. В этом отношении их приравняли к городовым дворянам и детям боярским, которым, по-видимому, такая отсрочка была дана ранее. Отсрочки явок в суды практиковались и ранее (см. № 204, 207, 259, 289, 326). Причины данной отсрочки неясны. Но

можно полагать, что частые отлучки губных старост из своих округов по искам к ним в московские приказы мешали им выполнять свои служебные обязанности в пору обострения классовой борьбы в стране в середине XVII в.

См. также № 336.

№ 330

Указ 23 февраля 1648 г. подтверждает постановление, зафиксированное в статейных списках от 11 января (см. № 169, ст. 3) и 17 ноября 1628 г. (см. № 188, ст. 11).

См. также № 284, 289, 300.

№ 331

Указ не позднее 12 апреля 1648 г. определяет размер дачи дворянам и детям боярским украинных городов в соответствии с их окладами. В данном случае правительство раздавало порозжие земли «дикого поля» (степного района), где свободных земель было много, и все-таки дачи составляли менее трети установленных служилым людям окладов. Согласно указу, оклады украинных служилых людей сильно колебались: самый меньший был 70 четвертей, самый больший — 400. Авторы «Очерков истории СССР» утверждают, что правительство данным указом разрешало служилым людям приобретать землю «по особым нормам сверх обычных окладов».[1] Однако из текста указа этого не следует.

См. также № 340.

[1] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 150.

№ 332

Указ не позднее 6 июля 1648 г. издан в связи с челобитьем белозерцев о восстановлении прежнего царского уложения, вероятно указа 7 марта 1636 г. (№ 230), в котором запрещалось передавать земли белозерцев в руки небелозерцев. Свою просьбу они подкрепляют доводом, что переход земли служилым людям других городов приносит вред «государевой службе». Указ, утверждая уже произведенные раздачи, подобно указам 7 марта 1636 г. и 15 июня 1637 г. (№ 245), запрещает впредь передавать земли небелозерцам. Нарушение самим правительством категорических запрещений отражало действительное положение — активное обращение земель между служилыми людьми разных городов вопреки законодательным нормам. Указ 13 августа 1647 г. (№ 320) снял всякий запрет обращения земель между служилыми людьми разных городов.

О термине «белозерцы» см. комментарий к № 230.

№ 333

Указ 7 июля 1648 г. предписывал оформлять передачу прожиточных поместий невест на имена мужей одновременно с совершением брака. Неоформленные соответствующим образом впредь прожиточные поместья жены велено было отдавать челобитчикам, претендующим на них. Указ не имел, по-видимому, обратной силы.

№ 334

Указ не ранее 16 июля 1648 г. непосредственно связан с восстанием в Москве, начавшимся 1 июня 1648 г. и продолжавшимся до января 1649 г.[1] Упоминаемая в указе челобитная, поданная 10 июня 1648 г., явилась результатом совещания дворян «розных городов», гостей, торговых людей «розных сотен и дворов»,[2] стремившихся приостановить дальнейшее разрастание восстания.[3] Жалуясь на притеснения и коррупцию приказной администрации, челобитчики просили о созыве

Земского собора для рассмотрения их требований. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посадские люди в числе возможных участников собора в челобитной даже не упомянуты.[4]

Земский собор был созван 16 июля 1648 г. Ход восстания вынудил пригласить на него представителей посадской верхушки, но не черных посадских людей. На этом Соборе его участники подали челобитную о составлении нового кодекса права (Уложенной книги). Результатом рассмотрения на Земском соборе этого требования и явился указ не ранее 16 июля 1648 г., согласно которому была создана комиссия для составления Уложения и созывался 1 сентября 1648 г. новый Земский собор для обсуждения его проекта. Определялись и нормы представительства на Соборе. Состав этого Земского собора, в отличие от Земского собора 16 июля, намечался с участием представителей посадских общин. Здесь, несомненно, сказалось воздействие участия черных посадских людей в продолжавшемся восстании.

Завершение составления и редактирования нового Уложения (Соборного уложения 1649 г.) датируется 29 января 1649 г.[5] Таким образом, непосредственной причиной создания Уложения 1649 г. послужило восстание в Москве 1648 г., вызванное обострением классовых и сословных противоречий.

[1] См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века: (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 62—106.
[2] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 2. С. 190—191.
[3] *Чистякова Е. В.* Городские восстания... . С. 78.
[4] Там же. С. 79; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права. Л., 1980. С. 40.
[5] Подробнее о составлении Соборного уложения 1649 г. см.: *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. ... . С. 40—55.

№ 335

Московские гости, торговые люди гостиной и суконной сотен должны были нести «службу» Она была многообразна, тяжела и обременительна, ибо, находясь на «службе», торговые люди должны были «безотлучно быть у государева дела» и не имели права «ходить за своими торгами и промыслами». Кроме того, «служба» была связана с материальной ответственностью.

В указе 24 июля 1648 г. речь идет о порядке несения «службы» теми крестьянами и посадскими людьми, которые были взяты в гостиную и суконную сотни. Указ устанавливает различные «службы» для бывших крестьян и бывших посадских людей. Так, первым предписывалось нести все «службы» в Москве, Архангельске, Холмогорах и иные службы, «где мы укажем», а посадские люди, взятые в привилегированные корпорации в 1646/47 г., должны были по-прежнему служить и тянуть тягло на старых местах жительства. Исключение делалось только для богатого посада г. Ярославля. Ярославцы должны были служить не только в Ярославле, но и в Астрахани, и в Казани, где ранее служили московские гости и торговые люди гостиной и суконной сотен. Настоящий указ, видимо, следует рассматривать как уступку посадским мирам, которые все время жаловались на то, что перевод посадских тяглецов в привилегированные корпорации лишал их наиболее экономически сильных тяглецов (см. № 201, 303).

№ 336

Указ 14 сентября 1648 г. относится к числу тех мероприятий, которые проводились правительством царя Алексея Михайловича в связи с восстанием 1648 г. в Москве, кульминация которого приходится на 3 июня, когда в результате поджогов сгорело большое количество дворов и полностью Белый город.[1]

Отсрочка «в судных делех», данная отпущенным в свои деревни погорельцам, — обычная мера, к которой власти прибегали и прежде в особых обстоятельствах (см. № 204, 207, 259, 289, 326).

[1] См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века: (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 101.

№ 337

Указ 8 октября 1648 г. отменяет предыдущее постановление о выборах в знаменщики «лучших» людей (см. № 318) и восстанавливает обычай выбирать в знаменщики молодых людей. В то же время он охраняет служебную честь знаменщиков. Причина отмены указа 1646 г., вероятно, в специфике самой службы знаменщика, требовавшей большой физической силы и ловкости: нести тяжелое знамя было трудно, и боевой опыт и заслуги тут не имели существенного значения.

№ 338

Указ 13 ноября 1648 г. относится ко времени падения правительства, возглавлявшегося Я. К. Черкасским, и заседаний Земского собора. Он является важным документом для изучения посадского строения во время, непосредственно предшествовавшее составлению Уложения 1649 г. Этот указ П. П. Смирнов называл «законом и инструкцией для осуществления реформы».[1]

Указу предшествовали челобитная дворян и челобитная посадских людей идентичного содержания, поданные 30 октября 1648 г. Свои требования челобитчики обосновывали ссылками на то положение, которое якобы существовало при царях Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче. На основании доклада царю о челобитных был составлен указ 13 ноября 1648 г. Этот указ предписывал: 1) возникшие после 1612/13 г. на тяглых и вотчинных землях в Москве и других городах слободы духовных и светских феодалов, населенные торговыми и промышленными людьми, «взять за ... государя» и положить в тягло; 2) закладчиков — посадских тяглецов и их сидельцев и наймитов, заложившихся с 1612/13 г. за духовных и светских владельцев, а также вышедших в Басманную и Кадашевскую слободы, в ремесленники и «приборные люди», вернуть в тягло, в посад; 3) «чинить жестокое наказанье» («бить ... кнутом и ссылать ... в Сибирь на житье на Лену») в случае нарушения указа как закладчиками, так и принявшими их.

Сравнение челобитных с указом позволяет отметить их принципиальные различия. Так, посадские люди просили, чтобы «за великим государем» были все слободы, населенные торговыми и ремесленными людьми; в указе же отписывались на государя только слободы, заведенные с 1612/13 г., а заведенные до этого времени оставлялись их владельцам. Не касался указ, вопреки челобитной, и тех закладчиков, которые заложились до 1612/13 г. Вопрос о «животинных выпусках» и «выездах в лесы», поставленный в челобитной, ответа не получил совсем.[2]

Отличался указ 1648 г. и от указа о слободах 29 ноября 1646 г. (см. № 317). Указ 1648 г. по сравнению с указом 1646 г. сузил круг слобод, подлежавших взятию на государя, ограничив его 1612/13 г. По мнению П. П. Смирнова, это объясняется тем, что власти «не хотели идти радикальными путями челобитной 30 октября, а свернули на старую знакомую дорожку законодательства царя Михаила», вследствие чего «изданный закон по существу вопроса почти ничего нового не давал».[3]

Согласиться с этим утверждением П. П. Смирнова нельзя, ибо указ 13 ноября 1648 г. по сравнению с указами 9—27 мая 1637 г. (см. № 242) и 12 сентября 1638 г. (см. № 255), сохраняя старое положение о возвращении закладчиков в тягло на посады с 1612/13 г., содержал, несомненно, новые и чрезвычайно серьезные положения: наказанию за закладничество подвергаются не только закладчики — посадские тяглые люди, но и лица, принявшие их; взятие слобод, заведенных с 1612/13 г., и их населения на государя.

Указы 13 и 25 ноября 1648 г. (№ 341) вызвали резкое недовольство закладчиков, которые в декабре 1648 г.—январе 1649 г. наряду с холопами и оппозиционно настроенными стрельцами стали играть одну из главных ролей в продолжающемся с июня 1648 г. восстании в Москве.[4]

См. также № 342, 343.

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 2. С. 237.
[2] Этот вопрос получил какое-то отражение в указе от 18 ноября 1648 г. (см. № 339).
[3] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 2. С. 237.
[4] См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века: (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 102.

№ 339

Возможно, указ 18 ноября 1648 г. о даче посадским людям на оброк порожних пустошей в выморочных поместьях, смежных с их землей, был связан с челобитной 30 октября 1648 г., в которой посадские люди Москвы жаловались на отсутствие у них «животинных выпусков» (см. № 338). Это требование посадских людей не нашло отражения в указе от 13 ноября 1648 г. (№ 338), данном в ответ на челобитную, а теперь власти частично пошли на его удовлетворение.

№ 340

По указу 18 ноября 1648 г. служилые люди южных пограничных городов получили право просить о записке в Поместном приказе и о выдаче отказных книг на приисканные ими земли, если сыск подтвердит непринадлежность земли какому-либо другому владельцу. Упрощение процедуры

при дачах земель в южных уездах объяснялось наличием большого фонда свободных земель и отсутствием какого-либо учета этих земель, скажем, посредством описания.

См. также № 331.

№ 341

Указ 13 ноября 1648 г. (№ 338), отразивший не все требования челобитной от 30 октября 1648 г., не удовлетворил посадских людей. Поэтому уже 25 ноября того же года выборные «всяких чинов люди», съехавшиеся в Москву на Земский собор, подали новую челобитную, в которой снова просили взять на государя торговые и ремесленные слободы «без лет и без сыску». В ответ на эту челобитную в тот же день был дан указ 25 ноября 1648 г., которым предписывалось взять на государя в Москве и других городах все торговые и ремесленные слободы беломестцев «без лет и без сыску». Это означало ликвидацию всего белого землевладения и дворовладения в городах на территории всего государства, независимо от времени возникновения слобод.

Закладчики, недовольные решениями двух ноябрьских указов, в декабре 1648 г.—январе 1649 г. включились в борьбу на стороне восставших в июне 1648 г. московских горожан.[1]

[1] См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века: (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 102.

№ 342

Указ не позднее 30 ноября 1648 г. предписывал взять «в тягло и в службу» всех торговых, промышленных и ремесленных людей, живущих в белых слободах и дворах, и запретить дальнейшее проживание таких людей в слободах и дворах духовных и светских феодалов. Таким образом, торговля и ремесло становились занятиями только городского населения.

Указ входит в число мероприятий правительства, проведенных в ноябре—декабре 1648 г. в связи с требованиями посадских людей (см. № 338, 341, 343).

№ 343

18 декабря 1648 г. земские старосты и посадские люди «розных городов» обратились с челобитной об отчуждении подгородних сел и деревень.[1] В ответ последовал указ от того же числа. Этот указ распространял действие ноябрьских указов 1648 г. (№ 338, 341) на владельческие села и деревни, населенные торговыми и промышленными людьми. Кроме того, он запрещал крестьянам иметь лавки и ремесленные помещения в городах (см. также № 342), делая, таким образом, торговлю и ремесло занятиями исключительно городского населения. Это новое и принципиально важное решение позволило П. П. Смирнову говорить о том, что указ 18 декабря 1648 г. «впервые выделил посадских людей в особый „чин", огражденный законом».[2]

Указ формулировал также норму, согласно которой следовало «писати» к государю, сколько и каких торговых людей живет в владельческих селах и деревнях, расположенных «не близко» от посадов, а также прислать «книги» тем слободам и селам, а пока «до указу» тех слобод, сел и деревень «отписывать на себя не велел». Таким образом указ определял две нормы: одну для сел и деревень, находящихся вблизи посадов, и вторую для населенных пунктов, расположенных вдали от посадов. Это дало основание П. П. Смирнову считать, что выполнение данного указа было отнесено «к будущему».[3]

[1] *Смирнов П. П.* Посадские люди. Т. 2. С. 279—280.
[2] Там же. С. 241.
[3] Там же. С. 285.

№ 344

Появлению соборного приговора 2 января 1649 г. предшествовали бурные события восстания в Москве летом—осенью 1648 г., в ходе которого к черному посадскому люду примкнули служилые люди — стрельцы и провинциальные дворяне, собранные в Москве перед летним походом на южную

границу. Устрашенное размерами восстания, правительство вынуждено было пойти на уступки.

16 июля 1648 г. был созван Земской собор, на котором, помимо освященного собора, бояр, думных людей, выборных людей от стольников, московских дворян, жильцов, городовых дворян и детей боярских, были представители торговых и посадских людей. Земский собор принял решение о составлении нового законодательного кодекса — Уложения. На Соборе «дворяне московские, жильцы, дворяне и дети боярские из городов, иноземцы, гости и всяких чинов торговые люди били челом о всяких своих делех» (см. № 334).

Как заметил С. В. Рождественский, движение за отмену урочных лет стало шире, охватив новые слои людей: в то время как предшествующие челобитные об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян подавались провинциальным дворянством, в данном случае к нему присоединились дворяне московские и жильцы.[1] Челобитье служилых людей, как и челобитья предшествующих лет, было посвящено вопросу об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян. Ответом на него послужил приговор 2 января 1649 г.

Приговором этим отменяются урочные годы для сыска беглых крестьян и бобылей. Сыску и возврату подлежат те беглые крестьяне и бобыли, которые записаны в писцовых книгах, поданных писцами в Поместный приказ после пожара 1626 г.

О каких книгах идет речь?

После большого московского пожара 1626 г., уничтожившего многие архивы правительственных учреждений, в том числе и архив Поместного приказа, 26 мая 1626 г. состоялся указ о восстановлении архива Поместного приказа, в частности о сборе в этом приказе всех уцелевших писцовых книг. Это могли быть книги разных городов не позднее 1626 г. Их собирали по приказам, но едва ли могли приносить писцы, которые не сохраняли у себя копий своих писцовых книг. После пожара 1626 г. писцы, конечно, приносили в Поместный приказ книги более поздних переписей. Формулировка приговора 2 января 1649 г., по-видимому, отсекала те книги, которые были составлены до пожара, и имела в виду писцовые книги не ранее переписи 1626—1628 гг. И. Л. Андреев также считает, что приговор идет навстречу требованиям дворянства, настаивавшего на восстановлении «крепостнической силы писцовых книг конца 20-х гг. XVII в.».[2]

В приговоре 2 января 1649 г. сказано, что беглые крестьяне подлежат возврату «без урочных лет». И действительно, между этим приговором и указами об урочных годах была принципиальная разница: впервые фиксировался не определенный срок сыска беглых, а была установлена давность сыска, с годами непрерывно нараставшая.

Приговор состоялся по докладу бояр кн. Н. И. Одоевского, кн. С. В. Прозоровского, окольничего кн. Ф. Ф. Волконского, дьяков Леонтьева и Грибоедова, т. е. того «приказа», которому было поручено составление нового Уложения. То, что этот приговор обнародован до Уложения 1649 г., притом всего за неполный месяц до него (Уложение было утверждено 29 января 1649 г.), свидетельствует о накаленности общественной атмосферы. Правительство поторопилось издать приговор, чтобы побыстрее успокоить служилых людей, которые уже много лет добивались отмены урочных лет для сыска беглых крестьян. Ссылка в приговоре на Уложение показывает, что последнее было уже подготовлено, во всяком случае в этой части, и приговор 2 января 1649 г. рассматривался как составная часть Уложения. И действительно, приговор вошел в Уложение 1649 г. (гл. XI, ст. 2) с коррективами, не меняющими его основного содержания.

[1] *Рождественский С. В.* Из истории отмены урочных лет для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII в.//Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 162.

[2] *Андреев И. Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве//История СССР. 1982. № 1. С. 148.

№ 345

Указ 15 января 1649 г., появившийся в разгар подготовки Уложения 1649 г., следует рассматривать как разъяснение и дополнение к ранее издававшимся указам об отобрании владельческих слобод, населенных торговыми и ремесленными людьми, на государя и переводе их жителей на посады (см. № 338, 341, 343). Подтверждая прежние указы, настоящий указ содержит оговорку о тех крестьянах, которые живут на землях, полученных по духовным «святых отец», т. е. тех основателей монастырей, которые впоследствии были объявлены святыми, например по духовной Антония Римлянина. Этих крестьян временно, «до указу», на посады приказано не вывозить. Видимо, указ отразил попытку духовных вотчинников, пострадавших более других от посадского строения, сохранить хоть какую-то часть своих людей.

УКАЗАТЕЛИ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ КОММЕНТАРИЕВ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ АКТАМ [1]

[1] Сведения об актах и комментариях к ним даются в такой последовательности: порядковый номер акта и комментария; дата; заголовок; страница по настоящему изданию; страница в скобках — по кн.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Приводятся номера документов. Принятые сокращения: вел. кн. — великий князь, кн. — князь, мон. — монастырь, с. — сын.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

* Приводятся номера документов. Принятые сокращения: вол. — волость, г. — город, д. — деревня, мон. — монастырь, оз. — озеро, р. — река, с. — село, у. — уезд.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Приводятся номера документов. Номера комментируемых законодательных актов в предметный указатель не вносятся. См. их в «Хронологическом перечне комментариев к законодательным актам». Номера других законодательных актов, упоминаемых в комментариях, даются в предметном указателе в круглых скобках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

АЕ — Археографический ежегодник.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—4.

АИПС — Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачевым. СПб.

АОЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней Р ссии/Изд. Археографической комиссии; Под ред. Н. В. Калачева. 1864. Т. 2.

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1954—1964. Т. 1—3.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951—1961. Ч. 1—3.

БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права.

Временник ОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских. М.

ГБЛ — Отде.. рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — Отдел рукописей и редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси — *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., Т. 1—3.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв./Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Зимин А. А. Реформы — *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

ИЗ — Исторические записки. М.

Колычева Е. И. Холопство — *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество: (конец XV—XVI в.). М., 1971.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян — *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права — *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.

Панеях В. М. Холопство — *Панеях В. М.* Холопство в XVI—начале XVII в. Л., 1975.

Панеях В. М. Холопство в первой половине XVII в. — *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.

ПРП. Вып. 4 — Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVI вв.: Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4.

ПРП. Вып. 5 — Памятники права периода сословно-представительной монархии: Первая половина XVII в. Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.

Смирнов И. И. Очерки — *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958.

Смирнов П. П. Посадские люди — *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947. Т. 1; 1948. Т. 2.

Сторожев В. Н. Указная книга Поместного приказа — *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа//Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6.
Судебники XV—XVI вв. — Судебники XV—XVI веков/Подг. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952 (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII веков).
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
Яковлев А. И. Холопство — *Яковлев А. И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: По архивным документам Холопьего и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. М.; Л., 1943. Т. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. К. Паэгле*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *С. В. Добрянская*, *Л. Я. Комм* и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 33126

Сдано в набор 29.04.87. Подписано к печати 16.12.87. М-33182.
Формат 84 × 108$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 27.72. Усл. кр.-от. 28.72.
Уч.-изд. л. 32.65. Тираж 3150 (2-й завод 1001—3150). Тип. зак. № 1543.
Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ
«АКАДЕМКНИГА», В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.**

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 **Москва,** Мичуринский пр., 12. Магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига».

197345 **Ленинград,** Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига».

Или в ближайший магазин конторы «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга—почтой»);
370005 **Баку,** Коммунистическая ул., 51 (Книга—почтой»);
232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток,** Океанский пр., 140 («Книга—почтой»);
320093 **Днепропетровск,** пр. Гагарина, 24 («Книга—почтой»);
734001 **Душанбе,** пр. Ленина, 95 («Книга—почтой»);
375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга—почтой»);
420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53;
252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;
252142 **Киев,** пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 4 («Книга—почтой»);
277012 **Кишинев,** пр. Ленина, 148 («Книга—почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга—почтой»);
660049 **Красноярск,** пр. Мира, 84;
443002 **Куйбышев,** пр. Ленина, 2 («Книга—почтой»);
191104 **Ленинград,** Литейный пр., 57;
199034 **Ленинград,** Таможенный пер., 2;
194064 **Ленинград,** Тихорецкий пр., 4;
220012 **Минск,** Ленинский пр., 72 («Книга—почтой»);
103009 **Москва,** ул. Горького, 19а;
117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск,** Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск,** Морской пр., 22 («Книга—почтой»);
142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 **Пущино** Московской обл., МР «В», 1;
620161 **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга—почтой»);
700000 **Ташкент,** ул. Ю. Фучика, 1;
700029 **Ташкент,** ул. Ленина, 73;
700070 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43;
700185 **Ташкент,** ул. Дружбы народов, 6 («Книга—почтой»);
634050 **Томск,** наб. реки Ушайки, 18;
634050 **Томск,** Академический пр., 5;
450059 **Уфа,** ул. Р. Зорге, 10 («Книга—почтой»);
450025 **Уфа,** Коммунистическая ул., 49;
720000 **Фрунзе,** бульв. Дзержинского, 42 («Книга—почтой»);
310078 **Харьков,** ул. Чернышевского, 87 («Книга—почтой»).